

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
социологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ОСИПОВА Надежда Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор, г. Москва, Россия, e-mail: ngo@socio.msu.ru, тел. факс: 8 (495) 939-46-98

ЕЛИШЕВ Сергей Олегович — доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии, ученый секретарь социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, зам. главного редактора, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

НОВОСЁЛОВА Елена Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ответственный секретарь, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

ИЛЬИНЫХ Ольга Владимировна — сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-08-54, +7 (903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

БАРКОВ Сергей Александрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

ВЕРШИНИНА Инна Альфредовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

КАНЕВСКИЙ Павел Сергеевич — кандидат политических наук, доцент, заместитель декана по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Антонов Анатолий Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru

Бабосов Евгений Михайлович — доктор философских наук, профессор, академик НАН Белоруссии, главный научный сотрудник Института социологии НАН Белоруссии, г. Минск, Белоруссия, e-mail: soccomsys@mail.ru

Вельц Франк — доктор социологических наук, профессор департамента социологии Инсбрукского университета имени Леопольда и Франца, г. Инсбрук, Австрия, тел.: +43 512 507 73405, e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Водолянов Павел Александрович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, профессор кафедры философии права УО “Белорусский государственный технологический университет”, e-mail: pva1940@bk.ru

Данилов Александр Николаевич — доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, заведующий кафедрой социологии факультета философских и социальных наук Белорусского государственного университета, тел.: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Джаннотти Андреа — доктор политических наук, профессор, Департамент политических наук, Университет Пизы (Италия), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it

Ильхам Мамед-Заде — доктор философских наук, директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан, тел.: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Кеничи Охаша — профессор социологии и культурной антропологии департамента культуры и туризма Университета Риккью, г. Токио, Япония, тел.: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyu.ac.jp

Михайленок Олег Михайлович — доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Института социологии РАН, e-mail: trudsociol@isras.ru

Мчедлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, e-mail: mchedlova_mm@rudn.university

Скворцов Николай Генрихович — доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Социологического общества им. М.М. Ковалевского, г. Санкт-Петербург, Россия, тел.: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Смирнов Владимир Алексеевич — доктор социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, e-mail: kano_igt@mail.ru

Тай-Лок Луи — доктор философии, профессор, вице-президент Университета образования Гонконга, директор Академии гонконгских исследований, Гонконг, тел.: +852 2948 7220, e-mail: tlouklui@eduhk.hk

Фарро Антимо Луиджи — доктор социологических наук, профессор Римского университета “Сапиенца”, г. Рим, Италия, e-mail: antimolugi.farro@uniroma1.it

FOUNDER

**Lomonosov Moscow State University;
Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University)**

Editorial Board

Editor-in-chief: Nadezhda G. OSIPOVA, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-46-98, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Associated Editor-in-Chief: Sergey O. ELISHEV — Doctor of Sociology, Professor of the Department of Modern Sociology, Scientific Secretary at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

Managing Editor: Elena N. NOVOSELOVA, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

Editor: Olga V. ILINIHI, phone: +7(495) 939-08-54, +7(903) 268-89-69, e-mail: ilinihi@socio.msu.ru

Editorial board: Sergey A. BARKOV — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

Inna A. VERSHININA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

Pavel S. KANEVSKIY, PhD, Associate Professor, Associate Dean for Science at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

Editorial council

Anatoliy I. Antonov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai_@mail.ru

Evgeniy M. Babosov, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of National Academy of Sciences of Belarus (NAS of Belarus), Chief researcher at the Institute of sociology of NAS of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: soccomsys@mail.ru

Alexander N. Danilov, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Sociology Faculty of Philosophy and Social Sciences (Belarus State University), Minsk, Republic of Belarus, phone: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Andrea Giannotti, PhD in Political Science, Professor, Department of Political Science, University of Pisa (Italy), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it

Antimo L. Farro, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Social and Economical Sciences (Sapienza University), Rome, Italy, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

Ilham Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan, phone: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Maria M. Mchedlova, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Comparative Political Science, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN, e-mail: mchedlova_mmm@rudn.university

Oleg M. Mikhailenok, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department for the Study of Socio-Political Relations, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, e-mail: trudsociol@isras.ru

Kenichi Ohashi, Professor of Sociology and Cultural Anthropology at the Department of Culture and Tourism Studies (Rikkyo University), Tokyo, Japan, phone: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Nikolai G. Skvortsov, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Comparative Sociology (Saint Petersburg University), Saint Petersburg, Russian Federation, phone: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Vladimir A. Smirnov, Doctor of Sociology, Associate Professor of Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, e-mail: kano_igt@mail.ru

Lui Tai-Lok, Doctor of Philosophy, Professor, Vice President of the Education University of Hong Kong, Director of the Academy of Hong Kong Studies, phone: +852 2948 7220, e-mail: tloklui@eduhk.hk

Pavel A. Vodop'yanov, Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science (Belarusian State Technical University), Minsk, Republic of Belarus, e-mail: pva1940@bk.ru

Frank Welz, Doctor of Sociology, Professor at Innsbruck School of Social and Political Sciences, Department of Sociology (Innsbruck University), Innsbruck, Austria, phone: +43-512-507 -73405, -73420 (secretary), e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

№ 2 • Том 31 • 2025 •

АПРЕЛЬ — ИЮНЬ

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Социальные технологии управления обществом

Осипова Н.Г. Роль социальных стереотипов в управлении поведением личности 7

Елишев С.О. Протестный стиль как социальная технология манипулирования сознанием современной молодежи 30

Теория и история социологии

Перезеенцев С.В., Страхов А.Б. Рождение европейской русофобии (XV–XVII вв.) (*Начало*) 64

Смолин М.Б. Профессор Н.А. Захаров о самобытной эволюции исторического развития русской государственной власти. 89

Социология здоровья

Новосёлова Е.Н. Вспомогательные репродуктивные технологии в условиях демографического кризиса в России 103

Лядова А.В. Социальное конструирование здоровья 123

Социология управления

Гавриленко О.В. Ценности и трудовые установки персонала как фактор двойственности современной российской деловой культуры 146

Юрасова М.В. Управленческие аспекты организации социологического исследования 167

Барков С.А., Дорохина О.В. Институциональное управление в современном обществе: стратегии и методы 198

Эмпирическая социология

Дорцева Е.В. Жизненные ориентиры современной студенческой молодежи 221

Социология коммуникаций

Терновая Л.О., Багаева А.В. Эволюция визуализации текста: от цивилизации надписей к цивилизации всеобщей рекламы 242

Чернов П.А. Сообщества в социальных медиа как источник социологической информации 262

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Established in 1946

Series 18

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Publishing house of Moscow State University

N 2 • VOLUME 31 • 2025 •

APRIL — JUNE

Four Issues per Annum

CONTENTS

Social technologies of society management

Osipova N.G. The role of social stereotypes in the management of personality behavior (Beginning) 7

Elishiev S.O. Protest style as a social technology for manipulative management of the mass consciousness of modern youth 30

Theory and history of sociology

Perevezentsev S.V., Strakhov A.B. The birth of European russo-phobia (XV–XVII centuries). The first article 64

Smolin M.B. Professor N.A. Zakharov on the distinctive evolution of the historical development of Russian state power 89

Sociology of health

Novoselova E.N. Assisted reproductive technologies in the situation of demographic crisis in Russia 103

Liadova A.V. Health as a social phenomenon 123

Sociology of management

- Gavrilenko O.V.** Staff values as a factor of duality in modern Russian business culture. 146
- Yurasova M.V.** Managerial aspects and organizational design of an empirical sociological study. 167
- Barkov S.A., Dorokhina O.V.** Institutional management in the modern society: strategies and methods. 198

Empirical sociology

- Dortseva E.V.** The life orientations of modern students. 221

Sociology of communications

- Ternovaya L.O., Bagaeva A.V.** The evolution of text visualization: from the civilization of inscriptions to the civilization of universal advertising 242
- Chernov P.A.** Social media communities as a source of sociological information 262

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВОМ

DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-2-7-29

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В УПРАВЛЕНИИ ПОВЕДЕНИЕМ ЛИЧНОСТИ*

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой современной социологии, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

Настоящая статья посвящена актуальной проблеме — социальному управлению поведением личности, значимая роль в которых отводится социальным стереотипам, в основе которых находится реальный психологический феномен генерализации, обобщения, схематизации данных индивидуального и социального опыта. Автор анализирует происхождение слова стереотип, которым первоначально именовалась плоская или цилиндрическая металлическая пластина, представляющая точное воспроизведение типографского набора, обосновывает причины его метафоризации на наши представления о мире, самих себе и других людях. В обыденной речи слово стереотип означает обобщенное, упрощенное и иногда предвзятое представление о группе людей или явлении, которое формируется на основе жизненного опыта или передается через культурную среду и различные средства информации, что подчеркивает его широкую распространенность на социальные процессы и явления.

В общественных науках все чаще встречается понятие “социальный стереотип” — схематизированный, стандартизированный образ или представление о социальном объекте, обычно эмоционально окрашенное и обладающее высокой устойчивостью. В широкий научный оборот данное понятие ввел У. Липпман в работе “Общественное мнение”. В статье, в систематизированном и последовательном виде раскрыта концепция стереотипов У. Липпмана, а также дифференцированы современные исследования стереотипов, которые опираются на несколько разноплановых подходов. Представители первого подхода делают акцент на негативных аспектах стереотипов. В рамках этого подхода стереотип достаточно часто отождествляется с предвзятыми суждениями, предрассудками и даже патологическими явлениями в общественном сознании. Сторонники второго подхода делают акцент на важности конструктивных — когнитивных свойств и аспектов стереотипов и наделяют последних функциональным значением.

* Начало. Продолжение в № 3 за 2025 г.

** **Осипова Надежда Геннадьевна**, e-mail: ngo@socio.msu.ru

По мнению автора, противоречивость подобных подходов основана на амбивалентной природе как самого стереотипа, так и процесса формирования стереотипов — стереотипизации, что последовательно обосновывается в материале статьи. Механизм стереотипизации основан на человеческой особенностью, состоящей в том, что какое-либо явление подвергается предварительной категоризации, после чего наблюдается непосредственно. На самом деле, этот механизм существенно отличается от научных схем упорядочивания мира, которые выражены, например, в процессах “типизации” или “моделирования” — стереотипизация всегда включает в себя оценку, часто эмоциональную, какого-либо объекта или явления. Эта оценка, в свою очередь, зависит от целого ряда факторов, носит необъективный характер, и обладает свойством однозначности.

С одной стороны, стереотипы выполняют определенные социальные и психологические функции, помогая людям быстро ориентироваться в социальном мире и экономить когнитивные ресурсы. С другой стороны, они не только способствуют искаженному, неполному восприятию реальности, но могут реально влиять на индивидуальное поведение в отношении представителей тех или иных социальных групп, и в конечном счете, существенно обуславливают социальное поведение.

Ключевые слова: стереотип, социальный стереотип, У. Липпман, стереотипизация, типичность, когнитивный и оценочный аспекты стереотипов, генерализация, автоматическая активация, культурная обусловленность.

THE ROLE OF SOCIAL STEREOTYPES IN THE MANAGEMENT OF PERSONALITY BEHAVIOR (*Beginning*)

Osipova Nadezda G., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ngo@socio.msu.ru

This article is devoted to an urgent problem — social management of personal behavior, in which a significant role is assigned to social stereotypes, which are based on the real psychological phenomenon of generalization, generalization, and schematization of data from individual and social experience. The author analyzes the origin of the word stereotype, which originally referred to a flat or cylindrical metal plate representing an exact reproduction of a typographic set, substantiates the reasons for its metaphorization of our ideas about the world, ourselves and other people. In everyday speech, the word stereotype means a generalized, simplified and sometimes biased idea of a group of people or a phenomenon that is formed on the basis of life experience or transmitted through the cultural environment and various media, which emphasizes its widespread impact on social processes and phenomena. In social sciences, the concept of a “social stereotype” is increasingly common — “a schematized, standardized image or representation of a social object, usually emotionally colored and highly stable”. This concept was introduced into wide scientific use by W. Lippman in his work “Public Opinion”.

In the article, the concept of stereotypes by W. Lippman is revealed in a systematic and consistent way, as well as modern research on stereotypes is differentiated, which is based on several diverse approaches. Representatives of the first approach emphasize the negative aspects of stereotypes. Within the framework of this approach, a stereotype is often identified with preconceived judgments, prejudices, and even pathological phenomena in the public consciousness. Proponents of the second approach emphasize the importance of constructive cognitive properties and aspects of stereotypes and give the latter a functional meaning.

According to the author, the inconsistency of such approaches is based on the ambivalent nature of both the stereotype itself and the process of stereotype formation — stereotyping, which is consistently justified in the article. The mechanism of stereotyping is based on a human trait, which consists in the fact that a phenomenon is subject to preliminary categorization, after which it is observed directly. In fact, this mechanism differs significantly from scientific schemes for ordering the world, which are expressed, for example, in the processes of “typing” or “modeling” — stereotyping always involves an assessment, often emotional, of an object or phenomenon. This assessment, in turn, depends on a number of factors, is biased, and has the property of unambiguity. On the one hand, stereotypes perform certain social and psychological functions, helping people quickly navigate the social world and save cognitive resources. On the other hand, they not only contribute to a distorted, incomplete perception of reality, but can actually influence individual behavior towards representatives of certain social groups, and ultimately significantly determine social behavior.

Key words: *stereotype, social stereotype, W. Lippman, stereotyping, typicality, cognitive and evaluative aspects of stereotypes, generalization, automatic activation, cultural conditioning.*

Проблемы взаимоотношений личности и общества, связанные с анализом повседневной жизни и взаимодействия людей, занимают одно их центральных мест в системе современного социологического знания. При этом акцент на социальной природе человека обусловил не только конкретную демаркацию с философскими, психологическими и социально-психологическими трактовками этого понятия, но и лег в основу методологии, согласно которой конструируется понятие личность в социологии.

В социологии взаимоотношения общества и личности исследуются гораздо шире, а в социологическом дискурсе актуализируется представление о необходимости анализа личности, прежде всего, как представителя определенной культуры, социальной общности и группы, как “субъекта и продукта общественных отношений”¹. Обозначенный аспект актуализирует проблему социального управления поведением личности, которая в настоящее время является

---

¹ См. подробнее: *Осипова Н.Г. Ренессанс личности в современной социологии: теоретико-методологическая рефлексия // Современная социология: ключевые направления и векторы развития / Под общ. ред. Н.Г. Осиповой. М., 2018. С. 10–70.*

одной из наиболее значимых, но малоизученных проблем с позиций социологической науки.

Вопросы управления человеческим поведением всегда волновали обществоведов, которые предлагали различные управленческие стратегии, хорошо вписанные в их теоретические конструкции. Однако обыденной практикой в жизни современных людей стало управление, целью которого является оказание скрытого на них воздействия для подчинения индивидуального и социального поведения каким-либо специфическим — экономическим, политическим и т.п. интересам. Для подобного воздействия необходимы специальные механизмы, многие из которых создаются искусственно, с помощью новейших, в том числе электронно-цифровых технологий. Но значительная их часть уже заложена в когнитивных свойствах человеческого сознания, апеллирует к эмоциональной сфере человеческой психики. Это обыденные представления, предрассудки, мифы, и, конечно, социальные стереотипы, в основе которых “находится реальный психологический феномен генерализации, обобщения, схематизации данных своего и чужого опыта”².

Слово стереотип образовано посредством сочетания двух греческих слов — “stereos” и “typos”. Первое, в переводе на русский язык, означает “телесный, объемный, твердый”, а второе — “отпечаток”. В русском языке это слово имеет два значения: 1) типографская печатная форма, рельефная копия с набора или клише; 2) прочно сложившиеся, постоянный образец чего-нибудь, стандарт³.

Первоначально стереотипом называлась плоская или цилиндрическая металлическая пластина, представляющая точное воспроизведение типографского набора и служащая для печатания многотиражных и повторных изданий на обычных и ротационных машинах. Авторство термина и изобретения способа книгопечатания с помощью “стереотипа” принадлежит французскому граверу, печатнику и изобретателю в области типографии, создателю шрифтов “нового стиля” Фирмену Дидо. Эти шрифты, отличавшиеся своеобразным рисунком, стали стандартными книжными шрифтами во Франции более чем на столетие и вызвали массу вариантов и подражаний. В 1795 г. Ф. Дидо изобрел процесс стереотипирования, который сначала применил к таблицам логарифмов профессора математи-

---

² Шихирев П.Н. Стереотип социальный // Социологический словарь / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М., 2010. С. 503.

³ Социологический энциклопедический словарь / Ред.-координатор Г.В. Осипов. М., 1998. С. 345.

ки Жана Франсуа Келле, а затем представил свои новые стереотипы этого издания на выставке промышленных изделий 1798 г.⁴

В современном словесном обороте стереотип — это метафора, пришедшая из типографского дела. Основанием для метафорического переноса данного термина «на наши представления о мире, самих себе и других людях послужило широкое распространение продуктов стереотипии, ограниченное количество элементов, комбинированных в “наборе”, а также их устойчивость»⁵.

В обыденной речи слово стереотип означает обобщенное, упрощенное и иногда предвзятое представление о группе людей или явлении, которое формируется на основе жизненного опыта или передается через культурную среду и различные средства информации, что подчеркивает его социальную обусловленность, а также широкую распространенность на социальные процессы и явления.

Исследования сущности феномена стереотипа, его структуры и функций, а также механизмов формирования стереотипов — стереотипизации, носят выраженный междисциплинарный характер. В первую очередь, они нашли отражение в трудах филологов и социолингвистов, специалистов в области социальной коммуникации. Например, лингвистическое понятие стереотипа охватывает довольно широкий круг явлений, связанных с речевой стереотипностью, а фокус внимания исследователей включает самые разнообразные объекты данной категории. Это штампы, клише, стандартные реплики, фразеологизмы, а также крылатые слова, цитаты, афоризмы, лозунги и т.п., называемые “языковыми и речевыми стереотипами”⁶.

Различные ракурсы рассмотрения феномена стереотипа — политический, поведенческий, мыслительный, культурный или этнокультурный занимают, соответственно, политологов, психологов, культурологов, и, безусловно, социологов, поскольку более глубокое познание социальной сущности стереотипов, способах конструи-

---

⁴ Дидо Фирмен (Firmin Didot) 1764–1836 гг. (см.: <https://impereur.blogspot.com/2024/06/firmin-didot-1764-1836.html> (дата обращения: 23.02.2025)).

⁵ Щекотихина И.Н. Стереотип: аспекты и перспективы исследования // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2008. № 5 (19). С. 69–80.

⁶ См. об этом: Сорокин Ю.А. Стереотип, штамп, клише: к проблеме определения понятий // Общение: теоретические и прагматические проблемы. М., 1978. С. 133–138; Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку. М., 1996; Никитина С.Е. Стереотипные суждения и речевые клише как культурные барьеры // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. М., 1995. С. 81–83.

рования реальности с их помощью невозможно без глубокого социологического анализа.

В общественных науках чаще встречается понятие “социальный стереотип” — “схематизированный, стандартизированный образ или представление о социальном объекте, обычно эмоционально окрашенное и обладающее высокой устойчивостью”⁷. Принято считать, что в широкий научный оборот данное понятие ввел американский писатель, политический обозреватель и журналист Уолтер Липпман (1889–1914) в третьей части “Стереотипы” своей знаменитой работы “Общественное мнение”⁸, изданной в 1922 г. Следует отметить, что на эту работу ссылаются практически все ученые, которые, так или иначе, обращаются к анализу стереотипов. Однако изложение существенной части этой объемной и многогранной работы обычно сводится к произвольно выбранным двум-трем абзацам. В данной связи представляется целесообразным систематизировать, обобщить и последовательно изложить основные положения концептуального подхода У. Липпмана к стереотипам⁹.

Согласно У. Липпману, стереотипы — это свойство человеческого сознания, которое способствует установлению специфической связи между нашим восприятием внешнего мира и реальными, объективными фактами. Эта специфическая связь также имеет субъективный характер: “...даже непосредственные свидетели события не способны объективно описать то, что они наблюдали. Так, судя по всему, очевидец привносит в описание что-то от себя, а потом представляет это как впечатление от описанного события. То есть обычно то, что выдается за объяснение события, в действительности является его видоизменением”¹⁰.

В качестве примера У. Липпман приводит отрывок из книги Ф. ван Лангенхове «Становление легенды: исследование, основанное на немецких рассказах о французских преступниках и “зверствах” в Бельгии». В нем описан специально разыгранный перед группой

---

⁷ Социологический энциклопедический словарь / Ред.-координатор Г.В. Осипов. М., 1998. С. 345.

⁸ *Lippman W. Public opinion. N.Y., 1922.*

⁹ На русском языке существует несколько версий перевода обозначенной выше книги У. Липпмана, текст каждого имеет определенные отличия. Например: *Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. М., 2004; Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Е. Абаевой. М., 2025.* Поэтому в настоящей статье сделан акцент на обобщении самой концепции, вычленении ее сути, что не всегда совпадает с дословными версиями переводов этой работы.

¹⁰ *Липпман У. Общественное мнение. М., 2004.*

зрителей инцидент, произошедший во время праздника-маскарада: "...вдруг дверь распахнулась, и в зал заседания ворвался клоун, а за ним — преследовавший его разъяренный негр с револьвером в руке. Они сошлись в середине зала, и началась драка. Клоун упал, негр наклонился над ним, выстрелил, а затем оба ринулись из зала. Весь инцидент длился не более двадцати секунд"¹¹. Когда присутствовавших (очевидцев) попросили немедленно написать короткое сообщение об увиденном, то оказалось, что четвертую часть описаний признали ложными. Десять ложных описаний могут быть отнесены к категории сказок и легенд; двадцать четыре описания являются полупегендами; и только шесть примерно соответствуют требованиям точного свидетельства¹². Таким образом, согласно У. Липпману, большинство из сорока опытных наблюдателей, добросовестно написавших отчет об эпизоде, произошедшем у них на глазах, увидели не то, что произошло на самом деле. *Свидетели события увидели собственное стереотипное представление о драке* (курсив наш — Н.О.)¹³.

Генезис формирования подобных стереотипных представлений, а также их природу У. Липпман и попытался раскрыть в шести главах третьей части "Стереотипы", обозначенной выше работы.

Этот ученый утверждал, что любые незначительные факты, которые мы видим, представляются нашему сознанию как "какая-то единая, цветная, жужжащая разношерстная масса"¹⁴, т.е. как нечто смутное и неопределенное. Для того чтобы человек мог эти факты выделять, различать и понимать, им нужно придать определенное, стабильное и непротиворечивое значение. Но характер этого значения зависит от того, кто его привносит. И здесь У. Липпман ссылается на сочинение Дж. Дьюи, в котором тот показывает, насколько могут отличаться определения металла, данные обычным человеком и химиком. Согласно определению дилетанта, для металла характерны "гладкость, твердость, блеск, тяжесть <...> его можно ковать или растягивать, не боясь сломать; можно сделать более мягким путем нагревания и более твердым путем охлаждения; он сохраняет приданную ему форму; не разрушается под давлением". В то же время химик, вероятно, проигнорирует утилитарные и эстетические

---

¹¹ Весь этот эпизод был инсценирован и даже сфотографирован, отмечал У. Липпман.

¹² Цит. по: *Langenhove F, van. The growth of a legend; a study based upon the German accounts of francstireurs and "atrocities" in Belgium. N.Y.; L., 1916. P. 120–122.*

¹³ Липпман У. Общественное мнение. М., 2004.

¹⁴ Липпман У. Общественное мнение. М., 2004.

свойства металла и определит его как “любой химический элемент, который взаимодействует с кислородом, образуя оксид”¹⁵.

Таким образом, продолжает У. Липпман, существует связь между нашим восприятием и фактами внешнего мира, но эта связь обычно носит странный характер. Необученный наблюдатель вычленяет из внешнего мира те знаки, которые он может распознать. Знаки являются символами идей, а идеи исполняют роль имеющейся у нас в запасе системы образов. Мы не столько видим данного человека и данный закат, сколько замечаем, что данный предмет — это человек, а данное явление — это закат, а затем переключаем внимание в основном на то, что ассоциируется в нашем сознании с этими предметами¹⁶. Другими словами, в этом процессе задействованы ассоциативные особенности мышления.

Многообразие свойств вещей, то бесконечное количество очертаний, которые принимает объект, обуславливают невозможность восприятия их свойств в ясной и определенной форме. Поэтому в огромном шумном многоцветии внешнего мира мы вычленяем то, что уже было определено нашей культурой, в качестве фиксированных представлений. Мы воспринимаем предметы через стереотипы нашей культуры. Стереотипные образы одалживают миру искусством, — живописью, скульптурой и литературой, но и моральными кодексами, социальной философией и политической агитацией¹⁷.

Отличительный признак стереотипного образа заключается в том, что он начинает действовать еще до того, как включается разум. Эта форма восприятия накладывает специфический отпечаток на данные, которые воспринимаются нашими органами чувств еще до того, как эти данные достигают рассудка. Стереотип — это нечто незыблемое, <...> ничто так не сопротивляется образованию или критике, как стереотип. Он накладывает свой отпечаток на фактические данные в момент их восприятия¹⁸.

У. Липпман выделяет две причины формирования стереотипов. Первую причину он усматривает в экономии усилий при распознавании предметов окружающего мира, восполнение недостающей информации о них с помощью стереотипов.

Современная жизнь полна пестроты и спешки, кроме всего прочего, очень часто люди, связанные друг с другом жизненно важными

---

¹⁵ Dewey J. *How we think*. L., 1909. P. 133.

¹⁶ Липпман У. *Общественное мнение*. М., 2004.

¹⁷ Липпман У. *Общественное мнение*. М., 2004.

¹⁸ Липпман У. *Общественное мнение*. М., 2004.

отношениями, отделены друг от друга значительным расстоянием, как отмечал ученый. И у них нет ни времени, ни возможности для близкого знакомства. Поэтому, усмотрев в каком-то человеке знакомую, свойственную определенному типу черту, мы восполняем отсутствующую информацию о нем с помощью стереотипов, внедряемых в наше сознание: нам рассказывают о мире до того, как мы его видим; мы получаем представление о большинстве вещей до того, как непосредственно сталкиваемся с ними. Другими словами, репертуар стереотипов навязывается человеку извне, до того, как он увидел объект окружающего мира. Так объект маркируется и формируется априорное и нередко предвзятое представление о нем (*предубеждение — в тексте У. Липпмана*. Прим. — Н.О.), а сам репертуар последовательно и авторитетно передается из поколения в поколение.

Вторая причина, по которой люди так часто следуют стереотипам, в то время как могли бы придерживаться и более объективного взгляда на вещи, связана с тем, что системы стереотипов могут служить ядром личной традиции, способом защиты положения человека в обществе. “Они представляют собой упорядоченную, более или менее непротиворечивую картину мира. В ней удобно разместились наши привычки, вкусы, способности, удовольствия и надежды. Стереотипная картина мира может быть не полной, но это картина возможного мира, к которому мы приспособились. Наша система стереотипов — это рамка, шаблон, в котором человек чувствует себя уютно, как в старых, разношенных башмаках”¹⁹, — заключает исследователь. Таким образом, стереотипы, модели и формулы играют существенную роль в построении ментального мира, к которому должен приспособиться формирующийся ум и на который он должен реагировать и “если бы в окружающей человека среде не было никакого практически осмысленного единообразия, то привычка принимать сложившийся ранее образ за новое впечатление вела бы не к экономии усилий, а только к ошибкам. Но поскольку единообразие все-таки существует, то отказ от всех стереотипов в пользу абсолютно наивного подхода к опыту обеднил бы человеческую жизнь”²⁰.

Согласно У. Липпману, “репертуар фиксированных представлений человека достаточно широк. В нем содержатся представления об идеальном жулике, идеальном политике, идеальном урапатриоте, идеальном агитаторе, идеальном враге. При этом наш

---

¹⁹ Липпман У. Общественное мнение. М., 2004.

²⁰ Липпман У. Общественное мнение. М., 2004.

стереотипный мир не является обязательно таким, каким бы нам хотелось. Это просто такой мир, какой мы ожидаем увидеть. Если события соответствуют нашим ожиданиям, возникает чувство сходства и мы ощущаем, что мы движемся вместе с ним. Если то, на что мы смотрим, совпадает с тем, что мы ожидали увидеть, стереотип получает дополнительное подкрепление на будущее. Например, человек, который заранее полагает, что японцы хитры и коварны, и, к своему несчастью, наталкивается на двух нечестных японцев, будет и впредь считать всех японцев обманщиками²¹. Дело в том, что важнейшей особенностью стереотипов, их системы, согласно У. Липпману, является то, что она не нейтральна. Это не просто способ замены пышного разнообразия и беспорядочной реальности на упорядоченное представление о ней. Это нечто большее. Стереотипы служат гарантией нашего самоуважения; проецируют во внешний мир осознание нами собственной значимости; защищают наше положение в обществе и наши права. Следовательно, стереотипы наполнены чувствами, которые с ними ассоциируются. Они бастион нашей традиции, и, укрывшись за стенами этого бастиона, мы можем чувствовать себя в безопасности²².

Формирование системы социальных стереотипов, их организация и систематизация, а также интерпретация и управление ими, оказывает серьезное влияние на поведение людей, отмечал У. Липпман. Это целенаправленный процесс: «...большинство из нас опиралось бы в своей жизни на довольно бессистемный и изменяющийся набор стереотипов, если бы сравнительно небольшие группы людей в каждом поколении постоянно не занимались их организацией, стандартизацией и доведением их до уровня логических систем, известных под названием Законов Политической Экономии, Принципов Политики и пр. Ведь все то, что реально циркулирует в ходе истории, — это не системное и объективное представление <...>, а изменяющиеся имитации, реплики, подделки, аналогии и искажения этих представлений в сознании отдельных людей. Так, марксизм — это не обязательно то, что написал Маркс в “Капитале”, а то, во что верят многочисленные воюющие между собой секты, члены каждой из которых считают себя единственно верными его последователями. Из Нового Завета нельзя вывести историю христианства, а из Конституции США — политическую историю страны. Следует анализировать то, как понима-

---

²¹ Липпман У. Общественное мнение. М., 2004.

²² Липпман У. Общественное мнение. М., 2004.

ется “Капитал”, как проповедуется Новый Завет и как трактуются проповеди, как интерпретируется и исполняется Конституция, поскольку существует взаимовлияние между стандартным вариантом интерпретации и вариантом, принятым в настоящее время, то именно принятые и циркулирующие в настоящее время интерпретации влияют на поведение людей. Такая навязанная людям система стереотипов, как правило, является жесткой. И человек, в силу особенностей его мышления, обращает внимание лишь на те факты, которые ее поддерживают, и не замечает те факты, которые ей противоречат»²³.

На наш взгляд, подобный подход хорошо иллюстрирует один из критериев псевдонаучного исследования, выделенных в свое время профессором физики в Университете Мэриленда (США) Р. Ли Парком в книге “Наука колдовства”²⁴. Наличие этих признаков свидетельствует о том, что “результаты и выводы какого-либо исследования, выдаваемого за научное, или достоверное, являются сомнительными. В их числе — объявление какой-либо факта истиной, без учета тех данных, которые свидетельствуют против него”²⁵.

Но с позиций стереотипного мышления “то, что чужеродно, будет отвергнуто, а то, что отличается от традиционных представлений, останется незамеченным. Мы не видим того, что наш глаз не привык принимать во внимание. Иногда сознательно, а чаще неосознанно, мы обращаем внимание только на те факты, которые согласуются с нашей философией”²⁶. “Наша философия, продолжает У. Липпман, заключает в себе ряд более или менее систематизированных образов, которые служат для описания невидимого мира. Причем эти образы служат не только для его описания, но и для суждения о нем. Следовательно, стереотипы нагружены преференциями, приятною или неприятною, ассоциируются со страхами, желаниями, влечениями, гордостью, надеждой. Объект, который активизирует стереотип, оценивается в связи с соответствующими эмоциями. За исключением тех ситуаций, когда мы сознательно отменяем в сторону предрассудки, мы не начинаем с того, что изучаем человека, а потом оцениваем его как злодея. Мы сразу же видим злодея”²⁷.

---

²³ Липпман У. Общественное мнение. М., 2004.

²⁴ Park R.L. Voodoo science: the road from foolishness to fraud. N.Y., 2000.

²⁵ Taverner D. The march of unreason. Science, democracy and the new fundamentalism. N.Y., 2006. P. 143.

²⁶ Липпман У. Общественное мнение. М., 2004.

²⁷ Липпман У. Общественное мнение. М., 2004.

Известно, что если в процессе научного познания сначала добываются достоверные данные, устанавливаются реальные факты, а затем — на основе их обобщения делается обоснованный вывод, то в повседневном мире ситуация иная. В этом мире первоначальным является суждение, которое предшествует получению соответствующих данных. И это суждение уже содержит в себе вывод, который этими данными должен быть подтвержден. Другими словами, данные “подгоняются” под суждение, но тем же самым его истинность оказывается сомнительной. Так и У. Липпман, хотя и не явно, отождествляет, хотя и не полностью, стереотип с предрассудками. “Люди, лишенные предрассудков, люди с абсолютно нейтральным мировоззрением настолько немыслимы в любой достойной внимания цивилизации, что никакая образовательная система не может быть основана на этом идеале. Предрассудок может быть выявлен, облагорожен и учтен. Но так как срок жизни человека ограничен, тот должен за отпущенное ему время получить все сведения, необходимые для освоения обширной цивилизации, поэтому ему не обойтись без предрассудков. Качество его мышления и деятельности будет зависеть от того, являются ли эти предрассудки доброжелательными по отношению к другим людям и идеям, возбуждают ли они скорее любовь по отношению к тому, что явно воспринимается как благо, или ненависть по отношению к тому, что не входит в их представление о благе”²⁸.

Тем не менее, человек в состоянии контролировать процесс формирования стереотипов, если уменьшит ту доверчивость, с которой их использует. Одним из полезных способов уменьшить эту доверчивость является история. Она позволяет нам узнать, какие сказки, учебники, традиции, романы, пьесы, картины, фразы породили тот или иной предрассудок в сознании индивидов²⁹.

В современной научной литературе динамично меняются различные аспекты изучения стереотипов — анализируется воздействие личностных характеристик и психологических особенностей на механизмы стереотипизации, выделяются основные структурно-динамические признаки стереотипов, а также условия и способы их возникновения и формирования. В целом современные исследования стереотипов опираются на несколько разноплановых подходов.

Представители первого подхода делают акцент на негативных аспектах стереотипов. В рамках этого подхода стереотип достаточно

---

²⁸ Липпман У. Общественное мнение. М., 2004.

²⁹ Липпман У. Общественное мнение. М., 2004.

часто отождествляется с предвзятыми суждениями или даже с предвзвешенными — взглядами и мнениями, основанными на неточном или искаженном знании, чаще всего принимаемом на веру со слов других людей. Например, по мнению отечественного социолога И.С. Кона, “стереотип — это предвзятое, то есть не основанное на свежей, непосредственной оценке каждого явления, а выведенное из стандартизованных суждений и ожиданий мнение о свойствах людей и явлений”³⁰.

Польский социолог П. Штомпка относит стереотип к одной из разновидностей патологических явлений в общественном сознании. Он определяет стереотип как “упрощенный, односторонний, крайне утрированный образ определенной группы, трактующий всех членов этой группы недифференцированно, независимо от их индивидуальных особенностей”³¹. Стереотип чаще всего формируется на основе каких-либо частных, единичных, случайных впечатлений, полученных от контактов с представителями группы; эти впечатления в дальнейшем обобщаются и без всяких на то оснований переносятся на всю группу; наконец, затем они обретают обратную силу, их начинают использовать автоматически, без какого-либо критического анализа, применяя к каждому очередному представителю данной группы. При этом исключается возможность, что кто-либо, принадлежащий к данной группе, может иметь отличные от стереотипа черты. Каждому приписываются те общие черты, которые вытекают из стереотипа, без каких-либо доказательств, без учета контрдоводов³².

Согласно таким авторам как Д. Нахбар и К. Лауз, стереотипы являются составной частью массовой культуры. Они могут быть сформированы на основе возраста (“молодежь слушает рое-н-рол”), пола (“все мужчины хотят от женщины только одного”), расы (“японцы неотличимы друг от друга”), религии (“ислам — религия террора”), профессии (“все адвокаты — жулики”) и национальности (“все евреи — жадные”). Существуют также стереотипы географические (к примеру, “жизнь в маленьких городах безопасней, чем в мегаполисах”), вещевые (например, “германские машины — самые качественные”) и пр. Стереотипы в большинстве случаев носят нейтральный характер, однако при их переносе от конкретного человека на группу людей (социальную, этическую, религиозную,

---

³⁰ Кон И.С. Психология предрассудка: о социально-психологических корнях этнических предубеждений // Новый мир. 1966. № 9. С. 187–205.

³¹ Штомпка П. Социология. М., 2005. С. 316.

³² Там же.

расовую и пр.), часто приобретают негативный характер. Именно на стереотипах основаны такие явления как расизм, сексизм, исламофобия и пр.³³

Представители второго подхода делают акцент на важности конструктивных, а именно когнитивных свойств и аспектов стереотипов. Они определяют стереотипы как своего рода когнитивную репрезентацию по отношению к определенным социальным группам или другим объектам. С позиций этого подхода, стереотипы не сводятся к “совокупности иллюзорных представлений или предрассудков”, а отражают некую объективную реальность (хотя и с некоторыми искажениями), формируют ее и обеспечивают ее функционирование. Стереотипы — это неотъемлемый атрибут человеческой деятельности, необходимый и важнейший познавательный процесс, сопровождающий поведение человека, как неотъемлемый признак человеческой психики, а стереотипные суждения и оценки — как накопленный общественный опыт, как повторяющиеся явления и свойства, зафиксированные в общественном сознании³⁴. Стереотип выступает как индикатор социальной интеграции и дифференциации социальных групп, являются своеобразным регулятором человеческого поведения. Таким образом, социальный стереотип, “будучи концентрированным выражением социальной установки <...> он выполняет в жизнедеятельности индивида и социальной общности функции регуляции, интеграции и т.п.”³⁵. “Функциональное назначение социальных стереотипов состоит в том, чтобы поляризовать в противоположных образах стороны социального противоречия, психологически мобилизовать на его разрешение силы участников социального процесса”³⁶.

На наш взгляд, противоречивость подобных подходов основана на амбивалентной природе как самого стереотипа, так и процесса формирования стереотипов — стереотипизации. Как сам стереотип, так и процесс стереотипизации всегда включают два аспекта — когнитивный (информационный) и аффективный или эмоционально-оценочный. Первый упрощает людям ориентацию в мире,

---

³³ Цит. по: *Ворожко К.Д.* Стереотип как социокультурный феномен в трудах отечественных и зарубежных исследователей // *Интерактивная наука: журнал*. 2016. № 6. С. 82–84.

³⁴ *Питерова А.Ю., Тетерина Е.А.* Социальные стереотипы: особенности формирования и изучения // *Наука. Общество. Государство*. 2016. Т. 4. № 1. URL: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 23.02.2025).

³⁵ *Шихирев П.Н.* Стереотип социальный. С. 503.

³⁶ Там же.

а другой — может порождать ошибки социального восприятия, которые ведут к устойчивым предрассудкам³⁷.

Действительно, деятельность людей в различных сферах социальной жизни нередко основана на социальных стереотипах — схематизированных, упрощённых образах того или иного явления действительности, помогающих им ориентироваться среди множества одобряемых обществом моделей мышления и поведения. Как отмечает известный американский психолог Р. Чалдини, “автоматическое, стереотипное поведение, которое у людей фактически превалирует, во многих случаях наиболее целесообразно, а в других — просто необходимо. <...> Очень часто приходится пользоваться стереотипами для классификации вещей в соответствии с немногими ключевыми чертами, а затем реагировать, не задумываясь, когда мы сталкиваемся с той или иной чертой, играющей роль спускового крючка”³⁸.

На когнитивном уровне человек получает сведения об объективных явлениях действительности. Эти сведения трансформируются в стереотипные суждения в том случае, если они представлены “схематизированным и генерализированным содержанием”. Когнитивной базой стереотипов почти всегда является естественное желание человека упрощать любые сложные взаимосвязи и процессы. Такая схематизация окружающей действительности, а нередко и ее искажение, являются важной отличительной чертой стереотипов. Именно поэтому, когда в большом потоке информации люди сталкиваются с явлениями или ситуациями, не требующими подробного и глубокого анализа, запускается механизм стереотипизации. Так, использование стереотипов “предлагает кратчайший прямой путь через сложности современной жизни”³⁹.

Сам механизм стереотипизации основан на человеческой особенности, состоящей в том, что какое-либо явление подвергается предварительной категоризации, после чего наблюдается непосредственно. Иными словами, априорная оценка данного фрагмента реальности предшествует эмпирическому опыту⁴⁰. На самом деле, этот механизм существенно отличается от научных схем упорядочивания мира, которые выражены, например, в процессах «типизации»

---

³⁷ Кон И.С. Психология предрассудка... С. 187–205.

³⁸ Чалдини Р. Психология влияния. Убеждай, воздействуй, защищайся. СПб., 2017. С. 19.

³⁹ Чалдини Р. Психология влияния... С. 80.

⁴⁰ Katz D., Braly K.W. Racial stereotypes in one hundred college students // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1933. Vol. 28. P. 288–289.

или “моделирования”, и на содержании которых целесообразно остановиться подробнее.

Целесообразность и упорядоченность окружающего мира (четыре времени года, четыре времени суток и т.п.) в известной степени предопределяет склонность человека к систематизации и классификации, выделению типичного в различных процессах, предметах и явлениях. В конечном счете, человеческий опыт или отдельное переживание, осуществляемое специфическим, отличным от других образом, явились основой для создания самых разных систем типологии. Одной из таких систем является типология личностей, распределение их по аналитически выделяемым типам: “...хотим мы того или нет, все равно пытаемся классифицировать людей, окружающих нас”⁴¹, — отмечают исследователи. Типологизация личностей производится посредством определенных, деперсонализированных и собирательных терминов, включающих характерные для данной личности признаки, имеющие социальное значение. Так говорят: “типичный лентяй”, “типичный неудачник”, “типичный лгун” и т.п. Это своеобразные ярлыки, которые “закрепляются за человеком и определяют отношение к нему”⁴². Однако в отличие от процесса стереотипизации, типологизация оперирует не механизмом упрощения, а наоборот, предполагает активизацию таких мыслительных процессов как анализ и синтез, применение логических методов (индукции и дедукции), специально для этого разработанного факторного анализа. В конечном счете, дифференциация типов, если вести речь о личности, стала предметом научного познания, достаточно быстро оформившегося в известные научные теории⁴³.

В основе процесса моделирования лежит абстрактное представление реальности в какой-либо форме (например, в математической, физической, символической, графической или дескриптивной), предназначенное для рассмотрения определенных аспектов этой реальности и позволяющее получить ответы на изучаемые вопросы.

Моделирование всегда предполагает принятие допущений той или иной степени важности. При этом существуют требования к моделям, которые должны удовлетворяться в процессе их построения. Это:

---

⁴¹ Шеголев И., Людвич В. 16 типов личности: почерк и характер. Ростов н/Д., 2010. С. 3.

⁴² Там же. С. 4.

⁴³ Allport G.W. Pattern and growth in personality. New Heaven, 1961; Cattell R. Personality: a systematic theoretical and factual study. N.Y., 1950; Eysenck H.G. A model of personality. N.Y., 1981.

- адекватность, т.е. соответствие модели исходной реальной системе и учет, прежде всего, наиболее важных качеств, связей и характеристик;
- точность, т.е. степень совпадения полученных в процессе моделирования результатов с заранее установленными, желаемыми;
- универсальность, т.е. применимость модели к анализу ряда однотипных систем в одном или нескольких режимах функционирования. Это позволяет расширить область применимости модели для решения большего круга задач;
- целесообразная экономичность, т.е. точность получаемых результатов и общность решения задачи должны увязываться с затратами на моделирование и др.

В целом моделирование — это исключительно научный способ познания сложных предметов и явлений окружающего мира. Примером тому служат модели процесса социальной коммуникации, которые существенно облегчают установление сходств и различий между различными видами коммуникации, а также помогают продемонстрировать механизм различных по характеру коммуникативных процессов⁴⁴.

В отличие от типологизации и моделирования, стереотипизация всегда включает в себя оценку, часто эмоциональную, какого-либо объекта или явления. Эта оценка, в свою очередь, зависит от целого ряда факторов и носит необъективный характер, так как часто зависит от стереотипов тех, кто оценивает. При единичной оценке неизбежно упускаются из виду многие объективные признаки оцениваемого субъекта, а получившееся стереотипное суждение наполняется ошибочными представлениями. Кроме того, эта оценка обладает свойством однозначности: по поводу одного и того же объекта не могут одновременно появиться два противоречащих друг другу суждения. “Социальные стереотипы — образы, полярные по знаку оценки, жестко фиксированные, не допускающие малейшего сомнения в его истинности, побуждающие к строго однозначному действию”⁴⁵.

Таким образом, второй аспект стереотипа состоит в том, что стереотипы в большей степени выражают оценочное (позитивное или негативное) отношение к объекту, посредством конструирования соответствующего утверждения. Оценочная окрашенность, как

---

⁴⁴ См.: *Осипова Н.Г.* Социология массовой коммуникации: Уч. М., 2025. С. 85–106.

⁴⁵ *Шихирев П.Н.* Стереотип социальный. С. 503.

одно из значимых свойств социальных стереотипов, проявляется главным образом в их наглядности, в реальных действиях и поступках людей. Например, стереотип негативного отношения к каким-либо индивидам или группам приводит к напряжению между ними со всеми вытекающими последствиями — от оскорблений до физического насилия.

На наш взгляд, вполне обоснованным представляется подход, согласно которому социальный стереотип — стандартизированный, устойчивый, эмоционально насыщенный, ценностно определенный образ, представление о социальном объекте. В основе социального стереотипа находится реальный психологический феномен генерализации, обобщения, схематизации данных своего и чужого опыта⁴⁶.

Как отмечают исследователи — самая яркая и первостепенная особенность стереотипов — генерализация, их обобщающий характер, который, однако, сводится к упрощенному соединению какого-либо множества явлений, черт, признаков и т.п. При этом несколько характеристик соединяются в один, довольно простой образ, который представляет и выражает сущность предмета или явления. Так, “очень часто, принимая решение относительно кого-либо или чего-либо, мы не используем всю имеющую отношение к делу доступную информацию. Вместо этого мы учитываем только один элемент целого, который кажется нам чрезвычайно важным”⁴⁷. Тем самым люди совершают серьезные ошибки: “...нас нередко призывают верить тому, что нам говорят, или делать то, что нам предлагают. <...> мы используем смех других, чтобы помочь себе решить, что является смешным; глупость имеет место тогда, когда мы поступаем таким образом, слыша явно искусственный смех”⁴⁸.

Еще одной яркой и четкой особенностью стереотипа является предвзятость, которую в свое время убедительно обосновал У. Липпман. Люди априори, не познавая объект, уже имеют к нему сформированное, положительное или отрицательное отношение. Это отношение основано на обобщенном опыте других или личном, но единичном и фрагментарном опыте. Кроме того, они пребывают в полной уверенности, что их негативное отношение к человеку, группе людей или событию вызвано их отрицательными свойствами или плохим поведением. При этом важным механизмом формирования подобной предвзятости является принцип соци-

---

⁴⁶ Шихирев П.Н. Стереотип социальный. С. 503.

⁴⁷ Чалдини Р. Психология влияния... С. 326.

⁴⁸ Там же. С. 144.

ального доказательства. Согласно этому принципу, “мы определяем, что является правильным, выясняя, что считают правильным другие люди. Мы считаем свое поведение правильным в данной ситуации, если часто видим других людей, ведущих себя подобным образом”⁴⁹.

Еще одним существенным свойством стереотипов является их “ригидность” — стабильность и консервативность на протяжении длительного времени. Стереотипы могут сохраняться даже при наличии опровергающей их информации. Именно поэтому люди со стереотипным мышлением и поведением могут успешно противостоять рациональным доводам, любой информации, направленной на их изменение. “Коль скоро мы приняли какое-то решение в отношении данных вопросов, упрямая последовательность предлагает нам чрезвычайно привлекательную роскошь: мы больше не должны упорно думать над каждой незначительной проблемой”⁵⁰, — подчеркивал Р. Чалдини.

В то же время, ученые отмечают и определенную пластичность, гибкость и подвижность социальных стереотипов — они подвержены трансформации, хоть и медленной, под влиянием объективных социально-экономических и политических факторов. Например, гибкость стереотипов проявляется в корректировке ценностей, установок, мотиваций, моделей поведения в той или иной ситуации. Если человек готов воспринимать информацию, которая не совпадает с его стереотипными представлениями и суждениями, то происходит постепенная “ломка” стереотипного мышления. При этом многие исследователи разделяют мнение, что несмотря на то, что с течением времени стереотипы изменяют свое содержание, полностью исчезнуть не могут, так как выступают инструментами сознания и деятельности.

Стереотип — это социально и культурно обусловленный феномен, следовательно, формирование стереотипов — результат процессов социализации и аккультурации. В ходе этих процессов человек не только начинает осознавать себя членом определенной группы, но и принимает уже существующие социальные стереотипы мышления и поведения данной группы. К этому добавляется принцип социального авторитета, поскольку в обществе существует тенденция принимать без раздумий утверждения и указания индивидов, которые кажутся авторитетами в данной области: “...если так говорит авторитетное лицо, это, должно быть верно”. Вместо

---

⁴⁹ Чалдини Р. Психология влияния... С. 143.

⁵⁰ Там же. С. 80–81.

того чтобы обратиться к логически обоснованной процедуре аргументированного доказательства, люди позволяют убедить себя за счет простого упоминания статуса “эксперта”⁵¹. Социальные стереотипы, бытующие в том или ином обществе, усваиваются, прививаются в процессе социализации. Некоторые из них становятся “личностными” и регулируют индивидуальное поведение. В то же время человек может сам продуцировать стереотипы (автостереотипы), которые усваивает и передает, в ходе распространения своего социального опыта своему непосредственному окружению (семье, коллегам и т.п.). Но при этом содержание стереотипов в большой степени определяется культурным и историческим контекстом, господствующей идеологией и ценностями общества.

Следует отметить, что мнения исследователей относительно генезиса стереотипов неоднозначны. Одни считают, что стереотипы, бытующие в общественном сознании, общественного сознания создаются специально и действуют на основе какого-либо определенного социального запроса, который полностью зависит от процесса социализации и не предполагает наличия чувственных аспектов восприятия. Другие, наоборот, отводят большую роль чувственному опыту в формировании стереотипа. Третьи, соглашаясь с мнением о стихийности возникновения стереотипного мышления, акцентируют внимание на сознательной поддержке и подпитке стереотипов с помощью априорных суждений, специально внедряемых в массовое сознание. Такие суждения со временем проникают во все сферы жизни (в том числе в политику и искусство) и в итоге приобретают силу нравственного правила или даже закона⁵².

С одной стороны, стереотипы выполняют определенные социальные и психологические функции, помогая людям быстро ориентироваться в социальном мире и экономить когнитивные ресурсы. С другой стороны, подобное упрощение приводит к искаженному, неполному восприятию реальности, сводя ее к набору легко воспринимаемых характеристик, которые приписываются всем членам определенной группы без учета их личных качеств и особенностей. Стереотипам присуща автоматическая активация, которая может происходить спонтанно, без участия сознания и критической оценки, что и становится основой для ошибок социального восприятия, предубеждений и дискриминации. Этот автоматизм делает стереотипы особенно устойчивыми и трудно поддающимися изменению. Люди часто не осознают, что их суждения основаны на стереотипах,

---

⁵¹ Чалдини Р. Психология влияния... С. 81.

⁵² Мельник Г.С. Mass Media: психологические процессы и эффекты. СПб., 1996.

и могут рационализировать свои предвзятые мнения, находя им логические объяснения.

К сожалению, стереотипы проявляются не только на уровне суждений и оценок, но могут влиять или реально влияют на индивидуальное поведение в отношении представителей тех или иных социальных групп, а в конечном счете, существенно обуславливают такое социальное поведение, которое принимает нежелательные для общества формы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ворожко К.Д. Стереотип как социокультурный феномен в трудах отечественных и зарубежных исследователей // Интерактивная наука: журнал. 2016. № 6. С. 82–84.

Дидо Фирмен (Firmin Didot) 1764–1836. URL: <https://impereur.blogspot.com/2024/06/firmin-didot-1764-1836.html> (дата обращения: 23.02.2025).

Кон И.С. Психология предрассудка: о социально-психологических корнях этнических предрассудков // Новый мир. 1966. № 9. С. 187–205.

Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. М., 2004.

Мельник Г.С. Mass Media: психологические процессы и эффекты. СПб., 1996.

Никитина С.Е. Стереотипные суждения и речевые клише как культурные барьеры // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. М., 1995. С. 81–83.

Осипова Н.Г. Ренессанс личности в современной социологии: теоретико-методологическая рефлексия // Современная социология: ключевые направления и векторы развития / Под общ. ред. Н.Г. Осиповой. М., 2018. С. 10–70.

Осипова Н.Г. Социология массовой коммуникации: Уч. М., 2025. С. 85–106.

Питерова А.Ю., Тетерина Е.А. Социальные стереотипы: особенности формирования и изучения // Наука. Общество. Государство. 2016. Т. 4. № 1. URL: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 23.02.2025).

Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку. М., 1996.

Сорокин Ю.А. Стереотип, штамп, клише: к проблеме определения понятий // Общение: теоретические и прагматические проблемы. М., 1978. С. 133–138.

Социологический энциклопедический словарь / Ред.-координатор Г.В. Осипов. М., 1998.

Чалдини Р. Психология влияния. Убеждай, воздействуй, защищайся. СПб., 2017.

Шихирев П.Н. Стереотип социальный // Социологический словарь / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М., 2010.

Штомпка П. Социология. М., 2005.

Щеголев И., Людвич В. 16 типов личности: почерк и характер. Ростов н/Д., 2010.

Щекотихина И.Н. Стереотип: аспекты и перспективы исследования // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2008. № 5 (19). С. 69–80.

REFERENCES

- Allport G.W.* Pattern and growth in personality. New Haven, 1961.
- Cattell R.* Personality: a systematic theoretical and factual study. N.Y., 1950.
- Chaldini R.* Psihologiya vliyaniya. Ubezhdaj, vozdeystvuj, zashchishchajsiya [Psychology of influence. Convince, influence, defend yourself]. SPb., 2017 (in Russian).
- Dido Firmen (Firmin Didot) 1764–1836 [Didot Firmin (Firmin Didot) 1764–1836]. URL: <https://impereur.blogspot.com/2024/06/firmin-didot-1764-1836.html> (data obrashcheniya: 23.02.2025) (in Russian).
- Eysenck H.G.* A model of personality. N.Y., 1981.
- Katz D., Braly K.W.* Racial stereotypes in one hundred college students // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1933. Vol. 28. P. 288–289.
- Kon I.S.* Psihologiya predrassudka: o social'no-psihologicheskikh kornyah etnicheskikh predubezhdenij [Psychology of prejudice: on the socio-psychological roots of ethnic prejudices] // Novyj mir. 1966. N 9. C. 187–205 (in Russian).
- Lippmann W.* Public opinion. N.Y., 1922.
- Lippman U.* Obshchestvennoe mnenie [Public opinion] / Per. s angl. T.V. Barahunovoj. M., 2004 (in Russian).
- Mel'nik G.S.* Mass Media: psihologicheskie processy i efekty [Mass Media: Psychological Processes and Effects]. SPb., 1996 (in Russian).
- Nikitina S.E.* Stereotipnye suzhdeniya i rechevye klishe kak kul'turnye bar'ery [Stereotypical judgments and speech cliches as cultural barriers] // Rechevye i mental'nye stereotipy v sinhronii i diahronii. M., 1995. S. 81–83 (in Russian).
- Osipova N.G.* Renessans lichnosti v sovremennoj sociologii: teoretiko-metodologicheskaya refleksiya [Renaissance of personality in modern sociology: theoretical and methodological reflection] // Sovremennaya sociologiya: klyucheverye napravleniya i vektory razvitiya / Pod obshch. red. N.G. Osipovoj. M., 2018. S. 10–70 (in Russian).
- Osipova N.G.* Sociologiya massovoj kommunikacii [Sociology of mass communication]: Uch. M., 2025. S. 85–106 (in Russian).
- Park R.L.* Voodoo science: the road from foolishness to fraud. N.Y., 2000.
- Piterova A.Yu., Teterina E.A.* Social'nye stereotipy: osobennosti formirovaniya i izucheniya [Social Stereotypes: Features of Formation and Study] // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. 2016. T. 4. N 1. URL: <http://esj.pnzgu.ru> (data obrashcheniya: 23.02.2025) (in Russian).
- Prohorov Yu.E.* Nacional'nye sociokul'turnye stereotipy rechevogo obshcheniya i ih rol' v obuchenii russkomu yazyku [National Sociocultural Stereotypes of Speech Communication and Their Role in Teaching the Russian Language]. M., 1996 (in Russian).
- Shchegolev I., Lyudvich V.* 16 tipov lichnosti: pocherk i harakter [16 personality types: handwriting and character]. Rostov n/D., 2010 (in Russian).
- Shchekotihina I.N.* Stereotip: aspekty i perspektivy issledovaniya [Stereotype: aspects and prospects of research] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2008. N 5 (19). S. 69–80 (in Russian).
- Shihirev P.N.* Stereotip social'nyj [Social stereotype] // Sociologicheskij slovar' / Otv. red. G.V. Osipov, L.N. Moskvichev. M., 2010 (in Russian).
- Shtompka P.* Sociologiya [Sociology]. M., 2005 (in Russian).
- Sociologicheskij enciklopedicheskij slovar' [Sociological encyclopedic dictionary] / Red.-koordinators G.V. Osipov. M., 1998 (in Russian).

Sorokin Yu.A. Stereotip, shtamp, klishe: k probleme opredeleniya ponyatij [Stereotype, Stamp, Cliché: on the Problem of Defining Concepts] // *Obshchenie: teoreticheskie i pragmaticheskie problemy*. M., 1978. S. 133–138 (in Russian).

Taverne D. The march of unreason. Science, democracy and the new fundamentalism. N.Y., 2006.

Vorozhko K.D. Stereotip kak sociokul'turnyj fenomen v trudah otechestvennyh i zarubezhnyh issledovatelej [Stereotype as a socio-cultural phenomenon in the works of domestic and foreign researchers] // *Interaktivnaya nauka: zhurnal*. 2016. N 6. S. 82–84 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-2-30-63

ПРОТЕСТНЫЙ СТИЛЬ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ МАНИПУЛЯТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

С.О. Елишев, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Настоящая статья посвящена осмыслению особенностей манипулятивного воздействия на современную молодежь со стороны различных субъектов общественной жизнедеятельности, апробирующих на ней самый разнообразный спектр политических, социально-психологических и социальных технологий. Различные субъекты социального манипулирования (отдельные личности, их группы в виде антисистем, олигархические структуры, политические партии и движения, а также общественные объединения и НКО, тоталитарные религиозные секты и деструктивные культы, спецслужбы иностранных государств и международные организации) на протяжении веков воспринимали молодежь как средство-ресурс для достижения своих корыстных политических целей.

Результатом такого рода манипулятивного воздействия явились различного рода “молодежные бунты”, “молодежные”, “сексуальные”, “субкультурные”, “контркультурные”, “бархатные”, “цветные” революции и государственные перевороты.

Для успешного запуска механизма социального манипулирования молодежью манипуляторами первоначально создавался своеобразный “культ молодежи” (“духовная педократия” — в терминологии С.Н. Сыромятникова и С.Н. Булгакова). Затем, они прививали молодежи протестный стиль поведения, используя данную технологию для направления энергии молодых людей против систем традиционных духовно-нравственных ценностей, традиционных религиозных, социальных, политических систем, традиционных институтов социализации и отношений, тем самым нанося непоправимый вред процессу духовного и социального развития молодых людей.

Ключевые слова: молодежь, антисистема, социальное манипулирование, массовое сознание, объект манипуляций, протест, протестный стиль.

---

* Елишев Сергей Олегович, e-mail: elishev@list.ru

PROTEST STYLE AS A SOCIAL TECHNOLOGY FOR MANIPULATIVE MANAGEMENT OF THE MASS CONSCIOUSNESS OF MODERN YOUTH

Elishev Sergey O., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: elishev@list.ru

This article is devoted to understanding the features of manipulative influence on modern youth by various subjects of social life, testing the most diverse range of political, socio-psychological and social technologies on it. Various subjects of social manipulation (individuals, their groups in the form of anti-systems, oligarchic structures, political parties and movements, as well as public associations and NGOs, totalitarian religious sects and destructive cults, special services of foreign states and international organizations) for centuries perceived young people as a resource to achieve their selfish political goals.

The result of this kind of manipulative influence was various kinds of “youth riots”, “youth”, “sexual”, “subcultural”, “countercultural”, “velvet”, “color” revolutions and coups d'état.

To successfully launch the mechanism of social manipulation of youth by the manipulators of the original, a kind of “cult of youth” was created (“spiritual pedocracy” — in the terminology of S.N. Syromyatnikov and S.N. Bulgakov). Then, they instilled in young people a protest style of behavior, using this technology to direct the energy of young people against the systems of traditional spiritual and moral values, traditional religious, social, political systems, traditional institutions of socialization and relations, thereby causing irreparable harm to the process of spiritual and social development of young people.

Key words: youth, anti-system, social manipulation, mass consciousness, object of manipulation, protest, protest style.

Одним из знаковых направлений современных социально-политических исследований является изучение феномена и практики социального манипулирования различными социальными группами и слоями населения с целью скрытого управления их мышлением и поведением, вопреки имеющимся у них интересам. Для социальных манипуляторов, которыми могут выступать различные субъекты общественной жизнедеятельности, характерен упор на наиболее слабозащищённые и социально уязвимые слои населения, хотя потенциальной их жертвой могут стать практически все. Однако самым привлекательным объектом для манипулятивного воздействия в силу ее возрастных, психофизиологических и социальных особенностей, являлась и является молодежь, как особая социально-демографическая группа в составе населения.

Именно молодежь, как одна из самых слабозащищённых и уязвимых категорий населения, в силу отсутствия у нее соответствующей

щих знаний, опыта, присущих более старшим поколениям, экономической независимости, незрелости мышления, переживаемых молодыми людьми внутренних конфликтов и кризисов идентичности, неудовлетворенности своим местом в обществе, стремления к самоутверждению во чтобы то ни стало (а значит, неизбежные в силу этого конфликты-противоречия с более старшими поколениями), давно уже стала весьма удобным и привлекательным объектом для различного рода манипуляций, а также апробаций на ней политических, социально-психологических технологий и экспериментов.

Яркими примерами практического воплощения подобного рода социальных опытов и инженерии XX–XXI столетий, являются “молодежные бунты”, “молодежная”, “сексуальная”, “бархатные”, “цветные” революции, возникновение и жизнедеятельность различного рода молодежных субкультур и контркультур, религиозных сект и культов, в частности Нью Эйдж (Новой эры, Нового века).

Социальное манипулирование молодежью является весьма распространённой практикой в жизни человеческих обществ, особенно в периоды многочисленных социальных потрясений, сопровождаемых кризисом традиционных социальных институтов и устоявшихся ценностей. Социальным манипулированием молодежью как на Западе, так и в России (в имперский, советский и современный периоды ее истории) занимались и продолжают заниматься различные субъекты общественной жизнедеятельности, апробируя на ней самый разнообразный спектр политических, социально-психологических и социальных технологий.

Субъектами социального манипулирования молодежью являются отдельные личности, их группы в виде антисистем¹, олигархические структуры, политические партии и движения, а также общественные объединения и НКО, тоталитарные религиозные секты и деструктивные культы, спецслужбы иностранных государств

---

¹ **Антисистема**, термин введенный в научный оборот термин Л.Н. Гумилевым, — религиозно-идеологическая система с отрицательным (или негативным) мирозерцанием, способствующая сокращению жизни этноса, распаду общества, разложению и упрощению культуры. Антисистема — это системная целостность людей, негативно относящихся к своей Родине, ненавидящих свою собственную нацию, ее ценности и культуру, историю, традиционные религиозные, политические и социальные системы.

Адепты антисистемы, в процентном соотношении представляющие собой ничтожное меньшинство в том или ином обществе, стремятся уничтожить посредством революций, государственных переворотов или реформ столь ненавистный им миропорядок и традицию, подчинив и поработив себе изначально несогласное с ними большинство того или иного общества.

и международные организации. Все эти субъекты активно манипулировали молодыми людьми в различные исторические периоды, в разных странах мира для достижения конкретных политических целей, в том числе для организации бунтов, народных волнений, государственных переворотов и революций (в том числе “цветных”) с участием молодежи.

Молодежная среда и, в частности, студенческая среда являются важным людским ресурсом для процесса осуществления любых революций или же разновидностей государственных переворотов, служат питательным элементом любой революции и объектом различного рода воздействия и пропаганды со стороны “антисистем”. Именно на волне молодежного протеста, как правило, и разыгрываются революционные спектакли.

Отсюда же, по мнению профессора Московской Духовной Академии М.М. Дунаева, проистекают и определённого рода иллюзии о “бунтарском, революционном настрое в молодежной среде”², фактически являющиеся следствием проявления “глупости и переизбытка возрастной энергии, требующей выплеска — куда и с какой целью все равно”³ (как говорил А.П. Чехов, “студенты бунтуют, чтобы барышням нравиться”⁴), чем, собственно говоря, различного рода закулисные манипуляторы и пользуются и о “чем сама молодежь не догадывается по возрастному недомыслию”⁵.

Молодые люди также “весьма подвержены соблазну конформизма, который они не сознают и принимают именно за собственную оригинальность. Молодой человек, чтобы утвердить себя, начинает бессознательно подражать — но не старшим, а таким же, как он сам, и псевдооригинальность единичных случаев создает в массе унылое однообразие и заурядную банальность”⁶, когда все начинают ходить в специально разодранных джинсах, в татуировках или с многочисленными пирсингами — в ушах, носу, на языке и т.п. Таким образом, “сам якобы бунтарский дух молодежи есть проявление все того же конформизма, ей свойственного”⁷, — заключал М.М. Дунаев.

Невежество, тщеславие, самоуверенность молодежи, часто воплощаемые в категоричных суждениях и “черно-белом” видении

---

² Дунаев М.М. Преступление перед будущим. М., 2007. С. 5.

³ Дунаев М.М. Преступление перед будущим. С. 5.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 6.

⁷ Там же.

мира, на полную катушку используются социоинженерами и политехнологами для осуществления манипулятивных действий в ее отношении. Задействовав лезть и, играя на этих свойствах, манипуляторы добиваются от молодежи нужных им действий, восприятия и мышления. Различные молодежные субкультуры, контркультуры, формальные или неформальные объединения, группы или отдельные личности, при определенном воздействии на них СМИ и коммуникаций, а также применении самых простых технологий (вроде флэшмобов, концертов и подобного рода акций), становятся полностью подконтрольными организаторам различных социальных и политических проектов, в том числе и “революционных” (с целью привода к власти своих ставленников). Примером тому служит версия событий во Франции в 1968 г., получивших название “студенческой революции”.

В 1968 г. американские и связанные с ними спецслужбы других государств провели во Франции операцию по организации очередной “современной” революции с целью свержения неподконтрольного англосаксонским элитам французского президента Шарля де Голля. Причины этого были вполне прозрачны. Шарль де Голль, как истинный национальный лидер и герой Франции, последовательно проводил политику, направленную на обретение Францией всей полноты государственного суверенитета. Он наладил дружеские отношения с Советским Союзом, добился выхода Франции из блока НАТО, т.е. способствовал осуществлению Францией курса независимой внешней политики и обретения дипломатического суверенитета. В 1967 г., он чуть было не обрушил всю англосаксонскую систему мировой экономической гегемонии, заставив англосаксов поменять имеющиеся у Франции долларовые запасы на золото. Естественно, англосаксонские элиты и спецслужбы, этого ему простить не смогли и запустили реализацию очередного революционного спектакля, движущей силой которого выступили французские студенты⁸.

Многих французских и иностранных журналистов и наблюдателей, не имеющих представления о технологиях осуществления англосаксами экспорта революций, в буквальном смысле этого слова, поражали те лозунги, под которыми французские студенты вышли свергать Шарля де Голля. Но и студенты сами не понимали и не могли связно объяснить, чего они хотят. Они скандировали лозунги и несли транспаранты: “Запрещается запрещать!”, “Забудь все,

---

⁸ См.: *Гонсалес-Мата Л.М.* Невидимые властители: записки агента. М., 1983. С. 36–44.

чему тебя учили — начни мечтать!”, “Анархия — это я”, “Распахните окна ваших сердец!”, “Нет экзаменам!”, “Всё хорошо: дважды два уже не четыре”, “Оргазм — здесь и сейчас!”, “Всё — и немедленно!”, “Границы — это репрессии”, “Освобождение человека должно быть тотальным, либо его не будет совсем”, “Вы устарили, профессора!”, “Революцию не делают в галстуках”, “Старый крот истории наконец вылез — в Сорбонне (телеграмма от доктора Маркса)”, “Университеты — студентам, заводы — рабочим, радио — журналистам, власть — всем!” и другие⁹.

Следует отметить, что французским студентам доставляло удовольствие участвовать в подобного рода многолюдных, уличных “действиях”, об истинных организаторах которых они не имели никакого представления. В данном контексте, весьма ценным историческим источником являются воспоминания-свидетельства бывшего сотрудника Главного управления безопасности Испании Л.М. Гонсалес-Мата, который принимал активное участие, под контролем сотрудников ЦРУ США, в организации студенческих выступлений и беспорядков в мае 1968 г. во Франции с целью свержения президента Ш. де Голля¹⁰.

При помощи ЦРУ и иных, связанных с ними спецслужб, несанкционированные акции быстро выродились в массовые и хорошо организованные беспорядки, а молодые французы приложили все силы, не понимая, что творят, и кто ими руководит, к свержению и отставке своего национального лидера. Ситуация во Франции оказалась полностью дестабилизирована, что сказалось на результатах апрельского референдума 1969 г. после которого де Голль ушёл в отставку¹¹. Как только Шарль де Голль ушел в отставку, молодежный бунт завершился, но и французская молодежь осталась ни с чем.

Безусловно обозначенные события были обусловлены и объективными факторами, в том числе и социально-экономического порядка. Однако важно подчеркнуть, что среди многочисленных исследователей событий мая 1968 г. во Франции, до сих пор не существует единого мнения по поводу причин этих событий. “Их неожиданность <...> спонтанно-эмоциональный характер движения, отсутствие у него единой и определённой системы базисных мотивов

---

⁹ См.: *Замостьянов А.* 1968: “Всё — и немедленно!”. Тот год определил развитие цивилизаций на несколько десятилетий вперед // Военное обозрение. 14.02.2013. URL: <https://topwar.ru/82297-sekty-kak-ugroza-nacionalnoy-bezopasnosti-rossii.html> (дата обращения: 15.05.2018).

¹⁰ См.: *Гонсалес-Мата Л.М.* Невидимые властители... С. 36–44.

¹¹ См.: Там же. С. 43.

и целей”¹², трактуемые некоторыми из них, «как своего рода “цепь случайностей”, механическое соединение различных, никак не связанных между собой групповых движений и интересов»¹³, косвенно подтверждали доводы немногочисленных свидетелей из числа бывших сотрудников спецслужб о рукотворном характере этой “симуляции революции” по Э. Морену, — «воспроизведения ситуации революционного восстания, объективно выполняющего функцию (своеобразного социального — С.Е.) эксперимента “проигрывания” этой ситуации, но еще не ее действительной реализации»¹⁴.

При осуществлении манипулятивного воздействия на молодежь все манипуляторы используют единый механизм, который запускают с помощью как общих, так и специфических для каждого субъекта ресурсов, средств и методов.

На первом этапе идет работа над сознанием молодых людей для того, чтобы направить его в критическое, по отношению к традиционным социальным ценностям и институтам русло, а также создать определённый “идейно-нравственный вакуум”. Происходит моральное разложение молодых людей, “обработка” их сознания посредством внедрения в него элементов контркультуры с целью последующего управления поведением в нежелательном для общества русле.

На втором этапе этот “вакуум” заполняется желательными для субъекта манипулятивного воздействия социальными мифами, стандартами, стереотипами мышления, необходимыми для эффективного управления их последующим поведением. То есть, происходит своеобразное “идейное разоружение” молодого поколения, внедрение в него чуждых национальным традициям и менталитету ценностей, норм поведения и идеологии. В обрабатываемую манипуляторами молодежную среду вбрасываются лозунги, привлекательные именно для молодого поколения, а также простые и ясные, отвечающие чаяниям молодежи цели, одновременно предполагающие радикальные способы их достижения.

Молодые люди утрачивают критическое мышление, связь с реальностью, а протестный стиль поведения становится для многих из них смыслом и целью жизни.

На третьем этапе проводится целенаправленная работа по активизации закрепленных (как правило, асоциальных) стандартов и стереотипов и, их реализации на практике, в различных акциях

---

¹² См.: Франция глазами французских социологов. М., 1990. С. 144.

¹³ См.: Там же.

¹⁴ См.: Там же. С. 145.

антисистемного порядка. Иными словами, запускаются политические проекты по организации массовых протестных выступлений молодежи, вплоть до ее активного участия в экспортных “революционных сценариях”.

Как справедливо, например, отмечал И.А. Ильин, анализирувавший деятельность различных политических партий по отношению к молодому поколению, а также программные документы большевистской партии, Комсомола, Коммунистического интернационала молодежи: “Ни одна политическая партия не может завоевать молодежь, не обладая определенным энтузиазмом, силой воли и активностью”¹⁵. Механизмом “завоевания молодежи” служит показ определенного идеала, “будь он даже мнимым или совершенно иллюзорным”¹⁶. Однако «каким бы кривым и ложным ни был идеал, при умелых уговорах всегда найдутся юные сердца, которые будут открыты для этого идеала и воспламенятся им. И коммунисты прекрасно умеют внушить молодежи нечто об “эксплуатации”, “угнетении”, “освобождении”, “братстве” и “справедливости”; обо всех этих вещах, которыми всегда легко увлечь юное сердце, и тем легче, чем строже и авторитарней данная семья и особенно отцовская власть. <...> Без силы воли и активности не найти признания у молодежи»¹⁷.

На взгляд И.А. Ильина, большевики умело использовали определенные свойства молодежи, оказывая на нее манипулятивное воздействие для достижения своих целей: «... коммунисты строят свои расчеты на этой безрассудной импульсивности молодых. Они увлекают молодежь не столько своей “просветительской”, т.е. разлагающей, подрывной и отвергающей пропагандой, сколько агитацией, то есть демагогическим призывом к “равноправному”, категоричному поступку. Коммунисты прекрасно умеют внушить завлеченному и возбужденному агитацией человеку убеждение, что он сам “зрелый вождь”. И тем самым завоевывают молодежь»¹⁸.

Для успешного осуществления социального манипулирования молодежью манипуляторы активно создают и продвигают своеобразный культ молодежи, используя для достижения своих целей протестный стиль как социальную технологию манипулятивного управления массовым сознанием молодежи.

---

¹⁵ Ильин И.А. Большевистская политика мирового господства // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 8. М., 1998. С. 156.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Ильин И.А. Большевистская политика мирового господства. С. 157.

¹⁸ Там же.

Например, в имперский период российской истории в анти-системной и антинациональной среде российской интеллигенции, благодаря деятельности представителей социалистического и радикального либерального лагерей, сформировался самый настоящий культ молодежи, который С.Н. Булгаков, вслед за С.Н. Сыромятниковым, именовал “духовной педократией” (т.е. “правлением детей”). Учащаяся российская молодежь, “благодаря молодости с ее физиологией и психологией, недостатку жизненного опыта и научных знаний, заменяемому пылкостью и самоуверенностью, благодаря привилегированности социального положения, не доходящей, однако, до буржуазной замкнутости западного студенчества”¹⁹, в восприятии российской интеллигенции становится своеобразным воплощением героического максимализма, как полная противоположность в христианстве старчеству и подвижничеству.

Духовная болезнь русской интеллигенции, на взгляд С.Н. Булгакова, закономерно привела к тому, что идеалом для российского интеллигента становится не христианский святой-подвижник, а образ “революционного студента”, перед которым тот находится в своеобразной “духовной зависимости”, заискивает и мнению которого всячески потакает²⁰. Причиной этого данный ученый, в частности, считал “привычное равнодушие и, что гораздо хуже, молчаливое или даже открытое одобрение, с которым у нас смотрят, как наша молодежь без знаний, без опыта, но с зарядом интеллигентского героизма берется за серьезные, опасные по своим последствиям социальные опыты и, конечно, этой своей деятельностью только усиливает реакцию”²¹. При этом, от внимания научной общественности ускользает факт “весьма низкого возрастного состава групп с наиболее максималистскими действиями и программами”²². Таким образом, «“Студент” стало нарицательным именем интеллигента в дни революции»²³, а идеалом для подражания интеллигентного молодого человека, по мнению А.С. Изгоева, становился “профессиональный революционер, года два живущий тревожной, боевой жизнью и затем погибающий на эшафоте”²⁴.

---

¹⁹ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 43.

²⁰ См.: Там же. С. 44.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Изгоев А.С. Об интеллигентной молодежи // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 120.

Похожую оценку подобного отношения к молодежи со стороны русской интеллигенции давал Ф.М. Достоевский, отмечая общий тон, на его взгляд, псевдолиберальной прессы, состоящий: «...в сплошной похвале молодежи, во всем и во всяком случае, и в грубых нападках на всех тех, которые при случае позволят себе отнестись даже и к молодежи критически. Прием этот основан на смешном предположении, что молодежь настолько еще не доросла и так любит лесть, что не разберет и примет все за чистую монету. И вправду, достигли того, что уже очень многие из молодежи (мы твердо верим, что далеко не все) действительно полюбили грубую похвалу, требуют себе лести и без разбора готовы обвинить всех тех, кто не потакает им сплошь и на всяком шагу, особенно в иных случаях. Впрочем, тут пока еще вред всего только временный; с опытом и с возрастом и взгляды молодежи изменятся. Но есть и другая сторона лжи, которая влечет уже непосредственный и вещественный вред. Эта другая сторона приема “защиты нашей молодежи пред обществом и перед правительством” состоит в простом *отрицании факта*, иногда самом грубом и нахальном; нет, дескать, факта, не было его и быть не могло; кто говорит, что он был, значит, клеветает на молодежь, значит, враг нашей молодежи!»²⁵.

Такое необоснованное “возвеличивание” и культивирование молодежи, позволяло, по мнению Ф.М. Достоевского, различным “хитрым мошенникам” использовать молодежь в нужных для себя целях, оказывая манипулятивное воздействие на нее.

Об упомянутом культе молодежи (духовной педократии), фактически говорил и основоположник русского классического либерализма Б.Н. Чичерин, который призывал к защите традиционных ценностей русского народа от нападок радикальных либералов. Он отмечал искусственное и своеобразное противопоставление молодежи сторонникам традиционных ценностей российского общества, характерное для радикально-либерального и революционного дискурса, а также манипулятивные технологии, которые в целях пропаганды используются радикальными либералами. В частности, этот мыслитель писал о том, что слово “консерватор”, благодаря активной пропаганде, навешиванию “ярлыков”, применению манипулятивных технологий радикальными либералами, приобрело в общественном сознании негативную смысловую нагрузку. В силу чего “малейший оттенок консерватизма немедленно ставит человека в разряд отсталых, отпетых людей и делает его предметом

---

²⁵ Достоевский Ф.М. Дневники писателя: В 2 т. Т. 1. М., 2011. С. 192.

насмешек, брани и клеветы. Консерваторам, старикам, противопологается молодежь”²⁶.

Хотя, как отмечал Б.Н. Чичерин, под молодежью радикальные либералы понимают не собственно говоря молодежь, как потенциал, надежду нации и ее активную часть, “а молодежь как нарицательное имя”²⁷, поскольку “в ее ряды с жадностью вступают и старцы, украшенные сединами”²⁸. Это нарицательное имя “молодежь” по мнению Б.Н. Чичерина применяется, в отношении тех, кто: “в мыслях, но в особенности на словах окончательно разделились со старым”; “вечно кипит и негодует неизвестно часто зачем”; “ратует во имя свободы и не терпит чужого мнения”; “выезжает на фразах, не давая себе труда изучить и понять существующее”; “выкинул из своих понятий категории действительного и возможного и остались при одних лишь безграничных требованиях и ничем не сдержанных увлечениях”²⁹. Конечно, это сама “бедная молодежь”, которую, впрочем, уже “успели сбить с толку”, убеждая в том, что “все старое — дурно, все новое — хорошо”³⁰.

Б.Н. Чичерин также отмечал как негативное явление чрезмерную вовлеченность учащейся молодежи в политику, что плохо сказывалось на ее социализации и социально-политическом развитии. Социальный портрет российской молодежи определялся им, исходя из определенных свойств, присущих молодости, влияния социальной среды, посредством выделения следующих ее характеристик: поверхностности суждений и упрощенного понимания сути различного рода идей и явлений, радикализма воззрений, стремления к самоутверждению, самоуверенности, некритичного мышления, принятию на веру громких фраз, предрасположенности к манипулятивному воздействию: “...молодежь не сама себя создает, а создается теми условиями, в которых ее воспитывает семья и в которые ставит ее общество; она обладает притом некоторыми свойствами, присущими юному возрасту везде и во все времена: склонностью увлекаться общими идеями, радикализмом воззрений, самоуверенностью и потребностью проявлять свою самостоятельность”³¹.

---

²⁶ Чичерин Б.Н. Что такое охранительные начала? // Наше время. 1862. 22 февраля. № 39.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Чичерин Б.Н. Мысли о современном положении России. URL: http://dugward.ru/library/gosipravo/chicherin_miysli_o_sovremennom.html (дата обращения: 05.09.2017).

“В молодежи слабо развита критика, а потому суждения ее по отношению к людям часто бывают ошибочны, поверхностны; молодые люди склонны принимать громкие фразы за глубокие истины, напускной пафос за глубину чувства; в оценке людей они далеко не так чутки, как принято думать: они не всегда умеют отличить истинное чувство доброжелательства от показного”³².

Среди зарубежных исследователей, о формировании и продвижении культа молодежи, на фоне генезиса и становления массовых обществ в западном мире, сопряженного с утратой ими нравственности, с тревогой писал и испанский философ Х. Ортега-и-Гассет³³. Если кто-то из молодежи, отмечал мыслитель, заговорил о “новой морали”, — “значит, замыслил новую пакость и ищет контрабандных путей”³⁴. Падение нравственности, на взгляд Х. Ортега-и-Гассета, закономерно привело не только к формированию массовых потребительских и паразитических настроений, но и к отвращению к долгу, нарушению принципа единства прав и обязанностей, к уклонениям от исполнения возложенных функций, а также возникновению, в результате манипулятивного воздействия, своеобразного культа молодежи. Так, этот ученый писал: «...отвращением к долгу отчасти объясняется и полусмешной полупостыдный феномен нашего времени — культ молодежи как таковой. Все от мала до велика подались в “молодые”, прослышав, что у молодых больше прав, чем обязанностей, поскольку последнее можно отложить в долгий ящик и приберечь для зрелости»³⁵.

Согласно Х. Ортега-и-Гассету, молодежь “настолько одурманили”, что “она и впрямь сочла это своим заслуженным правом, за которым должны последовать и все прочие заслуженные права”³⁶. В результате “молодостью стали шантажировать”, что вполне правомерно для “эпохи всеобщего шантажа”, дополняемого “угрозой насилия и угрозой глумления”³⁷, заключал исследователь.

С идеями Х. Ортега-и-Гассета в определенной степени был солидарен и К. Мангейм — один из основоположников культурологического направления социологии молодежи, создавший собственную оригинальную и полноценную теорию молодежи. Этот исследователь, пытаясь ответить на вопрос о значении и положе-

---

³² Там же.

³³ См.: *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 2007. С. 178.

³⁴ Там же.

³⁵ *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. С. 179–180.

³⁶ Там же. С. 180.

³⁷ См.: Там же.

нии молодежи в современном обществе, также обращал внимание на долгое время преобладавшую и ошибочную точку зрения о “прогрессивной” природе молодежи³⁸. По мнению К. Мангейма, «Современные методы образования, впервые в последние десятилетия признавшие права молодежи и ее истинные потребности, достаточно разумны, но все же ограничены и односторонни, так как преувеличивают значение потребностей молодежи, не уделяя должного внимания нуждам общества <...> “Век ребенка” провозгласил, что каждый период жизни самостоятелен и имеет свои права, и тем самым оставил без внимания очень важные факторы, обеспечивающие взаимодействие между возрастными группами и обществом»³⁹.

Публицист С.Н. Паркинсон, размышляя о появлении в странах Запада такого рода культа молодежи, в частности, отмечал тревожащий его факт, что современная ему западная молодежь “перестала подражать героям старшего поколения, даже космонавтам, и предпочитает следовать примеру своих собственных героев, эстрадных певцов и наркоманов”⁴⁰, а некоторая ее часть явно не желает становиться полноправными членами западных обществ. Этот исследователь в эмоциональных выражениях описывал умонастроения, господствующие, благодаря этому культу, в научных и общественных кругах и общественно-политическом дискурсе: “Нынче модно считаться с мнением молодежи, советоваться с теми, чья карьера едва началась. Не дай бог, кто-нибудь подумает, что мы суровы и деспотичны!”⁴¹.

Исследователь молодежных субкультур и контркультур Т. Роззак высказывает схожее мнение. В установившихся в странах Запада обществах потребления и изобилия, по мнению Т. Роззака, родители фактически перестали заниматься воспитанием детей, одновременно способствуя установлению своеобразного культа молодежи: «Изобилие предоставило родителям возможность откупаться и от докучающих им детей. Если детишкам можно дать “свою комнату”, то почему нельзя дать им машину, деньги, культуру? Теория доктора Спока о воспитании ребенка со снисходительностью санкционировала вседозволенность, а раздутые зарплаты сделали возможной щедрость. Результатом стало уникально избалованное поколение детишек бэби-бума, выросших, свято веря, что каждый рисунок пальцами, при-

---

³⁸ См.: Мангейм К. Избранное: диагноз нашего времени. М., 2010. С. 573.

³⁹ Мангейм К. Избранное: диагноз нашего времени. С. 570–571.

⁴⁰ Паркинсон С.Н. Законы Паркинсона. М., 1989. С. 293.

⁴¹ Паркинсон С.Н. Законы Паркинсона. С. 293.

несенный из детского сада, вызывает всеобщий восторг, а любая проблема старшекласника должна становиться головной болью для всей семьи. Юнцы при карманных деньгах скоро сделались коммерчески привлекательными. Сперва молодежная культура была сугубо товарной: одежда, пластинки, фильмы, косметика. Тинейджера открыли как рынок, и это резко стимулировало самоанализ у юных, известных своей заикленностью на самокопани. Роковое начало — те, кто начинал бунтовать без причины, скоро могли найти себе более чем достаточно оправданий»⁴².

Естественно, что в этих условиях, как считает Т. Роззак, возникший в США культ молодежи негативным образом отразился на процессе ее социализации, породив у молодежи паразитическое и потребительское отношение ко всему, а также сделав ее оторванной от реального мира и неподготовленной ко взрослой, “зрелой” жизни: «В детстве нынешних студентов брали на руки, когда они закатывали истерику. Их детсадовские рисунки мамы прихлопывали на стены в гостиной, всячески поощряя расцветающий талант... Они познакомились со школьной системой, пусть во многих отношениях и давящей, как все они, эти школьные системы, но которая с самой Второй мировой войны гордилась открытием “прогрессивных классов”, в которых учили “творчеству” и “самовыражению”. Эти годы видели бурный расцвет всяких липовых курсов, где всерьез учили потакать “проблемам становления” подростков. Это схоластическое сюсюканье непринужденно смешивалось с коммерческими усилиями создать тотальную подростковую субкультуру, основанную исключительно на веселье и развлечениях (а на чем же еще может быть основана подростковая субкультура?). Из юности сделали не начало зрелости, а отдельный статус в своем собственном праве, неопределенное положение, которое есть не что иное, как продление детства, и без того проходящего под знаком распушенности»⁴³.

Как подчеркивал Т. Роззак, «Поколение сегодняшних студентов выросло в атмосфере уникальной вседозволенности, характерной для послевоенных лет. Милое вольнодумство доктора Спока (делайте поблажки, приучая проситься на горшок, не паникуйте, узнав о мастурбации, избегайте суровой дисциплины) явилось скорее отражением, чем причиной новой (и мудрой) концепции правильных взаимоотношений родителей и детей, преобладающей у среднего класса. Общество потребления со своим избытком свободного времени попросту не нуждалось в вышколенных, ответственных

---

⁴² Рошак Т. Истоки контркультуры. М., 2014. С. 21.

⁴³ Рошак Т. Истоки контркультуры. С. 86.

молодых рабочих — трудоустроиться удавалось лишь малой части выпускников школ, не имеющих профессии. Поэтому средний класс мог себе позволить продлить беззаботность и безалаберность детства; так и поступали, не требуя от ребенка до колледжа овладевать какими-нибудь полезными навыками. Вуз стал загородным клубом, а членские взносы платила семья. Таким образом, молодежь “портили”, подводя к убеждению, что жизнь состоит в основном из свободы и удовольствий»⁴⁴.

При продвижении и после оформления культа молодёжи манипуляторы внушают в сознание молодых людей идею о так называемом “конфликте поколений” — конфликте “отцов и детей”, где молодые люди, протестуя против “отживших свое”, “устаревших”, “не прогрессивных” реалий окружающей их действительности, активно вовлекаются в различного рода антисистемную деятельность для низвержения и разрушения традиционных устоев жизнедеятельности общества, его традиционных ценностных, религиозных, политических, социальных, семейных систем и институтов.

В сознание молодых людей представителями радикально-либерального и социалистического лагерей внушалась мысль, что молодежь всегда является значимым субъектом общественной жизнедеятельности, носителем “прогрессивных” воззрений, образа и стилей жизни, “барометром революции” (по словам Л.Д. Троцкого). При этом энергию молодежи умело задействуют и используют в своих интересах “гении”-организаторы революционных событий, как, впрочем, и “проходимцы”-заказчики: для смены неудобных режимов и приводу к власти своих ставленников.

Так, например, в 1905 г. В.И. Ленин в своем письме А.А. Богданову и С.И. Гусеву, советовал своим “товарищам” по “революционной борьбе” использовать молодежь как ресурс для разжигания пожара революции по максимуму. Так он писал: «Нужны молодые силы. В России людей тьма, надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь, не боясь ее. Время военное. Молодежь решит исход всей борьбы, и студенческая, и еще больше рабочая молодежь. <...> Основывайте из молодежи сотни кружков впереводцев и поощряйте их работать во-всю. Расширяйте комитет втрое приемом молодежи, создавайте пяток или десяток подкомитетов, “кооптируйте” всякого и каждого честного и энергичного человека. <...> Надо с отчаянной быстротой объединять и пускать в ход всех революционно-инициативных людей. Не бой-

---

⁴⁴ Рошак Т. Истоки контркультуры. С. 84–85.

тесью их неподготовленности, не дрожите по поводу их неопытности и неразвитости»⁴⁵.

Однако, сама молодежь, несмотря на всю свою активность в осуществлении различных революционных сценариев, по своей сути, является не субъектом происходящего революционного процесса, а исключительно объектом манипуляций и средством достижения нужных целей со стороны “режиссеров”-организаторов этих “революций”.

В рамках операций прикрытия своей деструктивной деятельности, многие представители радикально-либерального и социалистического лагерей, создавали псевдонаучные концепции о якобы имевших место, перманентных, глобальных, естественных и объективно неизбежных межпоколенческих конфликтах, конфликтах “отцов и детей”, тем самым камуфлируя свою деструктивную деятельность и участие в масштабных манипуляциях молодежью. Особенно отличились в этом представители психоаналитического направления, фрейдомарксизма и неомарксизма, в значительной степени преувеличивавших и абсолютизовавших его роль при осмыслении причин возникновения молодежных субкультур, контркультур и “молодежных бунтов” 60-х гг. XX в.: А. Адлер, В. Райх, К. Хорни, Г. Маркузе, Л. Фойер, Ж. Манделя и другие авторы⁴⁶.

При этом истоки такого рода установок четко просматриваются в трудах З. Фрейда, который, например, в своей статье “Семейный роман невротиков”, в частности, писал: “...отделение подрастающего индивида от авторитета родителей — один из самых необходимых, но и самых болезненных результатов развития. Совершенно необходимо, чтобы это отделение произошло, и можно предположить, что каждый нормально сформировавшийся человек в известной мере осуществил его”⁴⁷. По мнению З. Фрейда, “на этом антагонизме двух поколений”⁴⁸, “вообще основывается общественный прогресс”⁴⁹.

---

⁴⁵ Ленин В.И. Письмо А.А. Богданову и С.И. Гусе // Ленин В.И. Полн. Собр. соч.: В 55 т. Т. 9. М., 1967. С. 247.

⁴⁶ См.: Адлер А. Понять природу человека. СПб., 1997; Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Киев, 1995; Mendel G. La crise de generations. Etude sociopsychanalytique. P., 1969; Райх В. Сексуальная революция. СПб.; М., 1997; Feuer L.S. The conflict of generations: the character and significance of student movements. N.Y.; L., 1969; Фромм Э. Забытый язык. Введение в науку понимания снов, сказок и мифов. М., 2010; Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Новые пути в психоанализе. СПб., 2013.

⁴⁷ Фрейд З. Семейный роман невротиков: Сб. СПб., 2009. С. 5.

⁴⁸ Фрейд З. Семейный роман невротиков. С. 5.

⁴⁹ Фрейд З. Семейный роман невротиков. С. 5.

В свою очередь Л. Фойер в своей работе “Конфликт поколений” стремился доказать, что “конфликт поколений” является тем фактором общественной жизнедеятельности, который стал ведущим мотивом и универсальной движущей силой всей человеческой истории, обусловленный самой природой человека⁵⁰.

О неизбежности и “естественности” конфликта поколений, писал и В. Райх, видный представитель западного фрейдомарксизма, негативно воспринимавший институт традиционной семьи и призывавший к его ликвидации. По его мнению, тот, кто не осознает негативную роль традиционной семьи и традиционного уклада жизнедеятельности общества, тот “не поймет ни различия между больным и здоровым, ни страх человека перед удовольствием, ни патологической природы конфликта ребенка с родителями, ни убожества брака”⁵¹. “Привязанность к родителям — как сексуальная, так и авторитарная (подчинение авторитету отца) — затрудняет шаг в сексуальную и социальную реальность в период полового созревания, если не делает этот шаг полностью невозможным”⁵².

В. Райх, активно пропагандировал и внедрял в сознание молодежи и общества установки о необходимости осуществления так называемой “сексуальной революции”, фактически направленной на подрыв традиционных ценностей и основ жизнедеятельности любого социума. Считая себя своеобразным “правозащитником”, отстаивающим “права детей и подростков на естественную любовь”⁵³, он считал, что ядром человеческого “счастья в жизни является счастье, вызванное сексуальным удовлетворением”⁵⁴. В. Райх стремился связать различные положения марксизма с психоаналитической концепцией З. Фрейда, доведя пансексуализм, присущий концепции З. Фрейда, до абсурда (или до его зримого логического завершения). В частности, отмечая необходимость формирования новой “революционной морали”, он писал: «Капиталистическая классовая мораль выступает против сексуальности, порождая тем самым противоречия и бедствия. Революционное движение снимает эти противоречия, выступая поначалу с идеологических позиций за удовлетворение половых потребностей, а затем закрепляя эту свою позицию с помощью законодательства и переустройства сексуальной жизни. Следовательно, капитализм совпадает с обще-

---

⁵⁰ См.: Feuer L.S. The conflict of generations... P. 12–13.

⁵¹ Райх В. Открытие Органа. Функция оргазма. М., 2016. С. 89.

⁵² Райх В. Сексуальная революция. СПб.; М., 1997. С. 119.

⁵³ Там же. С. 7.

⁵⁴ Там же. С. 22.

ственным сексуальным угнетением, с одной стороны, в то время как “революционная мораль” — с удовлетворением половых потребностей, с другой»⁵⁵.

В. Райх в целом негативно оценивал деятельность института традиционной семьи (именуемой им “принудительной семьей”), как своеобразной “фабрики авторитарных идеологий и консервативных структур”⁵⁶ и “оплота того общественного строя”⁵⁷, который защищают консерваторы. Согласно Р. Райху, “благодаря сохранению патриархальной семьи”⁵⁸: во-первых, “консервируется и сексуальное угнетение с его последствиями — сексуальными нарушениями, неврозами, душевными заболеваниями, половыми преступлениями”⁵⁹; во-вторых, запускается процесс порождения “подданных, боящихся власти и испытывающих страх перед жизнью”⁶⁰, тем самым создается “возможность господства кучки властителей над массами”⁶¹.

Характеристика семьи, на его взгляд, является своеобразным “критерием оценки общего характера того или иного строя”⁶², а “сексуальные проблемы молодежи являются, в принципе, проблемами чисто общественного свойства и <...> они только начинаются с выдвиганием требования о воздержании”⁶³. В результате отношение молодежи к господствующему порядку коррелируется с ее отношением к семье. Консервативная молодежь в целом, “привержена семье и выступает за ее сохранение, революционно же настроенная молодежь отрицательно относится к семье, склонна поддержать ее разрушение и в более или менее полном объеме освобождается из семейного сообщества”⁶⁴. Таким образом, В. Райх, как один из основоположников фрейдомарксизма на Западе, пропагандируя свои воззрения среди молодежи и предлагая реализовать на практике масштабный социальный эксперимент — “сексуальную революцию”, тем самым оказывал манипулятивное воздействие на молодежь, и, подрывая морально-нравственные устои общества, способствовал не социализации, а деградации молодежи.

---

⁵⁵ Там же. С. 23.

⁵⁶ Райх В. Сексуальная революция. С. 113.

⁵⁷ Там же. С. 121.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. С. 122.

⁶³ Там же. С. 123.

⁶⁴ Там же. С. 113.

Похожей точки зрения на конфликт поколений придерживался и Г. Маркузе, считающий, что конфликт поколений — есть “естественный закон, коренящийся в антропологической структуре человеческих потребностей и оказывающий революционное воздействие на общество”⁶⁵. Этот исследователь подвергал критике существующую на Западе модель олигархического капитализма, а также выделял негативные черты, характерные для современных западных социальных систем, — тотальное отчуждение и манипулируемость, потребительство, одномерность и технократичность, а также констатировал утрату пролетариатом революционного потенциала. При этом субъектом социально-политической деятельности, с помощью которого можно было бы преодолеть обозначенные тенденции, по мнению Г. Маркузе, являлась молодежь. Так, “отказ ученых, математиков, техников, индустриальных психологов и исследователей общественного мнения от сотрудничества с системой”⁶⁶, найдя поддержку в протестной молодежной среде, может способствовать прогрессивному выходу из затяжного кризиса капиталистической системы, способствуя превращению “человеческого тела в инструмент не столько труда, сколько удовольствия”⁶⁷.

Романтизируя и культивируя революционную роль молодежи в дальнейшем прогрессивном развитии западных обществ, сопряженном с избавлением от репрессивной сублимации естественной и здоровой сексуальности в социуме, Г. Маркузе говорил о молодежном протесте против стандартов общества потребления, как своеобразной “биологической необходимости”⁶⁸, находящей свое выражение в политической плоскости и “создании альтернативного образа жизни”⁶⁹. По его мнению, молодежь по своей природе находится «на переднем крае борьбы за Эрос против Смерти и против цивилизации, которая стремится укоротить “окольный путь к смерти” путем контроля над средствами поддержания жизни. Но в управляемом обществе биологическая необходимость не обязательно переходит в действие: организация требует контрорганизации. Сегодня борьба за жизнь, борьба за Эрос — это политическая борьба»⁷⁰.

---

⁶⁵ Маркузе Г. Очерк об освобождении. М., 1970. С. 33.

⁶⁶ Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Киев, 1995. С. 308.

⁶⁷ Там же. С. 297.

⁶⁸ Там же. С. 309.

⁶⁹ См.: Маркузе Г. Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной практике. М., 2011. С. 360.

⁷⁰ Маркузе Г. Эрос и цивилизация. С. 309.

В этом контексте становится понятной популярность трудов Г. Маркузе среди представителей молодежных субкультур и контркультур, а также участников “молодежных бунтов” 1960-х гг. Идеализируя и возводя в абсолют роль молодежи в прогрессивном развитии общества, Г. Маркузе приложил немало усилий к созданию культа молодежи в современном мире, а также закреплению в ее сознании установки на протестный стиль поведения. Одновременно он активно клеймил своих противников, оспаривающих этот тезис, фактически навешивая на них ярлык своеобразных “ретроградов”: “...противниками новой молодежи, живущей отказом и бунтом, выступают представители старого порядка, которые, защищая его существование, одновременно защищают разрушение, безумное потребление, загрязнение и, значит, приносят в жертву сам порядок. Сюда относятся представители организованного труда, но, конечно, лишь в той степени, в какой причастность к капиталистическому преуспеванию зависит от непрерывной защиты установившейся социальной системы”⁷¹.

В силу этого не вызывает удивления тот факт, что Т. Роззак, отнес, например, фрейдомарксизм Г. Маркузе, наряду с “новой левацкой социологией Миллса <...> гештальт-терапевтическим анархизмом Пола Гудмена, апокалипсическим мистицизмом Нормана Брауна, дзен-буддистской психотерапией Алана Уоттса и <...> оккультным нарциссизмом Тимоти Лири”⁷², к идеологическим источникам американской молодежной контркультуры, сформировавшейся в результате целенаправленной и преемственной пропаганды идей ряда западных интеллектуалов — представителей движения “новых левых”, психоаналитического направления и оккультных течений.

Деятельность манипуляторов и их пособников в отношении молодежи часто была напрямую направлена на уничтожение традиционных основ существования общества и дестабилизацию обстановки внутри страны. Внедряя в сознание молодежи различного рода социальные мифы, радикальные лозунги и призывы, стили, стереотипы и образцы поведения, они буквально подталкивают молодых людей к низвержению всех нравственных условий жизнедеятельности общества, традиционных социальных институтов, всех нравственных принципов. Например, представители контркультуры хиппи, призывали своих единомышленников следовать таким “жизненным принципам”:

---

⁷¹ Там же. С. 305.

⁷² Рошак Т. Истоки контркультуры. С. 122.

«Насилуй монахинь, издевайся над профессорами, не слушай родителей, сожги свои деньги; ты ведь знаешь, что жизнь есть сон, и все наши учреждения — это сфабрикованные людьми иллюзии, которые срабатывают, потому что ты принимаешь сон за реальность. Сокруши семью, нацию, церковь, город, хозяйство; преврати жизнь в искусство. В театр души и театр будущего; только революционер — подлинный художник. Что нам нужно, так это поколение людей юродивых, безумных, иррациональных, сексуальных, сердитых, безбожных, ребячливых и неменяемых — людей, которые сжигают призывные повестки, университетские и всякие прочие дипломы, людей, которые говорят: “Идите к чертям с вашими целями!” — людей, которые соблазняют молодежь музыкой, марихуаной, и “кислотой”, людей, которые пересматривают понятие нормального, порывают с игрой в статус — роли — чины — потребление, людей, которым нечего терять, кроме своей плоти. Белая американская молодежь имеет больше общего с ограбленными индейцами, чем со своими родителями. Сожгите родительский дом дотла, и это сделает вас свободными!»⁷³

Общими, характерными чертами молодежных контркультур на Западе, по мнению Т. Розака, являлись, “кроме внешней сенсационности новой формы протеста <...> демонстративное презрение к традиционным устоям, непременно связанное с наркотиками и сексом, дисгармоничный новый стиль в одежде и музыке, обилие непристойностей в речи и странный альтернативный стиль жизни”⁷⁴. В рамках этой “альтернативной” жизни все отвергалось или “ставилось под сомнение: семья, работа, образование, понятие жизненного успеха, воспитание детей, отношения мужчины и женщины, половая жизнь, урбанизация территорий, наука, технология, прогресс”⁷⁵. Сомнению также подвергалось “значение богатства, значение любви, смысл жизни <...> Даже технология, гордость доминирующей культуры, подверглась переоценке и переделке”⁷⁶.

По мнению целого ряда авторитетных исследователей, анализировавших происхождение и сущность феноменов “молодежных бунтов”, “сексуальной”, “субкультурной”, “контркультурных” революций, все они носят рукотворный, искусственный характер, являясь по факту разновидностью масштабных социальных экс-

---

⁷³ Цит. по: Давыдов Ю.Н., Роднянская И.Б. Социология контркультуры. М., 1980. С. 56.

⁷⁴ Рошак Т. Истоки контркультуры. С. 15

⁷⁵ Там же. С. 30.

⁷⁶ Там же.

периментов по управлению обществами и формированию нового, асоциального, протестного типа мышления.

Например, по мнению П.А. Сорокина, представители психоаналитического направления приложили всевозможные усилия для уничтожения традиционных устоев американского общества, способствуя осуществлению “сексуальной революции” и, тем самым, негативным образом повлияв на процесс социализации и развития молодежи. Отмечая тот факт, что “большая часть современной западной литературы стала насквозь фрейдистской”⁷⁷, в результате чего она в значительной степени «сосредоточена на грязных описаниях генитальных, анальных, оральных, кожных, гомосексуальных и кровосмесительных “любовей” <...> погружена в литературный психоанализ различных комплексов — кастрации, Эдипа, Танатоса, Нарцисса, а также других форм патологии»⁷⁸, с тем “чтобы возбуждать угасающую потенцию читателей и тем самым увеличивать продажу этих печатных секс-тоников”⁷⁹, П.А. Сорокин, крайне критично оценивал деятельность сторонников психоаналитического направления, фрейдомарксистов, неомарксистов, связанных с ними “псевдосексологов, псевдопсихологов и псевдовоспитателей детей и молодежи”⁸⁰, фактически манипулирующих сознанием американской молодежи, американского общества и западных обществ в целом.

П.А. Сорокин считал, что основу психоаналитических концепций составляют совершенно ложные послы, которые необоснованно абсолютизируются и продвигаются представителями данных идеологических течений и направлений общественной мысли. «Никто еще не доказал, что обычные дети и молодые люди испытывают эдипов или какой-либо другой фрейдистский “комплекс” — Нарцисса, Танатоса, “зависти из-за пениса”, “страха кастрации”, и т.д. Этими фантастическими выдумками Фрейд совершенно исказил смысл греческих мифов и суть человеческой природы. Подобные комплексы наблюдаются только у детей и молодых людей, уже деморализованных неверным воспитанием, а у преобладающего большинства молодых людей, и особенно у гармонично воспитанных, этих комплексов нет. На этих идеологиях лежит значительная доля ответственности за внушение доверчивым массам самих понятий об этих комплексах, за отравление разума и подсказанные жертвам

---

⁷⁷ Сорокин П.А. Американская сексуальная революция. М., 2006. С. 32.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. С. 32.

⁸⁰ Там же. С. 129.

действия»⁸¹, а также “за совершенно порочное представление о человеческом существе как о своего рода либидном мешке, полном всевозможных сексуальных извращений, кровосмесительных и губительных комплексов”⁸².

Результатом “сексуальной революции” на Западе, являющейся в значительной степени, на взгляд П.А. Сорокина, следствием целенаправленной деятельности упомянутых представителей и их сторонников, явилась дисфункция базовых институтов социализации молодежи, ценностный и культурный кризис, проникновение “сексуальной одержимости”⁸³ во все сферы жизнедеятельности общества. Как отмечал П.А. Сорокин: “Мы все больше и больше оказываемся в мире фрейдовских человекоподобных, одолеваемых сексуальными побуждениями и губительными садистскими и мазохистскими инстинктами”⁸⁴.

“Как нация, — писал П.А. Сорокин, — мы становимся все более и более психоневротичными. Эта чрезмерная популярность фрейдизма служит самым убедительным доказательством сексуализации американских психосоциальных дисциплин. Трудно представить более ущербную теорию, чем сексуальные фантазмагии Фрейда, которые вряд ли имели бы серьезные шансы у так называемых ученых, если бы современные психология, психиатрия, социология, образование и антропология не были в некотором смысле поражены возрастающей одержимостью сексом”⁸⁵.

Сексуальной озабоченностью и одержимостью, по мнению П.А. Сорокина, были заражены такие сферы американской и западной культуры, как: литература, музыка, живопись, театр, кино, средства массовой информации, политика, реклама, этика, религия и другие⁸⁶, что особенно актуально в настоящее время.

П.А. Сорокин подчеркивал: «Если нам удастся избежать воздействия непристойной литературы, то мы можем попасть под возбуждающее действие хриплого пения, или новой психологии и социологии, или учения фрейдизированных псевдорелигий, или радио и телевизионных развлечений. Со всех сторон нас окружает надвигающийся вал секса, заполняющий каждую часть нашей культуры, каждый уголок нашей общественной жизни. <...> Неудивительно, что наша

---

⁸¹ Сорокин П.А. Американская сексуальная революция. С. 130–131.

⁸² Там же. С. 131.

⁸³ Там же. С. 54.

⁸⁴ Там же. С. 45.

⁸⁵ Там же. С. 47.

⁸⁶ Сорокин П.А. Американская сексуальная революция. С. 18.

молодежь позволяет себе добрачные отношения, также как их родители часто позволяют себе внебрачные связи. Все больше молодых людей и взрослых, родившихся в таком пронизанном эротикой окружении и зачастую выросших без дисциплины противодействующих моральных императивов, говорящих “ты должен” и “ты не должен”, идут по пути наименьшего сопротивления и удовлетворяют свои ничем не сдерживаемые побуждения, когда бы и где бы ни подвернулась возможность»⁸⁷.

Пропаганда разврата, сексуальной раскрепощенности, разнузданности и вседозволенности, осуществляемая идеологами “сексуальной революции” и иными субъектами общественной жизни, закономерно приводит к “сексуальной анархии”, деградации личности, института семьи, иных базовых социальных институтов, “развитию психоневрозов и функциональных психозов”⁸⁸, девиантным и делинквентным формам поведения, и в конечном итоге — “разрухе в головах”.

“Особенно велика путаница, — отмечает П.А. Сорокин, — в мозгах и действиях молодого поколения, рожденного и воспитанного в этой почти анархической атмосфере, а особенно у детей сексуально и морально распущенных родителей. Высокий уровень преступности среди подростков, потрясающая развращенность, бессмысленность и жестокость некоторых их поступков являются лишь неизбежным следствием той культурной неразберихи, в которой они родились и воспитывались”⁸⁹. “Если это умопомрачение будет продолжаться и дальше, то преступность, разврат и другие духовные и моральные болезни, а также социальная напряженность и конфликты будут распространяться и дальше как среди молодежи, так и среди взрослых, а результатом явится полная анархия”⁹⁰.

Таким образом, “сексуальная революция”, в представлении П.А. Сорокина, фактически являет собой разновидность социального эксперимента глобального масштаба, в осуществлении которого задействованы самые разные субъекты и институты. Объектом данного эксперимента и манипулятивного воздействия, осуществляемого по ходу его, по факту выступают различные человеческие общества, социальные группы (в том числе молодежь) и индивиды.

К похожим выводам, по поводу рукотворного характера происхождения молодежных контркультур и “молодежных бунтов”

---

⁸⁷ Там же. С. 54–55.

⁸⁸ Там же. С. 65.

⁸⁹ Сорокин П.А. Американская сексуальная революция. С. 115.

⁹⁰ Там же. С. 116.

60-х гг. XX в., фактически приходит и С.Н. Паркинсон, который, отвечая на вопрос: “Почему такое движение растет и ширится? и кто способствует его распространению”, — в частности писал:

“Столкнувшись лицом к лицу с бунтующей молодежью, мы должны бы спросить себя, каким комплексом вины, какими слабостями страдает старшее поколение. У него всегда в запасе средства подавить или по крайней мере сдержать этот бунт. Что может быть проще? Первое оружие, и самое могущественное, не обращать на бунтарей никакого внимания. Если бы телевизионные и радиокомментаторы говорились со всеми журналистами — соглашение взрослых людей со взрослыми людьми — не освещать молодежные демонстрации по какому бы то ни было поводу, движение бы застопорилось. Второе оружие, в поддержку первого, — это сила насмешки. Третье — проникновение в ряды бунтарей и работа изнутри. Есть еще и другие средства, более суровые. Если они не используются, то только потому, что старшие чувствуют себя уязвимыми и виноватыми. Мы спрашиваем друг друга, кто виноват, не следовало ли нам посоветоваться с молодежью, не передать ли власть тем, кто помоложе, не предоставить ли им право голоса с восемнадцати, шестнадцати или с десяти лет. И нет нужды удивляться, что движение это растет и ширится; все ясно: мы сами содействуем этому”⁹¹. “Движение протеста среди молодежи, — на взгляд С.Н. Паркинсона, — культивируется и поощряется теми, кто уже (сам — *Прим. С.Е.*) немолод”⁹².

В этом контексте, не меньший интерес вызывает версия-гипотеза о происхождении молодежных культур и контркультур в западном мире (высказанная бывшим сотрудником британской разведки Д. Колеманом), как о результате социальной инженерии, многочисленных социальных проектов и экспериментов по управлению и контролю над человеческими обществами и массовым сознанием, осуществленных целой сетью западноевропейских научных институтов и центров (прежде всего, Тавистокским институтом человеческих отношений и Стэнфордским исследовательским центром), активно финансируемых олигархатом и правительствами ряда западных стран⁹³.

Иными словами, речь шла о манипулятивном воздействии уже не на межличностном, групповом или общенациональном уровне, а на уровне глобальном. То есть молодежные субкультуры и кон-

---

⁹¹ Паркинсон С.Н. Законы Паркинсона. С. 297.

⁹² Там же.

⁹³ См.: Колеман Д. Комитет 300. М., 2011.

тркультуры, по данным Д. Колемана, являлись результатом непосредственной деятельности самых разных субъектов общественной жизни, направленной на конструирование ими полностью подконтрольной им социальной реальности.

Ярким примером такого социального эксперимента по продвижению контркультурных ценностей и установок в молодежной среде, рок-музыки и рок-культуры, в котором принимали самое активное участие Тавистокский институт человеческих отношений, Стэнфордский исследовательский центр, британские и американские спецслужбы, подконтрольные олигархам СМИ, вся индустрия шоу-бизнеса и потребления, является проект по продвижению популярной на Западе группы “Битлз” — социальный эксперимент по внедрению в сознание американской (и иной) молодежи элементов массовой культуры и искусственному конструированию молодежных контркультур, предполагающих “новые типы” и образцы поведения молодых людей.

Именно они, на взгляд Д. Колемана, искусственным образом планировали и осуществляли молодежную контркультурную революцию, “сексуальную революцию”, организовывали “молодежные бунты”, создавали суб- и рок-культуры, популяризировали и способствовали распространению среди молодежи наркотиков, породили феномен “битломании”.

Первоначально на концертах “Битлз” активно и бесплатно раздавались различные наркотики, прежде всего, марихуана и ЛСД. Впоследствии, когда молодые люди “подсели” на них, бесплатные раздачи прекратились; на их беде стали делать деньги, уже продавая им наркотические средства. Многочисленные колонии представителей молодежных субкультур и контркультур стали своеобразными центрами и основными рынками сбыта и распространения наркотических веществ (марихуаны, гашиша и ЛСД). При этом правоохранные органы и спецслужбы делали вид, что ровным счетом ничего не происходит; а в СМИ употребление наркотиков скрыто рекламировалось в формате “обсуждения” проблемы наркомании, вызывая эффект “привыкания”. В результате этого, наркотики делали из потенциально социально активной молодежи зависимую и полностью подконтрольную организаторам этого большого эксперимента социальной инженерии и спецслужбам группу населения. Следует особо подчеркнуть, что наркоманская среда является постоянным, удобным и подконтрольным поставщиком информации для правоохранных органов и спецслужб, а также подконтрольной и легко управляемой группой населения, пригодной

для различных манипуляций (например, на выборах, организации различного рода политических акций) и экспериментов. Кроме того, она является важным источником дохода для дельцов наркобизнеса, в котором были задействованы не только криминальные, но и государственные и коммерческие структуры.

Аналогичным образом раскручивались впоследствии и другие проекты (например, “Ролинг Стоунз”). По достижении нужного результата, прошествии определённого времени, соответствующей команде, эти проекты лишались поддержки и внимания СМИ и, быстро сворачивались.

Таким образом, точка зрения Д. Колемана и его сторонников на истоки происхождения контркультурных феноменов, “молодежных бунтов” и “сексуальной революции”, на наш взгляд, несмотря на то что вряд ли найдет документальное подтверждение, тем не менее имеет право на существование, дальнейшую научную институционализацию и изучение. На наш взгляд, она является не только вполне вероятной, но и в известной степени обоснованной, многое объясняющей. Кроме того, именно в контексте изучения манипулятивного воздействия на современную молодежь, она, безусловно, заслуживает самого пристального внимания.

При этом вполне естественно, что информация, озвученная Д. Колеманом, его версия об истоках происхождения молодежных контркультур, вызвала крайне негативную реакцию со стороны не только упомянутых им представителей научно-исследовательских центров и ученых, но и со стороны “битломанов” — фанатов и поклонников группы “Битлз”. Данная реакция была вполне прогнозируема: кто захочет признаваться, что он был участником или стал объектом масштабного проекта социальной инженерии и манипулятивного воздействия на массовое сознание? Между тем, в продвижении и реализации данного эксперимента не было задействовано ничего такого, что не стало бы обычной практикой в современной действительности.

К тому же надо учитывать тот факт, что в условиях происходившего в XX в. в это время в странах Запада окончательного оформления модели олигархического капитализма, правящие олигархические круги были напрямую заинтересованы в установлении полномасштабного контроля за различными социальными слоями и сферами общественной жизнедеятельности. Для этого они активно финансировали специальные научные проекты, в рамках которых осуществлялись разработки технологий скрытого управления обществом и манипулирования общественным сознанием. Перед

задействованными в этих проектах учеными были поставлены четкие задачи: взять под полный контроль западную молодежь, тем самым — предотвратить ее увлечение коммунистическими идеями и успешно использовать для осуществления в ходе холодной войны антикоммунистической пропаганды. При этом бьющая чрез край энергия западной молодежи была направлена в нужное для олигархата русло: уводя молодых людей из политики, они способствовали “выпуску пара” в различных субкультурных, контркультурных экспериментах, “сексуальной революции”, “молодежных бунтах” и иных подконтрольных олигархам проектах и процессах.

Исходя из этого, ответ на известный вопрос римских юристов: “Кому выгодно?” — при осмыслении причин появления молодежных субкультур и контркультур, “молодежных бунтов” и “сексуальной революции”, роста молодежного радикализма, экстремизма, различных форм девиантного и делинквентного поведения в странах Запада напрашивается сам собой в очень близком контексте, а то и будет полностью созвучным, с версией, изложенный Д. Колеманом и его сторонниками, об искусственном происхождении этих явлений.

Естественно, что действия субъектов, осуществляющих такого рода эксперименты социальной инженерии над американской и западной молодежью, как уже было отмечено, были направлены не только на “выпуск пара” и поиск наиболее эффективных механизмов и технологий социального управления, но также и на сохранение их позиций и системы олигархического капитализма. Как верно отметили Дж. Хиз и Э. Поттер, несмотря на то что “между представителями контркультуры и защитниками старого американского протестантского истеблишмента”⁹⁴ имел место явный культурный конфликт, в то же время “между контркультурными идеями, вдохновлявшими бунт 1960-х, и идеологическими потребностями капиталистической системы просто-напросто никогда не возникало никаких трений”⁹⁵.

Возникновение молодежных контркультур, на взгляд этих авторов, следует рассматривать как своеобразный “псевдобунт, серию драматических жестов, не приводящих к каким-либо политическим или экономическим последствиям, которые, к тому же, отвлекают внимание граждан от важных задач построения более справедливого общества. Другими словами, это всего лишь бунт, служащий средством

---

⁹⁴ Хиз Дж., Поттер Э. Бунт на продажу. М., 2007. С. 15.

⁹⁵ Хиз Дж., Поттер Э. Бунт на продажу. С. 15.

развлечения для самих бунтарей. В худшем случае контркультурный бунт активно способствует современным бедам, подрывая или дискредитируя социальные нормы и институты, реально выполняющие значимые функции”⁹⁶.

С мнением данных авторов солидаризируется и такой западный исследователь как С.М. Липсет, подчеркивавший тот факт, что контркультурные и антисистемные проявления со стороны молодых людей были характерны в большей степени для представителей “относительно привилегированных классов”, находящихся поддержку и у более старших представителей этих слоев населения, в то время как представители непривилегированных слоев населения, в том числе и молодые люди, к ним принадлежащие, активно становились на защиту базовых социальных институтов и институтов социализации⁹⁷.

Таким образом, можно констатировать, что протестный стиль поведения, который демонстрируют молодые люди в процессе успешного манипулятивного воздействия на них, имеет рукотворный и искусственный характер. Стили, мода, элементы контркультуры (например, джинсы, часто потертые и дырявые, ставшие повседневной одеждой для представителей различных слоев общества и высшего света, мини-юбки, оккультная литература и литература “новых левых”) были интегрированы в систему западных потребления этих обществ, принося баснословные барыши их производителям. Средства массовой информации и пропаганды целенаправленно осуществляли раскрутку различных рок-групп (“Битлз”, “Ролинг Стоунз” и др.), исключительно популярных в контркультурной молодежной среде, пропаганду ценностей (фактически же, асоциальных ценностей) контркультур, сексуальной вседозволенности и раскрепощенности. В настоящее время они также продолжают этим заниматься, однако целевой аудиторией их является уже не только западная, но и молодежь других стран и регионов. Именно такого рода молодые люди, протестующие против всего и вся, активно используют манипуляторы для запуска, например, различного рода “цветных революций” и государственных переворотов, становясь костяком “революционных толп” — движущих сил этих деструктивных процессов.

Политтехнологи, “революционные” журналисты, блоггеры при запуске такого рода процессов, активно создают “образ врага” из

---

⁹⁶ Там же. С. 85.

⁹⁷ См.: *Липсет М.* Политический человек: социальные основания политики. М., 2016. С. 537–538.

представителей действующей власти, с которыми невозможны никакой диалог или компромисс и для которого в сложившейся ситуации предусмотрен только один путь, — отказ от власти. Создавая водораздел между “нашими”, — революционерами (которыми быть становилось “модно”, “круто” и “престижно”) и “не нашими”, они всячески подчеркивали неизбежность победы “революции”. Различные уличные акции они превращают в своеобразный “праздник”, “уличный карнавал” для молодежи, умело воздействуя на ее неокрепшее сознание посредством различных каналов: образов, музыки, особого языка, лозунгов, текстов, цвета, света, пластики, декораций.

Искусственно конструируя процесс массообразования, политтехнологи и режиссеры того или иного революционного спектакля стремятся превратить образующиеся уличные толпы в организованную силу и инструмент для достижения поставленных целей, придавая их действиям узаконенный статус. Как заметил М.В. Ремизов: «...революционные технологии — это механизмы придания “целеустремленной” толпе статуса народа. Специфика бархатных революций в том, что этот статус не завоевывается “революционной массой”, а приходит к ней извне. Именно внешний центр власти — не столько по дипломатическим, сколько по каналам мировых СМИ, — гарантирует статус митингующих в качестве авангарда народа, вышедшего на смену истории, чтобы сменить режим. Внешнее признание важно для любого революционного режима, но в одном случае оно только следует за фактом взятия власти, а в другом — логически предшествует ему»⁹⁸.

При помощи различных политтехнологий, молодежь, как необходимый мобилизационный ресурс для создания революционной массы, часто организуется в форме сетевых сообществ и неформальных молодежных движений, по команде-призыву, выплескивающих на улицы. Главная задача для политтехнологов и организаторов революционных спектаклей — вовремя парализовать государственные и проправительственные структуры и, не допустить поддержки свергаемого правительства со стороны потенциально поддерживающих его слоев населения (ведь революционная толпа в процентном соотношении к населению страны представляет собой подавляющее меньшинство). В случае если же что-то пойдет не по сценарию, молодежь используют, как “пушечное мясо”

---

⁹⁸ Ремизов М.В. Неоколониальная революция: осмысление вызова // Агентство Политических Новостей. URL: <http://www.apn.ru/publications/article1237.htm> (дата обращения: 16.06.2016).

и “жертву кровавого режима”, откладывая само свержение режима “до следующего раза”.

Привыкнув принимать участие в “тусовке”, безобидных флэш-мобах, различных молодежных акциях, молодой человек не понимает, конечно же, будет отрицать, что его фактически уже давно используют их организаторы, часто в понятных только им целях. Поэтому, получив соответствующие СМС-сообщения или сообщения в социальных сетях, многие из них пойдут, не задумываясь и не осознавая сути происходящего, принимать участие в новых акциях, которые могут принять характер мероприятий, вроде “акций” на “Чистых прудах” и “Болотной площади”. Именно такого рода технологии часто и используются для организации “цветных” и “твиттерных” революций. Как видно, ничего принципиально нового, со времен операции по свержению Шарля де Голля в результате студенческих волнений 1968 г., за исключением технических средств и методов, социоинженерами и спецслужбами изобретено не было.

В настоящее время, в условиях тотальной интернет и гаджето-зависимостей современной молодежи применение такого рода манипулятивных технологий, является значимой угрозой национальной безопасности любого государства и, прежде всего, России. Изучение подобного рода негативной практики в жизнедеятельности современного российского общества, в этом ключе, на наш взгляд, становится весьма актуальным и перспективным направлением социологических исследований. Их цель — минимизировать деструктивные последствия манипулятивного влияния, выработать эффективные механизмы противодействия им, пресекать подобного рода деструктивное воздействие на процесс социализации, воспитания и социального развития современной российской молодежи, а также разработать систему контрпропагандистских действий.

Как справедливо отметил В.В. Путин, “Россия исчерпала свой лимит на политические и социально-экономические потрясения, катаклизмы, радикальные преобразования. Только фанатики или глубоко равнодушные, безразличные к России, к народу политические силы в состоянии призывать к очередной революции. Под какими бы лозунгами — коммунистическими, национально-патриотическими или радикально-либеральными — ни развернулась бы очередная крутая ломка всего и вся, государство и народ ее не выдержат. Терпение и способность нации к выживанию, равно как и к созиданию, находятся на пределе истощения. Общество

просто рухнет — экономически, политически, психологически и морально”⁹⁹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вежи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909.
- Гонсалес-Мата Л.М. Невидимые властители: Записки агента. М., 1983.
- Давыдов Ю.Н., Роднянская И.Б. Социология контркультуры. М., 1980.
- Достоевский Ф.М. Дневники писателя. В 2 т. Т. 1. М., 2011.
- Дунаев М.М. Преступление перед будущим. М., 2007.
- Елишев С.О. О сущности “современных революций” и государственных переворотов. М., 2017.
- Елишев С.О. Политика. Базовые понятия. М., 2018.
- Замостьянов А. 1968: “Всё — и немедленно!”. Тот год определил развитие цивилизаций на несколько десятилетий вперед // Военное обозрение. 14.02.2013. URL: <https://topwar.ru/82297-sekty-kak-ugroza-nacionalnoy-bezopasnosti-rossii.html> (дата обращения: 15.05.2018).
- Ильин И.А. Большевистская политика мирового господства // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 8. М., 1998.
- Колеман Д. Комитет 300. М., 2011.
- Ленин В.И. Письмо А.А. Богданову и С.И. Гусеву // Ленин В.И. Полн. Собр. соч.: В 55 т. Т. 9. М., 1967.
- Липсет М. Политический человек: социальные основания политики. М., 2016.
- Манхейм К. Избранное: диагноз нашего времени. М., 2010.
- Маркузе Г. Очерк об освобождении. М., 1970.
- Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Киев, 1995.
- Маркузе Г. Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной практике. М., 2011.
- Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2007.
- Паркинсон С.Н. Законы Паркинсона. М., 1989.
- Райх В. Открытие Органа. Функция оргазма. М., 2016.
- Райх В. Сексуальная революция. СПб.; М., 1997.
- Ремизов М.В. Неоколониальная революция: осмысление вызова // Агентство Политических Новостей. URL: <http://www.apn.ru/publications/article1237.htm> (дата обращения: 16.06.2016).
- Рошак Т. Истоки контркультуры. М., 2014.
- Сорокин П.А. Американская сексуальная революция. М., 2006.
- Франция глазами французских социологов. М., 1990.
- Фрейд З. Семейный роман невротиков: Сб. СПб., 2009.
- Хиз Дж., Поттер Э. Бунт на продажу. М., 2007.
- Чичерин Б.Н. Мысли о современном положении России. URL: http://dugward.ru/library/gosipravo/chicherin_miysli_o_sovremennom.html (дата обращения: 05.09.2017).
- Чичерин Б.Н. Что такое охранительные начала? // Наше время. 1862. 22 февр. № 39.

---

⁹⁹ См.: Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.agitclub.ru/vyborny/put/put2000/putinn210.htm>. (дата обращения: 16.06.2016 г.).

REFERENCES

Chicherin B.N. Mysli o sovremennom polozhenii Rossii [Thoughts on the current situation in Russia]. URL: http://dugward.ru/library/gosipravo/chicherin_mysli_o_sovremennom.html (data obrashcheniya: 05.09.2017) (in Russian).

Chicherin B.N. Chto takoe ohranitel'nye nachala? [What are protective principles?] // *Nashe vremya*. 1862. 22 fevr. N 39 (in Russian).

Davydov Yu.N., Rodnyanskaya I.B. Sociologiya kontrkul'tury [Sociology of counterculture]. M., 1980 (in Russian).

Dostoevskij F.M. Dnevniky pisatelya [Writer's diaries]. V 2 t. T. 1. M., 2011 (in Russian).

Dunaev M.M. Prestuplenie pred budushchim [Crime before the future]. M., 2007 (in Russian).

Elishev S.O. O sushchnosti "sovremennyh revolyucij" i gosudarstvennyh pevorotov [On the essence of "modern revolutions" and coups d'état]. M., 2017 (in Russian).

Elishev S.O. Politika. Bazovye ponyatiya [Politics. Basic concepts]. M., 2018 (in Russian).

Feuer L.S. The conflict of generations: the character and significance of student movements. N.Y.; L., 1969.

Franciya glazami francuzskih sociologov [France through the eyes of French sociologists]. M., 1990 (in Russian).

Frejd Z. Semejnyj roman nevrotikov [Family novel of neurotics]: Sb. SPb., 2009 (in Russian).

Gonsales-Mata L.M. Nevidimye vlastiteli: Zapiski agenta [Invisible rulers: Notes of an agent]. M., 1983 (in Russian).

Hiz Dzh., Potter E. Bunt na prodazhu [Rebellion for sale]. M., 2007 (in Russian).

Il'in I.A. Bol'shevistskaya politika mirovogo gospodstva [Bolshevik policy of world domination] // *Il'in I.A. Sobranie sochinenij*: V 10 t. T. 8. M., 1998 (in Russian).

Koleman D. Komitete 300 [Committee 300]. M., 2011 (in Russian).

Lenin V.I. Pis'mo A.A. Bogdanovu i S.I. Gusevu [Letter to A.A. Bogdanov and S.I. Gusev] // *Lenin V.I. Poln. Sobr. soch.*: V 55 t. T. 9. M., 1967 (in Russian).

Lipset M. Politicheskij chelovek: social'nye osnovaniya politiki [Political man: social foundations of politics]. M., 2016 (in Russian).

Manheim K. Izbrannoe: diagnoz nashego vremeni [Selected: Diagnosis of Our Time]. M., 2010 (in Russian).

Markuze G. Ocherk ob osvobozhdenii [Essay on Liberation]. M., 1970 (in Russian).

Markuze G. Eros i civilizaciya [Eros and Civilization]. Kiev, 1995 (in Russian).

Markuze G. Kriticheskaya teoriya obshchestva: Izbrannye raboty po filosofii i social'noj praktike [Critical Theory of Society: Selected Works on Philosophy and Social Practice]. M., 2011 (in Russian).

Ortega-i-Gasset H. Vosstanie mass [Revolt of the Masses]. M., 2007 (in Russian).

Parkinson S.N. Zakony Parkinsona [Parkinson's Laws]. M., 1989 (in Russian).

Rajh V. Otkrytie Organa. Funkciya orgazma [Opening of the Organ. The Function of Orgasm]. M., 2016 (in Russian).

Rajh V. Seksual'naya revolyuciya [Sexual Revolution]. SPb.; M., 1997 (in Russian).

Remizov M.V. Neokolonial'naya revolyuciya: osmyslenie vyzova [Neocolonial Revolution: Understanding the Challenge] // *Agentstvo Politicheskikh Novostej*. URL: <http://www.apn.ru/publications/article1237.htm> (data obrashcheniya: 16.06.2016) (in Russian).

Roshak T. Istoki kontrkul'tury [The origins of counterculture]. M., 2014 (in Russian).

Sorokin P.A. Amerikanskaya seksual'naya revolyuciya [American sexual revolution]. M., 2006 (in Russian).

Vekhi. Sbornik statej o russoj intelligencii [Milestones. Collection of articles on the Russian intelligentsia]. M., 1909 (in Russian).

Zamost'yanov A. 1968: "Vsyo — i nemedlenno!". Tot god opredelil razvitie civilizacij na neskol'ko desyatiletij vpered [1968: "Everything — and immediately!" That year determined the development of civilizations for several decades ahead] // *Voennoe obozrenie*. 14.02.2013. URL: <https://topwar.ru/82297-sekty-kak-ugroza-nacionalnoy-bezopasnosti-rossii.html> (data obrashcheniya: 15.05.2018) (in Russian).

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-2-64-88

РОЖДЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РУСОФОБИИ
(XV–XVII вв.)

Статья первая

С.В. Перевезенцев, докт. ист. наук, проф., проф. кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, г. Москва, Российская Федерация, 119991*

А.Б. Страхов, канд. полит. наук, спец. по УМР кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, г. Москва, Российская Федерация, 119991**

Статья посвящена историческим истокам русофобии в Европе, которая начала формироваться в XV веке. В статье рассматривается сложность процессов зарождения русофобских настроений, выявляются их корни в долгосрочных исторических контактах между Русью и Западной Европой, изменениям в политической и религиозной сферах. Выявляется специфика русофобии, которая формировалась в разных западных странах. После монгольского нашествия и периода ордынского ига Русь утрачивала свои связи с Западной Европой, что при «переоткрытии» России способствовало формированию негативных стереотипов о русских. Кроме того, акцентируется внимание на последствиях политических событий, таких как Крестовая уния и взаимоотношения между Москвой и Литвой (а позже и Польшей), которые углубили пропасть между Россией и Западной Европой. Сложная династическая и религиозная политика Литвы и Польши привела к дополнительным конфликтам с Россией, что формировало взгляды западных авторов на Россию сквозь призму экзистенциального русско-польского противостояния. С приходом европейских путешественников в Россию начали возникать негативные мифы о русских, такие как грубость, пьянство и «рабская природа» народа. Эти мифы часто основывались на поверхностном восприятии чужестранцами русской культуры и быта.

Ключевые слова: русофобия, социально-политическая мысль, духовно-политическая мысль, Россия, самодержавие.

* Перевезенцев Сергей Вячеславович, e-mail: serp1380@yandex.ru

** Страхов Александр Борисович, e-mail: falconian@yandex.ru

THE BIRTH OF EUROPEAN RUSSOPHOBIA (XV–XVII centuries)

The first article

Perevezentsev Sergey V., Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Lomonosovskiy prospect, 27, korp. 4, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: serp1380@yandex.ru

Strakhov Alexander B., Candidate of Political Sciences, Specialist of Methodical Work of Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Lomonosovskiy prospect, 27, korp. 4, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: falconian@yandex.ru

The article is devoted to the historical origins of Russophobia in Europe, which began to form in the 15th century. The article examines the complexity of the processes of the emergence of Russophobic sentiments, reveals their roots in long-term historical contacts between Russia and Western Europe, changes in the political and religious spheres. The article reveals the specifics of Russophobia, which was formed in different Western countries. After the Mongol invasion and the period of the Horde yoke, Russia lost its ties with Western Europe, which during the “rediscovery” Russia has contributed to the formation of negative stereotypes about Russians. In addition, attention is focused on the consequences of political events such as the Union of Kreva and the relationship between Moscow and Lithuania (and later Poland), which deepened the gap between Russia and Western Europe. The complex dynastic and religious policies of Lithuania and Poland led to additional conflicts with Russia, which shaped the views of Western authors on Russia through the prism of the existential Russian–Polish confrontation. With the arrival of European travelers to Russia, negative myths about Russians began to arise, such as rudeness, drunkenness and the “slave nature” of the people. These myths were often based on the foreigners’ superficial perception of Russian culture and customs.

Key words: *Russophobia, socio-political thought, spiritual and political thought, Russia, autocracy.*

Рождение всякого исторического явления — процесс долгий и противоречивый, потому что в ходе самого процесса рождения возникают различные варианты развития этого явления, возможные пути и направления дальнейшего его становления. Столь же сложный и противоречивый путь прошло то явление, которое позднее назвали русофобией. Многочисленные исторические источники свидетельствуют, что к XVIII в. в сознании значительного числа европейских жителей уже сложился определенный — отрицательный — образ России, и любая попытка не то что разрушить или поколебать этот образ, но просто произнести или написать о

России какие-то хорошие слова вызывали у многих европейских слушателей, читателей и собеседников, в России, конечно, не бывавших, в лучшем случае, недоверие, а в худшем — страх перед Россией, перерастающий в ненависть. Но также известно, что первый яркий всплеск русофобии, даже не всплеск, а настоящий взрыв русофобских настроений в Европе пришелся на середину — вторую половину XVI в. Впрочем, началось все намного, примерно на столетие, раньше.

* * *

Практически с момента своего возникновения, т.е. в конце IX — начале X в. Русская земля или Русь, как именовали свое государство люди, жившие в нем в те времена, была включена в самый широкий круг международных отношений. Известия о русских князьях, купцах, о тех или иных событиях, происходящих на Руси, можно найти в многочисленных византийских, западноевропейских и арабских источниках того исторического периода. Так было и позднее: правители различных стран Запада и Востока в той или иной степени были включены в решение проблем на территории Русской земли, как, к примеру, польский король Болеслав решительно включился в конфликт детей Владимира Святославича в начале XI в., или как венгерский король Андрей и польский князь Лешко вмешались в политические перипетии Галицко-Волынской земли в первой половине XIII в. В свою очередь, русские князья принимали активное участие в политической жизни Западной Европы, Византийской империи и степных народов, прежде всего, половцев. С X в. известны многие дальние походы русов во главе с князьями Олегом, Игорем и Святославом, потом, в XI–XIII вв. — дружин различных русских князей в разные регионы Европы, иногда очень далекие от собственно русских земель. Так, в первой половине — середине XIII в. галицко-волынский князь Даниил Романович воевал в Венгрии, Чехии, Германии, Польше, Прибалтике. Тесными в XI–XIII вв. были и династические связи князей Рюриковичей с европейскими, византийскими и степными правителями. Эти и многие иные — экономические, торговые, культурные, религиозные и т. п. контакты и взаимовлияния свидетельствуют, что Русская земля в X–XIII вв. была одной из составных и важных частей всего европейско-азиатского мира того времени.

Все изменило монгольское нашествие в середине XIII в. и последовавшее за ним ордынское иго над русскими землями, продолжавшееся до конца XV в. Трагические последствия ордынского ига были разнообразны, отметим лишь некоторые. Одно из них: изменения

в политической области, ведь русские князья потеряли политическую самостоятельность, ибо верховными правителями считались ордынские ханы, которых с тех пор и до конца XV в. на Руси называли “царями”. В результате ордынского владычества произошла геополитическая катастрофа: русский мир оказался разорван на две части — Юго-Западную и Северо-Восточную Русь, — связи между которыми с каждым годом становились все тоньше и тоньше. Земли Юго-Западная Русь (Полоцкая, Минская, Смоленская, Галицко-Волынская, Киевская, Черниговская, Новгород-Северская и др.) все больше ориентировались на Запад и, в конце концов, уже в XIV в. оказалась под властью Литвы, Польши и, частично, Венгрии. И только Северо-Восточная и Северо-Западная Русь (Владимирская, Тверская, Московская, Рязанская, Новгородская и др. земли) еще сохраняли экономический и политический потенциал для борьбы за восстановление независимости и нового объединения русских земель.

В эти же годы, пытаясь воспользоваться бедственным положением Руси, усилили давление на ее границы и западные державы. Их агрессивные действия всячески поддерживала Римско-католическая церковь, которая надеялась подчинить русские княжества своему духовно-политическому влиянию. На северо-западе русским князьям удалось отразить несколько попыток католических орденов подчинить русские земли, и сохранить тем самым надежду на возрождение независимости Руси. Но галицко-волынский князь Даниил Романович был посвящен католическим епископом в королевский сан, однако никакой военной от западных стран не дождался, и был вынужден склонить голову перед монголами. А при потомках Даниила Романовича земли его княжества окончательно потеряли самостоятельность.

Результатом монгольского нашествия стал и новый раскол единой Русской митрополии. Уже в середине XIII в. началось соперничество галицких и владимирских князей за контроль над Русской митрополией. В 1303 г. галицкий князь Юрий Львович, внук Даниила Романовича Галицкого, смог уговорить константинопольского патриарха Афанасия и императора Андроника II Палеолога Старшего возвести Галицкую епископскую кафедру в степень митрополии под руководством митрополита Галицкого Нифонта (ум. 1307). С этого времени Киевская митрополия (хотя и располагавшаяся теперь не в Киеве, а во Владимире Залесском) именовалась митрополией Великой Руси, а Галицкая — митрополией Малой Руси. Именно отсюда берут начало впоследствии знаменитые историко-географические

и политические наименования — Великая Русь (Россия) и Малая Русь (Малороссия).

Все эти события, произошедшие в Русской земле, привели к тому, что в Западной Европе постепенно стали забывать о свободной и независимой Руси, существовавшей когда-то на Востоке В XIV–XV вв. Русь для западноевропейцев — это всего лишь некоторая часть Великого княжества Литовского, самого крупного в тот исторический период восточноевропейского государства, стеной вставшего между странами Западной Европы и северо-восточными русскими землями.

В данном случае, необходимо иметь в виду, что Литовское княжество с самого начала, с XIII в., складывалось как *литовско-русское* государство¹. Даже первым политическим центром Литовского государства стал русский город Полоцкой земли — Новгородок (ныне г. Новогрудок в Гродненской области Белоруссии). Великое княжество Литовское не попало под ордынское иго, и это стало важнейшей причиной быстрого возвышения Литовского государства. Подчинение русских княжеств литовским князьям не носило характера откровенного завоевания. Конечно, были военные конфликты, но эпизодические и небольшие. В то же время ряд княжеств Западной и Южной Руси подчинились литовским князьям без сопротивления. Западнорусские княжества видели в литовских князьях союзников по борьбе с немецкими рыцарями и ордынскими завоевателями. А южнорусские земли, подчинившись Литве, просто спасались от тягот ордынского владычества, не желая выплачивать тяжелейшую дань. Впрочем, литовские князья все-таки платили дань Орде, получая от ордынских ханов ярлыки-пожалования на русские земли Великого княжества Литовского, причем выдача ярлыков происходила вплоть до образования Речи Посполитой в 1569 г., когда южные земли Великого княжества Литовского окажутся в составе Польского королевства².

---

¹ См. История России: В 4 т. Т. 1. Генезис и эволюция русской государственности (до конца XVII века): Коллект. монограф. / Под ред. Н.А. Омельченко; отв. ред. С.В. Перевезенцев. М., 2018. С. 321–360.

² См.: Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1846. № 4. С. 21; Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2. СПб., 1848. № 5. С. 4–5; *Беспалов Р.А.* Литовско-ордынские отношения 1419–1429 годов и первая попытка образования Крымского ханства // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. 5. Севастополь; Тюмень, 2013. С. 30–52; *Шабунько Ф.М.* К итогам изучения синеводской проблемы // История и современность. 2013. № 1. С. 80–83; *Оболенский М.А.* Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу 1392–1393 года. Казань, 1850. С. 51;

В XIII–XIV вв. бóльшая часть населения Литовского княжества состояла из русских православных людей. Русские князья играли серьезную роль в управлении Литовским государством. На Руси литовцев также не считали чужестранцами. Русские уезжали в Литву, литовцы — в русские княжества. Официальным языком княжества был русский язык в его западнорусском варианте. Традиционными были связи, в том числе семейные, между литовскими и русскими князьями. Наконец, литовские князья поначалу придерживались политики веротерпимости. Земли Литовского княжества в церковном отношении подчинялись духовной власти киевского митрополита. Поэтому православное население русских земель, вошедших в состав Великого княжества Литовского, могло свободно исповедовать свою веру. Отразилась эта ситуация и в официальном названии государства, которое к концу XIV в. стало именоваться Великим княжеством Литовским и Русским, а с 1430-х гг., после присоединения жемайтов — Великим княжеством Литовским, Русским и Жемайтйским.

Усилиями литовских князей Гедимина, Ольгерда, Ягайло и Витовта, к концу XIV — началу XV в. Великое княжество Литовское достигло наивысшей силы и могущества. Территория княжества к середине XV в. простиралась от Черного до Балтийского морей. Помимо новой столицы Вильно важными политическими и торговыми центрами были города Гродно, Киев, Полоцк, Пинск, Брянск, Берестье и др. (большинство из них ранее были столицами русских земель). Но уже в XIV в. Литва подчинила русские земли до Днепра, повела наступление на Смоленск и княжества по верховьям Оки (“верховские княжества”), а также на земли Пскова и Новгорода, и стала серьезным соперником Московского княжества в борьбе за главенство в русских землях.

Однако объединению всех русских земель под властью литовских князей помешали два важных обстоятельства. Во-первых, литовские князья долго не могли определиться с выбором религии. Многие из них долгое время оставались язычниками, некоторые приняли православие, другие стали католиками, а были и те, кто менял веру неоднократно. Но в годы правления князя Ягайло в 1385 г. на съезде польских и литовских представителей в замке Крево было принято соглашение о династическом союзе между Польским коро-

---

Радлов В.В. Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга // Записки Восточного отделения Императорского Российского археологического общества. Т. 3. Вып. 1–2. СПб., 1888. С. 6; *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 323–324, 362; *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 153.

левством и Великим княжеством Литовским, так называемая “Кревская уния”. Польско-литовская уния предусматривала брак великого князя Ягайло с юной наследницей польского престола королевой Ядвигой и провозглашение Ягайло королем обоих государств, в ведении которого находились все иностранные сношения и оборона. Ягайло принял католичество с именем Владислава и на люблинском сейме был избран польским королем под именем Владислава II Ягелло, оставаясь одновременно великим князем литовским. Государственной религией Великого княжества Литовского было объявлено католичество. Но внутреннее управление обоих государств оставалось раздельным: каждое из государств могло иметь своих должностных лиц, отдельные войска и особую казну.

И вновь уступка католической церкви и западным католическим властителям сыграло роковую роль в истории восточноевропейского государства. Прежде всего, приняв католичество в качестве государственной религии, Ягайло лишил своих потомков возможности подчинить себе все православные русские земли, включая северо-западные и северо-восточные: православные жители русского Северо-Запада и Северо-Востока не собирались идти под власть короля-католика. Больше того, религиозный конфликт разразился в самой Литве, начались протесты как самих литовцев-язычников, так и православных жителей русских областей. Остальное население осуждало попытки Ягайло ввести в Литве польские порядки и обычаи. Протесты против унии со стороны литовцев вынудили Ягайло в 1392 г. передать власть в Литве своему двоюродному брату Витовту, в 1401 г. ему же был передан титул великого князя Литовского. Ягайло сохранил за собой лишь формальный титул “верховного князя Литвы”. Именно при Витовте, осуществлявшего более взвешенную религиозную политику и, одновременно, стремившегося освободить русские области, входящие в состав Литвы, от церковного влияния московского митрополита, и добивавшегося учреждения отдельной Киевской митрополии, Великое княжество Литовское достигло своеобразного пика своего могущества. В 1429 г. Витовт готовился принять королевский титул, что означало превращение Великого княжества Литовского в самостоятельное королевство, но незадолго до проведения коронации в 1430 г. скончался. После его смерти в Литве началась междоусобная война за великокняжеский престол между новыми претендентами. С 1440 г. его занимали потомки Ягайло, одновременно они же являлись и королями Польши (династия Ягеллонов). И постепенно литовские земли подпадали под все большее польское влияние, в них вводили-

лись польские порядки, а Литва, все больше теряла признаки самостоятельного государства, пока в 1569 г. не стало частью единой Речи Посполитой.

Вторым обстоятельством, помешавшим Литве объединить под своей властью все русские земли, стал подъем в XIV–XV вв. северо-восточных русских княжеств, которые начали борьбу за создание независимого единого Русского православного государства, объединяя вокруг Москвы иные русские земли. Именно в XV столетии, особенно во второй его половине, набравшее мощь Великое княжество Московское, ведомое русскими православными князьями, вновь вышло на международную арену как самостоятельная политическая сила и предъявила свои права на все русские земли, когда-то входившие в состав независимой Русской земли. Эти претензии отразились в новом официальном титуле великого князя Московского Ивана III Васильевича, который он принял после 1485 г. — *“государь всея Руси”*. Современные специалисты отмечают, что именно в годы правления Ивана III доминантой внешней политики стала сформулированная в летописях и дипломатических документах доктрина “Киевского наследства” — идея преемственности Московской Руси от Киевской Руси через посредничество Владимиро-Суздальской Руси³.

А это означало, что Иван III поставил перед собой и своими потомками величайшую геополитическую задачу: восстановление государственного единства Русского мира, т.е., борьбу за окончательное воссоединение всех земель Древней Руси под властью московского государя, борьбу за выход на Балтику и борьбу с угрожавшими стране осколками Орды. Эти задачи оставались неизменными на протяжении нескольких столетий и были полностью решены только к концу XVIII в. Однако реализацию этих задач начал уже сам Иван III Васильевич: в 1487–1494 и 1500–1503 гг., в ходе двух войн с Великим княжеством Литовским десятки русских городов, включая Вязьму, Чернигов и Новгород-Северский, были присоединены к Русскому государству. Но претензии московского великого князя были гораздо более серьезными. В 1503 г. посланнику венгерского и чешского короля Владислава, пожелавшего выступить посредником в переговорах Москвы и Вильны, было жестко сказано: “Ино ведомо гораздо самим королем, Владиславу и Александру⁴, что они

³ См. История России: В 4 т. Т. 1. Генезис и эволюция русской государственности (до конца XVII века): коллективная монография. С. 263.

⁴ Венгерский и чешский король Владислав II Ягеллон (1456–1516) и польский король и великий князь Литовский Александр Казимирович Ягеллон (1461–1506) были родными братьями, сыновьями польского короля и великого князя Литовского Казимира IV Ягеллончика (1427–1492).

вотчичи Полского королевства да Литовския земли от своих предков, а Русская земля от наших предков, из старины, наша отчина”⁵. По убеждению Ивана III Васильевича, те русские земли, которые находятся во владении литовского великого князя и польского короля Александра Казимировича, были “переуступлены” ему “по-свойски” (Александр был женат на Елене Ивановне, дочери Ивана III), однако польско-литовский правитель не соблюдает подписанные договоренности и поэтому московский великий князь, как “государь всея Руси”, имеет полное право вернуть свои “переуступленные” отчины: “А коли есмя имали докончанье с своим зятем, с великим князем Александром, и мы были тогда те свои отчины переступили, свойства деля; а коли нам зять наш князь велики Александр ни в чем не учал правити, и нам, уповая на Бога, о чем своя вотчина оставивати и за нее не стояти? И короли бы Владислав и Александр положили на своем разуме, гораздо ли то чинят, что за нашу ж отчину, а не за свою, хотят с нами валчити? И коли короли похотят с нами за то валчити, и мы, уповая на Бога, хотим за свою отчину стояти, как нам Бог поможет: у нас Бог помощник и наша правда”⁶. При этом в титуле Александра Казимировича указывалось лишь то, что он “король Польский и великий князь Литовский”, т.е. с русской стороны не признавалось его право именоваться “великим князем Русским”.

Дело отца продолжил и его наследник, великий князь Московский Василий III Иванович, не только сохранивший отцовские завоевания, но и возвративший в 1514 г. в свои владения Смоленск. Более того, в дипломатической переписке с польско-литовскими правителями и на переговорах с их послами и сам великий князь, и его бояре постоянно подчеркивали, что Василий III носит титул “государь всея Руси”, т.е. его отчиной является вся Русская земля. В частности, в 1517 г., во время очередных переговоров в Москве с поляками при посредничестве посла Священной Римской империи С. Герберштейна, послам польского короля и великого князя Литовского Сигизмунда I было открыто заявлено: отчиной Василия III являются не только земли, вошедшие в состав Русского государства в ходе предшествующих русско-литовских войск, но все русские земли: “Которые города государя нашего отчина от прародителей его, Киев, Полтеск, Витебск и иные города государя нашего отчину Жигимонт король держит за собою неправдою, и он бы тех городов государю нашему поступился”⁷.

---

⁵ Сборник РИО. Т. 35. СПб., 1882. № 73. С. 358.

⁶ Там же.

⁷ Сборник РИО. Т. 35. СПб., 1882. № 85. С. 509.

Тогда же в письменных источниках впервые появляется новое именование Руси — “*Росия*”, пришедшее из Византии. Подобное именование сохранялось и в XVI веке. Например, царь Иван IV Васильевич называл свое государство “*Российским царством*”⁸. Подобным образом именовали Русскую державу и в начале XVII в. — “*Российское великое государство*”. Наряду с этим сохранялось и прежнее название — “*Русия*”, “*Руская земля*”. Написание слова “*Россия*” с двумя буквами “с” утверждается уже в XVII веке⁹.

Однако в Западной Европе собственно “*Русью*” продолжали считать те русские земли, которые находились в составе Великого княжества Литовского и Польского королевства. Государство Ивана III оказалось для европейцев *terra incognita* и потому пугающим...

* * *

Впервые после длительного перерыва Русь вне пределов Великого княжества Литовского упоминается в дневниковых записях бургундского рыцаря Гильбера де Ланноа (1386–1462), известных под названием “*Путешествия и посольства*”. Истинный католик, неоднократно защищавший Христову веру в сражениях, Гильбер де Ланноа в 1413 г. приехал в Пруссию для участия в походе Тевтонского ордена на Великое княжество Литовское. Однако поход не состоялся и тогда он отправился в путешествие в русские земли, посетил Новгород Великий и Псков. Второй раз, уже в 1421 г., он в качестве посла герцога Бургундского, французского и английского королей, проезжал через западнорусские земли Галиции и Подолии. Бургундский рыцарь оказался внимательным наблюдателем, отметившим многие своеобразные черты духовной, политической и бытовой жизни русских жителей. В мемуарах Гильбера де Ланноа впервые в западноевропейских источниках встречается разделение русских земель на три части: *Великую Русь*, т.е. северо-западные и северо-восточные русские земли, подчиняющиеся великому князю Московскому (“Нет у них другого короля и господина, кроме короля Московского, государя Великой Руси, которого они, когда хотят, имеют [своим] господином, когда не хотят, не имеют”¹⁰), *Верхнюю и Нижнюю Русь*, т.е. западные, юго-западные и южные русские земли, оказавшиеся в составе Великого княжества Литовско-

---

⁸ См.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подг. текста Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыкова. М., 1981. С. 12.

⁹ См. об этом: Клосс Б.М. О происхождении названия “*Россия*”. М., 2012.

¹⁰ Великая Русь рыцаря де Ланноа. Первое Западное описание Руси // Родина. 2003. № 12. С. 78.

го. Так он описывает свое путешествие по бывшим юго-западным русским княжествам: “Оттуда я отправился в один город на Руси по названию Бельск к герцогине Мазовецкой, которая оказала мне честь и прислала мне разного рода жизненные припасы; и была она сестрой польского короля. Я пересек Нижнюю Русь и прибыл к герцогу Витовту, великому князю и королю Литвы, коего я нашел в Каменце на Руси... из Лемберга, проехав Верхнюю Русь, я приехал в Подолию в другой Каменец”¹¹. Примечательно, что Гильбер де Ланноа подчеркивает одну из важнейших черт, объединяющих русский народ всех трех видов Руси — православную веру: “Держатся они, а равно все другие русские на Руси, которая весьма велика, христианского закона по их вере, такой же, как у греков”¹².

Впервые в рассказах западноевропейца звучит нравственное и цивилизационное превосходство, причем одно он высказывает прямо, а другое остается лишь замечанием. В записях Гильбера де Ланноа сохранилось упоминание о странном обряде, как будто бы существующем в Новгороде Великом: “В их городе есть рынок, где они продают и покупают своих женщин, поступая по их закону, мы же, истинные христиане, не посмели бы этого делать никогда в жизни”¹³. Однако описываемый Гильбером де Ланноа так называемый “их закон” неизвестен русским средневековым источникам, и очень сложно понять, что бургундский путешественник имеет в виду. Еще в XIX в. П.С. Савельев, первый публикатор воспоминаний Гильбера де Ланноа о посещении Новгорода на русском языке, эту запись назвал “сказкой”, основанием которой, «был, вероятно, обычай давать калым за жену, непонятый рыцарем; или же он принял в буквальном смысле выражения “купец и товар”, употребляемый в народе, когда говорится о женихе и невесте. Может быть, впрочем, что в Новгороде и существовал обычай — в известный день, на публичных сборищах, подмечать невест, сохранившийся доселе в некоторых местах России»¹⁴. Далее П.С. Савельев иронически комментирует удивительную черту западноевропейских наблюдателей всегда видеть в русских людях нечто “варварское”: “Современные нам европейские путешественники описывают же продажу невест, происходящую будто бы в Духов День здесь в Петербурге,

¹¹ Там же. С. 79.

¹² Там же. С. 77.

¹³ Великая Русь рыцаря де Ланноа... С. 78.

¹⁴ *Савельев П.С.* Очерк путешествия в прибалтийские страны, Великий Новгород и Псков, совершенного рыцарем Гильбертом де-Ланноа в 1412–1414 гг. // Географические известия, выдаваемые от Императорского Русского географического общества. СПб., 1850. С. 31.

в нашем Летнем саду!»¹⁵. В самом деле, ведь и бургундский рыцарь сопровождает описание этого “закона” комментарием: “Мы же, истинные христиане, не посмели бы этого делать никогда в жизни”¹⁶.

Второе замечание касается русского обычая бить челом, который де Ланноа трактует по-своему: “Прибыли два посольства, одно из Новгорода Великого, другое из королевства Пскова, которые, целуя землю, выложили перед его [Витовта] столом много чудесных подарков”¹⁷. Уверенные утверждения о низкопоклонстве русских людей перед литовскими властями, основанные на собственных представлениях без погружения в культуру и традиции, становятся общим местом для большинства иностранных авторов, которые писали о России.

Впрочем, воспоминания Гильбера де Ланноа, включая его описание Руси, остались неизвестными современникам, ведь впервые их опубликовали на французском языке только в 1840 г.¹⁸ Зато широкое распространение получила книга венецианского дипломата Амброджо Контарини (1429–1499) “Путешествие в Персию”, впервые опубликованная в 1487 г. на итальянском языке¹⁹ и затем выдержавшая множество переизданий на разных языках. Именно благодаря выходу этой книги жители Западной Европы впервые узнали о России, ее природе и ландшафтах, познакомились с некоторыми русскими обычаями, традициями, бытом и нравами как двора великого князя Московского Ивана III Васильевича, так и обычных русских людей. Традиционно для западноевропейского путешественника XV в. Амброджо Контарини использует по отношению к русским землям деление на Нижнюю и Верхнюю Русь/Россию: «На территории, которую Контарини определяет как “Нижнюю Россию” (*Rossia Bassa*), он указывает два населенных пункта — Луцк и Житомир, но в дальнейшем изложении исключает отсюда Киев.

---

¹⁵ Там же.

¹⁶ Великая Русь рыцаря де Ланноа. Первое Западное описание Руси // Родина. 2003. № 12. С. 78.

¹⁷ Там же. С. 79.

¹⁸ *Voyages et ambassades de Messire Guillebert de Lannoy. 1399–1450. Mons, 1840.*

¹⁹ *Viaggio del clarissimo messer Ambrogio Contareno nella Persia, mandate pro ambasciatore dalla Illustrissima Signoria di Vinetia, allo illustre signore Usuncassan, re di Persia. Venetia, 1487.* Первый перевод на русский язык был опубликован в 1836 г.: Путешествие Амвросия Контарини, посла светлейшей Венецианской республики к знаменитому персидскому государю Узун-Гасану, совершенное в 1475 г. // Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб., 1836.

^Вданной статье используется следующее издание: Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. статьи, подгот. текста, пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 210–247.

“Нижняя Россия” противопоставляется “Верхней России” (Rossia Alta), которая соответствует примерно северо-восточной Руси, Московскому государству. Когда Контарини специально рассказывает о Москве, он не употребляет названия “Rossia Alta”, а об Иване III говорит как о великом князе “Великой Белой России”, il duca Zuane, signor della gran Rossia Bianca»²⁰. Важный факт: Контарини нигде не называет Русское государство “Московией” (словом Moscovia Контарини именуется только город Москву), а использует слово “Россия”: “Et quando piacque a Dio, intrammo nel paese della Rossia” / “Наконец, когда это было угодно Богу, мы вступили на землю России”²¹.

В сочинении Контарини западноевропейские читатели впервые столкнулись с теми негативными характеристиками русского народа, которые в дальнейшем стали общераспространенными: “Вообще это народ грубый... Они величайшие пьяницы и весьма этим похваляются, презирая... непьющих... Утром они стоят на базарах примерно до полудня, потом отправляются в таверны есть и пить; после этого времени уже невозможно привлечь их к какому-либо делу”²². Фактически личная неприязнь Контарини (его не хотели выпускать из России, пока тот не рассчитается с долгами) породила три наиболее распространенных русофобских мифа — о грубости, пьянстве и лени. Таким образом, уже первая книга с описанием России, ставшая доступной западноевропейским читателям, сразу стала формировать в их сознании противоречивый, а то и отрицательный образ русских людей и Русской земли.

Со второй половины XV в. в московских землях появляется все больше западноевропейцев, по большей части итальянцев и немцев, которые оказываются здесь с дипломатическими поручениями или же нанимаются на русскую службу. К примеру, начиная с Аристотеля Фиораванти, возведшего Успенский собор в Московском Кремле, в России появляются итальянские архитекторы, во множестве получившие в русском толковании одно и то же прозвище “Фрязин”, т.е. искаженное “франк”, старорусское название выходцев из Южной Европы, в основном итальянцев. Возникают и различные сочинения о России. Но в начале XVI в. одной из самых популярных в Западной Европе книгой с рассказом о России стало сочинение автора, который в московских землях не бывал ни разу: “Трактат о двух Сарматиях”, написанный придворным врачом и астрологом

---

²⁰ Скржинская Е. Ч. Комментарий к тексту и переводу Контарини // Барбаро и Контарини о России. М., 1971. С. 235.

²¹ Барбаро и Контарини о России. С. 201, 225.

²² Барбаро и Контарини о России. С. 228–229.

польского короля Сигизмунда I Старого, историком и географом Матвеем Меховским (1457–1523) и впервые опубликованный на латыни в 1517 г.²³ В этом трактате Матвей Меховский один из первых дает четкое географическое разделение русских земель на “Россию”, входящую в состав Великого княжества Литовского: “Ограничена Руссия — с юга Сарматскими горами и рекой Тирасом, которую жители называют Днестром; с востока — Танаисом и Меотидами с Таврическим островом; с севера — Литвой, с запада — Польшей”²⁴, и “Московию”, под которой понималось единое централизованное Русское государство, объединившееся под скипетром великих князей Московских. Меховский признавал, что “Московию” и “Россию” населяет один и тот же народ с одним языком и одной верой: “У Сарматских гор живет народ русский... вера русская, следующая греческому обряду, более распространена и охватывает всю Руссию”; “В Новгороде, Пскове, Полоцке, Смоленске и затем к югу за Киев живут все русские, говорят по-русски или по-славянски, держатся греческого обряда и подчиняются патриарху константинопольскому”; В Московии — одна речь и один язык, именно русский или славянский... Они придерживаются одной веры и религии по образцу греческой”²⁵.

Но в данном случае Меховский движется в русле уже сугубо польско-литовских интересов, связанных с символическим отделением “Московии” от “России” для того, чтобы пресечь попытки Великого княжества Московского объединить все русские земли от Львова до Чернигова и от Полоцка до Киева под своей властью. Иначе говоря, это был ответ польских и литовских властей на претензии московских князей на владение всеми русскими землями: некая никому не известная “Московия” не имеет никаких прав владеть “Россией”. Этот тезис активно распространялся польско-литовской пропагандой, и с рубежа XV–XVI вв. во многом под польско-литовским влиянием в европейском лексиконе и общественном сознании понятия “Московия” и “Россия” разделились.

По той же причине польские власти никак не хотели признавать принятого в 1547 г. русскими государями царского, т.е. императорского титула. Стоит напомнить, что в Средние века титул — это не

---

²³ Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis. Cracoviae, 1517. На русском языке в полном объеме опубликован в 1936 г.: Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях / Введ., изд. подлинника, перевод, коммент. С.А. Аннинского. М.; Л.: 1936.

²⁴ Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. С. 95.

²⁵ Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. С. 95–96, 109, 116.

просто почетное прозвание дворянина или государя, но понятие, которое определяет место человека в обществе, свидетельствует о его владельческих правах. Титулы государей определяют их статус в международных отношениях, обозначают границы территорий, которыми этот государь владеет, наконец, являются “главной формой декларации претензий государства на определенное место в мире”²⁶. Поэтому принижение титула означало оскорбление государя, которому этот титул принадлежал, превышение титула — оскорбление соседних государей, данный титул не признающих.

Польско-литовские правители уже с конца XV в. отказывались именовать московских великих князей “государями всея Руси”, подчеркивая, что это именно они владеют Русью, т.е. западными, юго-западными и южными русскими землями, “князь московский” же не имеет права называть себя “русским” правителем, а свое государство Русью. Так, современник русского царя Ивана IV Васильевича польский король Сигизмунд II Август (1520–1572) даже во время мирных переговоров в ходе Ливонской войны упорно запрещал своим послам именовать Ивана IV “царем”, но только “великим государем и князем”, что в итоге приводило к срыву переговоров, потому что русская дипломатия и сам Иван Васильевич воспринимали подобную титулатуру как оскорбление русского царя и Русского царства²⁷.

В результате столь больших усилий по распространению “антимосковских”, фактически антирусских настроений, Польша уже в первой половине XVI в. превратилась в один из главных антирусских центров в Европе.

Одновременно в Западной Европе, прежде всего в Священной Римской империи созревает совершенно иной план — план вовлечения “Московии” в союзные отношения. В Москву зачастили послы, русские послы принимаются в европейских странах. В 1514 г. в Москве побывал имперский посол Георг Шнитценпаумер с целью заключения антипольского союза между Великим княжеством Московским и Священной Римской империей. Власти империи были настолько заинтересованы в этом союзе, что в грамоте, который привез великому князю Московскому Василию III имперский посол, московский государь, возможно в пику польским протестам,

---

²⁶ Филлюшкин А.И. Василий III. М., 2010. С. 51.

²⁷ См.: Инструкция польского короля Сигизмунда II Августа королевскому секретарю Антонию Шеме, отправленному послом в Данию / Фатальна и губительна Откровения врагов Московии / Перевод И. И. Полосина. Публикация А.И. Филлюшкина // Родина. № 12. 2004. С. 51–52.

был уже титулован как “Kayzer und Herscher alter Reussen”, т.е. “Император и Государь всея России”²⁸. Кроме того, в договоре, заключенном в том же 1514 г., Василий III был назван “Божиею милостию цесарь”²⁹. А ведь Василий Иванович официально даже не носил титула “царя”.

“Императором” Василий Иванович был назван и в первом издании знаменитых “Записок о Московии” не менее знаменитого Сигизмунда Герберштейна (1486–1566)³⁰. Герберштейн побывал в России дважды: в 1517 г. как посол императора Максимилиана и в 1526 г. как посол австрийского эрцгерцога Фердинанда. В обоих случаях Герберштейн выступал посредником на русско-литовских переговорах, но помимо этого его задачей было склонить московского государя к антитурецкому союзу. Именно поэтому имперские власти вновь стремились польстить Василию III. Однако и в 1517 г., и в 1526 г. Василий Иванович категорически отказался от имперского предложения.

Но в первом издании книги Герберштейна, как уже говорилось, титулование русского великого князя “императором” осталось. И это в Западной Европе восприняли крайне негативно, в первую

---

²⁸ РГАДА. Ф. 32. Оп. 3. №4. Л. 1

²⁹ См.: Памятники дипломатических сношений с империею Римскою. Т. I. С 1488 по 1594. СПб., 1851. Стб. 1503–1508.

³⁰ *Herberstein S. Rerum Moscoviticarum commentarii*. 1549. Наиболее полное латинское издание — третье, вышедшее в 1556 г.: *Herberstein S. Rerum Moscoviticarum commentarii*. Basiliae, 1556. В 1550 г. появился итальянский перевод “Записок”. В 1557 г., в Вене вышел в свет авторизованный перевод “Записок” на немецкий язык: *Herberstein S. Moscovia der Hauptstat in Reissen*. Wien, 1557. Первый перевод на русский язык был выполнен в 1748 г. К. Кондратовичем, но остался неопубликованным. Только в 1832 г. в журнале “Воспоминания на 1832 год” появился русский перевод “Записок”, сделанный Федором Фавицким: Московские записки Сигизмунда барона Герберштейна, Нейперга и Гиттенгага // *Руссов С.В.* Замечания на книгу под названием “Московские записки” барона Герберштейна // Воспоминания на 1832 год, издаваемые С. [В.] Руссовым. СПб., 1832. Кн. II. С. 19–47; Кн. III. С. 32–51; Кн. IV. С. 3–18; Кн. V. С. 3–15, Кн. VI. С. 3–36, Кн. VII. С. 33–63; Кн. VIII. С. 3–32; Кн. IX. С. 3–64; Кн. X. 3–87; Кн. XI. С. 3–88; Кн. XII. С. 3–67. Наиболее точным и единственным комментированным дореволюционным изданием книги Герберштейна на русском языке стал перевод А.И. Малеина, вышедший в 1908 г.: Записки о московитских делах, составленные Сигизмундом, вольным бароном в Герберштейне, Нейперге и Гюттенгаге // Герберштейн С. Записки о московитских делах. Павел Иовий. Новокомский. Книга о московитском посольстве / Введ., пер. и прим. А.И. Малеина. СПб., 1908. В 1988 г. перевод Малеина, исправленный и значительно расширенный А. В. Назаренко, был выпущен в издательстве МГУ: *Герберштейн С. Записки о Московии* / Пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. Вст. ст. А.Л. Хорошкевич. Под ред. В.Л. Янина. М., 1988. В 2008 г. это издание было повторено: *Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии: В 2 т.* / Редкол.: А.Л. Хорошкевич (отв. ред.) и др. М., 2008.

очередь потому, что в 1547 г. Иван IV уже принял царский титул, и из красивой фразы в одном-двух документах титулование русского государя “царем=императором” стало политическим фактом, к которому европейские страны должны были теперь выразить свое официальное отношение. Поэтому уже начиная со второго латинского издания “Записок” 1551 г. и во всех последующих изданиях своей книги на разных языках Герберштейн, пытаясь оправдаться перед общественным мнением Центральной Европы в преувеличении титула Василия III и чтобы снять с себя часть вины за применение этого титула в издании 1549 г., исправил все фрагменты книги, связанные с титулом русского государя. Более того, сделал большую вставку с разъяснением, почему русского государя нельзя титуловать “императором”. Кстати говоря, особенно резко именование русского правителя “императором” в первом издании книги Герберштейна восприняли, естественно, в Польше и Великом княжестве Литовском, что отразилось и на самом авторе книги — в 1552 г. польский сейм, на который Герберштейн прибыл в качестве посла, встретил его крайне недружелюбно.

Под влиянием поляков Герберштейн внес в свой первоначальный текст и другие важные исправления, в частности, как отмечают специалисты, «если в первых разделах автор правильно именуется описанную им страну “Руссией” и вопреки польско-литовской концепции настаивает на единстве Руси вне зависимости от политической принадлежности ее частей в XVI в., то в более поздних дополнениях, равно как и в заголовке, он принимает термин, восходящий к польской традиции — Московия»³¹.

Впрочем, в своих “Записках о Московии” Сигизмунд Герберштейн показал себя очень внимательным наблюдателем за русской жизнью, неслучайно его “Записки” до сих пор считаются одним из важнейших источников по русской истории XVI столетия. Книга С. Герберштейна оказала огромное влияние на становление и развитие взглядов на Россию западноевропейских правителей, историков, публицистов, политиков и т. д. Многие фрагменты “Записок о Московии” и современные Герберштейну, и более поздние авторы вставляли в собственные сочинения о России, иногда с указанием источника, а в большинстве случаев без всяких ссылок.

Однако нельзя утверждать, что Герберштейн в полной мере понял и принял все особенности русской жизни. Так, одним из самых

---

³¹ *Хорошкевич А.Л.* Сигизмунд Герберштейн и его “Записки о Московии” // *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. с нем. А.И. Малейна и А.В. Назаренко. Вст. ст. А.Л. Хорошкевич. Под ред. В.Л. Янина. М., 1988. С. 45.

ярких примеров стереотипного восприятия России, возникшего под влиянием С. Герберштейна, стало его утверждение о “рабской природе” русского народа. Говоря об отношении русских подданных к своему государю, Герберштейн прямо написал: “Все они называют себя *chlōri*, т.е. рабами государя”³². И затем это утверждение превратилось в “общее место”, переходя из одного сочинения о России в другое. В самом деле, отечественные исследователи отмечают, что именование себя “холопами” и “рабами” при обращении к государю вошло в практику в конце XV в., в годы правления великого князя Московского и всея Руси Ивана III Васильевича: так именовали себя послы в Крым по отношению к Ивану III, а внутри страны эта форма обращения зафиксирована в начале XVI в.³³ Но ни Герберштейн и никто из последующих авторов не поняли, что подобное отношение российских подданных к своему государю определялось не “рабской натурой”, а стремлением православных жителей России в полной мере соответствовать библейским установлениям, согласно которым царь, дарованный людям Господом Богом, владеет всем в своем царстве и свободно распоряжается имуществом своих подданных; обладает полной властью; предводительствует воинству; является единственным судьей; жители царства — рабы царя (1 Цар. 8:10–17), но при этом царь — защитник народа; ответчик за народ перед Богом; помазанник Божий (1 Цар. 9:15) и хранитель истинной веры (3 Цар. 11:38). Интересно, что в 1575–1576 гг., когда Иван IV Васильевич посадил на московский престол касимовского царевича Симеона Бекбулатовича с титулом великого князя всея Руси, то сам царь, назвавшись князем Московским и выехав из Кремля, писал Симеону верноподаннические челобитные с соответствующими обращениями: “Государю великому князю Симеону Бекбулатовичу всея Руси, Иванец Васильев с своими детишками, с Иванцом да с Федорцом, челом бьет”. Герберштейн же, находясь в плену своих представлений о “рабской природе” русского человека, даже забаву русских молодых людей — кулачные бои “стенка на стенку” по праздникам, — посчитал “родом состязаний” установленным для того, “чтобы юноши привыкали переносить побои и терпеть какие угодно удары”³⁴. В результате авторитет Герберштейна заметно повлиял на то, что большое число фактов, оценок, суждений и предположений, в том числе скороспелых и откровенно ошибочных,

---

³² Герберштейн С. Записки о Московии. М., 2008. Т.1. С. 239.

³³ См.: Лурье Я.С. Рассказ о боярине И.Д. Всеволожском в Медоварцевском летописце // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1977. М., 1977. С. 10.

³⁴ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 2008. Т. 1. С. 253.

высказанных в “Записках”, в скором времени стали основой устойчивого комплекса стереотипов о России, существующего в общественном сознании “коллективного Запада” на протяжении последних пятисот с лишним лет.

На фоне постоянных попыток включить Великое княжество Московское в сферу европейских интересов свой план выдвинул и римский престол, авторитет которого заметно пошатнулся в связи с охватившей всю Европу Реформацией. Смысл этого плана сводился к обращению “московитов” в католическую веру. Предполагалось, что, приняв католичество и выступив вместе с иными католическими государями против Османской империи, “Московия” получит право быть включенной в “семью цивилизованных народов”. В частности, именно в этом нидерландский писатель Альберто Кампензе (1490–1542) уверял папу римского Климента VII в своем “Письме о делах Московии”, составленном в 1523 или 1524 г.³⁵ Дополнительным аргументом в пользу обращения “московитов”, которых он уже не считал “русскими”, в “истинную” католическую веру, по убеждению Кампензе, является то, что “нынешний Великий Князь Василий не только не отвергает соединения церквей, но всеми мерами ищет оно”³⁶. В этом случае Кампензе сознательно искажал факты, так как Василий III категорически отвергал любые попытки римских послов обратить Россию в католичество и вел переговоры только о политическом союзе. Интересно, что, как и многие иные европейские авторы, предлагавшие различные “цивилизаторские” проекты в отношении “Московии”, сам Альберто Кампензе в России не бывал, но основывался на рассказах отца, брата и других торговавших с Россией купцов и на некоторых письменных источниках.

Совершенно иначе в середине XVI в. относились к России и русским английские путешественники, побывавшие в русских землях и составившие об этом свои путевые заметки: Х. Уиллоуби, К. Адамс, Т. Соутэм, Дж. Спарк, Р. Ченслер и др.³⁷ Прежде всего,

---

³⁵ Первая публикация состоялась в 1543 г.: *Lettera d'Alberto Campense. Venezia, 1543*. На русском языке опубликована в 1836 г.: *Письмо Альберта Кампензе к Папе Клименту VII о делах Московии / Перевод В.И. Семенова // Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. Рзд. III. СПб., 1836*.

³⁶ *Письмо Альберта Кампензе к Папе Клименту VII о делах Московии // Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. Рзд. III. СПб., 1836. С. 37*.

³⁷ Впервые опубликованы в: *The principal navigations, voyages, traffiques and discoveries of the English nation: made by sea or ouer-land to the remote and farthest distant quarters of the earth, at any time within the compasse of these 1600 years. Vol. 1–3. L., 1598–1600*. На русском языке впервые была частично опубликована в 1814 г., а в полном объеме в 1937 г.: *Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. М., 1937*.

англичане воспринимали новые для них российские земли с практической точки зрения — насколько возможны и выгодны могут быть торговые отношения с Россией. Кроме того, английские купцы и мореплаватели рассматривали Россию как объект возможного колониального подчинения, не случайно в их дневниках и воспоминаниях столь подробно описываются различные пути проникновения вглубь российских просторов. Наконец, не стоит забывать и тот факт, что в середине XVI в. Англия, только что осуществившая церковную реформу и утвердившая англиканскую форму христианской религии, оказалась в Европе в таком положении религиозно-политического изгоя, как и Россия, остававшаяся верной православия. Итогом всех этих трех факторов стало возникновение тесных торговых и политических связей России и Англии. Так, уже в 1551 г. была основана английская торговая Московская компания (*англ.* Muscovy Company), просуществовавшая до 1698 г., обладавшая монополией на оптовую торговлю с Россией, имевшая патент от английской короны и льготные грамоты от русских государей, причем первую такую грамоту выдал царь Иван IV Васильевич в 1555 г. В отличие от представителей других стран, англичане совершенно спокойно восприняли принятие русскими государями титула “царь”, именовали русских государей “императорами” в своих сочинениях, более того именно Англия, в 1555 г. первой официально признала право русский правителей на обладание царским титулом³⁸. Наконец, англичане, как и многие иностранные наблюдатели, удивлявшиеся и не понимавшие многих русских обычаев и традиций, до поры до времени не акцентировали внимание на этих русских “странностях”, а просто фиксировали их.

Впрочем, говоря о постепенном формировании в сознании европейцев отрицательных стереотипных представления о России в первой половине XVI в., не стоит забывать об одном очень важном факторе формирования этих стереотипов — о принципиальной закрытости самой России от Европы. Главная причина “закрытости” России от других европейских стран заключалась в жестком религиозном противостоянии католической и протестантской Европы и православной России. Стоит напомнить, что в XVI–XVII вв. вся христианская Европа жила в ожидании близкого “конца света”, что стало причиной жесточайших религиозных войн в самой Западной Европе. В таком же ожидании “скончания мира” пребывала и Россия. При этом российские власти, как, впрочем, и все православные

---

³⁸ Ченслор Р. Книга о великом и могущественном царе России // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. С. 47.

российские жители, были уверены в том, что католическая и тем более протестантская Европа уже духовно “погибла”, а, значит, нельзя допускать эту “погибель” в пределы Российского государства. Именно поэтому русским подданным было запрещено покидать пределы страны, а иностранцам въезжать в Россию без особого разрешения. Русским запрещалось поддерживать с иностранцами какие-то близкие отношения, вести с ними разговоры на религиозные темы: “А приказал государь изговорити так: “Велел тебе, папежю римскому, свое государево здоровье сказати, а о твоём спросити. А будет станут говорити о вере и ему сказатися, что грамоте не умеет, ратной человек, да взяв лук стреляти”. Так и учинил перед папою: убил под колпану трожды”³⁹. Иностранцы же, приезжавшие в России, оказывались под бдительным надзором и до особых распоряжений царя не имели право даже выходить за пределы того двора, в котором их поселили.

Но если “закрытая” Россия не собиралась осуществлять духовную экспансию на Запад, то жители западноевропейских стран, также воспринимая население России как “схизматиков” и “нехристей”, наоборот, всячески стремились “просветить” их светом “истинной верой”, даже если для этого потребуются использовать военную силу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссиею. Т. 1. СПб., 1846. № 4.

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссиею. Т. 2. СПб., 1848. № 5.

Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. М., 1937.

Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. статьи, подгот. текста, пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. Л., 1971.

Беспалов Р.А. Литовско-ордынские отношения 1419–1429 годов и первая попытка образования Крымского ханства // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. 5. Севастополь; Тюмень, 2013. С. 30–52.

Великая Русь рыцаря де Ланноа. Первое Западное описание Руси // Родина. 2003. № 12. С. 76–70.

Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А.И. Малеина, А.В. Назаренко. Вст. ст. А.Л. Хорошкевич. Под ред. В.Л. Янина. М., 1988.

Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т. / Редкол.: А.Л. Хорошкевич (отв. ред.) и др. М., 2008.

---

³⁹ Московский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 229.

Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.

Записки о московитских делах, составленные Сигизмундом, вольным бароном в Герберштейне, Нейперге и Гюттенгаге // Герберштейн С. Записки о московитских делах. Павел Иовий. Новокомский. Книга о московитском посольстве / Введ., пер. и прим. А.И. Малеина. СПб., 1908.

Инструкция польского короля Сигизмунда II Августа королевскому секретарю Антонию Шеме, отправленному послом в Данию / Фатальна и губительна. Откровения врагов Московии / Перевод И.И. Полосина. Публикация А.И. Филюшкина // Родина. 2004. № 12. С. 50–52.

История России: В 4 т. Т. 1. Генезис и эволюция русской государственности (до конца XVII века): коллективная монография / Под ред. Н.А. Омельченко; отв. ред. С.В. Перевезенцев. М., 2018.

Клосс Б.М. О происхождении названия “Россия”. М., 2012.

Лурье Я.С. Рассказ о боярине И.Д. Всеволожском в Медоварцевском летописце // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1977. М., 1977. С. 7–11.

Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях / Введ., изд. подлинника, перевод, коммент. С.А. Аннинского. М.; Л., 1936.

Московские записки Сигизмунда барона Герберштейна, Нейперга и Гиттенгага // *Руссов С.В.* Замечания на книгу под названием “Московские записки” барона Герберштейна // Воспоминания на 1832 год, издаваемые С. [В.] Руссовым. СПб., 1832. Кн. II. С. 19–47; Кн. III. С. 32–51; Кн. IV. С. 3–18; Кн. V. С. 3–15, Кн. VI. С. 3–36, Кн. VII. С. 33–63; Кн. VIII. С. 3–32; Кн. IX. С. 3–64; Кн. X. 3–87; Кн. XI. С. 3–88; Кн. XII. С. 3–67.

Московский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 221–237.

Оболенский М.А. Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу 1392–1393 года. Казань, 1850.

Памятники дипломатических сношений с империею Римскою. Т. I. С 1488 по 1594. СПб., 1851.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подг. текста Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыкова. М., 1981. С. 12.

Письмо Альберта Кампензе к Папе Клименту VII о делах Московии / Перевод В.И. Семенова // Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. Рзд. III. СПб., 1836.

Путешествие Амвросия Контарини, посла светлейшей Венецианской республики к знаменитому персидскому государю Узун-Гасану, совершенное в 1475 г. // Библиотека иностранных писателей о России / Изд. В. Семеновым, М. Калистратовым. Отд. 1. Т. 1. СПб., 1836.

Радлов В.В. Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга // Записки Восточного отделения Императорского Российского археологического общества. Т. 3. Вып. 1–2. СПб., 1888.

РГАДА. Ф. 32. Оп. 3. №4. Л. 1.

Савельев П.С. Очерк путешествия в прибалтийские страны, Великий Новгород и Псков, совершенного рыцарем Гильбертом де-Ланноа в 1412–1414 гг. // Географические известия, выдаваемые от Императорского Русского географического общества. СПб. 1850.

Сборник РИО. Т. 35. СПб., 1882. № 73.

Филлюшкин А.И. Василий III. М., 2010.

Хорошкевич А.Л. Сигизмунд Герберштейн и его “Записки о Московии” // *Герберштейн С. Записки о Московии* / Пер. с нем. А.И. Малеина, А.В. Назаренко. Вст. ст. А.Л. Хорошкевич. Под ред. В.Л. Янина. М., 1988.

Шабульдо Ф.М. К итогам изучения синеводской проблемы // *История и современность*. 2013. № 1. С. 69–89.

REFERENCES

Akty, odnosjashhiesja k istorii Zapadnoj Rossii, sobrannye i izdannye Arheograficheskoju komissieju [Acts relating to the history of Western Russia, collected and published by the Archeographic Commission]. Т. 1. SPb., 1846. N 4 (in Russian).

Akty, odnosjashhiesja k istorii Zapadnoj Rossii, sobrannye i izdannye Arheograficheskoju komissieju [Acts relating to the history of Western Russia, collected and published by the Archeographic Commission]. Т. 2. SPb., 1848. N 5 (in Russian).

Anglijskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI v. [English travelers in the Moscow state in the XVI century] М., 1937 (in Russian).

Barbaro i Kontarini o Rossii: K istorii italo-russkih svjazej v XV v. [Barbaro and Contarini about Russia: On the history of Italian-Russian relations in the XV century] / Vstup. Stat'i, podgot. teksta, per. i komment. E.Ch. Skrzhinskij. L., 1971 (in Russian).

Bespalov R.A. Litovsko-ordynskie otnoshenija 1419–1429 godov i pervaja popytka obrazovanija Krymskogo hanstva [Lithuanian-Horde relations of 1419–1429 and the first attempt to form the Crimean Khanate] // *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma*. Vyp. 5. Sevastopol'; Tjumen', 2013. S. 30–52 (in Russian).

Filjushkin A.I. Vasilij III [Vasily III]. М., 2010 (in Russian).

Gerbershtejn S. Zapiski o Moskovii [Notes on Muscovy] / Per. s nem. A.I. Maleina, A.V. Nazarenko. Vst. st. A.L. Horoshkevich. Pod red. V.L. Janina. М., 1988 (in Russian).

Gerbershtejn S. Zapiski o Moskovii [Notes on Muscovy]: v 2 t. / Redkol.: A.L. Horoshkevich (otv. red.) i dr. М., 2008 (in Russian).

Gorskij A.A. Moskva i Orda [Moscow and the Horde]. М., 2000 (in Russian).

Grekov B.D., Jakubovskij A.Ju. Zolotaja Orda i ee padenie [The Golden Horde and its Fall]. М.; Л., 1950 (in Russian).

Herberstein S. Moscovia der Hauptstat in Reissen. Wien, 1557 (in Russian).

Herberstein S. Rerum Moscoviticarum commentarii. 1549 (in Russian).

Herberstein S. Rerum Moscoviticarum commentarii. Basiliae, 1556 (in Russian).

Horoshkevich A.L. Sigizmund Gerbershtejn i ego “Zapiski o Moskovii” [Sigismund Herberstein and his “Notes on Muscovy”] // *Gerbershtejn S. Zapiski o Moskovii* / Per. s nem. A.I. Maleina, A.V. Nazarenko. Vst. st. A.L. Horoshkevich. Pod red. V.L. Janina. М., 1988 (in Russian).

Instrukcija pol'skogo korolja Sigizmunda II Avgusta korolevskomu sekretarju Antoniju SHEME, otpravlennomu poslom v Daniju [The instruction of the Polish King Sigismund II Augustus to the royal Secretary Anthony Schemm, sent by the ambassador to Denmark] / Fatal'na i gubitel'na. Otkrovenija vragov Moskovii / Perevod I.I. Polosina. Publikacija A.I. Filjushkina // *Rodina*. 2004. N 12. S. 50–52 (in Russian).

Istorija Rossii: V 4 t. T. 1. Genezis i jevoljucija ruskoj gosudarstvennosti (do konca XVII veka): kolektivnaja monografija [The History of Russia: in 4 volumes Vol. 1. The genesis and evolution of Russian statehood (until the end of the 17th century): collective monograph] / Pod red. N.A. Omel'chenko; otv. red. S.V. Perevezenec. M., 2018 (in Russian).

Kloss B.M. O proishozhdenii nazvanija "Rossija" [On the origin of the name "Russia"]. M., 2012 (in Russian).

Lettera d'Alberto Campense. Venezia, 1543 (in Russian).

Lur'e Ja.S. Rasskaz o bojarine I. D. Vsevolozhskom v Medovarcevskom letopisce [The story of the boyar I.D. Vsevolozhsky in the Medovartsevsky chronicle] // Pamjatniki kul'tury. Novye otkrytija. Ezhegodnik. 1977. M., 1977. S. 7–11 (in Russian).

Matvej Mehovskij. Traktat o dvuh Sarmatijah [A treatise on the two Sarmatias] / Vved., izd. podlinnika, perevod, komment. S.A. Anninskogo. M.; L., 1936 (in Russian).

Moskovskie zapiski Sigismunda barona Gerbershtejna, Nejperga i Gittengaga [Moscow notes of Sigismund Baron Herberstein, Neyperg and Gittengag] // Russov S.V. Zamechanija na knigu pod nazvaniem "Moskovskie zapiski" barona Gerbershtejna // Vospominanija na 1832 god, izdavaemye S. [V.] Russovym. SPb., 1832. Kn. II. S. 19–47; Kn. III. S. 32–51; Kn. IV. S. 3–18; Kn. V. S. 3–15, Kn. VI. S. 3–36, Kn. VII. S. 33–63; Kn. VIII. S. 3–32; Kn. IX. S. 3–64; Kn. H. 3–87; Kn. XI. S. 3–88; Kn. XII. S. 3–67 (in Russian).

Moskovskij letopisec [The Moscow Chronicler] // Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. 34. M., 1978. S. 221–237 (in Russian).

Obolenskij M.A. Jarlyk hana Zolotoj Ordy Tohtamysha k pol'skomu korolju Jagajlu 1392–1393 goda [The label of Khan of the Golden Horde Tokhtamysh to the Polish King Jagail 1392–1393]. Kazan', 1850 (in Russian).

Pamjatniki diplomaticheskikh snoshenij c imperieju Rimskoju [Monuments of diplomatic relations with the Roman Empire]. T. I. 1488–1594. SPb., 1851 (in Russian).

Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim [Ivan the Terrible's correspondence with Andrei Kurbsky] / Podg. teksta Ja.S. Lur'e, Ju.D. Rykova. M., 1981. S. 12 (in Russian).

Pis'mo Al'berta Kampenze k Pape Klimentu VII o delah Moskovii [Albert Kampens' letter to Pope Clement VII on the affairs of Muscovy] / Perevod V.I. Cemenova // Biblioteka inostrannyh pisatelej o Rossii. T. 1. Rzd. III. SPb., 1836 (in Russian).

Puteshestvie Amvrosija Kontarini, posla svetlejshej Venecianskoj respubliki k znamenitomu persidskomu gosudarju Uzun-Gasanu, sovershennoe v 1475 g. [The journey of Ambrose Contarini, Ambassador of the Most Serene Republic of Venice to the famous Persian emperor Uzun Hasan, made in 1475] // Biblioteka inostrannyh pisatelej o Rossii / Izd. V. Semenovym, M. Kalistratovym. Otd. 1. T. 1. SPb., 1836 (in Russian).

Radlov V.V. Jarlyki Tohtamysha i Temir-Kutluga [Labels of Tokhtamysh and Temir-Kutlug] // Zapiski Vostochnogo otdelenija Imperatorskogo Rossijskogo arheologicheskogo obshhestva. T. 3. Vyp. 1–2. SPb., 1888 (in Russian).

RSAAA. F. 32. Op. 3. N 4. L. 1 (in Russian).

Savel'ev P.S. Ocherk puteshestvija v pribaltijskie strany, Velikij Novgorod i Pskov, sovershennogo rycarem Gil'bertom de-Lanno v 1412–1414 gg. [An essay

on a journey to the Baltic countries, Veliky Novgorod and Pskov, made by the knight Gilbert de Lannoa in 1412–1414] // *Geograficheskie izvestija, vydavaemye ot Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva*. SPb. 1850 (in Russian).

Sbornik RIO [Collection of RHS]. T. 35. SPb., 1882. N 73 (in Russian).

Shabul'do F.M. K itogam izuchenija sinevodskoj problem [On the results of the study of the Sinye Vody problem] // *Istorija i sovremennost'*. 2013. N 1. S. 69–89 (in Russian).

The principal navigations, voyages, traffiques and discoveries of the English nation: made by sea or ouer-land to the remote and farthest distant quarters of the earth, at any time within the compasse of these 1600 years. Vol. 1–3. L., 1598–1600.

Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis. Cracoviae, 1517 (in Russian).

Velikaja Rus' rycarja de Lannoa. Pervoe Zapadnoe opisanie Rusi [The Great Russia of the Knight de Lannoy. The first Western description of Russia] // *Rodina*. 2003. N 12. S. 76–70 (in Russian).

Viaggio del clarissimo messer Ambrogio Contareno nella Persia, mandate pro ambasciatore dalla Illustrissima Signoria di Vinetia, allo illustre signore Usuncassan, re di Persia. Venetia, 1487 (in Russian).

Voyages et ambassades de Messire Guillebert de Lannoy. 1399–1450. Mons, 1840 (in Russian).

Zapiski o moskovitskih delah, sostavlennye Sigizmundom, vol'nym baronom v Gerbershtejne, Nejperge i Gjuttengage [Notes on Muscovite affairs, compiled by Sigismund, the free baron in Herberstein, Neuperg and Guttengag] // *Gerbershtejn S. Zapiski o moskovitskih delah*. Pavel Iovij. Novokomskij. Kniga o moskovitskom posol'stve / Vved., per. i prim. A.I. Maleina. SPb., 1908 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-2-89-102

ПРОФЕССОР Н.А. ЗАХАРОВ О САМОБЫТНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

М.Б. Смолин, канд. историч. наук, проф. кафедры истории и философии Московского государственного института культуры, ул. Библиотечная, д. 7, г. Химки, Московская обл., Российская Федерация, 141406*

Статья посвящена концепции социологии власти профессора Захарова Николая Александровича (1883–1937) изложенной им в исследовании “Система русской государственной власти” (1912).

Н.А. Захаров отстаивал за государством право самобытности, непохожести, оригинальности. В его глазах именно индивидуальные особенности государства порождают политическую независимость и жизненную силу этих государств. Из этого положения, для него вытекала необходимость изучать государственный строй государств в связи с историей. Особенности формирования русской системы власти он видел во влиянии византийской идеи власти императора, идеи религиозного автократизма и в частноправовом характере власти великих князей из рода Рюриковичей, смотревших на свои владения, как на свою неотчуждаемую вотчину, переходящую по наследству в их роде. Влияние западнических идей сменилось государственными реформами 1905–1906 годов, которые Н.А. Захаров воспринимал одновременно и выправлением некоторых перегибов абсолютизма, и установлением порядка, который восставлял традиционные начала русской власти.

Ключевые слова: автократизм, верховная власть, государственный строй, государство, император, Российская империя, самодержавие, система, реформирование, частноправовой характер, царь.

PROFESSOR N.A. ZAKHAROV ON THE DISTINCTIVE EVOLUTION OF THE HISTORICAL DEVELOPMENT OF RUSSIAN STATE POWER

Smolin Michail B., Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of History and Historical Archives of the Moscow State Institute of Culture, st. Library, 7, Khimki, Moscow region, Russian Federation, 141406, e-mail: fondiv@mail.ru

The article is devoted to the concept of the sociology of power by Professor Nikolai Aleksandrovich Zakharov (1883–1937), as set out in his study “The System of Russian State Power” (1912).

---

* **Смолин Михаил Борисович**, e-mail: fondiv@mail.ru

N.A. Zakharov defended the state's right to uniqueness, dissimilarity, and originality. In his eyes, it is the individual characteristics of the state that generate political independence and the vitality of these states. From this position, for him, there followed the need to study the state system of states in connection with history. He saw the peculiarities of the formation of the Russian system of power in the influence of the Byzantine idea of the power of the emperor, the idea of religious autocracy, and the private law nature of the power of the great princes from the Rurik dynasty, who viewed their possessions as their inalienable patrimony, passed on by inheritance in their family. The influence of Westernizing ideas was replaced by state reforms of 1905-1906, which N.A. Zakharov perceived it as both a correction of some of the excesses of absolutism and the establishment of an order that restored the traditional principles of Russian power.

Key words: *autocracy, supreme power, state system, state, emperor, Russian empire, autocracy, system, reform, private law character, tsar.*

К теме власти в дореволюционной русской социологической литературе обращались не часто, тем интереснее представляются сочинения, целиком посвященные этой теме. А также и сами ученые, их написавшие.

Научный путь

До недавнего времени об авторе капитального исследования “Система русской государственной власти” Захарове Николае Александровиче (1883–1937) было известно очень не много. Но усилиями историка А.Н. Ткачева¹, его биография стала более изученной.

Родился будущий государствовед 29 июня 1883 г. в имении Александровско-Дубровском Нижне-Волжского края, в дворянской семье².

Высшее образование он получил в Императорском Санкт-Петербургском университете. Параллельно окончил в 1904 г., Императорский Санкт-Петербургский археологический институт, где изучал археологию. По дореволюционной традиции впоследствии получил возможность изучать обществоведческие дисциплины в европейских университетах, в частности в Гейдельбергском университете, в Германии.

---

¹ Ткачев Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет. См.: Историк в переломную эпоху (страницы биографии профессора Н.А. Захарова) // Новое прошлое. 2020. № 2. С. 152–163; и другие его публикации.

² Был делегатом от дворянства Области Войска Донского на VII (1911), VIII, IX, X и XI съездах Уполномоченных Дворянских Обществ. Выступал о школе и национальном воспитании. Баллотировался в члены Совета Объединенных дворянских обществ. Состоял выборщиком в IV Государственную Думу от Области Войска Донского.

По возвращении из этой командировки, сдал магистерские экзамены в Императорском Новороссийском университете, где стал учеником выдающегося юриста-международника и специалиста в русском государственном праве, профессора Петра Евгеньевича Казанского (1866–1947).

В 1910-е гг. Н.А. Захаров преподавал в Восточной практической академии в Петербурге. Этим учебным заведением управляли Учебный отдел Министерства торговли и промышленности и Совет Императорского общества востоковедения. Целью Академии было, как было написано в специальной книге, посвященной ее деятельности: "...подготавливать лиц в практическом знании восточных языков и стран для административной, консульской и торгово-промышленной службы и деятельности на наших восточных окраинах и в сопредельных с ними странах"³.

Занимался Н.А. Захаров и переводами юридических сочинений⁴.

Во время Первой Мировой войны Н.А. Захаров, возможно, служил на турецком фронте, в военной администрации завоеванных территорий или в какой-то иной сфере в прифронтовой полосе. Предисловие к его феноменальной по эрудиции книге "Курс общего международного права", вышедшей в Петрограде, в 1917 г., было написано (как об этом помечено в конце предисловия к исследованию) во взятой императорскими русскими войсками турецкой крепости Эрзурум⁵.

Вероятно, его как хорошего специалиста в области восточной политики России⁶, использовали наши имперские власти. В 1917 г., как известно, планировалась десантная операция по захвату Константинополя и проливов.

После революции, в 1920 г., Н.А. Захарова получил назначение быть заведующим кафедрой политических отношений в новооткрытый Кубанский университет⁷. Тогда он назывался Кубанским

---

³ Практическая Восточная академия. Петроград, 1915. С. 1. В отчете Академии отмечена поездка в 1910 г. в Персию некоего Захарова.

⁴ Энсон, Уильям (1843–1914). Английский парламент, его конституционные законы и обычаи (см.: William Anson, Вильям Энсон, проф. Оксфордского ун-та; Пер. с англ., с примеч. [и предисл.] Н.А. Захарова. СПб., 1908. XXIV, 346, IX с.; Энсон У. Английская корона, ее конституционные законы и обычаи / Вильям Энсон, Wiliam Anson...).

⁵ Захаров Н.А. Курс общего международного права. Пг., 1917. С. X.

⁶ О чем свидетельствуют его информативная работа "Наше стремление к Босфору и Дарданеллам и противодействие ему западноевропейских держав" (Пг., 1916).

⁷ ГАКК, ф. Р-365, оп. 1, д. 941, л. 12.

институтом народного образования, в дальнейшем институт неоднократно менял свое название⁸.

Конечно, заниматься политическими темами ученый уже не мог и с середины 1920-х гг. переквалифицировался в археолога⁹. Но и в этом качестве продолжить научную деятельность ученому не давали. В 1930 г. его арестовывают в первый раз, якобы за контрреволюционную деятельность¹⁰, но в 1931 г. выпускают. Н.А. Захаров меняет место жительства и место работы. Переезжает в Ленинград и становится заведующим кафедрой в Ленинградском институте пищевой промышленности (в середине 1930-х гг.).

20 июля 1937 г. его снова арестовывают во время одного из приездов в Краснодар. На этот раз его обвинили в участии в контрреволюционной белогвардейской казачьей организации и подрывной работе в пищевой промышленности (заражении бактериями консервов для РККА). Приговорен комиссией НКВД 15 февраля 1938 г. к высшей мере наказания, и 4 марта 1938 г. был расстрелян¹¹. В 1989 г. полностью реабилитирован.

Социология и историософия русской власти

Свое главное исследование “Система российской государственной власти”, значение которого в развитии русской государственной философии, еще не оценено в полной мере, Н.А. Захаров выпустил в 1912 г. в Новочеркасске. В нем он выступал против схематической теории Монтескье о разделении властей на три ветви и бездумном следовании либеральным правовым учениям Западной Европы. Н.А. Захаров выделил четыре власти, образующие высшую государственную власть: судебную власть, законодательную власть, административную власть и самодержавную власть, и построил на их основе целостную идеологическую систему российского правления.

Книга “Система русской государственной власти”, написанная Н.А. Захаровым, уникальна не только потому, что написал ее мо-

---

⁸ С 1924 г. — Кубанский высший педагогический институт. С 1931 г. институт был переименован в Кубанский агрономический педагогический институт. В 1933 г. переименован в Краснодарский государственный педагогический и учительский институт им. 15-летия ВЛКСМ.

⁹ Первые шаги систематического изучения Кубанских городищ и Керченская археологическая конференция 1926 г. Краснодар, 1927; Краснодарское городище: Общий обзор обследования и работ на нем. Ростов н/Д., 1928; *Захаров Н.А.* Главнейшие моменты в истории Боспора // Труды Кубанского педагогического института. Т. I (IV). Краснодар, 1930.

¹⁰ АУФСБКК, № П58528, л. 7.

¹¹ АУФСБКК, № П58528, п. 11-15.

лодой и очень талантливый юрист, но и потому, что она исследует самобытность идеи самодержавной власти, всячески игнорировавшей тогдашним российским либеральным правоведением. “Трудно установить, — удивлялся в своей книге Н.А. Захаров, — в силу каких условий происходит это нежелание скроить перчатку юридических концепций по русской руке, вероятнее всего, в силу психологических условий поклонений перед внешней стороной Запада, полнейшего обособления науки права от реальной жизни и пассивности нашей натуры, но во всяком случае как с кафедры, так и в литературе мы все время слышим о правовом строе Запада и весьма мало — об общих началах нашего государственного строя... Прежде чем изучать мировые идеи, надо ознакомиться с своими местными, а это игнорируется нашими юристами”¹².

Западная односторонность юридических определений в русской правовой литературе, приводила к отсутствию поиска самостоятельного пути развития в политико-юридических науках России, порождая слепое следование воззрениям западных теорий. Н.А. Захаров призывал к изучению прежде всего национальных идей, рожденных исторической жизнью нашего Отечества, а не шаблонному стремлению перестроить все и вся по заранее готовым схемам европейских конституций.

Русский государствовед вовсе не предлагал разбить науку о государстве на национальные этнографические подразделы. Он лишь говорил об абсурдности построения науки о государстве только на изложении тех основ, на которых строились западноевропейские государства. Общее понятие о государстве, возможно разработать основываясь на учении обо всех видах существующих и существовавших ранее государственных устройствах. Если же рассуждать только на западноевропейском опыте, то мы получим лишь теорию некоего правового государства, которую как считал Н.А. Захаров невозможно подвести под общее определение.

Как юрист, Н.А. Захаров отстаивал за государством право самобытности, непохожести, оригинальности. В его глазах именно индивидуальные особенности государства порождают политическую независимость и жизненную силу этих государств, тогда как общества, построенные по либеральным трафаретам, как и посредственные личности, носят на себе печать безжизненности, искусственности, а значит цивилизационной слабости и неустойчивости. Из этого по-

---

¹² Захаров Н.А. Система русской государственной власти. Новочеркасск, 1912. С. 6.

ложения, для него вытекала необходимость изучать государственный строй государств в связи с историей нации в целом.

Особенности формирования русской системы власти он видел во влиянии византийской идеи власти императора, идеи религиозного автократизма, глубоко воспринятой русскими книжниками и летописцами, и в частнопровольном характере власти великих князей из рода Рюриковичей, смотревших на свои владения, как на свою неотчуждаемую вотчину, переходящую по наследству в их роде.

Современник Н.А. Захарова, крупный исследователь древнерусской власти, профессор М.В. Шахматов (1888–1943), соглашаясь с таким подходом, утверждал, что «блюда землю Русскую, князья сознавали, что они блюдут свое отечество. При этом замечательно, что тогда слова отчество и отчина (“вотчина”) употреблялись порою как синонимы, то есть отчеством князя была та земля, которая ему принадлежала»¹³.

В России, по Н.А. Захарову, не было того феодального строя, установившегося в Европе, который сформировал враждебные классы, породил борьбу королевской власти с феодальной аристократией¹⁴. Счастлирое разрастание рода Рюрика, не дало боярской знати стать реальной силой, могущей противодействовать собиранию единой власти. Борьба на Руси за власть всегда была противоборством между родственниками. На Руси не было создано крупное землевладение, находящееся не в руках дома Рюрика, разросшаяся династия Рюриковичей “окняжило” землю, на Западе же произошло “обаристокративание”, попадание земли в руки знатных родов. Феодализм на Западе породил борьбу королей с аристократией, а затем после поражения последних, общее с остатками аристократии порабощение народа.

Таким образом, зарождение и развитие власти на Руси и на Западе глубоко отличалось различными поземельными отношениями, феодальными на Западе и частнопровольными у нас. Московский князь, а затем и царь смотрели на наследованную и приобретенную землю, как на свою личную собственность, которую они передают по наследству своим сыновьям, они видели в Руси свою “отчину”, землю, переданную им во владение их отцами.

---

¹³ Шахматов М.В. История древнерусских политических идей. М., 2023. С. 455.

¹⁴ См.: Корф С.А. Заметка об отношениях древнерусского летописца к монархическому принципу // Журнал Министерства народного просвещения. 1909. Июль. С. 64. Начиная с XII в. в летописную работу вносится идейный элемент для сознательной пропаганды монархического начала.

Формированию большого Московского государства способствовали и две другие причины: концентрация земель в руках Московской линии Рюриковичей, а затем вымирание этой линии после царя Феодора Иоанновича. Вторая причина позволила новой династии владеть московской “отчиной”, вследствие занятия московского престола и отказаться от поддерживавшейся всеми рюриковичами удельной системы, каждый из которых выделял своим сыновьям уделы во владение. Романовы окончательно превратили вотчину Рюриковичей в Московское царство, а князя-вотчинника в государя, но власть московских царей сохранила свою родовую частноправовую черту. Романовы также смотрели на Московское государство как на свою личную собственность.

По мнению, Н.А. Захарова: “Такой характер властвования налагал особую печать на развитие понятия о существовании нашей Верховной власти. Эта частноправность вошла в плоть и кровь русского государства, несмотря ни на потрясения смутного времени, ни на все изменения императорского периода”¹⁵.

Владение землей в Московском государстве разделялось на вотчинное владение (наследуемое во владетельном роде) и на поместное (не наследуемое), и зависело от службы государю. За верную службу землю дарили либо во временное, либо в наследственное пользование, не исполнение государственной службы, немилость вызывало отобрание дарованного. Такое владение землей высшего слоя государства сильно разнилось от западного феодального владения.

“На Западе, — пишет Захаров Н.А., — родовая аристократия развивалась при конкуренции с королевской властью на территориях, охраняемых вассалами, подданными сюзерена. У нас подобие этой аристократии — удельные князья, потомство общего с царствующим государством родоначальника, — потеряли всякое значение под твердой рукой московского государя. На Западе высший слой общества составила родовая аристократия, которая в некоторых местах, потеряв возможность противостоять воле возвысившегося над всеми феодала-короля, создала корпоративные законодательные собрания, ограничивающие власть государя. У нас же весь высший класс состоял из лиц, непосредственно избранных царем, и экономически зависел от государя, который имел неограниченное право отбирать земли у тех, кто неправильно или неисправно нес свои обязанности. Если на Западе феодал был неограниченный господин своих земель, то русский служилый человек был государственный

---

¹⁵ Захаров Н.А. Система русской государственной власти. С. 16.

работник, которому государь давал за его труды право вечной, наследственной или пожизненной аренды”¹⁶.

Эта система начала разрушаться только при Екатерине II, освободившей дворян от обязательной службы, с какого момента в государственную систему было введено структурное противоречие, одни сословия продолжали нести сословные обязанности, другие же — получали право не служить.

Такое понимание развития государства, определяло и своеобразное отношение Н.А. Захарова к капитальному противостоянию славянофилов и западников (и их последователей), в споре которых он определял следующую коллизию. “Оба эти направления, — утверждал он, — взаимно развиваясь и противореча друг другу, носили в себе, в своих идеях и своем развитии, коренную ошибку: — одно стремилось возделывать чуждые растения на не подготовленной историческим ходом жизни для них почве, а другое не представляло себе ясно того растения, которое должно было дать на русской ниве обильную жатву. Западники, увлекаясь внешним блеском европейской культуры, видели ее пышные плоды, но весьма небрежно исследовали ту почву, на которую они собирались ее пересадить; славянофилы ревностно изучили почву, но весьма смутно отдавали себе отчет о тех растениях, которые возможно было плодотворно культивировать на ней. Под влиянием этих идей, все еще взаимно оппозиционных и плохо ассимилирующихся друг с другом, вся политическая жизнь XIX века идет нервным темпом”¹⁷.

Н.А. Захаров писал о теоретической односторонности большинства современных ему сочинений о государстве. Готовые теоретические схемы часто сравниваются со сложившимися исторически институтами власти и действующими законами страны. Такое рассмотрение государственной власти почти неизбежно приводило к “критике существующего строя”. Он предлагал развести учение о государстве и изучение исторически сложившего строя каждого отдельного государства в разные дисциплины.

С его точки зрения настоящий государствовед должен быть “беспристрастным созерцателем” исторических событий, под воздействием которых сформировались власть и государство. Н.А. Захаров находил определенную “робость” и “пассивность” в изложении основ отечественной государственной власти в русской литературе. Многие исследователи упрощали себе задачу и просто пытались сравнивать исторически сложившиеся русские государ-

---

¹⁶ Захаров Н.А. Система русской государственной власти. С. 20–21.

¹⁷ Захаров Н.А. Система русской государственной власти. С. 67–68.

ственные институты с некими отвлеченными политическими теориями, что приводило их к весьма субъективным и бездоказательным выводам.

Н.А. Захаров был категорически против бездумного копирования западных теорий, не замечающих никакого индивидуального развития каждого национального государства и власти. “Не следует забывать, — утверждал ученый, — ... что в науках социологических и политических метод синтеза даст нам более возможности установить общие понятия, а поэтому, вместо того чтобы принимать, как святыню, концепции юридических понятий, составленных иностранными учеными на основании сделанных ими выводов из окружающей их обстановки, созданной под влиянием внешней и внутренней исторической и бытовой жизни, и насильно натягивать эту перчатку иноземного определения на руку русской действительности только для того, чтобы втиснуть ее в эту готовую, может быть, мастерски, но для чужой руки приготовленную форму, было бы более рациональным для русской науки и полезным для русского общества, если бы русские учения в таких восприятиях проанализировали теоретические учения иностранного юриста, делающего свой вклад в мировую науку, с точки зрения жизни, условий и применимости к государству, величайшему на земном шаре”¹⁸.

Ученый не разделял слепого следования за распространенными в науке готовыми теориями в приложении их к конкретным национальным государствам и властям. В частности, выведенная Монтескье, из системы английского государственного строя, теория разделения властей, кажется ему не работающей при приложении к русской государственной системе. Н.А. Захаров призывал исследовать институты власти в связи с их историческим развитием, считая, что любое государство имеет индивидуальные особенности, которые тем более оригинальны, чем развиваются более независимо и самостоятельно.

Как мыслитель-консерватор, Н.А. Захаров, был убежден, что власть нельзя изучать в отрыве от истории и что “жизнь с большим трудом может быть отклонена от своих естественных путей, несмотря даже на многочисленные осуждения русскими своих национальных начал... не идеализируя того или иного периода русской истории, следует учесть характер русской государственной власти в зависимости от тех влияний, под которыми она росла с древнейших известных нам времен”¹⁹.

---

¹⁸ Захаров Н.А. Система русской государственной власти. С. 5–6.

¹⁹ Захаров Н.А. Система русской государственной власти. С. 11–12.

Соединение частнопроводного характера русской власти с византийским православным автократизмом сформировало национальное своеобразие исторического самодержавия и самого государственного строя России. А владение землей одним правящим родом Рюрика, способствовало ограничению формирования автономной аристократии, противостоящей князьям Рюриковичам. Это сильно отличало развитие России от западной Европы, где поземельный слой собственников играл существенную роль в ограничении власти королей. На Руси даже социальная борьба выливалась в самозванство на основе царистской психологии, когда претенденты на власть прикрывались царским именем. Это было и в Смутное время, и во времена разинщины, и во времена пугачевщины.

Русские князья смотрели на Русскую землю, как на свою родовую собственность, как на вотчину, передававшуюся по наследству в одном роде.

Укреплению государства способствовало, вымирание прямых потомков московской линии Рюриковичей и концентрации всех приобретаемых земель в руках единовластных московских Государей.

“Государственный характер, начиная с царствования Ивана III, вторгается в отношения между князем-вотчинником и его вотчиной и постепенно содействует обращению вотчины в государство, а князя-вотчинника в государя”²⁰.

Земельное владение, как право владения, было глубоко связано с обязанностью службы государю. Владели землей, только те, кто служил государю.

Вся деятельность последних представителей Рюрикова дома на русском престоле, и в особенности царя Иоанна Грозного, в защите своей власти, сводилась к противостоянию вотчинному владению бывших удельных князей, к введению однообразия в поземельные отношения между вотчинным и помещичьим землевладением. Они желали связать право землевладения с обязанностью государственной службы у всех землевладельцев, что титулованной знати, что обычного дворянства.

Земские соборы и местное самоуправление в сочетании с землевладением, связанным с государственной службой, сыграло благотворную роль и в Смутное время. Земство смогло в отсутствие Государя восстановить царство, в 1613 г., не ограничивая его власть, а являясь земской помощью в трудную годину для государства и власти.

---

²⁰ Захаров Н.А. Система русской государственной власти. С. 16.

Разница развития русского государства и западноевропейских государств видится, Н.А. Захарову и в формировании высшего слоя. На Западе, это родовая аристократия, развивавшаяся в конкуренции с королевской властью, и создавала корпоративные собрания, ограничивающие власть монархов. В русских исторических реалиях, “весь высший класс, — писал Н.А. Захаров, — состоял из лиц, непосредственно избранных царем, и экономически зависел от государя, который имел неограниченное право отбирать земли у тех, кто неправильно или неисправно нес свои обязанности. Если на Западе феодал был неограниченный господин своих земель, то русский служилый человек был государственный работник, которому государь давал за его труды право вечной, наследственной или пожизненной аренды”²¹.

Учёный вообще, считал, что именно поземельные отношения, формируют власть, в России — власть самодержавную. Служилое сословие было близко к крестьянскому сословию, как правило не владело большими земельными угодьями и не было похоже на западноевропейских феодалов. Такой феномен как однодворцы, промежуточное сословие между дворянами и крестьянами, некоторые из которых носили даже княжеские титулы, но работали на земле как крестьяне, показывает, что служба царю часто значила больше, чем родовые титулы. Если род переставал служить, то постепенно становился крестьянским.

Новая династия Романовых, происходившая из служилых людей, по мнению Н.А. Захарова, постепенно заменила частноправовой взгляд на государственный, “огосударствовало” личность царя и заменило дело государево на государственное дело. Самодержавие личное стало самодержавием государственным.

Понимание власти Петра I и сами его реформы Н.А. Захаров достаточно сильно критикует. Прежде всего, за его смешивание самодержавия с абсолютизмом, под воздействием западных философских идей. Только с его правления исследователь, говорит о введение в России некоторых феодальных начал, изменяющее прежний смысл сословных прав и обязанностей.

С его точки зрения начиная с времен Петра I «падает» прежнее бессловное понятие службы, появляется класс благородного шляхетства, земли закрепляются за ним, создаются некоторые права, основанные на феодальных принципах, например, указом об единонаследии; наконец, прикрепление крестьян, имевшее до этого времени общегосударственное значение, превратилось в личное “под-

---

²¹ Захаров Н.А. Система русской государственной власти. С. 21.

данство” шляхетства, каковой термин и усваивается официальными актами XVIII века»²².

Столетие, прошедшее с отмены обязательной дворянской службы до освобождения крестьян от крепостной зависимости, сформировалось особое положение дворянства, ставшее смотреть на свою роль в государстве западными глазами. Землей с крестьянами, дворянин владел не в силу своей обязанности служить, а на правах привилегированного сословия.

По Н.А. Захарову этот пережиток был исправлен Высочайшим указом 5 октября 1906 г.²³, которым “всем Российским подданным предоставлены одинаковые в отношении государственной службы права подобно тому, как в старые времена служилый класс пополнялся людьми различного происхождения”²⁴.

В современной ему исторической действительности, начала XX столетия, Н.А. Захаров, находил в верховной власти в Российской империи, черты двойственности. Сочетание византийско-русского наследства и идей европейского абсолютизма, порождало двоякое восприятие подданными Всероссийского Императора его государственной власти. Как писал Н.А. Захаров: “Положение монарха в государстве определяется точнее и вернее не буквой писаного закона, но суммой приписываемых ему народным сознанием прав и обязанностей”²⁵. А потому одни продолжали видеть в русском монархе, по преимуществу, все того же самодержавного московского царя, а другие под воздействием западных идей, желали облечь его в формы европейского конституционного главы государства.

В своем исследовании, Н.А. Захаров, задавался целью примирить эти два взгляда, установив некий единый и правильный взгляд на путь развития русской государственности, устроенной на тех национальных особенностях, которые исторически характерны для русского общества.

Он считал, что увлечения западными теориями “задержали правильное развитие страны”, которая базировалась всегда на понимании народных нужд и руководстве ими верховной властью. Н.А. Захаров находил в это отличительную психологическую черту русского самодержавия.

“Абсолютная западная монархия, — как утверждал исследователь, — есть монархия эгоизма, классовых интересов и их защит-

---

²² Захаров Н.А. Система русской государственной власти. С. 25.

²³ Именной Высочайший Указ 5 октября 1906 г. // Собрание Указов. 1906. № 1700.

²⁴ Захаров Н.А. Система русской государственной власти. С. 28–29.

²⁵ Захаров Н.А. Система русской государственной власти. С. 51.

ница. Монархия в той форме, как она вылилась в России, по своей идее есть монархия альтруизма без различия интересов классов и сословий”²⁶.

Здесь он ссылался и на западных мыслителей. В частности на таких как Алексис де Токвиль, который писал о русской власти следующее: “Действительно, было бы очень неправильно полагать, что огромная власть царя основывается только на принуждении. В основном он основывался на симпатиях и симпатиях русских. Ибо принцип суверенитета народа лежит в основе всех правительств, что бы о них ни говорили, и воплощается в менее свободных институтах. Русское дворянство переняло принципы и, прежде всего, пороки Европы, но народ был лишен контакта с нашим Западом и новым духом, который его одушевлял. Он видел в лице императоре не только законного принца, но и посланника от Бога и даже почти Бога”²⁷.

Реформы 1905–1906 гг. Н.А. Захаров, рассматривает совершенно под другим углом зрения, нежели это принято со времен советской историографии. Н.А. Захаров воспринимает их как стремление согласовать старые принципы власти с “усовершенствованными проявлениями деятельности власти” и как приведение в порядок государственной системы Российской империи. Сами реформы он не считает вынужденными, проведенными под воздействием революции и оппозиции, а “исторической необходимостью примирения создавшихся жизнью обоих культурных течений — русско-национального и западно-философского, на основах старых принципов власти, но в новых формах ее осуществления”.

Таким образом, государственные реформы 1905–1906 гг., Н.А. Захаров воспринимал, с одной стороны, выправлением некоторых перегибов абсолютизма, а с другой стороны, установлением порядка, который восстанавливает традиционные начала русской власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

АУФСБКК, № П58528.

Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1888. ГАКК, ф. Р-365, оп. 1, д. 941.

Захаров Н.А. Система русской государственной власти. Новочеркасск, 1912.

Захаров Н.А. Наше стремление к Босфору и Дарданеллам и противодействие ему западноевропейских держав. Пг., 1916.

---

²⁶ *Захаров Н.А.* Система русской государственной власти.. 55–56.

²⁷ *Tocqueville A.* Souvenirs. P., 1893. P. 371.

Захаров Н.А. Курс общего международного права. Пг., 1917.
Именной Высочайший Указ 5 октября 1906 г. // Собрание Указов. 1906. № 1700.

Корф С.А. Заметка об отношениях древнерусского летописца к монархическому принципу // Журнал Министерства народного просвещения. 1909. Июль.

Практическая Восточная академия. Пг., 1915.

Ткачев А.Н. Историк в переломную эпоху (страницы биографии профессора Н.А. Захарова) // Новое прошлое. 2020. № 2. С. 152–163.

Шахматов М.В. История древнерусских политических идей. М., 2023.

REFERENCES

AUFSBKK, N P58528 (in Russian).

GAKK, f. R-365, op. 1, d. 941 (in Russian).

Imennoj Vysochajshij Ukaz 5 oktyabrya 1906 g. [Personal Supreme Decree of October 5, 1906] // Sobranie Ukazov. 1906. N 1700 (in Russian).

Korf S.A. Zаметка ob otnosheniyah drevnerusskogo letopisca k monarhicheskomu principu [Note on the Attitude of the Old Russian Chronicler to the Monarchical Principle] // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1909. Iyul' (in Russian).

Prakticheskaya Vostochnaya akademiya [Practical Eastern Academy]. Pg., 1915 (in Russian).

Shakhmatov M.V. History of ancient Russian political ideas. M., 2023.

Tkachev A.N. Istorik v perelomnyuyu epohu (stranicy biografii professora N.A. Zaharova) [Historian in a turning point (pages from the biography of Professor N.A. Zakharov)] // Novoe proshloe. 2020. N 2. S. 152–163 (in Russian).

Tokgoeville A. Souvenirs. P., 1893.

Vladimirsij-Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava [Review of the History of Russian Law]. Kiev, 1888 (in Russian).

Zaharov N.A. Sistema russkoj gosudarstvennoj vlasti [The System of Russian State Power]. Novoчеркассk, 1912 (in Russian).

Zaharov N.A. Nashe stremlenie k Bosforu i Dardanellam i protivodejstvie emu zapadnoevropejskikh derzhav [Our Striving for the Bosphorus and Dardanelles and the Opposition of Western European Powers]. Pg., 1916 (in Russian).

Zaharov N.A. Kurs obshchego mezhdunarodnogo prava [Course in General International Law]. Pg., 1917 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-2-103-122

**ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ РЕПРОДУКТИВНЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ В СИТУАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО
КРИЗИСА В РОССИИ**

Е.Н. Новосёлова, канд. социол. наук, доц., зам. зав. кафедрой социологии семьи и демографии по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В настоящее время демографическая ситуация в России кризисная и характеризуется крайне низкой рождаемостью, высокой смертностью, старением населения и уменьшением числа граждан трудоспособного возраста. Одной из главных стратегий выхода из демографического кризиса является повышение рождаемости. Для реализации этой стратегии требуется целый комплекс мер политического, экономического, правового, социального, научного, медицинского характера. Вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) являются эффективными методами лечения бесплодия и не только решают проблему конкретной семьи, но и могут помочь в решении демографических проблем. Конечно, роль ВРТ в большей степени определяется их социальной значимостью т.к. доля родов после преодоления бесплодия с помощью ВРТ в общем числе родов в России составляет 2,9% (2022) и данные технологии не приводят к значительному росту рождаемости, но эта доля постоянно увеличивается (в 2000 г. она составляла 0,07%) и в условиях все большего распространения поздних браков и постарения рождаемости эта технология в будущем может оказаться все более востребованной и способствовать повышению рождаемости. Автор делает вывод, что наряду с другими мерами, ВРТ могут быть включены в число социально-политических мер реагирования на демографический кризис.

Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии, демографический кризис, рождаемость, бесплодие, ЭКО, ИКСИ, беременность, роды.

---

* Новосёлова Елена Николаевна, e-mail: alena_n@mail.ru, nauka@socio.msu.

ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES IN THE SITUATION OF DEMOGRAPHIC CRISIS IN RUSSIA

Novoselova Elena N., PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of the Family and Demography, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: alena_n@mail.ru, nauka@socio.msu.ru

The demographic situation in Russia is critical and is characterized by an extremely low birth rate, high mortality, aging population and a decrease in the number of working-age citizens. One of the main strategies for overcoming the demographic crisis is to increase the birth rate. To implement this strategy, a whole range of political, economic, legal, social, scientific and medical measures is required. Assisted reproductive technologies (ART) are effective methods of treating infertility and not only solve the problem of a specific family, but can also help solve demographic problems. The author realizes that the share of births after overcoming infertility with the help of ART in the total number of births in Russia is 2,9% (2022) and these technologies do not lead to a significant increase in the birth rate, but this share is constantly increasing (in 2000 it was 0,07%) and in the context of an increasing prevalence of late marriages and aging birth rates, this technology may be increasingly in demand in the future and contribute to an increase in the birth rate. The author concludes that, along with other measures, ART can be included in the socio-political measures of response to the demographic crisis.

Key words: assisted reproductive technologies, demographic crisis, birth rate, infertility, IVF, ICSI, pregnancy, childbirth.

Демографическая ситуация в современной России вызывает серьезную обеспокоенность. По итогам I полугодия 2024 г. естественная убыль населения России усилилась в 1,8 раза по сравнению с тем же периодом 2023 г., миграционный прирост снизился. Численность пожилых людей растет, и на данный момент число людей в возрасте 65 лет и старше практически сравнялось с численностью детей младше 15 лет, составив, соответственно — 17,1% и 17,2% населения России. Наблюдается тенденция к снижению рождаемости — суммарная рождаемость (СКР) остается на уровне 1,4 ребенка на женщину (динамику СКР в Российской Федерации с 1990 по 2023 г. можно проследить по данным табл. 1), т.е. на треть ниже уровня, необходимого для простого воспроизводства населения. Ситуация усугубляется сокращением численности женщин репродуктивного возраста¹, которое будет продолжать снижаться в долгосрочной перспективе, вплоть

---

¹ См., об этом: Демографические итоги I полугодия 2024 года в России (часть I) // Демоскоп Weekly. 2024. 17 сент. — 30 сент. № 1043–1044. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01043/barom03.php>

до 2046 г.² Таким образом, демографических проблем, характерных на данный момент для всего развитого мира, в России много, и они не имеют простых решений. Для выхода из демографического пике необходим целый комплекс мер, направленных на повышение рождаемости и увеличение продолжительности жизни.

Таблица 1

**Динамика суммарного коэффициента рождаемости (СКР)
в Российской Федерации (1990–2023 гг.)**

Годы	1990	1995	1999	2000	2005	2010	2015	2020	2022	2023
СКР	1,89	1,34	1,16	1,2	1,29	1,57	1,76	1,47	1,42	1,41

Источник: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики <https://rosstat.gov.ru/folder/12781#>

Основным источником демографических проблем России является длительное сохранение рождаемости на уровнях ниже простого воспроизводства населения, т.е. кризис рождаемости, у которого множество причин, включая: изменение социальных ценностей и приоритетов, повышение уровня образования, изменения статусно-ролевой позиции женщины в обществе, стрессы в экономике, ухудшение репродуктивного здоровья и т.д. Все названные причины важны, но если говорить конкретно об ухудшении репродуктивного здоровья, причины, которая является основным интересом в данной статье, то на настоящий момент, это ухудшение достигло уровня, способного ограничить рождаемость в обществе и влиять на демографические показатели³.

Оценка уровня бесплодия — важный, но очень сложный вопрос. По данным ООН проблема затрагивает, 17,5% взрослого населения планеты⁴. Анализ данных из 195 стран за период с 1990 г. по 2017 г. показал, что глобальное бремя бесплодия в среднем увеличивается

² Голикова: число женщин репродуктивного возраста будет снижаться до 2046 года // Сетевое издание Ведомости. 2024.04.07. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2024/07/04/1047969-snizhatsya-do-2046-goda>

³ См., например: Савина А.А., Землянова Е.В., Фейгинова С.И. Потери потенциальных рождений в г. Москве за счет женского и мужского бесплодия // Здоровье мегаполиса. 2022. № 3; Jalilova G.A., Ismailova F.M., Shorustamova M.M. Социальное значение женского бесплодия // Eurasian Journal of Medical and Natural Sciences. 2024. N 3; Дадаева Т.М., Баранова В.В. Вспомогательные репродуктивные технологии в репродуктивном поведении городской молодежи (опыт пилотажного исследования) // Регионология. 2019. № 1 (106).

⁴ 1 in 6 people globally affected by infertility: WHO // Официальный сайт ООН. URL: <https://www.who.int/news/item/04-04-2023-1-in-6-people-globally-affected-by-infertility>

на 0,37% в год для женщин и на 0,29% для мужчин⁵. Но здесь, следует уточнить, что именно понимается под бесплодием — в соответствии с определением ВОЗ это — заболевание репродуктивной системы, которое выражается в невозможности забеременеть в течение 12 месяцев и более при регулярных попытках зачать ребенка, т.е. речь идет о сексуально активной паре год не использующей методы контрацепции⁶.

Если говорить конкретно о России, то статистические данные, к сожалению, размыты и не отражают полной картины. Официальные цифры, основанные на доле женщин, не имеющих детей к моменту выхода из репродуктивного возраста, колеблются от 7–8% (данные о женщинах, рожденных в 1970-х) до 15% (прогнозируемых) для поколения 1980-х гг.⁷ Но эти цифры крайне примерны, если экстраполировать их на проблему бесплодия, т.к., во-первых, сложно оценить какая бездетность растет: добровольная или вынужденная, во-вторых, проигнорированы репродуктивные проблемы мужского населения страны, а неспособность к зачатию затрагивает как мужчин, так и женщин. В 20–30% случаев причиной бесплодия является только мужской фактор. Еще у 20–30% супружеских пар мужское бесплодие сочетается с женским. Таким образом, в общей сложности, мужской фактор является причиной бесплодия примерно в 50% случаев⁸. Кроме того, распространенность мужского бесплодия растет, по некоторым данным 2000–2018 гг. прирост составил 114%⁹. В-третьих, вышеописанный способ учета (по числу окончательно бездетных) не учитывает тот факт, что женщины, имеющие приемных детей также включены в эту статистику независимо от состояния их репродуктивного здоровья.

---

⁵ Цит. по: *Тимченко Д.Д.* Возраст и женское бесплодие: обзор отечественных и зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. 2024. Т. 13. № 2. С. 73–82.

⁶ *Москалева А.А.* Эффект от включения вспомогательных репродуктивных технологий в программу государственного медицинского страхования в России // Население и экономика. 2024. № 4 (4). С. 19–42; *Ширшов В.Н.* Современное состояние проблемы мужского бесплодия: обзор клинических рекомендаций европейской ассоциации урологов // Клиническая практика. 2016. № 1 (25).

⁷ *Соболевская О.В.* Откладывание материнства повышает риск бездетности // IQMEDIA. URL: <https://iq.hse.ru/news/177666949.html>

⁸ *Agarwal A., Mulgund A., Hamada A., Chyatte M.R.* A unique view on male infertility around the globe // Reproductive Biology and Endocrinology. 2015. N 3 (Цит. по: *Лебедев Г.С., Голубев Н.А., Шадеркин И.А., и др.* Мужское бесплодие в Российской Федерации: статистические данные за 2000–2018 годы // Экспериментальная и клиническая урология. 2019. № 4).

⁹ *Лебедев Г.С., Голубев Н.А., Шадеркин И.А., и др.* Мужское бесплодие в Российской Федерации: статистические данные за 2000–2018 годы. С. 4–12.

Статистические данные, основанные на установленном диагнозе — бесплодие, тоже занижают оценки, так как “во-первых, к врачу обращаются не все граждане с соответствующей проблемой, а во-вторых, для постановки соответствующего диагноза требуется длительное время наблюдаться у врача”¹⁰.

Оценки бесплодия в выборочных обследованиях признаются экспертами заниженными, поскольку тема бесплодия является крайне сенситивной¹¹. По мнению О.Г. Исуповой “бесплодие в России в настоящее время является социально стигматизирующим состоянием, а это означает, что цифры относительно его распространенности, получаемые из репрезентативных массовых опросов населения в целом, могут не отражать реального состояния дел, поскольку значительная часть респондентов будут скрывать от интервьюеров свое состояние”¹². Несмотря на существование научных представлений о причинах бесплодия, в обыденном представлении в нем по-прежнему «ввинят» в первую очередь женщин, для которых оно становится социальным бременем, особенно в пронаталистских сообществах¹³. Бесплодные женщины подвергаются давлению родственников (направленным на сохранение продолжения рода), страдают от отсутствия социальной поддержки, социальной стигматизации¹⁴, замалчивают свое состояние, страдают от негативной самооценки¹⁵. При этом бесплодные женщины не представляют собой целостную группу, их восприятие своего состояния, совладание с ним и подходы к поиску путей выхода из сложившейся ситуации отличаются, в частности женщины с образованием ниже среднего реже обращаются за помощью по лечению бесплодия, чем женщины с высшим образованием¹⁶.

---

¹⁰ Москалева А.А. Эффект от включения вспомогательных репродуктивных технологий... С. 23.

¹¹ Исупова О.Г. Бесплодие и репродуктивные технологии в России: особенности развития и потенциальные возможности влияния на население. Рождаемость и планирование семьи в России // Рождаемость и планирование семьи в России: история и перспективы. Сб. ст. М., 2011. С. 152–173.

¹² Цит. по: Дадаева Т.М., Баранова В.В. Вспомогательные репродуктивные технологии в репродуктивном поведении городской молодежи (опыт пилотажного исследования).

¹³ Тимченко Д.Д. Возраст и женское бесплодие... С. 74.

¹⁴ Jansen N.A., Saint Onge J.M. An internet forum analysis of stigma power perceptions among women seeking fertility treatment in the United States // Social Science & Medicine. 2015. Vol. 147. Dec. P. 184–189.

¹⁵ Тювина Н.А., Николаевская А.О. Бесплодие и психические расстройства у женщин. Сообщение 2 // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2020. № 1.

¹⁶ Тлиашинова И.А., Мингазов Р.Н. Глобальные социальные вызовы в проблемах бесплодия // Менеджер здравоохранения. 2022. № 3.

Но даже с учетом того, что многие инфертильные женщины не особенно распространяются об этом, выборочные обследования демонстрируют высокое число женщин, которые заявляют о том, что имеют ограничения здоровья, которые могут не позволить им забеременеть естественным способом в будущем — 17% (связанные с репродуктивным здоровьем), 10% (не связанные с репродуктивным здоровьем). Оценка женщинами своей способности забеременеть в будущем естественным способом с разбивкой на возрастные группы представлена в табл. 2. Схожие данные дает и всероссийское социологическое исследование “Демографическое самочувствие России” (2019–2020 гг.) — “только 60,4% женщин и 70,4% мужчин считают, что с точки зрения здоровья им ничто не мешает иметь детей”¹⁷.

Таблица 2

Самооценка женщинами своей способности к зачатию естественным путем (по возрастным группам)

Ответ на вопрос: “У Вас есть какие-либо ограничения здоровья, которые могут не позволить Вам забеременеть естественным способом в будущем?”, в %

Варианты ответов	Да, есть ограничения, связанные с репродуктивным здоровьем	Да, но ограничения не связаны с репродуктивным здоровьем	Нет	Затрудняюсь ответить	Не хочу отвечать
Женщины в целом	17	10	58	13	2
18–24 года	9	4	63	20	4
25–34 года	14	10	60	15	1
35–45 лет	23	12	53	11	1

Источник: Репродуктивное здоровье: мужской и женский взгляд // ВЦИОМ. 20 апреля 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reproduktivnoe-zdorove-muzhskoi-i-zhenskii-vzgljad>

Следует учитывать, что значительная часть населения (около 75%¹⁸) никогда не обращалась к специалистам по репродуктивному здоровью, что не позволяет получить точную картину распростра-

¹⁷ Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. Вспомогательные репродуктивные технологии глазами россиян // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 9. С. 879–888.

¹⁸ Репродуктивное здоровье: уверены, но не проверяли... // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reproduktivnoe-zdorove-uvereny-no-ne-proveryali>

ненности бесплодия. То, что население не всегда задумывается о состоянии своего репродуктивного здоровья косвенно подтверждается также тем фактом, что по данным вышеупомянутого исследования “Демографическое самочувствие России” доля заявивших о проблемах с репродуктивной функцией выше среди состоящих в браке, что скорее всего связано с тем, что в паре проблема просто-напросто актуализируется, а до этого люди не задумываются об этом¹⁹, так как бесплодие не приводит к ограничению физической активности, не влияет на продолжительность жизни и не вызывает болевого синдрома и в целом никак не мешает жить ровно до того момента, пока человек не задумывается о том, чтобы завести ребенка/детей. Рожают же детей в России, несмотря на некоторую тенденцию к сингл-материнству и “рождению ребенка для себя” чаще все в браке, как естественным путем, так и с помощью вспомогательных репродуктивных технологий. Пары, живущие в зарегистрированном браке или устойчивом сожительстве, чаще использовали ВРТ — 12,9%, чем холостые — 1,7%, разведенные — 1,4%²⁰. Учитывая тот факт, что возраст вступления в брак растет, соответственно проблема позже актуализируется и с ней сложнее справиться, так как возраст является главным фактором успешности лечения бесплодия и влияет на вероятность наступления беременности, ее течение и снижает вероятность успеха в программах суррогатного материнства и донации сперматозоидов²¹.

Даже основываясь на приблизительных данных об уровне бесплодия в России приведенных выше можно сделать вывод, что оно является важной медико-социальной проблемой, которая не только оказывает крайне негативное влияние на психологическое и социальное благополучие семейных пар, но и наносит ущерб и без того неблагоприятной демографической ситуации в нашей стране. Увеличение доступа к технологиям лечения бесплодия может способствовать повышению уровня рождаемости, даже с учетом того, что проблема низкой фертильности является лишь одним из аспектов более масштабной демографической проблемы и “выходящей за рамки исключительно медицинских и репродук-

---

¹⁹ Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. Вспомогательные репродуктивные технологии глазами россиян. С. 879–888.

²⁰ Дадаева Т.М., Баранова В.В. Вспомогательные репродуктивные технологии...

²¹ Востриков В.В., Бельницкая О.А., Кравцова Е.С., Белов В.М. К вопросу формирования баз данных в диагностике и лечении бесплодия // Бюллетень медицинской науки. 2021. № 2 (22).

тивных аспектов, затрагивая глубинные социально-культурные процессы”²².

Одно из ключевых понятий данной работы — вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ), поэтому необходимо дать определение данному термину. Вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) — это группа медицинских технологий, методов лечения и процедур, направленных на достижение беременности, при которых отдельные или все этапы зачатия осуществляются вне организма *in vitro*²³.

Исследований о влиянии расширения доступа к технологиям лечения бесплодия не много, но большинство из них приходят к выводу, что существует значимая положительная связь между количеством процедур ВРТ и суммарным коэффициентом рождаемости²⁴, хотя есть и работы утверждающие, что скорее, доступность, например страховые мандаты на лечение бесплодия, приводят не столько к увеличению рождаемости, сколько к смещению календаря рождений и откладыванию материнства²⁵.

По данным выборочных исследований, увеличение рождаемости за счет использования ВРТ составляет в большинстве стран не более 5%. В России доля родов после преодоления бесплодия с помощью ВРТ в общем числе родов — 2,9% на 2022 г., конечно это не слишком высокие цифры и данные технологии не приводят к значительному росту рождаемости, но их не зря называются вспомогательными — они выполняют важнейшую социальную роль — помогают людям которые по тем или иным причинам не могут самостоятельно завести ребенка. Кроме того, цифры растут (см. табл. 3), а в условиях все большего распространения поздних браков и старения рождаемости эта технология в будущем может оказаться все более востребованной и способствовать повышению рождаемости. Поэтому “все большее число стран включает искусственные методы репродукции в пул социально-политических мер реагиро-

---

²² Милехин А. Репродуктивные технологии: демографические вызовы и этические императивы // РОМИР URL: <https://romir.ru/press/reproduktivnyye-tehnologii-demograficheskie-vyzovy-i-eticheskie-imperativy>

²³ См. например: Москалева А.А. Эффект от включения вспомогательных репродуктивных технологий... С. 19–42.

²⁴ Kocourkova J., Burcin B., Kucera T. Demographic relevancy of increased use of assisted reproduction in European countries // *Reproductive Health*. 2014. N 11. P. 37; Васильева Т.С., Перегонцева Н.В. Показатели рождаемости и новые репродуктивные технологии в практике здравоохранения на муниципальном уровне // *Вестник Смоленской государственной медицинской академии*. 2016. № 15. С. 36–39.

²⁵ Machado M.P., Sanz-de-Galdeano A. Coverage of infertility treatment and fertility outcomes // *SERIEs*. 2015. Vol. 6. P. 407–439.

вания на демографический кризис”²⁶. Данный шаг рационален не только с демографической, но и с экономической точки зрения, так как исследования показывают, что инвестиций во вспомогательные репродуктивные технологии имеют положительный экономический эффект за счет увеличения объема трудовых ресурсов, что способно привести к увеличению темпов экономического развития и увеличения объемом ВВП²⁷, масштабы этого “бонуса” зависят от уровня продуктивности труда в стране, уровня доходов, налоговой политики, а также политики государства в сфере здравоохранения²⁸.

Таблица 3

**Доля родов после преодоления бесплодия с помощью ВРТ
в общем числе родов в России, в %**

Годы	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Доля в общем числе родов	0,07	0,04	0,1	0,17	0,22	0,3	0,36	0,39	0,47	0,57	0,65
Годы	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Доля в общем числе родов	0,77	0,77	1,03	1,3	1,6	1,7	2,3	2,4	2,4	2,7	2,9

Источник: построено по данным отчетов национального регистра ВРТ за 2000–2022 гг. (https://www.rahr.ru/registr_otchet.php).

Изменения гендерных ролей в современном обществе, расширение возможностей самореализации в экономической, образовательной, политических сферах привело к тому, что рождение ребенка из неотъемлемого аспекта развития женщины становится индивидуальным выбором. По данным ВЦИОМ за последние три десятилетия взгляд российского общества на приоритеты женщин сильно изменился и если в 1990 г. более половины россиян считали, что семья для женщины важнее работы, то в 2024 — 26%. Сегодня фокус сместился в пользу равенства приоритетов для женщин и семьи, и работы — 53% (1990 г. — 35%). За эти годы в 3,5 раза

²⁶ Тимченко Д.Д. Возраст и женское бесплодие... С. 74.

²⁷ Ягудина Р.И., Куликов А.Ю., Тищенко Д.Г. Фармакоэкономический анализ отдаленных последствий более широкого использования экстракорпорального оплодотворения в лечении бесплодия на региональном и федеральном уровнях с позиции общества в целом в Российской Федерации // Фармакоэкономика: теория и практика. 2017. Т. 5. № 1. С. 39.

²⁸ Fragoulakis V., Maniadaakis N. Estimating the long-term effects of in vitro fertilization in Greece: an analysis based on a lifetime-investment model // ClinicoEconomics and Outcomes Research. 2013. 20 June. Vol. 5. P. 247–255.

(с 4 до 14%) выросло число тех, кто считает, что работа становится для женщин важнее семьи. Молодежь чаще говорит о том, что для современных женщин важнее работа, а не семья — 27%, это в три раза больше в сравнении со старшей когортой — 9%²⁹.

Данные изменения никак не отменяют, а скорее даже усиливают тот факт, что рождения ребенка является одним из центральных событий в жизни женщины, своеобразной инициацией, позволяющей ей достичь статуса зрелости, установить свою социальную идентичность, закрепить связь с партнером. 79% россиян уверены, что каждая женщина должна стать матерью и жизнь женщины полноценна, если у нее есть дети³⁰, в рейтинге составляющих “женского счастья” россиянки ставят на первое место именно материнство/наличие детей³¹.

Одним из главных аспектов репродуктивного выбора, о котором говорилось выше, современных российских семей состоит в регулировании календаря рождений, что чаще всего приводит к откладыванию рождений и постарению рождаемости. Хотя на словах россияне не поддерживают мировые тренды на откладывание родительства, по их мнению, первого ребенка лучше родить до 25 лет — и женщинам (62%) и мужчинам (57%), возраст рождения первого ребенка так или иначе растет, хотя и остается одним из самых низких среди развитых стран. Постарение рождаемости приводит к эффекту накопления всевозможных факторов риска бесплодия, увеличению числа негативно влияющих на фертильность причин, повышению риски неблагоприятных акушерских и перинатальных исходов³².

По мнению экспертов тенденция к более позднему родительству приведет к росту популярности ВРТ, в том числе услуг криосохранения ооцитов и спермы до того момента, когда потенциальные родители “встанут на ноги, самореализуются”. Но большинство россиянок пока не готовы воспринимать ЭКО как инструмент планирования семьи и считают его последним и единственным шансом,

---

²⁹ Современная женщина: между работой и семьей // ВЦИОМ. 2024.07.03. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sovremennaja-zhenshchina-mezhdu-rabotoi-i-semei>

³⁰ Семья и дети: установки и реалии // ВЦИОМ. 2021.02.01. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-deti-ustanovki-i-realii>

³¹ Женское счастье: российская версия // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhenskoe-schaste-rossiiskaja-versija>

³² Калинина Е.А., Сыркашева А.Г., Долгушина Н.В. “Отсроченное материнство”: современные возможности сохранения репродуктивного потенциала // Акушерство и гинекология. 2019. № 1. С. 56–61.

крайней мерой. В научной литературе, по крайней мере русскоязычной, ЭКО рассматривается как эффективный метод лечения бесплодия, а криоконсервация ооцитов и эмбрионов подвергать анализу чаще всего как метод защиты и сохранения репродуктивной функции, например, при противоопухолевом лечении, а не как “поточковый” метод при откладывании материнства.

Возвращаясь к теме необходимости рождения хотя бы одного ребенка, чтобы ощутить себя “полноценной женщиной” следует подчеркнуть, что женщины, столкнувшиеся с проблемой бесплодия (в независимости от их возраста) достоверно чаще воспринимают рождение ребенка как необходимое условие своей женской реализации — 49% женщин, прибегнувших к ВРТ, против 24% женщин забеременевших самостоятельно³³. Женщины, столкнувшиеся с репродуктивными трудностями, чувствуют себя “не такой как все”, “бракованной”, а отвечая на вопрос о том зачем им ребенок 82% отвечают: “У всех есть, и мне нужен ребенок”³⁴. Каждая неудача и “пустой тест” вызывает у таких женщин срывы, слезы, отчаяние и мысли “за что мне все это?”³⁵. В бесплодном браке женщины подвержены депрессии, испытывают чувство вины, нуждаются в понимании и принятии.

На данном этапе женщинам крайне важна психологическая поддержка, которую они, в основном, находят в кругу семьи и в виртуальных сообществах женщин, находящихся в аналогичной ситуации. Просветительская работа в этой области ведется недостаточно эффективно — женщины сталкиваются с запугиванием негативной информацией про ВРТ. Женщины встречаются со страшилками, которые во многом раздувают журналисты низкопробных изданий и соцсети, а также врачи смежных специальностей, которые не в курсе нюансов процедуры и запугивают пациенток (маммолог раком, терапевт большими детьми) и у женщин нередко формируется мнение, что это не шанс, а приговор. Женщины сталкиваются также с неприятием метода, разговорами о том, что метод противоестествен и “на все воля Божья”, если беременность не наступает значит, так и должно быть. По данным ВЦИОМ на 2023 г. среди тех, кто

---

³³ Мошквивская В.А. Сравнительный анализ субъективного восприятия себя в роли будущего родителя среди семейных пар с различным репродуктивным анамнезом // Вестник Мининского университета. 2021. № 4 (37).

³⁴ Гарданова Ж.Р., Есаулов В.И., Ильгов В.И. и др. Тревожные расстройства у женщин старшего репродуктивного возраста в программе вспомогательных репродуктивных технологий (эко, ИКСИ) // Наука, техника и образование. 2017. № 11 (41).

³⁵ Сайт проекта “Планируем вместе”. URL: <https://planiruемvmeste.ru/>

не допускает использование ВРТ: 12% женщин и 5% мужчин говорят о его дороговизне, 11% и 6% мужчин и женщин соответственно о том, что лучше взять ребенка из детдома, 10% и 5% о Воле Божьей и “задумке природы”, 10% и 4% о последствиях для здоровья ребенка, 4% женщин и 7% мужчин — о том, что религия не позволяет. Интересен тот факт, что что мнение трети мужчин и женщин можно охарактеризовать знаменитой фразой — “не читал, но осуждаю”, они сами не знают почему они против, но тем не менее против³⁶.

Конечно, основания для беспокойства есть, беременность после ВРТ чаще, чем при естественном зачатии, протекает неблагополучно, такая беременность акушерами расценивается как беременность повышенного риска, требующая соответствующего индивидуального ведения беременной. Однако вопрос о том, что здесь первично — метод зачатия или фактор фертильности и состояния здоровья родителей, так как возраст родителей, прибегающих к технологии ВРТ как правило выше и их состояние здоровье хуже и это, как правило, касается не только репродуктивной сферы.

Пугает женщин и будущее детей, так как бытует мнение, что дети, зачатые “в пробирке”, обладают более низкими показателями здоровья. Неонатологи уже с первых минут после рождения “ребенка из пробирки” указывают на необходимость повышенного внимания к нему. И здесь, как и в случае беременности, замешано огромное количество факторов. Бесплодие, это все же заболевание, и это состояние может влиять на внутриутробное развитие эмбриона и плода и последующее состояние потомства. Очень значимым фактором является возраст родителей, который ассоциированных с высоким риском нарушения здоровья потомства вне зависимости от способа его зачатия. Женщины старшего возраста имеют более высокий риск рождения детей как с хромосомными аномалиями, так и с пороками нехромосомной природы³⁷. Подробнее с вероятностью возникновения различных пороков развития в зависимости от возраста матери можно ознакомиться в табл. 4. Позднее отцовство также связано с повышенными рисками здоровья детей: моногенных нарушений, выкидышей и мертворождений, новорожденных

---

³⁶ Отношение к женскому и мужскому здоровью и вспомогательным репродуктивным технологиям. Презентация результатов опроса, проведенного в рамках социального проекта «Неделя женского здоровья “Геден Рихтер”» // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2023/2023-04-20_K.Rodin_Reproduktivnoe_zdorove_compressed.pdf

³⁷ Демикова Н.С., Подольная М.А., Лапина А.С. Возраст матери как фактор риска врожденных пороков развития // Российский вестник перинатологии и педиатрии. 2020. № 2.

детей низкого веса и др.³⁸ Нельзя отрицать возможность отрицательного влияния ВРТ, но на настоящий момент определить доминирующее влияние патологии, сопутствующей беременности или методов и средств ВРТ крайне сложно³⁹.

Таблица 4

Частота хромосомных болезней и пороков развития нехромосомной природы в зависимости от возраста матери (на 1000 рождений)

Возраст матери, годы	Частота %	
	Хромосомные болезни	Пороки развития нехромосомной природы
Моложе 20 лет	0,52	4,56
20–34	0,90	3,96
35–39	4,19	4,64
40–44	13,34	5,34
45 и старше	23,32	7,98
Всего	1,52	4,09

Источник. Построено по данным: Демикова Н.С., Подольная М.А., Лапина А.С. Возраст матери как фактор риска врожденных пороков развития // Российский вестник перинатологии и педиатрии. 2020. № 2.

Так или иначе очень важна работа в области уменьшения количества предрассудков, в том числе религиозных при принятии индивидуальных репродуктивных решений. Безусловно “ищущий да обрящет, а дорогу осилит идущий” и люди найдут информацию и разберутся в ней, но ситуация недостаточной осведомленности (даже временная) ведет к нарастанию тревожности, выступает источником стресса и напряжения, приводит к нарушению психического здоровья и ухудшению физических и психических показателей качества жизни, и оттягиванию лечения.

³⁸ Sharma R., Agarwal A., Rohra V.K. et al. Effects of increased paternal age on sperm quality, reproductive outcome and associated epigenetic risks to offspring // Reproductive Biology and Endocrinology. Vol. 13. N 1; Shah P. Paternal factors and low birthweight, preterm, and small for gestational age births: a systematic review // American Journal of Obstetrics & Gynecology. 2010. Vol. 202. N 2. P. 103–123; Toriello H.V., Meck J.M. Statement on guidance for genetic counseling in advanced paternal age // Genetics IN Medicine. 2008. Vol. 10. N 6. P. 457–460.

³⁹ Эверт Л.С., Галонский В.Г., Теннер Е.А. и др. Исходы беременности и состояние здоровья детей, рожденных после применения вспомогательных репродуктивных технологий // Сибирский журнал клинической и экспериментальной медицины. 2013. № 1.

Недостаток просветительской работы демонстрирует исследование ВЦИОМ, согласно которому 85% женщин репродуктивного возраста в России уверены в своей способности иметь детей, при этом большинство из них никогда не обращались по поводу своего репродуктивного здоровья к врачу⁴⁰. Это же исследование говорит о низкой осведомленности населения России о возможности проведения процедуры ЭКО по ОМС — 33% знают об этом⁴¹. Посещение женщиной ЖК не гарантирует предоставления информации, между тем финансовые проблемы стоят на первом месте среди причин прекращения лечения бесплодия (26,8%) по данным большинства исследований⁴², на форумах объединяющих женщин и мужчин с проблемами бесплодия, можно встретить следующие комментарии: “Мы сами не потянем ЭКО”, “Ехать в Москву в центры репродукции для нас дорого”. Таким образом, “несмотря на государственное и юридическое регулирование этого процесса, главным критерием, обеспечивающим возможности использования методов ВРТ, становится социально-экономический статус”⁴³. Стоит также сказать о региональном неравенстве. О наличии в их регионе центров планирования, и клиник, которые занимаются лечением бесплодия по данным ВЦИОМ⁴⁴ заявляют 39% россиян, а финансовые расходы, в том числе на проезд из дальних районов в купе с доступностью медицинской помощи и эмоциональным стрессом влияют на комплаентность к восстановлению репродуктивного здоровья.

Несмотря на то, что ЭКО использую уже более 40 лет проблемы отсутствия имплантации и вынашивания беременности после ЭКО, продолжают широко обсуждаться и служат темой многих научных работ. Эффективность ВРТ в России достаточно высока: в 2022 г. в программе ЭКО беременность наступала в расчете на цикл 26,4%,

---

⁴⁰ Отношение населения к проблеме сохранения репродуктивного здоровья и восприятие ЭКО // ВЦИОМ. 2020. URL: https://profi.wciom.ru/fileadmin/image/page/open_projects/reprod/prez.pdf

⁴¹ Там же.

⁴² Прокопов А.Ю., Османов Э.М., Маньяков Р.Р. Причины низкой комплаентности к обследованию и лечению бесплодия среди женщин // Вятский медицинский вестник. 2020. № 1 (65).

⁴³ Богомягкова Е.С., Ломоносова М.В. Вспомогательные репродуктивные технологии: к вопросу о новых формах социального неравенства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. № 3. С. 193.

⁴⁴ Отношение населения к проблеме сохранения репродуктивного здоровья и восприятие ЭКО // ВЦИОМ. 2020. URL: https://profi.wciom.ru/fileadmin/image/page/open_projects/reprod/prez.pdf

на пункцию — 28,2%, на перенос эмбрионов — 33,0%⁴⁵. В табл. 5 представлена частота наступление беременностей в циклах ЭКО и ИКСИ, конечно методов ВРТ больше, но в рамках данной статьи не ставилось задачи описать их все, хотя каждый из них имеет свои особенности. В таблице было принято решение остановиться на двух наиболее популярных — 2022 г. доля ЭКО в российских центрах составила 20,1% от всех циклов ВРТ, доля ИКСИ — 28,1%⁴⁶.

Таблица 5

Частота наступления беременности в циклах ВРТ и ИКСИ

ЧНБ, %	ЭКО					ИКСИ				
	2022	2021	2020	2019	2018	2022	2021	2020	2019	2018
на цикл	26,4	28,6	28,9	32,3	32,9	25,6	29,3	29,1	29	31,8
на пункцию	28,2	29,9	30	33,3	34,4	26,5	30,3	29,8	29,9	33
на перенос	33	34,8	34,8	38,5	37,4	32,8	35,2	35,1	35,4	36,1

Но это только наступление беременности, которую еще надо выносить — частота невынашивания беременности после переноса эмбрионов по данным разных авторов варьирует от 18,5 до 32%. Исход беременности даже у молодых пациенток с хорошим овариальным резервом и имеющих эмбрионы высшего качества спрогнозировать крайне сложно. При этом женщины считают, что ЭКО это беременность с гарантией и идя в первый протокол ЭКО женщины уверены, что все получится с первого раза. Получается далеко не всегда.

Показатели частоты наступления беременности за 2022 г. по основным программам ВРТ несколько ниже по сравнению с 2021 г. Это является логичным следствием увеличения доли переноса одного эмбриона. “Доля переноса одного эмбриона во всех программах ВРТ составила порядка 75%, что является важнейшим фактором в снижении рисков многоплодия и повышении шансов на достижение главной цели лечения бесплодия — рождения здорового доношенного ребенка”⁴⁷.

Возвращаясь к вопросу о необходимости психологического консультирования женщин, столкнувшихся с бесплодием, отметим,

⁴⁵ Регистр ВРТ. Отчет за 2022 год // Российская ассоциация репродукции человека. URL: https://www.rahr.ru/d_registr_otchet/RegistrVRT_2022.pdf

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Регистр ВРТ. Отчет за 2022 год. С. 33.

что женщины, пережившие отрицательный опыт в программе ЭКО, психоэмоционально дезориентированы, нередко демонстрируют наличие тревожных и депрессивных реакций, что является показанием для психологического консультирования. Совместная работа репродуктолога и репродуктивного психолога могла бы давать женщинам больше шансов на успешную попытку ЭКО ведь взаимосвязь психоэмоционального состояния женщины с результативностью и эффективностью лечения бесплодия неоднократно доказывалась. Такой тандем мог бы не только дать шанс на счастливое материнство большему числу женщин, но и, возможно, сэкономить государственные деньги снизив количество протоколов ЭКО.

Главная причина современных негативных демографических изменений — снижение рождаемости. Действенно влиять на эти тенденции с помощью единственной, даже самой эффективной меры невозможно. Несмотря на то, что вспомогательные репродуктивные технологии вносят небольшой вклад в общее число рождений, они никак не отменяют традиционный способ зачатия, а лишь дополняют его и помогают семейным парам, ориентированным на родительство, но столкнувшимся с проблемой бесплодия реализовать свои намерения по рождению ребенка/детей. В этой связи ВРТ могут быть частью демографической политики, помочь несколько нивелировать общественные последствия инфертильности и субфертильности и расширить репродуктивные возможности демографического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Богомяжкова Е.С., Ломоносова М.В. Вспомогательные репродуктивные технологии: к вопросу о новых формах социального неравенства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. № 3.

Васильева Т.С., Перегонцева Н.В. Показатели рождаемости и новые репродуктивные технологии в практике здравоохранения на муниципальном уровне // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2016. 15. С. 36–39.

Востриков В.В., Бельницкая О.А., Кравцова Е.С., Белов В.М. К вопросу формирования баз данных в диагностике и лечении бесплодия // Бюллетень медицинской науки. 2021. № 2 (22).

Гарданова Ж.Р., Есаулов В.И., Ильгов В.И. и др. Тревожные расстройства у женщин старшего репродуктивного возраста в программе вспомогательных репродуктивных технологий (эко, ИКСИ) // Наука, техника и образование. 2017. № 11 (41).

Дадаева Т.М., Баранова В.В. Вспомогательные репродуктивные технологии в репродуктивном поведении городской молодежи (опыт пилотажного исследования) // Регионология. 2019. № 1 (106).

Демикова Н.С., Подольная М.А., Лапина А.С. Возраст матери как фактор риска врожденных пороков развития // Российский вестник перинатологии и педиатрии. 2020. № 2.

Демографические итоги I полугодия 2024 года в России (часть I) // Демоскоп Weekly. 2024. 17–30 сент. № 1043–1044. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01043/barom03.php>

Исупова О.Г. Бесплодие и репродуктивные технологии в России: особенности развития и потенциальные возможности влияния на население. Рождаемость и планирование семьи в России // Рождаемость и планирование семьи в России: История и перспективы. Сб. ст. М., 2011. С. 152–173.

Калинина Е.А., Сыркашева А.Г., Долгушина Н.В. “Отсроченное материнство”: современные возможности сохранения репродуктивного потенциала. Акушерство и гинекология. 2019. № 1. С. 56–61.

Лебедев Г.С., Голубев Н.А., Шадеркин И.А., Шадеркина В.А., Аполихин О.И., Сивков А.В., Комарова В.А. Мужское бесплодие в Российской Федерации: статистические данные за 2000–2018 годы // Экспериментальная и клиническая урология. 2019. № 4. С. 4–12.

Москалева А.А. Эффект от включения вспомогательных репродуктивных технологий в программу государственного медицинского страхования в России // Население и экономика. № 4 (4). С. 19–42.

Мошквивская В.А. Сравнительный анализ субъективного восприятия себя в роли будущего родителя среди семейных пар с различным репродуктивным анамнезом // Вестник Мининского университета. 2021. № 4 (37).

Прокопов А.Ю., Османов Э.М., Маньяков Р.Р. Причины низкой комплаентности к обследованию и лечению бесплодия среди женщин // Вятский медицинский вестник. 2020. № 1 (65).

Регистр ВРТ. Отчет за 2022 год // Российская ассоциация репродукции человека. URL: https://www.rahr.ru/d_registr_otchet/RegistrVRT_2022.pdf

Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. Вспомогательные репродуктивные технологии глазами россиян // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 9. С. 879–888.

Русанова Н.Е. Вспомогательные репродуктивные технологии в России: история, проблемы, демографические перспективы // Журнал исследований социальной политики. 2013. № 1.

Савина А.А., Землянова Е.В., Фейгинова С.И. Потери потенциальных рождений в г. Москве за счет женского и мужского бесплодия // Здоровье мегаполиса. 2022. № 3.

Тимченко Д.Д. Возраст и женское бесплодие: обзор отечественных и зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. 2024. Т. 13. № 2. С. 73–82.

Тлиашинова И.А., Мингазов Р.Н. Глобальные социальные вызовы в проблемах бесплодия // Менеджер здравоохранения. 2022. № 3.

Тювина Н.А., Николаевская А.О. Бесплодие и психические расстройства у женщин. Сообщение 2 // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2020. № 1.

Ширшов В.Н. Современное состояние проблемы мужского бесплодия: обзор клинических рекомендаций европейской ассоциации урологов // Клиническая практика. 2016. № 1 (25).

Ягудина Р.И., Куликов А.Ю., Тищенко Д.Г. Фармакоэкономический анализ отдаленных последствий более широкого использования экстракорпорального оплодотворения в лечении бесплодия на региональном и федеральном уровнях с позиции общества в целом в Российской Федерации // Фармакоэкономика: теория и практика. 2017. Т. 5. № 1. С. 39.

REFERENCES

Bogomyagkova E.S., Lomonosova M.V. Vspomogatel'nye reproduktivnye tekhnologii: k voprosu o novykh formah social'nogo neravenstva [Assisted reproductive technologies: on the issue of new forms of social inequality] // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2017. N 3. S. 193 (in Russian).

Dadaeva T.M., Baranova V.V. Vspomogatel'nye reproduktivnye tekhnologii v reproduktivnom povedenii gorodskoj molodezhi (opyt pilotazhnogo issledovaniya) [Assisted reproductive technologies in the reproductive behavior of urban youth (experience of a pilot study)] // Regionologiya. 2019. N 1 (106) (in Russian).

Demikova N.S., Podol'naya M.A., Lapina A.S. Vostrast materi kak faktor riska vrozhdennykh porokov razvitiya [Maternal age as a risk factor for congenital malformations] // Rossijskij vestnik perinatologii i pediatrii. 2020. N 2 (in Russian).

Demograficheskie itogi I polugodiya 2024 goda v Rossii (chast' I) [Demographic results of the first half of 2024 in Russia (part I)] // Demoskop Weekly. 2024. 17–30 sent. N 1043–1044. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01043/barom03.php> (in Russian).

Fragoulakis V., Maniadakis N. Estimating the long-term effects of in vitro fertilization in Greece: an analysis based on a lifetime-investment model // ClinicoEconomics and Outcomes Research. 2013. 20 June. Vol. 5. P. 247–255.

Gardanova Zh.R., Esaulov V.I., Il'gov V.I. i dr. Trevozhnye rasstrojstva u zhenshchin starshego reproduktivnogo vozrasta v programme vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologij (eko, ICSI) [Anxiety disorders in women of advanced reproductive age in the assisted reproductive technology program (IVF, ICSI)] // Nauka, tekhnika i obrazovanie. 2017. N 11 (41) (in Russian).

Isupova O.G. Besplodie i reproduktivnye tekhnologii v Rossii: osobennosti razvitiya i potencial'nye vozmozhnosti vliyaniya na naselenie. Rozhdaemost' i planirovanie sem'i v Rossii [Infertility and reproductive technologies in Russia: development features and potential impact on the population. Fertility and family planning in Russia] // Rozhdaemost' i planirovanie sem'i v Rossii: Istoriya i perspektivy. Sb. st. M., 2011. S. 152–173 (in Russian).

Jalilova G.A., Ismailova F.M., Shorustamova M.M. Социальное значение женского бесплодия // Eurasian Journal of Medical and Natural Sciences. 2024. N 3

Jansen N.A., Saint Onge J.M. An internet forum analysis of stigma power perceptions among women seeking fertility treatment in the United States // Social Science & Medicine. 2015. Vol. 147. Dec. P. 184–189.

Kalinina E.A., Syrkasheva A.G., Dolgushina N.V. “Otsrochennoe materinstvo”: sovremennye vozmozhnosti sohraneniya reproduktivnogo potenciala. Akusherstvo i ginekologiya. [Delayed motherhood”: modern possibilities of preserving reproductive potential]. 2019. N 1. S. 56–61 (in Russian).

Lebedev G.S., Golubev N.A., SHaderkin I.A., SHaderkina V.A., Apolihin O.I., Sivkov A.V., Komarova V.A. Muzhskoe besplodie v Rossijskoj Federacii: statisticheskie dannye za 2000–2018 gody [Male infertility in the Russian Federation: statistical data

for 2000–2018] // Eksperimental'naya i klinicheskaya urologiya. 2019. N 4. S. 4–12 (in Russian).

Machado M.P., Sanz-de-Galdeano A. Coverage of infertility treatment and fertility outcomes // SERIEs. 2015. Vol. 6. P. 407–439.

Moskaleva A.A. Effekt ot vklucheniya vspomogatel'nyh reproduktivnyh tekhnologij v programmu gosudarstvennogo medicinskogo strahovaniya v Rossii [The effect of including assisted reproductive technologies in the state health insurance program in Russia] // Naselenie i ekonomika. 2024. N 4(4). S. 19–42 (in Russian).

Moshkivskaya V.A. Sravnitel'nyj analiz sub'ektivnogo vospriyatiya sebya v roli budushchego roditelya sredi semejnyh par s razlichnym reproduktivnym anamnezom [Comparative analysis of subjective perception of oneself as a future parent among couples with different reproductive historie] // Vestnik Mininskogo universiteta. 2021. N 4 (37) (in Russian).

Prokopov A.Yu., Osmanov E.M., Man'yakov R.R. Prichiny nizkoj komplaentnosti k obsledovaniyu i lecheniyu besplodiya sredi zhenshchin [Reasons for low compliance with infertility examination and treatment among women] // Vyatskij medicinskij vestnik. 2020. N 1 (65) (in Russian).

Registr VRT. Otchet za 2022 god [ART Registry. Report for 2022] // Rossijskaya asociaciya reprodukcii cheloveka. URL: https://www.rahr.ru/d_registr_otchet/RegistrVRT_2022.pdf (in Russian).

Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V. Vspomogatel'nye reproduktivnye tekhnologii glazami rossiyan [Assisted reproductive technologies through the eyes of Russians] // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2021. T. 91. N 9. S. 879–888 (in Russian).

Rusanova N.E. Vspomogatel'nye reproduktivnye tekhnologii v Rossii: istoriya, problemy, demograficheskie perspektivy [Assisted reproductive technologies in Russia: history, problems, demographic prospects] // Zhurnal issledovaniy social'noj politiki. 2013. N 1 (in Russian).

Savina A.A., Zemlyanova E.V., Fejginova S.I. Poteri potencial'nyh rozhdenij v g. Moskve za schet zhenskogo i muzhskogo besplodiya [Loss of potential births in Moscow due to female and male infertility] // Zdorov'e megapolisa. 2022. N 3 (in Russian).

Shah P. Paternal factors and low birthweight, preterm, and small for gestational age births: a systematic review // American Journal of Obstetrics & Gynecology. 2010. Vol. 202. N 2. P. 103–123.

Sharma R., Agarwal A., Rohra V.K. et al. Effects of increased paternal age on sperm quality, reproductive outcome and associated epigenetic risks to offspring // Reproductive Biology and Endocrinology. 2023. Vol. 13. N 1.

Shirshov V.N. Sovremennoe sostoyanie problemy muzhskogo besplodiya: obzor klinicheskikh rekomendacij evropejskoj asociacii urologov [Current state of the problem of male infertility: a review of clinical guidelines of the European Association of Urologists] // Klinicheskaya praktika. 2016. N 1 (25) (in Russian).

Timchenko D.D. Vozrast i zhenskoe besplodie: obzor otechestvennyh i zarubezhnyh issledovaniy [Age and female infertility: a review of domestic and foreign studies] // Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya. 2024. T. 13. N 2. C. 73–82 (in Russian).

Tliashinova I.A., Mingazov R.N. Global'nye social'nye vyzovy v problemah besplodiya [Global social challenges in infertility problems] // Menedzher zdavoohraneniya. 2022. N 3 (in Russian).

Toriello H.V., Meck J.M. Statement on guidance for genetic counseling in advanced paternal age // *Genetics IN Medicine*. 2008. Vol. 10. N 6. P. 457–460.

Tyuvina N.A., Nikolaevskaya A.O. Besplodie i psichicheskie rasstrojstva u zhenshchin. Soobshchenie 2 [Infertility and mental disorders in women. Message 2] // *Nevrologiya, nejropsihiatriya, psihosomatika*. 2020. N 1 (in Russian).

Vasil'eva T.S., Peregonceva N.V. Pokazateli rozhdaemosti i novye reproduktivnye tekhnologii v praktike zdravoohraneniya na municipal'nom urovne [Birth rates and new reproductive technologies in healthcare practice at the municipal level] // *Vestnik Smolenskoj gosudarstvennoj medicinskoj akademii*. 2016. 15. S. 36–39 (in Russian).

Vostrikov V.V., Bel'nickaya O.A., Kravcova E.S., Belov V.M. K voprosu formirovaniya baz dannyh v diagnostike i lechenii besplodiya [On the issue of forming databases in the diagnosis and treatment of infertility] // *Byulleten' medicinskoj nauki*. 2021. N 2 (22) (in Russian).

Yagudina R.I., Kulikov A.Yu., Tishchenko D.G. Farmakoeconomicheskij analiz otdalennyh posledstvij bolee shirokogo ispol'zovaniya ekstrakorporal'nogo oplodotvoreniya v lechenii besplodiya na regional'nom i federal'nom urovnyah s pozicii obshchestva v celom v Rossijskoj Federacii [Pharmacoeconomic analysis of the long-term consequences of wider use of in vitro fertilization in the treatment of infertility at the regional and federal levels from the perspective of society as a whole in the Russian Federation] // *Farmakoeconomika: teoriya i praktika*. 2017. T. 5. N 1. S. 39 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-2-123-145

ЗДОРОВЬЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

А.В. Лядова, канд. социол. наук, доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье анализируются основные подходы и особенности определения здоровья как социального феномена. Автор отмечает, что несмотря на устойчивый дискурс о здоровье как социальном феномене, наиболее распространенным обоснованием выступает его определение через характеристики социальных факторов влияния. Тем не менее, необходимо принимать во внимание и другие значимые характеристики. В этой связи в работе предлагается анализ здоровья социального феномена через таких значимых аспектов, как: 1) здоровье есть продукт общественного развития, а определение здоровья отражает особенности мировоззрения и уровня развития обществ на каждом из исторических этапов; 2) здоровье как социальный феномен отличается динамичность, что обусловлено его взаимосвязью с жизнедеятельности индивида, группы, общества в целом; 3) сущность здоровья как социального феномена проявляется в его оценке как социально значимого индикатора развития общества, группы, личности; 4) здоровье, выступая частью социальной реальности, представляет социальный конструкт; 5) анализируя на основе указанных сущностных признаков социального процесса конструирование социального феномена здоровья, можно определить его как целенаправленную деятельность.

Ключевые слова: здоровье; социальный феномен здоровья; характеристики здоровья как социального феномена; социальное конструирование здоровья.

HEALTH AS A SOCIAL PHENOMENON

Liadova Anna V., PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: annaslm@mail.ru

The article analyzes the main approaches and features of defining health as a social phenomenon. The author notes that despite the stable discourse on health as a social phenomenon, the most common justification is its definition through the characteristics of social factors of influence. However, it is necessary to take into account other

---

* Лядова Анна Васильевна, e-mail: annaslm@mail.ru

significant characteristics. In this regard, the work proposes an analysis of health as a social phenomenon through such significant aspects as: 1) health is a product of social development, and the definition of health reflects the features of the worldview and the level of development of societies at each of the historical stages; 2) health as a social phenomenon is distinguished by dynamism, which is due to its relationship with the life of an individual, group, society as a whole; 3) the essence of health as a social phenomenon is manifested in its assessment as a socially significant indicator of the development of society, group, individual; 4) health, acting as a part of social reality, is a social construct; 5) analyzing the construction of the social phenomenon of health on the basis of these essential features of the social process, we can define it as a purposeful activity.

Key words: *health; social phenomenon of health; characteristics of health as a social phenomenon; social construction of health.*

Здоровье является важнейшей компонентой человеческого бытия, представляет его интегральный показатель. В этой связи проблематика здоровья выступает одной из популярных тем как повседневного, так и научного общения. Изучение здоровья и болезни сегодня относится к одному из активно развивающихся направлений и в социологических исследованиях, что подтверждается институционализацией как в российском, так и в зарубежном поле, специальных отраслей социологического знания — социологии здоровья и медицины, в рамках которых разрабатываются актуальные для современных обществ проблемы, вызванные состоянием общественного, популяционного, группового, индивидуального здоровья, функционирования систем здравоохранения, социального неравенства в отношении здоровья и т.п.

В этой связи в рамках научного дискурса сложилось устойчивое понимание здоровья как социального феномена. Тем не менее, его категоризация в указанном контексте рассматривается в рамках анализа социальной обусловленности. На наш взгляд, определение здоровья как социального феномена требует комплексного подхода, с учетом не только социальных факторов влияния, но и определения его социальной значимости и влияния на развитие и функционирование государства и общества.

В этой связи в данной работе проведен обзор релевантных публикаций и подходов к изучению здоровья, и на основе их сравнительного анализа и систематизации выявлены основные характеристики здоровья как социального феномена.

Во-первых, здоровье есть продукт общественного развития. Сравнительно-исторический анализ восприятия здоровья обществом и в контексте научных изысканий ученых разных периодов демонстрирует, что на протяжении эпох в зависимости от времени,

уровня познания и развития самого социального организма менялось содержание понятия “здоровье”, а также понимание факторов, его обуславливающих. Так, в античную эпоху концепт здоровья разрабатывался под влиянием гуманистической древнегреческой философии и искусства, поэтому его сущность была обусловлена представлениями о телесности, гармонии и красоте¹. Эпоха средних веков вносит свое понимание в проблематику здоровья под влиянием господствующей в тот период религиозной парадигмы. В Новое время, под влиянием идей просветителей и развития гуманистического мировоззрения получает развитие понимание здоровья в аксиологическом аспекте. “Здоровье — это драгоценность, и притом единственная, ради которой стоит не только не жалеть времени, сил, трудов и всяких благ, но и пожертвовать ради него частицей самой жизни, поскольку жизнь без него становится нестерпимой и унижительной”, — пишет в своих “Опытах” французский философ Мишель Монтень². С промышленным переворотом и становлением индустриального общества происходит переосмысление значимости здоровья в развитии государства, что обусловлено возрастанием роли производительных сил и их влиянием на политическую и экономическую системы. Здоровье становится необходимым условием эффективного экономического развития индустриального общества, а также его ресурсом.

Наряду с указанным, важным аспектом в понимании здоровья как продукта общественного развития является то, что выявленные изменения в его восприятии отражают особенности мировоззрения и уровня развития обществ на каждом из исторических этапов. Так, в эпоху античности необходимым условием сохранения и поддержания здоровья как гармоничного состояния являлось поддержание телесного и духовного баланса, а ключевыми принципами выступали принципы соразмерности, субъектности, рациональности, что закреплялось в таких практиках, как умеренное питание, регулярные физические упражнения, соблюдение правил личной гигиены, саморазвитие³. Например, по словам древнегреческого историка Плутарха, известный философ Сократ учил, что “дурные люди живут ради того, чтобы есть и пить, а хорошие

¹ См.: Гиппократ. Избранные труды. М., 1936.

² Монтень М. Опыты // Монтень М. Избранные произведения: В 3-х т. Т. 2. М., 1992. Гл. XXXVII.

³ См.: Гиппократ. Об искусстве. Этика и общая медицина. СПб., 2001. С. 89–104; Изуткин Д.А. Изучение вопросов здоровья и болезни в медицине Древней Греции // Медицинский альманах. 2009. № 2 (7). С. 34–37; Лисицын Ю.П. История медицины. М., 2019.

пьют и едят, чтобы жить”⁴. В средние века, в условиях приоритета религиозной парадигмы здоровье рассматривалось, прежде всего, как индикатор уровня душевной чистоты, христианской праведности и соответствия человеческой жизни основным постулатам веры⁵. Поэтому для средневекового человека болезнь была карой за грехи и нарушение обетов, а также испытанием в обмен на внемную благодать. Однако недуги одолевали и праведников, поэтому формируется определенная амбивалентность в средневековом дискурсе о проблемах здоровья: с одной стороны, это расплата за грехи, с другой, это испытание, даруемое свыше в земной жизни. Это обусловило формирование и развитие практик ухода и лечения болезней, в частности, в Византии, Западной Европе, а также России, при монастырях, которые в рассматриваемый период можно считать первыми лечебницами (*авт.* — отсюда и название “богодельник”)⁶. Кстати, один из древнейших монашеских орденов Орден Святого Лазаря Иерусалимского был как раз основан в Палестине в 1098 г. с целью обеспечения должного ухода, а также предоставления приюта рыцарям, пострадавшим в ходе крестовых походов или заразившихся проказой⁷. От названия этого ордена произошло и медицинское понятие “лазарет”.

В эпоху Возрождения и последующий за ней период Нового времени, когда, с одной стороны, происходит трансформация мировоззрения в направлении человекоцентричности и гуманизма, а с другой, представления о здоровье и его проблемах освобождаются от церковного догмата и под влиянием становления медицинской науки приобретают доказательный формат, меняется понимание факторов и методов, воздействующих на состояние здоровья. В этот период приоритетным становится опытное познание на основе принципа рационализации человеческой телесности, вследствие чего утверждается представление о нормативной телесности как продукте целенаправленного культивирования, а не природной данности, что неизбежно вызвало новые практики самоконтроля, самодисциплины и самоограничения в соответствии с институци-

---

⁴ Плутарх. Как юноше слушать поэтические произведения // Памятники поздней античной научно-художественной литературы. М., 1964. С. 21–22.

⁵ Боккаччо Д. Декамерон. М., 2006; Гуревич М.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. СПб., 1999; Гофф Ж., *ле*. Цивилизация Средневекового Запада. М., 1992; Изуткин Д.А. Эпидемии в эпоху Классического Средневековья в Европе // Медицинский альманах. 2018. № 6 (57). С. 34–37.

⁶ См.: Симонян Р.З. История медицины: с древнейших времен до современности. Чебоксары, 2020. С. 78.

⁷ Marcombe D. Leper Knights. Martlesham, 2003.

ональными социальными и культурными стандартами. Преобладание естественнонаучного подхода в восприятии здоровья нашло отражение в активном развитии больничного дела. Как отмечают зарубежные исследователи Дж. Хилли и М. Макки, хотя до XVII в. больничные учреждения существовали, тем не менее они скорее функционировали как изоляторы, представляя больше места для смерти, нежели для жизни, сосредоточие заразы и безумия⁸. С эпохой же Нового времени бывшие богадельни превращаются в настоящие лечебные учреждения, в которых стали применять медицинские методы, включая антисептические и хирургические способы преодоления недугов. Примером может служить история Парижской клиники Сальпетриер, медицинского комплекса Шарите в Берлине. В результате, как отмечает французский социолог М. Фуко, здоровье становится объектом биополитики⁹.

В последующий период формирования и активного развития индустриального общества, под влиянием которого усиливается восприятие здоровья как общественно значимой компоненты¹⁰, вследствие чего уже в конце XIX в., начинает формироваться государственная система социального страхования, в частности, в Германии, в Англии, а потом и в России¹¹, принимаются законы, направленные на охрану (хотя и в ограниченном формате) здоровья рабочих на предприятиях, улучшение условий их труда, а также на оказание им социальной поддержки в ситуации ухудшения здоровья под влиянием вредного производства, что ведет к конструиро-

---

⁸ Реформа больниц в новой Европе. М., 2002. С. 18–19.

⁹ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб., 2010. С. 89.

¹⁰ *Ramazzini B. De Morbis Artificum Diatriba (Diseases of Workers)* // *American Journal of Public Health*. 2001. Sept. Vol. 91 (9). P. 1380–1382; *Ломоносов М.В.* Избранные философские произведения. М., 1950. С. 598–614; *Virchow R. Mittheilungen. Mittheilungen Über die in Oberschlesien Herrschende Typhus-Epidemie.* In German. Berlin, 1848. S. 27.

¹¹ *Gesetz, betreffend die Krankenversicherung der Arbeiter* // *Deutsches Reichsgesetzblatt Band 1883. N 9. S. 73–104*; *Чистяков И.* Страхование рабочих в России. Опыт истории страхования рабочих, в связи с некоторыми другими мерами их обеспечения. М., 1912; *Маркузон Ф.Д.* Статистика социального страхования. М., 1925; *Хаконова И.Б.* Больничные кассы в структуре страхования рабочих по закону Российской империи “Об обеспечении рабочих на случай болезни” // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. 2013. № 1 (113); *Чикалова И.Р.* У истоков социальной политики государств Западной Европы // *Журнал исследований социальной политики*. Саратов. 2006. Т. 4. № 4. С. 501–524; *Гайдар Е.* Богатые и бедные. История пенсий // *Вестник Европы*. 2003. № 10.

ванию уровня общественного здоровья посредством институционального воздействия.

Со второй половины XX в., вследствие экзистенционального кризиса, охватившего мир в период Второй мировой войны, восприятие здоровья трансформируется в контексте его понимания как высшего блага, что находит закрепление в положениях Устава основанной в 1946 г. Всемирной организации здравоохранения, согласно которым жизнь и здоровье каждого человека провозглашаются важнейшими ценностями, а «обладание наивысшим достижимым уровнем здоровья устанавливается как одно из основных прав всякого человека без различия расы, религии, политических убеждений, экономического или социального положения»¹².

В условиях же расцвета общества потребления¹³, благодаря активной коммодификации сферы здоровья¹⁴, ценностное понимание здоровья заменяется на его восприятие как коммерческого продукта¹⁵.

Во-вторых, здоровье как социальный феномен отличает динамичность, что обусловлено его взаимосвязью с жизнедеятельности индивида, группы, общества в целом¹⁶. Рассматривая динамику здоровья на социетальном уровне в контексте развития социума или сравнивая статусы здоровья представителей разных социальных групп, очевидно, что оно не является одинаковым. В этой связи в научном дискурсе используются специальные термины, которые отражают эти особенности и изменения. Например, для характеристики здоровья всего общества введено понятие «общественное здоровье», в качестве индикаторов которого используются такие показатели, как «ожидаемая продолжительность жиз-

---

¹² Устав Всемирной Организации Здравоохранения. URL: http://www.who.int/governance/eb/who_constitution_ru.pdf (дата обращения: 02.12.2024).

¹³ Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006; Ильин В.И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. Социология. Этнология. 2005. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvo-potrebleniya-teoreticheskaya-model-i-rossiyskaya-realnost> (дата обращения: 15.11.2024).

¹⁴ Pellegrino E.D. The commodification of medical and health care: the moral consequences of a paradigm shift from a professional to a market ethic // Journal of Medical Philosophy. 1999. June. N 24 (3). P. 243–266. DOI: 10.1076/jmep.24.3.243.2523. PMID: 10472814; Лядова А.В. Трансформация института семьи в современном обществе в аспекте коммодификации репродуктивного здоровья // Семейно-детный образ жизни в социологическом измерении: Материалы вебинара 29 ноября 2018 г., Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, социологический факультет. М., 2018. С. 98–101.

¹⁵ Marmot M.G., Smith G.D., Stansfield S., et al. Health inequalities among British civil servants: the Whitehall II Study // Lancet. 1991. N 337. P. 1387–1393.

¹⁶ Матрос Л.Г. Социальные аспекты и проблема здоровья. М., 1992.

ни”, “смертность населения”, “заболеваемость населения”, “инвалидность населения” и др.¹⁷ При этом, оценивая социальную динамику общественного здоровья, Ю.П. Лисицын вводит такое понятие, как “потенциал общественного здоровья”, который ученый определяет, как “меру здоровья людей, накопленного обществом, и его резервов, создаваемых активным, здоровым образом жизни”¹⁸.

В-третьих, сущность здоровья как социального феномена проявляется в его оценке как социально значимого индикатора развития общества, группы, личности. Как известно, для оценки эффективного общественного развития и функционирования государства в контексте его деятельности на достижение благосостояния населения в научном дискурсе используются различные индексы: Индекс лучшей жизни (Better Life Index), Индекс процветания (Legatum Prosperity Index), Всемирный индекс счастья (World Happiness Index), Индекс качества жизни (The Quality of Life Index), Глобальный Индекс благополучия (Global Well-Being Index) и др.¹⁹ Анализ индикаторов, которые учитываются при их расчете, позволяет сделать вывод, что все они включают показатели, связанные с состоянием здоровья населения, что свидетельствует о социальной важности здоровья как необходимого условия в определении благополучия и качества жизни индивида и общества.

Еще один пример, подтверждающий данный вывод, связан с разработкой проблемы социального неравенства в отношении здоровья. В 2000-х гг. в контексте исследований обусловленности здоровья на основе расчета социально-экономических переменных (прежде всего, уровня дохода) в научный дискурс был введен особый термин — “социальный градиент здоровья”, используемый для описания феномена, при котором люди, находящиеся в менее благоприятном социально-экономическом положении, имеют худшее здоровье (и более короткую жизнь), чем те, чей уровень дохода выше²⁰. Социальный градиент описывает градуированную наблюдаемую связь между социально-экономическим статусом индивида и состоянием его здоровья, которая обуславливает прямую корреляцию между высокой заболеваемостью, ранней смертностью

---

¹⁷ Лисицын Ю.П., Улумбекова Г.Э. Общественное здоровье и здравоохранение. М., 2011. С. 116.

¹⁸ Там же. С. 117.

¹⁹ Овсянникова Т.Ю., Преображенская М.Н. Индексный подход к оценке качества жизни населения и уровня развития урбанизированных территорий // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2014. № 1 (25). С. 30–46.

²⁰ Marmot M. Social determinants of health inequalities // Lancet. 2005. Vol. 365. March 19. P. 1099.

и уровнем дохода, а также образования и профессиональным статусом. Как отмечают эксперты, социальный градиент наблюдается в странах с разным уровнем доходов и экономического развития, что указывает на глобальный разрыв в уровне здоровья населения и проявлением социального неравенства²¹. Кроме того, рассматривая данный феномен, исследователи отмечают комплексную природу этого явления. Не только уровень дохода и положение в обществе обуславливают низкий уровень здоровья. Скорее, они, представляя первопричину, увеличивают риски здоровья, которые в свою очередь провоцируют различные заболевания и ухудшение состояния. Так, не имея возможности купить экологически чистые продукты питания из-за их высокой стоимости, люди с низким доходом вынуждены употреблять некачественные продукты питания, провоцирующие заболевания сердечно-сосудистой системы, что, в свою очередь, вызывает ограничение социальной активности индивида, и, как следствие, оказывает негативное воздействие на всю социальную систему.

В-четвертых, здоровье, выступая частью социальной реальности, представляет социальный конструкт. Конструирование здоровья как социального феномена представляет процесс, который включает формирование социального знания о самом феномене здоровья, его проблемах, факторах, оказывающих на него благоприятное или, наоборот, негативное, воздействие, а также практик по его сохранению и улучшению.

Согласно теории социального конструирования, социальное знание является:

- социально и культурно детерминированным, что предполагает его взаимосвязь с конкретной средой²²;
- также оно является разделенным с другими и социально распределено²³, что отражает его опосредованность как социальными отношениями, так и социальной структурой²⁴;
- наряду с указанными особенностями, важным выступает и тот факт, что, знание есть “сердцевина фундаментальной диалектики общества”, так как, по мнению авторов, “оно программирует каналы, по которым в процессе экстерна-

---

²¹ Brønnum-Hansen H., Andersen O., Kjølner M., Rasmussen N. Social gradient in life expectancy and health expectancy in Denmark. *Sozial- und Präventivmedizin*. 2004. Vol. 49. Iss. 1. P. 36–41.

²² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 6.

²³ Там же. С. 32.

²⁴ Там же. С. 15.

лизации создается объективный мир; оно объективирует этот мир с помощью языка и основанного на нем когнитивного аппарата, то есть оно упорядочивает мир в объекты, которые должны восприниматься в качестве реальности, а затем оно опять интернализируется как объективно существующая истина в ходе социализации²⁵. В этой связи, “знание об обществе является... реализацией в двойном смысле слова — в смысле понимания объективированной социальной реальности и в смысле непрерывного созидания этой реальности”²⁶.

Используя данные идеи основоположников социологии знания к анализу социального конструирования здоровья, можно выделить *два значимых аспекта в формировании социального знания о рассматриваемом феномене.*

Во-первых, с одной стороны, представления индивида о здоровье основаны на субъективном опыте, его переживании состояний болезней или иных проблем здоровья. С другой, этот опыт может быть опосредован знаниями значимых других, входящих в зону релевантности повседневного мира этого индивида. Так, родители формируют у ребенка представления о здоровье в контексте чистоты, приучая его к базовым практикам заботы о здоровье, связанным с личной гигиеной. Однако знания самих родителей о чистоте опосредованы культурой, социальными условиями их жизнедеятельности, что формирует определенную специфику в их восприятии. В этой связи в современном обществе, как указывает З. Бауман²⁷, специфика социальных представлений о здоровье заключается в их размытости и “текучести”, так как в жизни, организованной вокруг потребления, нет норм, все сравнивается относительно чего, что в данный момент является предметом обсуждения, а завтра — уже нет, поэтому и здоровье более не связано с понятием какого-то соответствия нормам. В силу этого исследователь предлагает заменить понятие здоровья на концепт физической подготовленности, более подходящему для нашего времени: «...состояние “физической подготовленности”, напротив, никоим образом не является “устойчивым”; оно по природе не может быть разобрано и описано с какой-либо точностью. Хотя его часто принимают за ответ на вопрос: “Как ты себя сегодня чувствуешь?” (если я в порядке, я, вероятно, отвечу: “Прекрасно”) — его реальная проверка всегда лежит

---

²⁵ Там же. С. 46.

²⁶ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности... С. 46.

²⁷ Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008.

в будущем: “подготовленность” означает обладание гибким, выносливым и подвижным телом, готовым жить еще не испытанными и непредсказуемыми ощущениями. Если здоровье относится к типу состояния “не больше и не меньше”, физическая подготовленность постоянно остается открытой в сторону “больше”: оно относится не к какому-то конкретному стандарту физических способностей, а к их (предпочтительно неограниченному) потенциалу развития. “Физическая подготовленность” означает готовность принимать необычное, неиспытанное, экстраординарное и прежде всего новое и удивляющее. Человек почти всегда может сказать, что, если здоровье касается “соответствия норме”, физическая подготовленность относится к способности нарушать нормы и оставлять уже достигнутые стандарты позади»²⁸. В условиях индивидуализации жизни и плюрализма смыслов, что порождается множественностью дискурсов, образ здоровья приобретает весьма расплывчатое представление в современном социуме, а практики по его поддержанию не всегда в своем результате приводят к его сохранению и улучшению. В качестве примера чего З. Бауман приводит практики питания. Как отмечает автор, «...понятия “здоровой диеты” изменяются быстрее, чем требуется для последовательного прохождения курса рекомендованной диеты. Объявляется, что считавшееся здоровым или безопасным питание имеет опасные долговременные эффекты еще до того, как мы успеем полностью насладиться его полезным влиянием. Обнаруживается, что лечение и профилактика, фокусирующиеся на одном типе болезни, в других отношениях патогенны; еще более интенсивные медицинские вмешательства требуются для лечения “ятрогенных” заболеваний — недомоганий, вызванными предыдущим лечением. Почти каждое лечение сопряжено с риском, и для лечения следствий этого риска требуется дополнительное лечение»²⁹.

Второй важный аспект в осмыслении социального конструирования здоровья заключается в том, что здоровье, как и болезнь, есть продукт общества и его культуры, что предполагает необходимость определения социально значимых факторов и механизмов, посредством которых происходит его формирование.

Согласно определению английских исследователей М. Уайтхед и Дж. Дальгрена, *детерминанты здоровья* представляют совокупность факторов, формирующих среду человека на разных уровнях³⁰.

---

²⁸ Бауман З. Текучая современность. С. 45.

²⁹ Там же.

³⁰ Dahlgren G., Whitehead M. Policies and strategies to promote social equity in health. Stockholm, 1991.

Анализ научной литературы показывает, что при классификации детерминантов здоровья используются различные критерии. Так, наиболее распространенным является деление факторов, обуславливающих здоровье, в зависимости *от природы их возникновения на эндогенные (внутренние) и экзогенные (внешние) факторы*³¹. Под эндогенными факторами следует понимать “состояния, порожденные внутренним развитием самого организма”, т.е. имеющие биологическую природу³². Это половозрастные и расовые характеристики, антропометрические данные, наследственные черты людей. К экзогенным относят факторы внешней среды, под которыми подразумеваются как социальные, так и экологические детерминанты.

Данные виды факторов здоровья также могут быть разделены в зависимости *от степени управляемости*³³. Если эндогенные факторы имеют объективный характер, то экзогенные, “оказывая прямое воздействие на общественное здоровье, формируются под влиянием и в процессе жизнедеятельности людей, поэтому являются социально конструируемыми”³⁴.

В отечественном дискурсе ряд исследователей предлагает различать факторы на: 1) биологические (телосложение, наследственность и т.п.); 2) социально-экономические (уровень дохода, качество питания, условия жизни, труда и отдыха); 3) экологические (степень загрязнения окружающей среды, особенности климата); 4) средовые (психологические факторы, политическая ситуация); 5) состояние системы здравоохранения³⁵.

Также *в зависимости от степени их воздействия* детерминанты здоровья разделяют на факторы здоровья и факторы риска³⁶. Согласно определению Всемирной организации здравоохранения, под

---

³¹ Осипова Н.Г. Социальное конструирование общественного здоровья // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 22 (4). С. 124.

³² Демография: Уч. для вузов / Под ред. Н.А. Волгина, Л.Л. Рыбаковского. М., 2005.

³³ Короленко А.В. Факторы общественного здоровья: опыт социологического исследования (на материалах Вологодской области) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 1 (49). С. 89–102.

³⁴ Осипова Н.Г. Указ. соч. С. 124.

³⁵ Римашевская Н.М., Мигранова Л.А., Молчанова Е.В. Факторы, влияющие на состояние здоровья населения России // Народонаселение. 2011. № 1 (51). С. 38.

³⁶ Kannel W., Dawber T., Kagan A., Revotskie N., Stokes J. Factors of risk in the development of coronary heart disease — six-year follow-up experience // III Annals of Internal Medicine. 1961. № 55 (1). P. 33–50.

понятием риска здоровью подразумеваются факторы, повышающие вероятность неблагоприятных последствий для здоровья³⁷. К ним относятся биологические, химические, физические, психические и социальные условия³⁸.

По мнению канадского исследователя Д. Оффорда, факторы негативного влияния на здоровье можно разделить на три группы, в зависимости от степени их воздействия на здоровье и управляемости: неизменные или «фиксированные», переменные и причинные³⁹. В рамках данной модели каждый из вышеуказанных факторов риска может быть отнесен к одной из групп. Например, возраст зачастую рассматривается как объективный, независимый, эндогенный фактор, обусловленный биологической природой. Однако в зависимости от влияния других факторов, например, социальных, экономических или экологических, возраст, отражающий процесс старения, может стать как причиной возникновения угрозы здоровью, так и, наоборот, не оказывать значительного воздействия на его состояние, выступая как переменный маркер⁴⁰. Следовательно, как отмечает автор, факторы риска могут иметь различный уровень воздействия, поэтому их влияние отличается по странам и социальным группам⁴¹.

Согласно классификации, разработанной экспертами Всемирной организации здравоохранения, на состояние здоровья оказывают влияние четыре группы факторов: 1) генетические (наследственные); 2) образ жизни; 3) доступность медицинских услуг; 4) состояние окружающей среды⁴².

Наряду с указанными важная роль отводится психологическим факторам. В современном обществе, характеризуемом как общество нестабильности и риска, проблема психологического здоровья приобретает особую актуальность. По мнению отечественного исследователя Г.С. Никифорова, можно выделить следующие факторы,

---

³⁷ Global health risks: mortality and burden of disease attributable to selected major risks // WHO. 2015. P. 5.

³⁸ Yassi A., Kjellstrom T., Kok T. de, Guidotti T. Basic environmental health. N.Y., 2001.

³⁹ Offord D.R. Conduct disorder: risk factors and prevention // Prevention of mental disorders, alcohol and other drug use / Ed. by D. Shaffer, I. Philips, N.B. Enzer. Rockville, 1989. P. 273–397.

⁴⁰ Offord D.R., Kraemer H. Risk factors and prevention // Evidence-Based Mental Health. 2000. N 3. P. 70–71.

⁴¹ Ibid. P. 71.

⁴² Solar O., Irwin A. A conceptual framework for action on the social determinants of health. Geneva, 2007.

оказывающие влияние на состояние здоровья: независимые, передающие и мотиваторы⁴³. К первой группе относятся предрасполагающие, когнитивные, факторы социальной среды и демографические переменные⁴⁴. Вторая группа включает факторы, связанные со специфичным поведением, возникающим под влиянием стресса⁴⁵. В третью группу входят стрессоры и существование в болезни, которые, по мнению исследователя, обуславливают особенности процесса адаптации организма в условиях стрессовых ситуаций⁴⁶.

Рассматривая конструирование здоровья как процесс взаимодействия человека и его среды обитания, важно указать на связанность всех факторов, участвующих в этом процессе. Так, отношение индивида к своему здоровью является не только отражением его субъективного восприятия, но и формируется под влиянием моделей поведения и установок референтных ему групп, например, семьи, друзей.

В тоже время в зависимости от конкретных условий жизнедеятельности, это воздействие будет различным. Так, в государствах с рыночной моделью системы здравоохранения усиливается значимость уровня дохода, так как в ситуации коммерциализации медицинских услуг возможности индивида в отношении удовлетворения его потребностей в сфере здоровья будут напрямую определяться его материальным достатком. С другой стороны, при наличии экономических ресурсов здоровье человека может иметь низкий статус из-за деструктивного воздействия культурных паттернов, закрепляющих в его габитусе соответствующие “нездоровые” установки. Например, популяризация посредством медиа табакокурения в середине прошлого столетия, когда транслируемые в рекламе образы курильщиков и сигарет, вписанные в определенный социальный контекст (т.е. “никотиновый маркетинг”), активно романтизировались, привела к значительному распространению данной вредной привычки среди населения разных стран мира, и, как результат, росту болезней органов дыхания и кровеносной системы⁴⁷.

---

⁴³ Психология здоровья: новое научное направление / Под ред. Г.С. Никифорова. СПб., 2003. С. 31.

⁴⁴ Там же. С. 31–35.

⁴⁵ Там же. С. 36.

⁴⁶ Там же. С. 37.

⁴⁷ DiFranza J.R., Wellman R.J., Sargent J.D., Weitzman M., Hipple B.J., Winickoff J.P. Tobacco promotion and the initiation of tobacco use: assessing the evidence for causality // *Pediatrics*. 2006. N 117. P. 1237–1248; Slater S.J., Chaloupka F., Wakefield M., Johnston L.D., O'Malley P. The impact of cigarette marketing practices on youth smoking uptake // *Archives of Pediatrics & Adolescent Medicine*. 2007. N 161. P. 440–445.

Также следует указать и на динамичность в степени влияния рассматриваемых факторов. Так, по результатам проведенных в конце прошлого столетия исследованиям отечественный ученый Ю.П. Лисицын пришел к выводу, что наибольшее значение имеет образ жизни (50–57%), примерно одинаково влияют внешняя среда и наследственность (20–25% и 15–20%, соответственно), а от уровня и эффективности функционирования системы здравоохранения здоровье зависит в наименьшей степени — на 10–15%⁴⁸. Схожее соотношение указанных групп факторов было установлено и по данным зарубежных исследователей⁴⁹. Однако анализ пандемии новой коронавирусной инфекции Ковид-19 продемонстрировал, что по сравнению с предыдущим периодом в данной ситуации в приоритете по значимости влияния оказались такие факторы, как: уровень доступности ресурсов для сохранения своего здоровья, включая доступ к медицинским услугам, уровень информирования населения о рисках нового заболевания, возможностях защиты и профилактики здоровья, степень социального доверия, уровень социальной солидарности, степень цифровой социализации, включающей уровень цифровой грамотности, уровень санитарной грамотности населения, национально-культурные особенности, оказывающие влияние на степень комплаентности индивида, включая восприятие профилактических мер, в частности, вакцинирование.

В этой связи следует указать, что в условиях современного общества значимую роль играет новый фактор — медиа, особенно, цифровые, которые выступают не только как каналы артикуляции информации о здоровье, но и как инструменты ее конструирования. Так, одним из популярных каналов коммуникации по вопросам здоровья в современном медиапространстве выступают блоги⁵⁰.

---

⁴⁸ Лисицын Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение: Уч. М., 2010. С. 39–40.

⁴⁹ Donkin A., Goldblatt P., Allen J. Global action on social determinants of health // *British Medical Journal*. 2017. N 3.

⁵⁰ Груздева М.А. Инструменты формирования самосохранительных практик населения: социальные сети и блогосфера // *Социальное пространство*. 2017. № 4 (11). С. 1–11; Keogh A., Chadwick B. Health food blogger: friend or foe? // *British Dental Journal*. 2019. Vol. 227. P. 1051–1057. URL: <https://doi.org/10.1038/s41415-019-1052-6>; Нагуглить диагноз: как россияне лечатся в интернете. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/6346bc2a9a79478123a3c6f0> (дата обращения: 01.12.2024); Hamm M., Chisholm A., Shulhan J. Social media use among patients and caregivers: a scoping review // *British Medical Journal*. 2013. P. 002819. DOI:10.1136/bmjopen-2013-002819; Gupta P., Khan A., Kumar A. Social media use by patients in health care: a scoping review // *International Journal of Healthcare Management*. 2022. Vol. 15. N 2. P. 121–131. DOI: 10.1080/20479700.2020.1860563; Moorhead S., Hazlett D., Harrison L., Carroll J., Irwin A., Hoving C. A new dimension of health care: systematic review of the uses, benefits,

Принимая во внимание социальную специфику конструирования здоровья как социального феномена, наряду с выявленными характеристиками, на наш взгляд, обоснованно применение для его анализа такой категории как “социальный процесс”. Данное понятие является одним из важнейших для анализа социальных изменений в ходе взаимодействия социальных групп. В социологии выделяют два подхода к определению социального процесса. Как указывает Н.Г. Осипова, в рамках первого подхода под социальным процессом понимают “совокупность целенаправленных и повторяющихся действий, совершаемых для достижения определенного результата и состояния”; в рамках второго подхода социальный процесс представляет “движение, изменение, становление или развитие”, а его изучение направлено на анализ таких его характеристик, как динамика, стадиальность, направленность, последовательность⁵¹. Также различают формы социальных процессов: а) социальное изменение — это “переход социального объекта или субъекта в течение определенного времени из одного состояния в другое, любая модификация в социальной организации общества”⁵²; б) социальное развитие — это “целенаправленный процесс, в ходе которого происходят существенные количественные и качественные изменения в социальной сфере общественной жизни или отдельных ее компонентов”⁵³; в) социальный цикл — это особая форма социальных изменений, которой “присущ специфический ритм колебаний, повторений общественных состояний”⁵⁴.

---

and limitations of social media for health communication // *Journal of Medical Internet Research*. 2013. Vol. 23. N 15(4); *Zeadally S. et al. Smart healthcare: Challenges and potential solutions using internet of things (IoT) and big data analytics // PSU research review*. 2020. Vol. 4. N 2. P. 149–168; *Холмогорова А.Б., Лепешева С.О.* Участие в фитнес-блогах и неудовлетворенность своим телом у девушек // VII Всероссийская научно-практическая конференция по психологии развития (чтения памяти ЛФ Обухова) “Возможности и риски цифровой среды”. Сб/ мат-в конф. М., 2019. С. 365; *De Regt A., Montecchi M., Ferguson S.* A false image of health: how fake news and pseudo facts spread in the health and beauty industry // *Journal of Product and Brand Management*. 2019. N 12. URL: <https://doi.org/10.1108/JPBM-12-2018-2180>; *Kim S.* Content analysis of cancer blog posts // *Journal of Medical Library Association*. 2009. Vol. 97(4). P. 260–266. DOI: 10.3163/1536-5050.97.4.009; *Andersson Y.* Blogs and the art of dying: blogging with, and about, severe cancer in late modern Swedish society // *Omega-journal of Death and Dying*. 2019. Vol. 79. P. 394–413; *Baik S., Klonoff E., Barnes L., Schiaffino M., Wells K.* Mapping the online social network of cancer bloggers // *Journal of Health Psychology*. 2021 Vol. 26 (11). P. 2062–2068. DOI: 10.1177/1359105319888269.

⁵¹ *Осипова Н.Г.* Современная социологическая теория. М., 2020. С. 327–328.

⁵² Там же. С. 329–330.

⁵³ Там же. С. 330.

⁵⁴ Там же. С. 346.

В-пятых, анализируя на основе указанных сущностных признаков социального процесса конструирование социального феномена здоровья, можно определить его как целенаправленную деятельность.

Как любая деятельность, конструирование социального феномена здоровья включает ряд структурных компонентов.

А. Цель: конструирование социального феномена здоровья направлено на формирование культуры здоровьесбережения, создание благоприятных для здоровья индивида, группы, личности, общества условий, а также предупреждение развития событий и рисков, которые могут иметь негативное воздействие.

Б. Объект: объектом, на который направлен рассматриваемый процесс, является здоровье; однако следует обратить внимание, что *здоровье* в абстрактном определении выступает как *общий (родовой) объект*, при реализации же конкретных подходов по его конструированию важно учитывать в отношении чьею здоровья они направлены, а также на какие виды здоровья, поэтому целесообразно различать *видовые объекты*:

- по принадлежности — общественное здоровье, здоровье населения, популяционное здоровье, здоровье отдельных социально-демографических групп, индивидуальное здоровье;
- по видам — физическое здоровье, психическое здоровье, социальное здоровье, личностное здоровье, профессиональное здоровье, духовное здоровье, информационное здоровье, цифровое здоровье.

В. Субъекты: конструирование социального феномена здоровья включает достаточно широкий круг субъектов, что позволяет разделить их по уровням влияния:

- социетальный уровень — общество;
- институциональный уровень — государство, семья, культура, СМИ, система здравоохранения, система образования;
- групповой уровень — референтные группы, “домашняя” группа (семья и друзья);
- индивидуальный уровень — индивид.

Г. Потребности: конструирование социального феномена здоровья как деятельность направлено на удовлетворение различных потребностей, включая:

- экзистенциальные потребности (обеспечение безопасности, питанием, жильем и др.);
- потребность в сохранении здоровья как основы жизнедеятельности;

- потребность в поддержании здоровья населения как условия достижения общественного благополучия;
- потребность в улучшении здоровья для обеспечения качества жизни;
- духовные потребности (например, в личностном развитии для повышения своего личностного здоровья) и др.

Д. Мотивы: в основе конструирования здоровья как деятельности лежат различные мотивы, например, к достижению благополучия и комфорта, преодоления болезни, к самосохранению, самосовершенствованию, самореализации, улучшению качества жизни.

Рассматривая мотивы, связанные с конструированием здоровья, их необходимо разделять на социально значимые (полезные для других) и личные (ориентированные на достижение индивидуального интереса).

При этом следует понимать, что они могут пересекаться и в совокупности формировать мотивацию к определенным действиям в отношении здоровья.

Также важно учитывать, что мотивы динамичны и обусловлены как уровнем состояния здоровья, так и возможностями для их реализации, особенно на индивидуальном уровне.

Е. Методы и средства: конструирование социального феномена здоровья представляет собой комплексный социальный процесс, в котором участвуют субъекты различного уровня, поэтому используемые ими методы и средства для достижения цели и конкретных результатов, будут иметь свою специфику. Так, на уровне общества используются такие методы и подходы, как санитарное просвещение; разработка стандартов качества здоровья; создание пространства для реализации потребностей здоровья (создание центров здоровья, оздоровления и т.п., рекреационных зон).

Следует отметить, что в современном научном дискурсе все чаще для более широкого обозначения методов и средств конструирования здоровья применяется понятие **“здоровьесберегающие технологии”**. Хотя чаще всего данный термин трактуется в контексте педагогического подхода, на наш взгляд, его определение в отношении конструирования социального феномена здоровья предполагает его более широкую интерпретацию, прежде всего, как социальных технологий. Согласно исследованиям О.В. Гавриленко, социальные технологии рассматриваются как: а) систему знаний о законах и закономерностях развития и управления социальными институтами (в рамках эпистемологического подхода), б) деятельность социолога-практика в сфере управления (в рамках деятель-

ностного подхода), в) средство социальных преобразований (в рамках инструментального подхода), г) инновационный метод оценки и использования социальных объектов (в рамках утилитаристского подхода)⁵⁵.

Опираясь на данные подходы, здоровьесберегающие технологии можно определить как совокупность инновационных методов и средств, основанных на системе знаний о здоровье как социальном феномене и применяемых для его конструирования с целью формирования культуры здоровьесбережения, создания благоприятных для здоровья индивида, группы, личности, общества условий, а также предупреждение развития событий и рисков, которые могут иметь негативное воздействие.

Т.В. Бонкало и О.Б. Полякова выделяют следующие основные функции здоровьесберегающих технологий:

- 1) *диагностическая*: заключается в мониторинге здоровья;
- 2) *интегративная*: объединяет народный опыт, различные научные концепции и системы воспитания, направляя их по пути сохранения здоровья подрастающего поколения;
- 3) *информативно-коммуникативная*: обеспечивает трансляцию опыта ведения здорового образа жизни, преемственность традиций, ценностных ориентаций, формирующих бережное отношение к индивидуальному здоровью, ценности каждой человеческой жизни;
- 4) *рефлексивная*: заключается в переосмыслении предшествующего личного опыта, в сохранении и приумножении здоровья, что позволяет соизмерить реально достигнутые результаты с перспективами;
- 5) *формирующая*: осуществляется на основе биологических и социальных закономерностей становления личности (в основе формирования личности лежат наследственные качества, предопределяющие индивидуальные физические и психические свойства)⁵⁶.

На наш взгляд, данную классификацию можно дополнить, выделив такие функции, как: *управленческую, систематизирующую, нормативную*.

С учетом включенных в них методов и средств здоровьесберегающие технологии можно разделить на *традиционные и иннова-*

---

⁵⁵ Гавриленко О.В. Социальные технологии как исследовательское поле и инструмент социальных преобразований // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. С. 80.

⁵⁶ Бонкало Т.И., Полякова О.Б. Здоровьесберегающие технологии в учебной и профессиональной деятельности: Уч. М., 2023.

ционные (основанные на современных подходах и методах, включая цифровые).

С учетом направленности, особенностей сферы применения и конкретных задач, для решения которых здоровьесберегающие технологии используются, их можно разделить на следующие типы:

- медико-гигиенические;
- профилактические;
- превентивные;
- физкультурно-оздоровительные;
- сберегающие;
- лечебные;
- мотивирующие;
- образовательные и др.,

Ж. Результат: рассматривая данный компонент, следует разделять общий и конкретный результаты; если первый соотносится с целью конструирования, то второй предполагает оценку достижения конкретных показателей здоровья; например, при оценке результатов конструирования общественного здоровья таким индикатором может выступать динамика по отдельным видам заболеваний; если брать в пример индивидуальный уровень здоровья, то результатом действий может быть снижение массы тела, если меры были направлены на преодоление проблемы ожирения;

Также любая деятельность подразумевает определенные этапы, связанные с планированием, исполнением, контролем и оценкой полученного результата. В этой связи конструирование здоровья как деятельности по управлению здоровьем включает такие этапы, как:

- 1 этап — выявление проблемы здоровья;
- 2 этап — определение цели (конкретных показателей);
- 3 этап — разработка стратегии ее достижения;
- 4 этап — реализация;
- 5 этап — мониторинг процесса реализации;
- 6 этап — корректировка методов, средств;
- 7 этап — оценка эффективности.

Данный формат, в первую очередь, ориентирован на управление общественным здоровьем через институциональные механизмы.

Если же мы рассматриваем конструирование здоровья на индивидуальном уровне, то оно, по сути, подразумевает формирование здоровьесберегающего поведения индивида, поэтому включает такие обязательные компоненты, как: когнитивный (знания о про-

блемах здоровья и способах их нивелирования), мотивационно-ценностный, эмоционально-волевой, деятельностный.

Таким образом, в рамках проведенного анализа выявлены основные характеристика здоровья как социального феномена, которые включают осознание его социальной детерминированности, значимости и конструируемости, что позволяет обосновать приоритет социологического подхода к его исследованию и социального подхода к его управлению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман З.* Текущая современность. СПб., 2008.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
- Бодрийяр Ж.* Общество потребления. М., 2006.
- Боккаччо Д.* Декамерон. М., 2006.
- Бонкало Т.И., Полякова О.Б.* Здоровьесберегающие технологии в учебной и профессиональной деятельности: Уч. М., 2023.
- Васильева О.С., Филатов Ф.Р.* Психология здоровья человека: эталоны, представления, установки: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2001.
- Гавриленко О.В.* Социальные технологии как исследовательское поле и инструмент социальных преобразований // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. С. 77–94.
- Гайдар Е.* Богатые и бедные. История пенсий // Вестник Европы. 2003. № 10.
- Гиппократ.* Избранные труды. М., 1936.
- Гофф Ж., ле.* Цивилизация Средневекового Запада. М., 1992.
- Груздева М.А.* Инструменты формирования самосохранительных практик населения: социальные сети и блогосфера // Социальное пространство. 2017. № 4 (11). С. 1–11.
- Гуревич М.Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. СПб., 1999.
- Дмитриева Е.В.* Социология здоровья: методологические подходы и коммуникационные программы. М., 2002.
- Журавлева И.В.* Отношение к здоровью индивида и общества. М., 2006.
- Изуткин Д.А.* Изучение вопросов здоровья и болезни в медицине Древней Греции // Медицинский альманах. 2009. № 2 (7). С. 34–37.
- Изуткин Д.А.* Эпидемии в эпоху Классического Средневековья в Европе // Медицинский альманах. 2018. № 6 (57). С. 34–37.
- Калью П.И.* Сущностные характеристики понятия “здоровья” и некоторые вопросы перестройки здравоохранения: обзорная информация. М., 1988.
- Лисицын Ю.П.* Общественное здоровье и здравоохранение: Уч. М., 2010.
- Лисицын Ю.П., Улумбекова Г.Э.* Общественное здоровье и здравоохранение. М., 2011.
- Ломоносов М.В.* Избранные философские произведения. М., 1950.
- Монтень М.* Опыты // Монтень М. Избранные произведения: В 3 т. Т. 2. М., 1992.

Овсянникова Т.Ю., Преображенская М.Н. Индексный подход к оценке качества жизни населения и уровня развития урбанизированных территорий // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2014. № 1 (25). С. 30–46.

Осипова Н.Г. Современная социологическая теория. М., 2020.

Осипова Н.Г. Социальное конструирование общественного здоровья // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. Т. 22. № 4. С. 119–141.

Психология здоровья: новое научное направление / Под ред. Г.С. Никифорова. СПб., 2003.

Рагимова О.А. Теоретические основы определения понятия здоровья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. 2009. Т. 9, Вып. 2. С. 41–47.

Римашевская Н.М., Мигранова Л.А., Молчанова Е.В. Факторы, влияющие на состояние здоровья населения России // Народонаселение. 2011. № 1 (51). С. 38–49.

Симонян Р.З. История медицины: с древнейших времен до современности. Чебоксары, 2020.

Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб., 2010.

Чикалова И.Р. У истоков социальной политики государств Западной Европы // Журнал исследований социальной политики. Саратов. 2006. Т. 4. № 4. С. 501–524.

REFERENCES

Andersson Y. Blogs and the art of dying: blogging with, and about, severe cancer in late modern Swedish society // Omega-journal of Death and Dying. 2019. Vol. 79. P. 394–413.

Baik S., Klonoff E., Barnes L., Schiaffino M., Wells K. Mapping the online social network of cancer bloggers // Journal of Health Psychology. 2021. Vol. 26(11). P. 2062–2068. DOI: 10.1177/1359105319888269.

Bauman Z. Tekuchaya sovremennost'. SPb., 2008 (in Russian).

Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya. M., 1995 (in Russian).

Bodriyyar Zh. Obshchestvo potrebleniya. M., 2006 (in Russian).

Bokkachcho D. Dekameron. M., 2006 (in Russian).

Bonkalo T.I., Polyakova O.B. Zdorov'esberegayushchie tekhnologii v uchebnoj i professional'noj deyatel'nosti: Uch. M., 2023 (in Russian).

Chikalova I.R. U istokov social'noj politiki gosudarstv Zapadnoj Evropy // Zhurnal issledovaniy social'noj politiki. Saratov. 2006. T. 4. N 4. S. 501–524 (in Russian).

De Regt A., Montecchi M., Ferguson S. A false image of health: how fake news and pseudo facts spread in the health and beauty industry // Journal of Product and Brand Management. 2019. N 3. URL: <https://doi.org/10.1108/JPBM-12-2018-2180>.

DiFranza J.R., Wellman R.J., Sargent J.D., Weitzman M., Hipple B.J., Winickoff J.P. Tobacco promotion and the initiation of tobacco use: assessing the evidence for causality // Pediatrics. 2006. N 117. P. 1237–1248.

- Dmitrieva E.V.* Sociologiya zdorov'ya: metodologicheskie podhody i kommunikacionnye programmy. M., 2002 (in Russian).
- Fuko M.* Rozhdenie biopolitiki. Kurs lekciy, pročitannyh v Kolledzh de Frans v 1978–1979 uchebnom godu. SPb., 2010 (in Russian).
- Gavrilenko O.V.* Social'nye tekhnologii kak issledovatel'skoe pole i instrument social'nyh preobrazovanij // Vestnik Moskovskogo uni-versiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2019. T. 25. N 4. S. 77–94 (in Russian).
- Gajdar E.* Bogatyie i bednye. Istoriya pensij // Vestnik Evropy. 2003. N 10 (in Russian).
- Gippokrat.* Izbrannye trudy. M., 1936 (in Russian).
- Goff Zh., le.* Civilizaciya Srednevekovogo Zapada. M., 1992 (in Russian).
- Gruzdeva M.A.* Instrumenty formirovaniya samosohranitel'nyh praktik naseleniya: social'nye seti i blogosfera // Social'noe prostranstvo. 2017. N 4 (11). S. 1–11 (in Russian).
- Gupta P, Khan A., Kumar A.* Social media use by patients in health care: a scoping review // International Journal of Healthcare Management. 2022. Vol. 15. N 2. P. 121–131. DOI: 10.1080/20479700.2020.1860563.
- Gurevich M.Ya.* Srednevekovyj mir: kul'tura bezmolstvuyushchego bol'shinstva. SPb., 1999 (in Russian).
- Izutkin D.A.* Izuchenie voprosov zdorov'ya i bolezni v medicine Drevnej Grecii // Medicinskij al'manah. 2009. N 2 (7). S. 34–37 (in Russian).
- Izutkin D.A.* Epidemii v epohu Klassicheskogo Srednevekov'ya v Evrope // Medicinskij al'manah. 2018. N 6 (57). S. 34–37 (in Russian).
- Kal'yu P.I.* Sushchnostnye harakteristiki ponyatiya “zdorov'ya” i nekotorye voprosy perestrojki zdavoohraneniya: obzornaya informaciya. M., 1988 (in Russian).
- Keogh A., Chadwick B.* Health food blogger: friend or foe? // British Dental Journal. 2019. Vol. 227. P. 1051–1057. <https://doi.org/10.1038/s41415-019-1052-6>.
- Kim S.* Content analysis of cancer blog posts // Journal of Medical Library Association. 2009. Vol. 97(4). P. 260–266. DOI: 10.3163/1536-5050.97.4.009.
- Lisicyn Yu.P.* Obshchestvennoe zdorov'e i zdavoohranenie: Uch. M., 2010 (in Russian).
- Lisicyn Yu.P., Ulumbekova G.E.* Obshchestvennoe zdorov'e i zdavoohranenie. M., 2011 (in Russian).
- Lomonosov M.V.* Izbrannye filosofskie proizvedeniya. M., 1950 (in Russian).
- Marcombe D.* Leper Knights. Martlesham, 2003.
- Monten' M.* Opyty // Monten' M. Izbrannye proizvedeniya: V 3-h t. T. 2. M., 1992 (in Russian).
- Moorhead S., Hazlett D., Harrison L., Carroll J., Irwin A., Hoving C.* A new dimension of health care: systematic review of the uses, benefits, and limitations of social media for health communication // Journal of Medical Internet Research. 2013. Vol. 23. N 15(4).
- Offord D.R.* Conduct disorder: risk factors and prevention // Prevention of mental disorders, alcohol and other drug use / Ed. by D. Shaffer, I. Philips, N.B. Enzer. Rockville, 1989. P. 273–397.
- Osipova N.G.* Sovremennaya sociologicheskaya teoriya. M., 2020 (in Russian).
- Osipova N.G.* Social'noe konstruirovaniye obshchestvennogo zdorov'ya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2016. T. 22. N 4. S. 119–141 (in Russian).

Ovsyannikova T.Yu., Preobrazhenskaya M.N. Indeksnyj podhod k ocenke kachestva zhizni naseleniya i urovnya razvitiya urbanizirovannyh territorij // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. 2014. N 1 (25). S. 30–46 (in Russian).

Pellegrino E.D. The commodification of medical and health care: the moral consequences of a paradigm shift from a professional to a market ethic // Journal of Medical Philosophy. 1999. June. N 24 (3). P. 243–266. DOI: 10.1076/jmep.24.3.243.2523. PMID: 10472814.

Psihologiya zdorov'ya: novoe nauchnoe napravlenie / Pod red. G.S. Nikiforova. SPb., 2003 (in Russian).

Ragimova O.A. Teoreticheskie osnovy opredeleniya ponyatiya zdorov'ya // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. 2009. T. 9. Vyp. 2. S. 41–47 (in Russian).

Ramazzini B. De Morbis Artificum Diatriba (Diseases of Workers) // American Journal of Public Health. 2001. Sept. Vol. 91 (9). P. 1380–1382.

Rimashevskaya N.M., Migranova L.A., Molchanova E.V. Faktory, vliyayushchie na sostoyanie zdorov'ya naseleniya Rossii // Narodonaselenie. 2011. N 1 (51). S. 38–49 (in Russian).

Simonyan R.Z. Istoriya mediciny: s drevnejshih vremen do sovremennosti. Cheloboksy, 2020 (in Russian).

Vasil'eva O.S., Filatov F.R. Psihologiya zdorov'ya cheloveka: etalony, predstavleniya, ustanovki: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij. M., 2001 (in Russian).

Virchow R. Mittheilungen. Mittheilungen Über die in Oberschlesien Herrschende Typhus-Epidemie. In German. Berlin, 1848.

Zeadally S. et al. Smart healthcare: Challenges and potential solutions using internet of things (IoT) and big data analytics // PSU research review. 2020. Vol. 4. N 2. P. 149–168.

Zhuravleva I.V. Otnoshenie k zdorov'yu individua i obshchestva. M., 2006 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-2-146-166

**ЦЕННОСТИ ПЕРСОНАЛА КАК ФАКТОР
ДВОЙСТВЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ ДЕЛОВОЙ КУЛЬТУРЫ**

О.В. Гавриленко, канд. социол. наук, зав. кафедрой социальных технологий социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Специфику национальной деловой культуры определяют исторический контекст ее становления, доминирующая в обществе система ценностей, менталитет граждан, особенности управленческой культуры и организационного поведения. Если выделять факторы становления российской деловой культуры, то наиболее важными из них являются факторы религиозный, географический, природно-климатический. Также самобытность и своеобразие российской культуре придает многонациональный состав страны, длительные традиции мирного сосуществования людей разных религиозных и этнических групп, а также особый менталитет россиян с характерной двойственностью так называемого “русского характера” (воинственность — миролюбие, трудолюбие — лень, боязнь перемен — революционный настрой, единство и желание жить в мире со всеми — изоляция и недоверие к “чужим”, коллективизм — индивидуализм, осторожность — желание рискнуть, рациональность — иррациональность и др.).

Двойственность можно рассматривать как яркую характеристику современной российской деловой культуры, успешно сочетающей в себе несовместимое — “Восток” и “Запад”, реформы и возврат к социокультурным “корням”, коллективизм и индивидуализм, маскулинность и феминность, полиактивность и моноактивность, ориентацию на сохранение традиций и современность, “этику сообщества” и “этику автономии” и т.п. Сегодня двойственность усиливается сменой поколений работников, так как всё более активную роль на рынке труда начинает играть молодежь, привносящая в рабочие процессы и управление свой взгляд на мир, свои трудовые установки и систему ценностей. Ценности персонала определяют как общую картину мира, так организационную и деловую культуру. В связи с этим в статье особое внимание уделено выявлению влияния ценностей работников разных возрастов на их организационное поведение и российскую деловую культуру в целом.

* Гавриленко Ольга Владимировна, e-mail: ol.gavrilenko2014@yandex.ru

Ключевые слова: ценности, деловая культура, российская деловая культура, организационная культура, двойственность российской деловой культуры, теория моральных оснований Дж. Хайдта.

STAFF VALUES AS A FACTOR OF DUALITY IN MODERN RUSSIAN BUSINESS CULTURE

Gavrilenko Olga V., Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of Social Technologies department, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, e-mail: ol.gavrilenko2014@yandex.ru

The specificity of national business culture is determined by the historical context of its formation, the dominant value system in society, the mentality of residents, the features of managerial culture and organizational behavior. If we highlight the factors of the development of Russian business culture, then the most important of them are religious, geographical, natural and climatic factors. Also the identity and uniqueness of Russian culture are defined by the country's multinational composition, long traditions of peaceful coexistence of people of different religious and ethnic groups, as well as the special mentality of Russians with the characteristic duality of the so-called "Russian character" (militancy — peace, hard work — laziness, fear of change — revolutionary mood, unity and desire to live in peace with all — isolation and mistrust of "strangers", collectivity — individualism, caution — the desire to risk, rationality — irrationality etc.).

Duality can be considered as a striking characteristic of modern Russian business culture, successfully combining in itself incongruous — "East" and "West", reforms and return to socio-cultural "roots", collectivism and individualism, masculinity and femininity, polyactivity and monoactivity, orientation to preservation of traditions and modernity, "community ethics" and "autonomy ethics" etc. Today, the duality is reinforced by the change of generations of workers, as young people are beginning to play an increasingly active role in the labor market, bringing their own view of the world, their work attitudes and value systems into the work processes and management. The values of staff define both the overall picture of the world and organizational and business culture. In this regard, the article pays special attention to the identification of the influence of values of workers of different ages on their organizational behavior and Russian business culture in general.

Key words: business culture, Russian business culture, organizational culture, duality of Russian business culture, J. Haidt's theory of moral foundations.

Исторический и социокультурный контекст придает своеобразие деловой и управленческой культуре. Анализ специфики российской бизнес культуры, типичных практик управления, организационной культуры и организационного поведения позволяет констатировать противоречивость и двойственность деловой культуры в России. Двойственность связана, прежде всего, с тем, что Россия — евразийская страна, которая занимает пограничное положение между Европой и Азией, Западом и Востоком. "Несмотря

на промежуточное положение России между западной и восточной цивилизациями, она чуть ближе к восточной по доминирующим ценностям и ряду параметров межкультурных различий (хотя идеологически мы чаще слышим о необходимости заимствования западных ценностей)¹. Генезис российской деловой культуры и специфика периодов ее становления (дореволюционный, советский, современный) также оказали воздействие на выраженную двойственность и противоречивость².

При выявлении специфики национальной деловой культуры важно отталкиваться от доминирующей в обществе системы ценностей, специфики национального менталитета и паттернов поведения, принятых в стране, так как всё это формирует ценности и трудовые установки персонала. Национальная культура определяет специфику деловой культуры, которая в свою очередь оказывает влияние как на управленческую, так и на организационную, в том числе, бытовую культуру. «Ядром деловой культуры является система ценностей: подразумеваемых (менталитет) и явно выражаемых (совместные ценности), тесно связанных с паттернами (стереотипами поведения). Перечень российских совместных ценностей весьма стабилен, ведущую роль в нем играют семейные ценности, а культурная трансформация происходит не за счет появления новых, а за счет смены рангов (значимости) уже существующих ценностей. Формировать корпоративную культуру в разрез ценностей национальной деловой культуры — значит обресть фирму на провал в долгосрочной перспективе»³. В то же время нельзя не учитывать специфику вида деятельности организации, ее «возраст» (организации с «советским прошлым» имеют свои особенности), включенность в международную кооперацию и т.п. Иногда довольно сложно вычленить национальную специфику при анализе культуры организации, особенно если это, например, сфера информационных технологий, где местная специфика не важна, или в компании доминирует «молодой» персонал, более ориентированный на универсальные управленческие и организационные практики.

Современную российскую деловую культуру и ее специфику невозможно понять без исторического контекста, без анализа ее

---

¹ Гавриленко О.В. Российская деловая культура в цифровую эпоху: социальные технологии и управленческие практики. Монография. М., 2025. С. 199.

² См. подробнее: Гавриленко О.В. Современная российская деловая культура: «особый» путь развития или заимствование «чужих» управленческих практик? // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 2. С. 157–177.

³ Зябриков В.В. Систематизация ценностей деловой культуры России // Креативная экономика, 2015. № 9. С. 1201.

генезиса. «Наше изучение российской деловой культуры за достаточно длительный исторический период позволяет констатировать ее оригинальность, самобытность, непохожесть и в то же время некоторую схожесть как с западными, так и с восточными бизнес-культурами (“двойственность”, “сочетание несочетаемого” или, как выражается Р. Льюис (1999), “шизоидность” можно рассматривать как яркую и определяющую черту российской культуры)»⁴.

Многие исследователи российского предпринимательства и российской деловой культуры выделяют в качестве факторов, оказавших наибольшее влияние на формирование деловой культуры, факторы географический, природно-климатический, религиозный, а также специфику национального менталитета⁵. Огромная территория России способствовала становлению централизованной системы управления, жесткая иерархически-бюрократическая модель власти на протяжении длительного исторического периода выступала гарантом целостности территории, стабильности общества, препятствовала центробежным тенденциям. В России на протяжении длительного периода времени формировалась и закрепились высокая дистанция власти (высокая степень недопустимого неравенства), что сегодня считается одной из наиболее ярких черт российской бизнес-культуры (по 100-балльной шкале Г. Хофштеде дистанция власти в России превышает 90 пунктов)⁶. Как заметил английский культуролог Р. Льюис, на русский характер и систему ценностей оказали влияние не только высокая дистанция власти и авторитарно-патерналистский стиль правления, но также “два главных фактора формирования русских ценностей и коренных убеждений остаются постоянными при любом правлении — необъятные просторы России и неизменная суровость ее климата”⁷. Климатический фактор сильно сказался на русских крестьянах, “которые по традиции вынуждены практически бездействовать большую часть года, а затем в оставшийся короткий период лихорадочно работать до изнеможения — пахать, сеять и собирать урожай”⁸.

---

⁴ Гавриленко О.В. “Двойственность” как характеристика российской деловой культуры // Теория и практика общественного развития. 2024. № 11. С. 69.

⁵ См.: Гавриленко О.В. Российская деловая культура в цифровую эпоху...; Шихирев П.Н. Введение в российскую деловую культуру. М., 2000; Смирнов Г.Н. Российская деловая культура. М., 2010; Льюис Р. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М., 1999.

⁶ Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Культура как фактор общественного прогресса. М., 2009.

⁷ Льюис Р. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М., 1999. С. 316.

⁸ Льюис Р. Деловые культуры в международном бизнесе... С. 317.

Большая территория страны, суровый климат и постоянные военные конфликты порождали чувство уязвимости, фатализм, желание отгородиться от внешнего мира, но держаться вместе с теми, кого можно считать “своими” и к кому есть доверие. Многолетняя привычка “выживать всем миром”, оказывая помощь ближнему, разделять трудности, делать все сообща неизбежно способствовало формированию ценности коллективизма. “Огромные расстояния, полное отсутствие коммуникаций между населенными пунктами в течение большей части года объективно обуславливали ощущение абсолютной заброшенности, постоянного присутствия опасности, которую невозможно предвидеть... Стремление объединиться, чтобы вместе противостоять трудностям и бедам, воспитывало чувство коллективизма. Без объединения в семьи, группы, общины и т.п. противостоять бедам, да и просто выжить было практически невозможно”⁹.

Но нельзя сказать, что коллективизм был ценностью для абсолютного большинства населения даже в прежние времена, что уж говорить про современное состояние и последствия активного внедрения с начала 1990-х гг. “западной” идеологии и ценности индивидуализма. «Исследователи российской национальной и деловой культуры, выделяя типичные для россиян ценности, ценность коллективизма называют чаще всего, опираясь на религиозные корни культуры (соборность, общинность, взаимопомощь, забота о слабом и т.п.). Но в то же время, принимая во внимание огромную территорию страны, этнический, религиозный факторы, нельзя говорить, что коллективизм был характерен россиянам “вообще”. Например, жителям северных территорий России, несмотря на сложные климатические условия жизни, способствующие формированию сплоченности и коллективизма, более свойственны обособленность, опора на самого себя и упование на Бога (особенности сурового северного мореплавания содействуют большей религиозности), индивидуализм, свободолюбие»¹⁰.

Религиозный фактор всегда в России рассматривался как ключевой, определяющий как социальные отношения, так и специфику хозяйственной деятельности, причем, учитывая многоконфессиональность страны, можно отметить сильное воздействие на хозяйственную этику православия, и, например, ислама. Причем и православная, и исламская модели экономического поведения

---

⁹ Мясоедов С.П., Колесникова И.В., Борисова Л.Г. Российская деловая культура: воздействие на модель управления. М., 2010. С. 18.

¹⁰ Гавриленко О.В. Российская деловая культура в цифровую эпоху... С. 37.

подразумевали безусловный приоритет этических принципов над выгодой, прибыль не должна достигаться любыми средствами. Как отмечал О.Н. Платонов, в качестве базовых ценностей, определяющих ведение хозяйственной деятельности в России, можно отметить преобладание моральных и нематериальных форм стимулирования над материальными, отношение к хозяйствованию как к духовно-нравственному явлению, замкнутость и самодостаточность системы хозяйствования, способность к самоограничению, восприятие труда как добродетели, собственности как функции труда, а не капитала¹¹.

При описании менталитета и национального характера россиян важно отметить, что российской культуре “всегда была свойственная двойственность, что определяет и бинарность русского характера: воинственность — миролюбие, трудолюбие — лень, боязнь перемен — революционный настрой, единство и желание жить в мире со всеми — изоляция и недоверие, коллективизм — индивидуализм, рациональность — иррациональность и др.”¹² Также для русского человека не характерна линейность времени, структурированность и ритмичность рабочего процесса, свойственные, например, немцам. Характерной чертой российской деловой культуры является скорее “авральность”, привычка работать рывками, мобилизоваться, “свернуть горы” к какой-то дате. Возможно, корни такой нелюбви к ритмичной работе скрыты в уже упомянутом природно-климатическом факторе: холодная зима — бездействие, замирание, снижение активности; весна, лето, осень — активная работа (пашем, сеем, убираем). Очень часто в современных российских организациях можно наблюдать работу в режиме авральности — падение производительности в спокойных условиях и резкая мобилизация, всплеск креативности в экстремальных, кризисных условиях. «Российские менеджеры великолепны в “тушении пожаров”. Это их сильная сторона. В авральной ситуации, когда нужно срочно решить проблемы, люди не теряют времени на раздумья, детальное планирование, рассмотрение вариантов... Обратная сторона медали... отсутствие долгосрочного планирования, меньше продуманности решений, нет детализации заданий, много импульсивного риска и т.п.»¹³.

Российский экономист Е.Г. Ясин при анализе процесса экономической модернизации и выявления ее особенностей в России вы-

---

¹¹ Платонов О.Н. Экономика русской цивилизации. М., 2008.

¹² Гавриленко О.В. Российская деловая культура в цифровую эпоху... С. 47.

¹³ Мясоедов С.П., Колесникова И.В., Борисова Л.Г. Российская деловая культура... С. 20.

делил ряд ценностей, которые во многом определили специфику экономики и народного хозяйства страны. К ним он относил приоритет духовного над материальным, коллективизм (групповая работа, артели), жертвенность (готовность поступаться личным ради общественного блага), соборность (общинность, патернализм), особое отношение к труду и успеху (труд как процесс, отсутствие ориентации на результат), восприятие работы как удовольствия (не ради прибыли, а ради удовлетворения потребности в творчестве, “радость мастера”), склонность к масштабным делам (нежелание все просчитывать и экономить, широкие жесты, бесшабашность, небрежность), нестяжательство (богатство — грех, лучше отдать нуждающимся, чем продать и заработать), справедливость (обостренное чувство правды, важность жить по совести), эмоциональность (порыв души, интуиция, а не рациональный расчет)¹⁴.

Двойственность российской деловой культуры проявляется через самые разные параметры кросс-культурных различий. “Так, организационной культуре российских компаний одновременно свойственен коллективизм и индивидуализм, маскулинность и феминность, ориентация на задачу и на человека, моноактивность и полиактивность, полихронно-синхронная организация рабочего времени, долгосрочность и краткосрочность ориентации, сочетание централизации и децентрализации, ориентация на индивидуальные достижения и на предписанный статус”¹⁵.

Двойственность является следствием специфики ценностей российских сотрудников, “мозаичности” ценностной структуры и некоторого раскола российского общества. “Двойственность доминирующих ценностей российской деловой культуры во многом является отражением не только сложных исторических процессов, но и поляризации самого общества. Нельзя рассматривать систему ценностей россиян как некий монолит, она имеет сложную многоуровневую структуру”¹⁶. Более того, необходимо говорить о продолжающемся процессе кристаллизации ценностей, о поляризации современного российского общества, например, по таким основаниям, как национальность, возраст, уровень материального благополучия, территория проживания, образование, профессия, религия и др. Результаты последних исследований ценностной структуры

---

¹⁴ Ясин Е. Модернизация экономики и система ценностей // Вопросы экономики. 2003. № 4.

¹⁵ Гавриленко О.В. Современная российская деловая культура: “особый” путь развития или заимствование “чужих” управленческих практик? С. 173.

¹⁶ Гавриленко О.В. “Двойственность” как характеристика российской деловой культуры. С. 69.

российского общества, несмотря на указанные факторы поляризации, свидетельствуют о том, что в качестве доминирующих ценностей и жизненных ориентаций респонденты чаще всего выделяют ценности выживания, семьи, справедливости, патриотизма и др.¹⁷ По данным ВЦИОМ среди всех возрастных групп в 2024 г. топ ценностных ориентаций выглядит так — “народный рейтинг возглавила человеческая жизнь — на максимальную оценку ее важность оценили 84% наших сограждан. На одной оси ценностной системы координат оказались: справедливость (74%), человеческое достоинство (73%), крепкая семья (72%), а также взаимопомощь и взаимовыживание (71%)”¹⁸. Тема справедливости вообще является достаточно болезненной для россиян, особенно после распада СССР и резкого материального расслоения, что до сих пор воспринимается как потенциальный источник социальной напряженности. “Материальное неравенство, различие в положении, занимаемом на работе, как 25 лет назад, так и сегодня являются потенциальными факторами социальной напряженности. Так, подавляющее большинство опрошенных считают, что в нашем обществе есть неприязнь между богатыми и бедными (86% в 2016 г., 81% в 1991 г.). О противоречиях руководителей и рядовых служащих в наше время говорят 74%, ранее — 80%, 73% сегодня придерживаются того же мнения относительно предпринимателей и наемных работников”¹⁹.

После вступления в силу Указа № 809 Президента РФ о традиционных духовно-нравственных ценностях стали проводиться достаточно интересные исследования ценностной структуры российского общества. Результаты исследования М.Ю. Шевякова, А.В. Михайленко, В.В. Ковалевской, проведенного в форме серии глубинных интервью и фокус-групп, довольно ярко демонстрируют наличие в российском обществе мировоззренческого раскола и “более, чем одной” ценностно-нормативной системы²⁰. Так, раскол можно

---

¹⁷ Михайленко А.В., Устинова О.А., Дударева А.Е. Ценности глазами экспертов // Ценностно-смысловые и интеллектуальные основания стратегического развития России в условиях глобальных вызовов: Коллект. науч. монограф. / Под ред. В.А. Фадеева, Т.А. Вархотова. М., 2023. С. 131.

¹⁸ Исследование ВЦИОМ (06.06.2024) “Семья в системе ценностей россиян”. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-cennostei-rossijan> (дата обращения: 29.01.2025).

¹⁹ Исследование ВЦИОМ (15.11.2016) “Вместе или порознь? Социальные противоречия в современной России”. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vmeste-ili-porozn-coczialnye-protivorechiya-v-sovremennoj-rossii> (дата обращения: 27.01.2025).

²⁰ Подробнее см.: Шевяков М.Ю., Михайленко А.В., Ковалевская В.В. Глубинные ценности жителей России глазами социолога (мировоззренческие разломы) //

представить в виде следующих дихотомий: россиянам свойственен скорее идеализм, нежели утилитаризм (важность поступать в соответствии с “должным”), доминирование альтруизма над эгоизмом (что подтверждается данными опроса ВЦИОМ 2024 г. — “философия гедонизма близка каждому пятому: жить в свое удовольствие намерены 19%, что почти вдвое меньше, чем желающих приносить пользу своей стране (vs. 34%). То есть, альтруистические устремления в российском обществе выражены сильнее”²¹), милосердия (которое связывается еще и с темой справедливости) над жесткостью, “настоящего” над “показным” (так, любовь к Родине важнее патриотизма, патриотизм часто воспринимается как нечто формально-отчетное)²². Респонденты проявили некоторое равнодушие к ценностям свободы и прав человека (за исключением молодой аудитории), информанты показали крайне болезненную реакцию на различные попытки “переписать” историю и необходимость реагирования на новые исторические факты и др. “Подводя итог, можно сказать, что в российском обществе центристские силы пока доминируют над центробежными. В обществе заметны различные трактовки некоторых основных ценностей, однако эти трактовки часто находятся в состоянии диалога, уживаются в рамках одного, индивидуального сознания. При этом большинство ценностей переживаются как общее состояние и разделяется большинством, если не всеми участниками глубинных интервью и фокус-групп”²³.

При этом семейные ценности стабильно занимают приоритетное место в системе ценностей российских респондентов, в том числе, молодых. Так, согласно исследованию ВЦИОМ в 2022 г. “в структуре ценностных ориентаций российской молодежи первое место занимают ценности семейные: по 97% назвали важными здоровье членов семьи и безопасность семьи, 96% — отношения в семье; 95% — материальное положение семьи. Далее следует группа ценностей, характеризующих условия по месту проживания: инфраструктура в месте проживания (94%) и возможности для достижения поставленных целей (94%), экологическая ситуация (90%). Экономическая ситуация в стране важна для 89%, полноценный

Ценностно-смысловые и интеллектуальные основания стратегического развития России в условиях глобальных вызовов: коллективная научная монография / Под ред. В.А. Фадеева, Т.А. Вархотова. М., 2023.

²¹ Исследование ВЦИОМ (06.06.2024) “Семья в системе ценностей россиян”. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-cennostei-rossijan> (дата обращения: 29.01.2025).

²² *Тавриленко О.В.* Российская деловая культура в цифровую эпоху... С. 141.

²³ *Шевяков М.Ю., Михайленко А.В., Ковалевская В.В.* Глубинные ценности жителей России глазами социолога (мировоззренческие разломы). С. 161.

досуг — 83%”²⁴. При этом материальное благополучие и жизнь без особых потрясений возглавляет список жизненных целей молодежи. “Топ-3 жизненных ориентиров российской молодежи на сегодняшний день — это высокий уровень благополучия (58%); жить спокойно, работая и заботясь о семье (54%) и возможность приносить пользу своему народу, обществу, активно участвуя в общественной и политической жизни (26%)”²⁵. Среди всех возрастных групп по данным ВЦИОМ за 2024 г. крепкая семья входит в “топ-3 ключевых целей, к которым сегодня стремятся россияне. При этом лидирует в жизненных стремлениях забота о ментальном здоровье, в частности обретение гармонии и душевного равновесия (47%). Около трети опрошенных стремятся быть полезными обществу, стране (34%) и создать крепкую семью (32%). Последняя цель больше всего откликается молодежи 18–35 лет — 49%”²⁶.

Возвращаясь к анализу деловой культуры, следует отметить, что в научной литературе в качестве “специфических” черт российской деловой культуры также часто называют “маятниковость” развития страны (например, реформы — контрреформы, крен в сторону Запада — возврат “к корням”), что способствует авральности и неритмичности рабочих процессов, иррациональность управления (принятие решений на основе опыта либо “чуйки”), противоречивость “русского характера” (от покорности к бунту, от воинственности к милосердию и состраданию), зависимость бизнеса от власти (нельзя успешно вести бизнес, не выстроив отношения с властью), правовой нигилизм (строгость закона компенсируется необязательностью его исполнения), патернализм (руководство методами “строгого отца”) и др.²⁷ Но чаще всего, как мы уже отмечали выше, исследователи делают акцент на двойственности (одновременно проявление коллективизма и индивидуализма, сочетание маскулинности и феминности культуры, ориентация на цель и на человека, принятие как “западных”, так и консервативных традиционных ценностей).

Наибольшую изменчивость за последние несколько лет демонстрирует параметр “индивидуализм — коллективизм”, кото-

---

²⁴ Исследование ВЦИОМ (14.12.2022) “Ценности молодежи”. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения: 29.01.2025).

²⁵ Там же.

²⁶ Исследование ВЦИОМ (06.06.2024) “Семья в системе ценностей россиян”. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-cennostei-rossijan> (дата обращения: 29.01.2025).

²⁷ См. например: Мясоедов С.П., Колесникова И.В., Борисова Л.Г. Российская деловая культура...; Прохоров А.П. Русская модель управления. М., 2002; Смирнов Г.Н. Российская деловая культура: Уч. пособ. М., 2010.

рый является одним из наиболее часто используемых для анализа кросс-культурных различий, более того, это тот параметр, который лучше всего демонстрирует разницу между “западными” и “восточными” культурами (а российская деловая культура не может быть однозначно отнесена к западной или восточной, сочетая черты обеих при сохранении собственного “лица”). Коллективистские культуры свойственны обществам “иерархическим”, где его члены встроены в сложную сеть отношений, опутаны связями взаимных обязательств, понимают свое место в иерархии, ставят общее выше личного. Индивидуалистские же культуры “не предполагают перенесения ответственности на государство, власть, организацию за то, что происходит с индивидом, это опора на самого себя, отстаивание своих границ и личных интересов, выстраивание индивидуальной жизненной траектории, достижение лично-значимых результатов”²⁸. Коллективизм и сплоченность в России проявляются, прежде всего, в период кризисов и перед внешними угрозами, также можно констатировать коллективистские корни российской культуры (это связано и с религией, и с длительным советским историческим периодом), но последние исследования всё больше фиксируют крен в сторону индивидуализма, меритократии, стремления полагаться на себя и использовать все возможности для карьерного роста, особенно если речь идет о молодежи, жителях мегаполисов, работников транснациональных компаний и др.

Говоря о возможностях изменения своего социального положения посредством использования социальных лифтов, в 2023 г. россияне выделяли три основных социальных лифта. «В наши дни топ-3 наиболее “рабочих” социальных лифтов в представлениях россиян выглядит следующим образом: спорт (88%, + 5 п.п. к 2020 г.), наука и образование (84%, +7 п.п. к 2020 г.), военная служба (83%). Эти лифты россияне считают “работающими” в течение последних пяти лет. Их лидерство, по-видимому, определяется не только культурно-историческими особенностями российского общества, но и понятными, прозрачными механизмами “подъема”, социальной мобильности. Это либо конкуренция и объективные достижения, как в спорте, либо продолжительность обучения, признанные заслуги, как в науке, либо четкая иерархия, как в армии»²⁹. На оценку значимости тех или иных социальных лифтов влияют разные фак-

---

²⁸ Гавриленко О.В. Российская деловая культура в цифровую эпоху... С. 153.

²⁹ Исследование ВЦИОМ (18.12.2023) “Социальные лифты в России: вам наверх?”. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-lifty-v-rossii-vam-naverkh> (дата обращения: 27.01.2025).

торы — возраст (молодежь в большей степени верит в возможность достичь высокого социального статуса за счет своих усилий и талантов при помощи социальных лифтов)³⁰, уровень образования (чем выше уровень образования, тем меньше веры в возможности социальных лифтов), уровень доходов (люди с более высоким доходом больше уверены в себе и возможности социальных лифтов), уровень урбанизации (жители крупных городов гораздо меньше верят с социальные лифты, нежели остальные россияне).

Для того чтобы лучше понять причины двойственности российской деловой культуры, обратимся к теории моральных оснований Дж. Хайдта и исследованиям, проведенным на основе этой теории³¹. Моральные основания, по Хайдту, это основания для моральной оценки событий и поступков, “моральное решение принимается преимущественно на основе автоматической, интуитивной, эмоциональной оценки (*moral intuition*), тогда как последующие моральные рассуждения служат в основном для рационального обоснования уже принятого решения”³². Моральная сфера базируется на пяти моральных основаниях, образующих две категории — этика сообщества и этика автономии. «Этика сообщества включает нормы и ценности, поощряющие преданность своей группе (моральное основание “лояльность”), уважение ее традиций и лидеров (“уважение”), почитание религиозных и национальных святынь (“чистота/святость”). Этика автономии включает нормы и ценности, ориентированные на защиту благополучия (моральное основание “забота”)

---

³⁰ В то же время результаты исследования ВЦИОМ 2022 г. показывают такую картину: “В меньшей степени значимыми для молодых россиян оказались ценности личностного развития: перспективы продвижения по карьерной лестнице звучат в ответах 81%, социальный статус — 72%, творческая самореализация — 71%. Нижние строки списка ценностных ориентиров заняли ценности социальные — участие в общественной и политической жизни (52%) и участие в волонтерской и добровольческой деятельности, помощь другим людям (49%)” (см.: Исследование ВЦИОМ (14.12.2022) “Ценности молодежи”. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения: 27.01.2025).

³¹ См.: *Haidt J.* The moral emotions // *Handbook of affective sciences*. Oxford, 2003. P. 852–870; *Graham J., Haidt J., Nosek B.A.* Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 96 (5). P. 1029–1046; *Сычев О.А., Белоусов К.И.* Связь этики автономии и этики сообщества с представлениями россиян о Родине // *Сибирский психологический журнал*. 2021. № 80. С. 107–127; *Сычев О.А., Нестик Т.А.* Моральные основания стыда и гордости за свою страну // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 3. С. 528–549.

³² *Сычев О.А., Протасова И.Н., Белоусов К.И.* Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника MFQ // *Российский психологический журнал*. 2018. Т. 15. № 3. С. 91.

и прав личности (“справедливость”)³³. Хайдт утверждает, что для лиц с либеральными убеждениями этика сообщества не имеет столь важного значения, как этика автономии. Для людей с консервативными взглядами моральные основания этики сообщества (лояльность, уважение, святость) столь же важны, как моральные основания этики автономии (забота и справедливость).

Теория моральных оснований вполне может быть применена для анализа установок и ценностных представлений россиян. Так, российские ученые О.А. Сычев, К.И. Белоусов, опираясь на теорию моральных оснований Дж. Хайдта, выдвинули гипотезу о том, что этика сообщества и этика автономии, в том числе, проявляются в представлениях россиян о Родине (например, в представлениях о патриотизме). “Результаты исследований на российских выборах свидетельствуют о том, что высокая оценка этики автономии сочетается с озабоченностью вопросами бедности и справедливости оплаты труда, демократии и свободы слова. В то же время люди, разделяющие нормы этики сообщества, в большей мере одобряют стремление к поддержанию патриотизма и единства в обществе, они поддерживают рост затрат на оборону, будучи обеспокоены возможными действиями внешних или внутренних врагов, выше оценивают роль религии в жизни общества”³⁴.

Очень показательной является разница в восприятии традиционных духовно-нравственных ценностей (коллективизма, патриотизма, преемственности поколений, созидательного труда и др.) россиянами старшего поколения и молодежью. Так, если не уходить далеко от теории Дж. Хайдта, можно эту разницу проиллюстрировать результатами исследования факторов гордости и стыда за страну О.А. Сычева и Т.А. Нестика³⁵. Для выявления моральных оснований для гордости и стыда за свою страну российским респондентам были предложены типы причин для гордости и стыда. В результате исследования было выделено четыре фактора — «первый фактор включает поводы для гордости, отражающие события и достижения, имеющие мировое значение ... этот фактор можно назвать “гордость за вклад в историю человечества”»³⁶. Второй

---

³³ Сычев О.А., Белоусов К.И. Связь этики автономии и этики сообщества с представлениями россиян о Родине // Сибирский психологический журнал. 2021. № 80. С. 108.

³⁴ Сычев О.А., Белоусов К.И. Связь этики автономии и этики сообщества с представлениями россиян о Родине. С. 108.

³⁵ Сычев О.А., Нестик Т.А. Моральные основания стыда и гордости за свою страну.

³⁶ Сычев О.А., Нестик Т.А. Моральные основания стыда и гордости за свою страну. С. 533.

фактор связан с недавними достижениями России — “возвращение Крыма в состав РФ, рост экономики и политическая стабильность при В.В. Путине, кроме того, сюда вошли факты, не связанные с современностью — моральные качества русского человека, подвижнические подвиги русских святых и т.п. Третий фактор включает гордость за советское прошлое”³⁷. К четвертому фактору относится «нравственный авторитет русской интеллигенции; перестройка, начало рыночных реформ и дух русской вольницы, свободолюбие. Эти три повода для гордости объединяют, по-видимому, ценности свободы и преобразования общества, что согласуется с характерным для русской интеллигенции оппозиционным и реформаторским настроением... Этот фактор можно обозначить как “гордость за реформы и свободолюбие”»³⁸. Далее авторами были предложены четыре фактора стыда за страну: “стыд за русских людей и власть”, “стыд за национальное высокомерие”, “стыд за разрушение советской страны”, “стыд за притеснение религии”³⁹.

Были выделены по итогам исследования два противоположных профиля — “традиционалистский” и “индивидуалистический”. Для “традиционалистов” более важны моральные основания лояльности, уважения (чаще это люди зрелого возраста), именно представители данного профиля чаще испытывают гордость за свою страну и практически не находят причин для стыда. У “индивидуалистов” же (в этом профиле доминирует молодежь) на первом месте свобода, а лояльности и уважению отдается незначительный приоритет.

“Наиболее ярко отличается группа с индивидуалистическим профилем моральных оснований, демонстрирующая весьма низкие оценки по трем первым факторам гордости (за достижения мирового значения, за недавние успехи страны и за советское прошлое). Иными словами, они не нашли в предложенном им списке ничего, вызывающего у них выраженную гордость за страну, кроме умеренной гордости по четвертому фактору (гордость реформами и свободолюбием). Для них характерны также максимальные оценки по второму фактору стыда (за национальное высокомерие) при низких оценках по третьему и четвертому факторам стыда (стыд за разрушение советской страны и за притеснение религии). Стыд за русских людей и власть, а также за национальное высокомерие являются у

---

³⁷ Гавриленко О.В. Российская деловая культура в цифровую эпоху... С. 133.

³⁸ Сычев О.А., Нестик Т.А. Моральные основания стыда и гордости за свою страну. С. 535.

³⁹ Сычев О.А., Нестик Т.А. Моральные основания стыда и гордости за свою страну. С. 536.

этих людей доминирующим переживанием, связанным со страной, он значительно превосходит чувство гордости”⁴⁰. Такие результаты дают основания для тревоги и могут рассматриваться как следствие внедрявшейся в стране после распада СССР либеральной идеологии и “прозападных” ценностей.

При выявлении специфики национальной деловой культуры полезно проводить сравнительные исследования с другими странами, так отличительные черты становятся более “видимы”. На основе данных, полученных по методике Ш. Шварца в рамках Европейского социального исследования, российскими исследователями В.С. Магуном и М.Г. Рудневым был проведен анализ базовых ценностей россиян и их сравнение с ценностями жителей 24 европейских стран. “По результатам попарных межстрановых сравнений ... для россиянина, в сравнении с жителями других стран, характерна более высокая осторожность (или даже страх) и потребность в защите со стороны сильного государства, у него слабее выражены потребности в новизне, творчестве, свободе и самостоятельности и ему менее свойственна склонность к риску и стремление к веселью и удовольствиям... В отношении же значимости другой группы ценностей средний россиянин более своеобразен и, как правило, похож на представителей лишь небольшого числа рассматриваемых стран. Речь идет о его сильном стремлении к богатству и власти, а также к личному успеху и социальному признанию. Сильная ориентация на личное самоутверждение оставляет в сознании этого человека меньше, чем у представителей других стран, места для заботы о равенстве и справедливости в стране и мире, для толерантности, заботы о природе и окружающей среде и даже для беспокойства и заботы о тех, кто его непосредственно окружают”⁴¹

При переходе же с уровня страны на уровень анализа личности возникает немного иная картина при описании среднего россиянина и его системы ценностей. Для большинства россиян свойственно доминирование “ценности самоутверждения” по Ш. Шварцу (власть и достижения) — «сильное стремление к личному успеху и богатству не сочетается в сознании россиян со столь же выраженной смелостью, готовностью действовать по-новому, идти на риск и принимать самостоятельные решения. Ценности строятся по “принципу удовольствия”: высокие притязания без готовности

---

⁴⁰ Сычев О.А., Нестик Т.А. Моральные основания стыда и гордости за свою страну. С. 540.

⁴¹ Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте // *Общественные науки и современность*. 2010. № 3. С. 16.

к значительным личным усилиям и рискам»⁴². Исследователи объясняют различия между страновыми и индивидуальными средними наличием двух групп факторов: «...одна из них относится к таким свойствам стран (например, к особенностям их экономики или культуры), которые универсально и примерно в равной степени сказываются на ценностях каждого их жителя. Другая же группа факторов связана с межстрановыми различиями состава населения по социально-демографическим или социально-профессиональным параметрам, влияющим на базовые ценности (например, с тем, что в какой-то стране население старше, чем в России, или воспитывалось более образованными родителями)»⁴³.

Российский социолог В.С. Магун продолжил изучение базовых ценностей россиян по методологии Ш. Шварца, взяв пятнадцатилетний интервал с 2006 по 2021 г. для того, чтобы выявить динамику изменений⁴⁴. «Автор в качестве гипотезы выдвигал влияние на изменение системы ценностей россиян за этот период ряда факторов, таких как развитие демократических и рыночных институтов, стимулировавших активность, индивидуальную самореализацию (тем более, что в выборку исследования входило большое число представителей молодого поколения, сформировавшего свою систему ценностей уже в «новой» России, и не заставшего СССР); рост материального благополучия; «неоконсервативный поворот» и фактически отказ от идеологии либерализма; пандемия COVID-19»⁴⁵. Если представить результаты регрессионного анализа В.С. Магуна кратко, то можно отметить, что «за пятнадцать лет среди россиян заметно выросла значимость активного индивидуализма (риска-новизны, гедонизма и самостоятельности) и снизилась приверженность ценностям пассивной социальности — безопасности и конформности. Значимость ценностей эгоистического индивидуализма — достижения и власти-богатства снизилась, а приверженность двум ценностям альтруистической социальности изменилась разнонаправленно: ценность благожелательности (заботы о близких) стала для россиян более значимой, а ценность универсализма, связанная с заботой о дальних, — менее важной»⁴⁶.

---

⁴² Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте... С. 16.

⁴³ Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте. С. 10.

⁴⁴ Магун В.С. Эволюция базовых ценностей российского населения, 2006–2021 годы // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 44–58.

⁴⁵ Гавриленко О.В. Российская деловая культура в цифровую эпоху... С. 174.

⁴⁶ Магун В.С. Эволюция базовых ценностей российского населения, 2006–2021 годы. С. 44.

Рассматривая ценностную структуру российского общества и фиксируя различного рода “расколы”, нельзя забывать о том, что современному человеку довольно сложно достичь баланса между вызовами современности (высокая скорость внедрения новых технологий, социодемографические изменения, цифровизация и др.) и сохранением приверженности традиционным ценностям. По данным ВЦИОМ конца 2023 г. “наши сограждане в большинстве случаев предпочтут следовать традиционным духовным принципам, даже если они противоречат современной реальности — 65% (2020 г. — 63%). Выбирают путь современности 25%, каждый четвертый (-5 п.п. к 2020 г.)”⁴⁷. Различия в предпочтении традиционных и современных ценностей во многом объясняются возрастом респондентов. «Дилемма “традиционного-современного” обнажает поколенческий конфликт. Молодежь до 25 лет чаще выбирает сторону современности (53% против того, чтобы всегда следовать традиционным духовным принципам), 25-34-летние находятся в условной переходной фазе между традициями и современностью (49% предпочтут следовать традиционным духовным принципам, 40% нет). После 35 лет доминирует мнение о приоритете традиционного над современным (35–44 лет — 63%, 45–59 лет — 74%, старше 60 лет — 72%). Такие различия могут объясняться, во-первых, тем, что молодежь обычно активнее вовлечена в современные технологии, более подвержена влиянию глобализации и космополитичности. Они выросли в эпоху активного развития Интернета и социальных изменений, что делает их более гибкими к принятию новых идей. Во-вторых, люди старше 35 лет, когда уже есть своя семья, дети, часто стремятся сохранять устоявшиеся нормы и ценности, которые ими воспринимаются как более стабильные и надежные»⁴⁸.

Двойственность современной российской деловой культуры сегодня в большой степени связана с поколенческим разрывом, совместной работой персонала разных поколений, между которыми наблюдается всё более выраженная разница и в трудовых установках, и в ценностных ориентациях. Новое цифровое поколение (зумеры), которое активно выходит на рынок труда, их отношение к труду вызывает все больше нареканий со стороны работодателей и непонимания со стороны коллег старшего возраста. Работа для зумеров стоит далеко не на первом месте, «многие представители

---

⁴⁷ Исследование ВЦИОМ (22.12.2023) “Традиции в эпоху перемен”. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen> (дата обращения: 30.01.2025).

⁴⁸ Там же.

данного цифрового поколения фактически являются сторонниками тренда NEET (not in employment, education, or training, что означает “не работают, не учатся, не проходят профессиональную подготовку”). Причин для такого отношения к жизни и работе множество, например, достаточное количество ресурсов для жизни (затянутый период взросления и создание родителями “тепличных условий”), слабое ментальное здоровье и гиперчувствительность к малейшим трудностям, снижение качества образования и разочарование в учебе»⁴⁹.

Молодые сотрудники предъявляют свои требования к работе, рабочим процессам и рабочему окружению, ожидая от работодателя большей гибкости, готовности пойти навстречу, учета приоритетов и притязаний нового поколения работников. Зумеры в меньшей степени заиклены на материальной стороне вопроса, для них важнее ощущение собственной значимости, возможности для самореализации и участия в интересных проектах. Молодые сотрудники в меньшей степени проявляют лояльность к своей организации, спокойно относятся к смене работы в случае, если их что-то перестает устраивать. При этом само руководство не вызывают у них такого пиетета, как у старшего поколения, руководителю уважение подчиненных надо заслужить не формальной должностью, а реальными достижениями и профессионализмом. Таким образом, по мере “омоложения” персонала вполне вероятно проявление тренда на снижение традиционно высокого для России показателя дистанции власти, на усиление меритократии, индивидуализма, долгосрочности ориентации. Именно молодежь, по данным ВЦИОМ, отличается большим горизонтом планирования, нежели старшее поколение — “планы на жизнь, по собственным оценкам, строит абсолютное большинство молодых людей в возрасте 18-35 лет — 85%... Чаше других молодежи свойственны как краткосрочный, так и средне- и долгосрочный горизонты планирования: на месяц (19% vs. 12% среди остальных), на год (31% vs. 24%) и на пять лет вперед (16% vs. 10%)”⁵⁰.

Можно подытожить, что «российская деловая культура, даже частично впитывая и усваивая “чужие” ценности и социальные практики, несмотря на влияние глобальных трендов, все равно сохраняет свою национальную идентичность, самобытность, непохожесть на западные и восточные культуры, свою уникальную

---

⁴⁹ Гавриленко О.В. Российская деловая культура в цифровую эпоху... С. 186.

⁵⁰ Исследование ВЦИОМ (26.06.2024) “Квартира, автомобиль и бизнес”. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kvartira-avtomobil-i-biznes> (дата обращения: 03.02.2025).

“двойственность”»⁵¹. Двойственность также усиливается поколенческим разрывом, ценностные ориентации старшего поколения сотрудников (этика сообщества и традиционалистский профиль по модели Дж. Хайдта, а также коллективизм, круговая порука, высокая дистанция власти, преданность компании) всё меньше находят поддержку у молодежи, активно выходящей на рынок труда (этика автономии и индивидуалистический профиль, индивидуализм, комфорт, ориентация на личные достижения и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гавриленко О.В. “Двойственность” как характеристика российской деловой культуры // Теория и практика общественного развития. 2024. № 11. С. 68–74.

Гавриленко О.В. Российская деловая культура в цифровую эпоху: социальные технологии и управленческие практики. Монография. М., 2025.

Гавриленко О.В. Современная российская деловая культура: “особый” путь развития или заимствование “чужих” управленческих практик? // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 2. С. 157–177.

Зябриков В.В. Систематизация ценностей деловой культуры России // Креативная экономика. 2015. № 9.

Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Культура как фактор общественного прогресса. М., 2009.

Льюис Р. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М., 1999.

Магун В.С. Эволюция базовых ценностей российского населения, 2006–2021 годы // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 44–58.

Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 5–22.

Михайленко А.В., Устинова О.А., Дударева А.Е. Ценности глазами экспертов // Ценностно-смысловые и интеллектуальные основания стратегического развития России в условиях глобальных вызовов: Коллект. научн. монограф. / Под ред. В.А. Фадеева, Т.А. Вархотова. М., 2023.

Мясоедов С.П., Колесникова И.В., Борисова Л.Г. Российская деловая культура: воздействие на модель управления. М., 2010.

Платонов О.Н. Экономика русской цивилизации. М., 2008.

Прохоров А.П. Русская модель управления. М., 2002.

Смирнов Г.Н. Российская деловая культура. М., 2010.

Сычев О.А., Белоусов К.И. Связь этики автономии и этики сообщества с представлениями россиян о Родине // Сибирский психологический журнал. 2021. № 80. С. 107–127.

Сычев О.А., Нестик Т.А. Моральные основания стыда и гордости за свою страну // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 3. С. 528–549.

---

⁵¹ *Гавриленко О.В.* “Двойственность” как характеристика российской деловой культуры. С. 72.

Сычев О.А., Протасова И.Н., Белоусов К.И. Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника MFQ // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15. № 3. С. 88–115.

Шевяков М.Ю., Михайленко А.В., Ковалевская В.В. Глубинные ценности жителей России глазами социолога (мировоззренческие разломы) // Ценностно-смысловые и интеллектуальные основания стратегического развития России в условиях глобальных вызовов: Коллект. научн. монограф. / Под ред. В.А. Фадеева, Т.А. Вархотова. М., 2023.

Шихурев П.Н. Введение в российскую деловую культуру. М., 2000.

Ясин Е. Модернизация экономики и система ценностей // Вопросы экономики. 2003. № 4.

REFERENCES

Gavrilenko O.V. “Dvoystvennost” kak harakteristika rossijskoj delovoj kul’tury [‘Duality’ as a characteristic of Russian business culture] // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2024. N 11. S. 68–74 (in Russian).

Gavrilenko O.V. Rossijskaja delovaja kul’tura v cifrovuju jepohu: social’nye tehnologii i upravlencheskie praktiki: monografija [Russian Business Culture in the Digital Age: Social Technologies and Management Practices: a Monograph]. M., 2025 (in Russian).

Gavrilenko O.V. Sovremennaya rossijskaya delovaya kul’tura: “osobyj” put’ razvitiya ili zaimstvovanie “chuzhih” upravlencheskih praktik? [Modern Russian business culture: “special” path of development or borrowing “other people’s” management practices?] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2024. T. 30. N 2. S. 157–177 (in Russian).

Graham J., Haidt J., Nosek B.A. Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations // Journal of Personality and Social Psychology. 2009. Vol. 96 (5). P. 1029–1046.

Haidt J. The moral emotions // Handbook of affective sciences. Oxford, 2003. P. 852–870.

Jasin E. Modernizacija jekonomiki i sistema cennostej [Economic modernisation and value system] // Voprosy jekonomiki. 2003. N 4 (in Russian).

Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Kul’tura kak faktor obshhestvennogo progressa. [Culture as a factor of social progress]. M., 2009 (in Russian).

L’juis R. Delovye kul’tury v mezhdunarodnom biznese. Ot stolkhovenija k vzaimoponimaniu [Business cultures in international business. From clash to mutual understanding]. M., 1999 (in Russian).

Magun V.S. Jevoljucija bazovyh cennostej rossijskogo naselenija, 2006–2021 gody [Evolution of Basic Values of the Russian Population, 2006–2021] // Sociologicheskie issledovanija. 2023. N 12. S. 44–58 (in Russian).

Magun V.S., Rudnev M.G. Bazovye cennosti rossijan v evropejskom kontekste [Basic values of Russians in the European context] // Obshhestvennye nauki i sovremennost’. 2010. N 3. S. 5–22 (in Russian).

Mihajlenko A.V., Ustinova O.A., Dudareva A.E. Cennosti glazami ekspertov [Values through the eyes of experts] // Cennostno-smyslovyje i intellektual’nye osnovaniya strategicheskogo razvitiya Rossii v usloviyah global’nyh vyzovov: Kollekt. nauch. monograf. / Pod red. V.A. Fadeeva, T.A. Varhotova. M., 2023 (in Russian).

Mjasoedov S.P., Kolesnikova I.V., Borisova L.G. Rossijskaja delovaja kul'tura: vozdejstvie na model' upravljenja [Russian business culture: impact on the management model]. M., 2010 (in Russian).

Platonov O.N. Jekonomika ruskoj civilizacii [The economy of Russian civilisation]. M., 2008 (in Russian).

Prohorov A.P. Russkaja model' upravljenja [Russian model of management]. M., 2002 (in Russian).

Shevjakov M.Ju., Mihajlenko A.V., Kovalevskaja V.V. Glubinnie cennosti zhitelej Rossii glazami sociologa (mirovozzrencheskie razlomy) [Deep values of Russian residents as seen by a sociologist (worldview faults)] // Cennostno-smyslovyje i intellektual'nye osnovanija strategičeskogo razvitiya Rossii v uslovijah global'nyh vyzovov: kollektivnaja nauchnaja monografija / Pod red. V.A. Fadeeva, T.A. Varhova. M., 2023 (in Russian).

Shihirev P.N. Vvedenie v rossijskiju delovuju kul'turu [Introduction to Russian business culture]. M., 2000 (in Russian).

Smirnov G.N. Rossijskaja delovaja kul'tura [Russian business culture]. M., 2010 (in Russian).

Sychev O.A., Belousov K.I. Svjaz' jetiki avtonomii i jetiki soobshhestva s predstavlenijami rossijan o Rodine [Relation of the ethics of autonomy and community ethics to Russians' perceptions of the homeland] // Sibirskij psihologičeskij zhurnal. 2021. N 80. S. 107–127 (in Russian).

Sychev O.A., Nestik T.A. Moral'nye osnovanija styda i gordosti za svoju stranu [Moral grounds for shame and pride in one's country] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Psihologija i pedagogika. 2022. T. 19. N 3. S. 528–549 (in Russian).

Sychev O.A., Protasova I.N., Belousov K.I. Diagnostika moral'nyh osnovanij: aprobacija ruskojazyčnoj versii oprosnika MFQ [Diagnosis of moral grounds: testing the Russian version of the MFQ questionnaire] // Rossijskij psihologičeskij zhurnal. 2018. T. 15. N 3. S. 88–115 (in Russian).

Zjabrikov V.V. Sistematizacija cennostej delovoj kul'tury Rossii [Systematisation of the values of Russian business culture] // Kreativnaja jekonomika, 2015. N 9 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-2-167-197

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ПЛАН ПРОВЕДЕНИЯ ЭМПИРИЧЕСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

М.В. Юрсова, канд. социол. наук, доц. кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье рассматриваются организационные и управленческие аспекты проведения эмпирических исследований. Как правило, в научной литературе больший акцент ставится на содержательном и смысловом достижении исследовательской цели. Управление исследовательским проектом часто не освещается или перечисляются отдельные процедуры. А роль руководителя и менеджера поля не различают. Важность управления исследовательским проектом отдельно не выделяется. Большое внимание сегодня уделяется управлению проектом, где рассматривается менеджмент практически любых видов работ, которым приходится руководствоваться реализующей его группе. Поэтому важно обобщить имеющиеся данные и показать специфику управления полем. Отмечается, что российские исследовательские компании и отдельные исследователи избирательно относятся к существующим международным стандартам по управлению. Дополнительно, приводятся данные исследования параметров и оценки исполнителями своих заказчиков. В статье рассматривается алгоритм и управление проектом проведения исследовательского (социологического, социального, маркетингового) проекта. Рассматриваются рекомендации по менеджменту поля, опубликованные в основополагающих российских (советских) книгах, а также приводятся положение национальных и международных стандартов ГОСТ Р ИСО — 20252:2014 (ISO 20252:2012) и ISO 20252:2019. На основе практических разработок приводятся типовые этапы проекта и требования к их реализации, критерии оценки качества отдельных видов работ и всего проекта в целом. Приведенный алгоритм менеджмента исследовательского проекта включает подготовку и подписание программы (цели, задачи, методы), исследовательского инструментария и его пилотажа, построение выборки, подготовку исполнителей, способов обработки, проведение самого исследования, оценки качества поля, подготовки отчетной документации, финансовый и временной (тайм) менеджмент и общий анализ качества проекта.

---

* Юрсова Мария Владимировна, e-mail: polevik-m@rambler.ru

Ключевые слова: менеджмент поля, исследовательский проект, алгоритм, последовательность действий, руководитель и участники проекта, инструктаж, пилотаж, аудит.

MANAGERIAL ASPECTS AND ORGANIZATIONAL DESIGN OF AN EMPIRICAL SOCIOLOGICAL STUDY

Yurasova Maria V., PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: polevik-m@rambler.ru

The article deals with organisational and managerial aspects of conducting empirical research. As a rule, the scientific literature places more emphasis on the substantive and semantic achievement of the research goal. The management of a research project is often not covered or separate procedures are listed. And the role of the field supervisor and manager is not distinguished. The importance of research project management is not separately emphasised. A great deal of attention is nowadays paid to project management, where the management of almost any type of work that has to be managed by the team realising it is considered. Therefore, it is important to summarise the available data and show the specifics of field management. It is noted that Russian research companies and individual researchers are selective about the existing international standards on management. Additionally, the data of parameter research and evaluation by performers of their customers are given. The article considers the algorithm and project management of a research (sociological, social, marketing) project. The recommendations on field management published in the fundamental Russian (Soviet) books are considered, as well as the provisions of national and international standards GOST R ISO — 20252:2014 (ISO 20252:2012) and ISO 20252:2019 are given. On the basis of practical developments, typical stages of the project and requirements for their implementation, criteria for assessing the quality of individual types of work and the whole project are given. The given algorithm of research project management includes preparation and signing of the programme (goals, objectives, methods), research tools and its pretest, sample construction, preparation of executors, processing methods, conducting the research itself, field quality assessment, preparation of reporting documentation, financial and time (time) management and general quality analysis of the project.

Key words: Field management, research project, algorithm, sequence of actions, project leader and participants, validation, pretest, research quality, audit.

Введение

Современный специалист в области эмпирических социологических исследований должен сочетать владение несколькими компетенциями: собственно методологией и методикой проведения исследования, а также умением управлять исследовательским проектом. Если первая компетенция рассматривается как основная и к ней готовят на социологических направлениях, то вторая, собствен-

но, управление проектом исследования, рассматривается либо как отдельная дисциплина, либо как одна тема в рамках курса по проведению исследований. И тот и другой подход не закрепляют четкого алгоритма администрирования социологического исследования.

В последнее время активно внедряется обучение по управлению проектами. Это не значит, что раньше управленческим проектам не уделялось внимание: практически во всех базовых учебниках рассматриваются этапы управления исследованиями, даются рекомендации по проведению исследования. Но это дается лишь как малая часть работы и представлена в основном в разделе Приложения. По опыту реализации полного цикла социологического исследования, можно сказать, что сам менеджмент исследования бывает более трудозатратным, чем содержательная работа от разработки программы до презентации отчета. И эта важная составляющая исследования должна быть тщательно подготовлена. Специалисту необходимо понимание всего цикла работ по подготовке, согласованию, реализации, проверке, презентации, обеспечения обратной связи и оценке качества исследования. Именно эти виды работ и рассматриваются в статье.

Целью данной работы является систематизация имеющихся рекомендаций, требований стандарта и опыта организации исследования и выделения ключевых особенностей ведения исследовательского проекта. Основное назначение исследования — актуализация знаний по ведению (управлению, менеджменту) социологических исследований (социальных обследований).

В тексте приведены обзоры рекомендаций, содержащиеся в авторитетных изданиях, написанных еще во времена СССР (новое — как хорошо забытое старое), современных публикациях и стандартах.

Стоит отметить, что чаще, в современной литературе, легче обнаружить рекомендации по проведению маркетинговых исследований, управлению проектами в целом, где исследовательские проекты рассматриваются только как отдельные элементы), оценки качества проведенных исследований.

Например, в управлении качеством производственным проектом рассматривается, так называемая, “петля качества”, где результаты исследования — это первая часть любого проекта. От качества исследования зависят процессы проектирования и НИОКР, планирования и разработки процессов, закупок, производства (предоставления услуг), проверки (оценки), упаковки, складирования, хранения, реализации и распределения, доставки, эксплуатации,

обслуживания потребителей, послепродажной деятельности (получение обратной связи, исправление дефектов и др.) и утилизация. И описание любого жизненного цикла процесса сопровождается правилом десятикратных затрат, которое гласит: затраты на производство некачественной продукции или обнаружение брака десятикратно возрастают при переходе от стадии исследования (маркетинга) к проектированию, от проектирования к производству и от стадии производства (создания услуги) к стадии реализации некачественной продукции (производству некачественных услуг). Если проведение исследования будет стоить тысячу рублей, то исправление ошибки, недочета или недостатка на этапе проектирования будет стоить 10 тысяч рублей (например, провести дополнительные измерения, разработать/переработать новую документацию, обучить специалистов). На этапе производства исправление данной ошибки будет стоить уже 100 тысяч рублей (например, перевыпуск продукции, дополнительное обучение, переналадка производства/оказания услуги, использование дополнительных ресурсов и др.). А после продажи продукции/услуги это уже обойдется в миллион рублей (отзыв партии продукции, испорченная репутация при оказании услуги и др.). Таким образом, требуется не исправлять брак и ошибки, а не допускать их. То есть качественное планирование и учет всевозможных рисков.

Требования к качеству исследований велико, чаще эти требования предъявляются к качеству содержания. Реже обсуждаются ошибки или просчеты администрирования самого исследования, хотя оценивают качество исследования, в большей степени, по критериям менеджмента процессов.

Многократно выявлялись случаи нарушения выборки (смещения или сокращения) из-за изменения сроков исследования, подделки анкет, некорректных расчетов, низкой квалификации исполнителей. Или хорошо разработанное содержательное исследование упиралось в ограниченность ресурсов (временных, финансовых, человеческих, информационных, технологических и др.). Чтобы этого избежать и необходим четко просчитанный по ресурсам алгоритм проведения исследования.

Для современного специалиста в области проведения исследований социологических, маркетинговых, общественного мнения и др. стоит сложная задача совместить собственно профессиональные знания с умениями и навыками в области организации и управления проектной деятельностью. Под проектом будем понимать «результат целенаправленного и заранее проработанного (за-

планированного) изменения (преобразования) конкретной системы (организации, предприятия, бизнес-процесса, инфраструктуры и проч.) от исходного до желаемого, как правило, связанный с затратами определенного количества ресурсов — человеческих, временных, финансовых и проч.; проектная деятельность — это совокупность подходов, методов, инструментов и научного знания, которая подразумевает исследовательско-аналитические, конструктивно-творческие и конкретно-управленческие процессы, позволяющие достичь такого результата”¹. Но нас будет интересовать управление проектом социологического исследования.

Обозначим два определения, данных в международном стандарте ГОСТ Р ИСО 21500-2023 “Управление проектами, программами и портфелями проектов. Контекст и основные понятия”, действующем в России: “...проект (project) — это временное усилие для достижения одной или нескольких определенных целей” и “управление проектом (project management) — это скоординированная деятельность по руководству и контролю за достижением согласованных целей”². Выделяют пять стадий реализации проекта: инициирование, планирование, контроль, исполнение, завершение.

По проектной деятельности предлагается множество ресурсов, содержащих рекомендации по их реализации. Например, коллективная работа Института управления проектами (PMI) – PMBOK (англ. Project Management Body Of Knowledge, PMBOK), представляющая совокупность знаний по управлению проектами, используется в качестве основного справочного материала, руководства для программ по профессиональному развитию, в котором определены место, роль и структура методов и средств управления проектами и их вклад в вопросы общего управления. На сегодняшний день это наиболее популярное руководство по управлению проектами³. Помимо стандарта от PMI, включающий элементы Agile, существуют и другие стандарты, такие как PRINCE2, IPMA ICB, P2M, “ПМ Стандарт” и др.

---

¹ Шагеева Г.Р. Проектная деятельность. Организация деятельности в проектной экономике. Уч.-метод. пособ. М., 2023. URL: <https://izd-mn.com/PDF/17MNNPU23.pdf>

² ГОСТ Р ИСО 21500-2023 Национальный стандарт Российской Федерации “Управление проектами, программами и портфелями проектов. Контекст и основные понятия” (Project, programme and portfolio management. Context and concepts).

³ История развития методов управления проектами в России и за рубежом // GANT. 01.03.2017. URL: <https://gantbpm.ru/istoriya-razvitiya-upravleniya-proektami/> (дата обращения: 07.12.2022).

Принципы управления проектами PMBOK⁴

Принцип	Пояснение
Ответственное управление	Уважение к ресурсам и ответственное отношение к воздействию проекта на рынок, экологию и общество, с учетом этических стандартов и ценностей
Коллаборация в команде	Стимулирование продуктивного взаимодействия внутри команды, четкое распределение ролей и ответственностей
Вовлечение заинтересованных сторон	Активное сотрудничество с участниками проекта, включая клиентов и стейкхолдеров, нацеленное на создание общих ценностей
Фокус на ценности	Основной приоритет — создание ценности на всех этапах проекта с возможностью ее количественной и качественной оценки
Системное мышление	Глубокое понимание структуры и взаимосвязей элементов проекта
Лидерство	Проявление лидерских качеств на всех этапах управления проектом, мотивация и вдохновение команды
Адаптация	Применение гибких подходов в управлении, интеграция элементов Agile для повышения эффективности
Обеспечение качества	Применение строгих процедур для гарантии высокого качества результатов, включая итерационное тестирование
Итоговые показатели качества продукта	Оценка продукта на соответствие потребностям аудитории и заказчиков
Работа в сложных условиях	Способность к прогнозированию и преодолению трудностей, стратегическое планирование и управление рисками
Управление возможностями и угрозами	Минимизация рисков и использование возможностей для развития проекта
Адаптивность и устойчивость	Гибкое реагирование на изменения и поддержание стабильности в условиях неопределенности
Управление изменениями	Адаптация управленческих методик в ответ на изменяющиеся условия проекта и эффективное управление рисками

⁴ Стандарт управления проектом и Руководство к своду знаний по управлению проектом (Руководство PMBOK). Чикаго, 2022. URL: <https://fs2.inspider.ru/file/2022/07/04/57735e4327e56cde13d02692b322a736.pdf> (дата обращения: 18.12.2022).

В последнем, седьмом издании РМВОК⁵, представлены ключевые универсальные принципы управления проектами, которые могут быть применены в любой модели проекта.

РМВОК, как свод технологий определяет пять основных этапов жизненного цикла проекта, каждый из которых включает специфические процессы, подробно разъясненные в руководстве:

Таблица 2

Этапы жизненного цикла проекта РМВОК⁶

Инициация	На этом начальном этапе: постановка целей, подготовка программы, инструментария, построение выборки и проведение начальных исследований (пилотаж), создающих фундамент для запуска и последующего развития проекта
Планирование	Детализация и разработка планов достижения цели. Сроки, исполнители, непрерывный контроль, финансы и др. Это непрерывный процесс, сопровождающий проект на всех его этапах. Изменения в планах могут потребоваться в любой момент из-за непредвиденных обстоятельств. Есть аналогия с бизнес-планом
Исполнение	Реализация проекта и управление его ресурсами, такими как персонал, технологии и материалы. Набор и развитие команды, обеспечение требуемой компетентности, закупки (например, субподряд или сопутствующие материалы) и управление проектом
Мониторинг и контроль	Выполняются параллельно на всех стадиях реализации проекта и включают постоянную проверку соответствия установленным методикам, планам, срокам, бюджету и качеству
Завершение	Оформление финальных отчетов, передача результата заказчику, оформление итоговой документации, закрепление авторских прав (если это не было определено в самом начале проекта или части проекта), сроков хранения первичной документации и роспуск команды проекта

С 2014 г. в России действует стандарт ГОСТ Р ИСО 20252-2014 “Исследование рынка, общественного мнения и социальных проблем. Словарь и сервисные требования”, “обеспечивая систематическое осуществление элементов процесса такого исследования на уровне, отвечающем самым современным требованиям, позволяя

⁵ A guide to the project management body of knowledge (PMBOK® Guide). 2021.01.08. L., 2021. P. 13.

⁶ Стандарт управления проектом и Руководство к своду знаний по управлению проектом (Руководство РМВОК).

верифицировать полученные результаты”⁷. Как указано в самом стандарте: “Данный стандарт применяет принципы менеджмента качества к деятельности провайдеров маркетинговых и социальных исследований и устанавливает международные требования к уровню исследований и порядку предоставления услуг, при этом органично сочетает в себе требования различных стандартов, существующих в данной отрасли”⁸. ISO 20252 охватывает все стадии исследования от начального контакта между заказчиком (клиентом) и исполнителем до предоставления конечных результатов клиенту, включает необходимые рекомендации, определяющие последовательность и прозрачность методов реализации исследования, способствуют повышению доверия к результатам исследований, а также организациям, проводившим исследования. Всего вышло три версии международного стандарта ISO 20252 в 2006, 2012 и 2019 гг. В России действует стандарт ГОСТ Р ИСО 20252-2014 на основе ISO 20252:2012.

Рассмотрим структуру международного стандарта ISO 20252 и книги, по которым обучались социологи в России.

Таблица 3

Структура ГОСТ Р ИСО 20252:2014⁹

Область применения	
Термины и определения	Дано 69 определений социологических требований
Требования к системе менеджмента процесса исследования рынка, общественного мнения и социальных проблем	Организация и ответственность (включая обязанности руководства 3.1.2) Конфиденциальность исследования Требования к документации Требования к документации Привлечение субподрядчиков/аутсорсинг 3.6 Анализ результативности системы менеджмента процесса исследования рынка, общественного мнения и социальных проблем
Управление операционными элементами, связанными с проведением исследования	Принятие решений по заявкам, связанным с проведением исследования График мероприятий проекта Мероприятия по поддержке и кооперации с клиентами

⁷ ГОСТ Р ИСО 20252-2014 “Исследование рынка, общественного мнения и социальных проблем. словарь и сервисные требования”. URL: <https://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=187088>

⁸ Там же.

⁹ ГОСТ Р ИСО 20252-2014 “Исследование рынка, общественного мнения и социальных проблем. словарь и сервисные требования”.

	<p>Анкетные вопросники и организованные планы обсуждений</p> <p>Управление процессом, связанным с формированием выборок и обработкой данных</p> <p>Мониторинг выполнения мероприятий исследования</p> <p>Документы, материалы и продукты исследования рынка, общественного мнения и социальных проблем</p> <p>Предоставление материалов по результатам исследования</p> <p>Записи, связанные с исследованием</p>
Сбор данных	<p>Общие положения</p> <p>Организация работы, набор и подготовка исполнителей полевого обследования</p> <p>Проведение сбора в полевых условиях</p> <p>Валидация работы исполнителей при проведении количественного исследования (включая методы)</p> <p>Сбор качественных данных</p> <p>Сбор данных при самостоятельном выполнении задания респондентом</p> <p>Сбор данных методом наблюдения</p> <p>Сбор данных из вторичных источников</p> <p>Записи по сбору данных</p>
Управление данными и их обработка	<p>Общие сведения</p> <p>Ввод данных на бумажных носителях</p> <p>Точность баз данных, не требующих ручного ввода</p> <p>Кодирование</p> <p>Редактирование данных</p> <p>Управление файлами данных</p> <p>Анализ данных</p> <p>Передача электронных данных</p> <p>Архивирование, сохранность и безопасность данных</p>
Формирование отчетности по проектам, связанным с исследованием рынка, общественного мнения и социальных проблем	<p>Общие положения</p> <p>Количественное исследование</p> <p>Качественное исследование</p> <p>Исследование посредством наблюдения</p>

Стандарт носит рекомендательный характер. Как видно из содержания статей стандарта, помимо области применения и ключевых определений расписаны рекомендации к реализации проекта социологического или маркетингового исследования и оценке качества итогового результата.

В 2019 г. вышла обновленная версия международного стандарта ISO 20252:2019, соответствующей редакции национального стандарта 2019 г. в Российской Федерации нет. Использование рекомендаций этого стандарта распространяется на международные исследо-

вания и российские компании, включенные в них. На территории России, по-прежнему, действующей версией является ГОСТ Р ИСО 20252:2014. Требования технических и тендерных заданий по проведению исследований ссылается именно на эту версию.

Посмотрим, какие изменения есть в версии 2019 г. В новой версии даны определения уже 109 основным терминам, включая терминологию, связанную с электронными исследованиями¹⁰. В Разделе 4 “Основные требования к проведению исследований рынка, общественного мнения и социальных исследований” содержатся следующие подразделы:

Основные положения (включая подразделы: Заявление о применимости, Конфиденциальность; Документация и управление записями; Персонал и ответственность организации; Информационная безопасность и риски; Субподряд; Планирование, реализация и отчетность по проектам и исследовательской работе; Системы менеджмента качества; Внутренний аудит). Обязанности персонала и инфраструктуры. Информационная безопасность. Субподрядные услуги. Планирование, выполнение и отчетность по проектам и исследовательским работам. Анализ и совершенствование управления. Внутренние аудиты. Правовые требования.

А также имеются Приложения, которые содержат основные требования и относятся к *выборке* (принципов построения, расчета и дизайна, проверки, вероятностные, невероятностные и смешанные выборки, панели респондентов, ротация панели, конфиденциальность, рекрутинг и методы рекрутинга, верификация, идентификация, вознаграждение, поддержка), *реализации полевых работ* (набор интервьюеров, базовая подготовка, обучение и аттестация, инструктажи по разным видам исследований качественных, количественных, с использованием информационных технологий, рекрутинг респондентов и проверка как самих респондентов, так и качества рекрутинга, требования к модератору, записям, проверке данных, мониторинг контроля качества, отчетность), *наблюдение* (методология, требования к отчетности), *цифровая аналитика и веб-анализ* (требования и защита респондентов, мониторинг устройств и др.), *самозаполнение* (включая валидацию, контроль самозаполнения, проверку ответов), *управления данными и процессами* (ввод данных, проверка, кодировка, редактирование данных, взвешивание, анализ данных, управление данными)¹¹.

---

¹⁰ ISO 20252:2019. URL:<https://www.iso.org/obp/ui/en/#iso:std:iso:20252:ed-3:v1:en>

¹¹ Read sample (образец) ISO 20252:2019. URL: <https://www.iso.org/obp/ui/en/#iso:std:iso:20252:ed-3:v1:en>

Таким образом, полный набор рекомендаций по проведению проекта социологических исследований задан в международных стандартах. И, если по стандартам были просто перечислены соответствующие заголовки, то внутреннее содержание хотелось бы продемонстрировать на российской учебно-методической литературе.

Из наиболее распространенных книг, включающих раздел по организации проведения социологических исследований, хотелось бы отметить “Рабочую книгу социолога”¹² и учебник “Прикладная социология: методология и методы” М.К. Горшкова, Ф.Э. Шереги¹³.

Именно эти два издания наиболее часто используют как социологи, так и непрофессионалы (кому в силу производственной необходимости приходится выполнять функции социолога, если такого нет в штате) в области проведения социологических исследований. В них даны пошаговые инструкции по реализации задуманного исследования. И, если “Рабочая книга социолога” содержит больше информации для профессиональных социологов, то книга “Прикладная социология: методология и методы” подходит для специалиста любого уровня, которому предстоит провести опрос (например, сотруднику службы управления персоналом, который не имеет профильного социологического образования. Не даром, эта книга раньше издавалась с названием “Как провести социологическое исследование: в помощь идеологическому активу”. Нельзя не упомянуть книгу В.А. Ядова “Социологическое исследование: методология, программа, методы”¹⁴, Батыгина Г.С. “Лекции по методологии социологических исследований”¹⁵: но там больше про методологию исследования, чем про последовательность и распределение работ участников.

К сожалению, современное поколение мало интересуется их содержанием. Возможно, это издержки учебных программ, в которые рекомендуемая литература должна быть не старше пяти лет и быть в достатке в библиотеке. А эти книги, хоть и переиздавались, но давно, имеются в электронном виде в открытом доступе, но их можно

---

¹² Рабочая книга социолога / Под общ. ред. и с предисл. Г.В. Осипова. М., 2009. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=6535>

¹³ Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Прикладная социология: методология и методы. Уч. пособ. М., 2009. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=916>

¹⁴ Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М., 1972. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=1373>

¹⁵ Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований: Уч. для высш. учеб. заведений. М., 1995. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=6406

включать только в дополнительный список источников. При этом, актуальность их содержания не утратила свое значение, более того, до сих пор остается образцом для обучения проведению социологических исследований.

Итак, начнем с Раздела 1 “Подготовка социологического исследования”, главы 2 “Программа и план исследования” части 2.8. “Рабочий план исследования” книги “Прикладная социология”: “... практика убедительно доказывает, что умело разработанный план социологического исследования — хорошее подспорье для его организаторов: он позволяет предусмотреть и наиболее точно определить объем интеллектуальных, организационных, финансовых затрат, помогает избежать суеты, задает ритмичность на всех этапах, словом, во многом обеспечивает его качественное проведение”¹⁶.

Далее даются определенные принципы и правила, включающие особенные, относительно самостоятельные процедуры и формы организации исследовательского процесса: разделение труда, связанности этапов и серии эмпирических процедур, подчиненных единой исследовательской логики.

Качество собранной и обработанной социологической информации зависит от научного уровня реализации каждого этапа, каждой процедуры. “Действительно, неверно составленный бланк интервью оборачивается получением недостоверных данных, неподготовленность группы интервьюеров порождает неорганизованность сбора первичной информации, а чрезмерная растянутасть во времени того или иного этапа может обернуться потерей актуальности самого исследования”¹⁷. Избежать подобных ошибок авторы предлагают через «централизованное руководство исследованием, документальным “путеводителем” которого и призван стать грамотно составленный рабочий план его подготовки и проведения»¹⁸.

Эти же авторы выделяют важность вспомогательных документов и нормативов исследования. К ним относят Инструкции интервьюеру, кодировщику и др., где указывается краткая формулировка цели, задач исследования, основных процедур, которые исполнитель должен выполнить. Для интервьюера прописываются “место и сроки проведения опроса, круг лиц (выборка), с которыми ин-

---

¹⁶ Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Прикладная социология: методология и методы. С. 31.

¹⁷ Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Прикладная социология: методология и методы. С. 33.

¹⁸ Там же. С. 37.

Организационная часть и рабочий план¹⁹

Блок 1	Порядок обсуждения и утверждения программы и инструментария исследования
	<p>Формирование и подготовка группы сбора первичной информации (например, интервьюеров, кодировщиков текста, модераторов фокус-групп)</p> <p>Проведение пробного (пилотажного) исследования и корректировка по итогам пробного исследования программы и инструментария</p> <p>Размножение инструментария (анкеты, бланка интервью, бланка формализованного наблюдения и т.д.) для полевого исследования. ИЛИ Обеспечение современными электронными устройствами или работа с программным обеспечением²⁰</p> <p>Составление сметы и расчет материальных затрат на исследование</p>
Блок 2	<p>Фиксирует все организационные и методические виды работ, обеспечивающие четкое проведение полевого этапа работ (массовый или групповой сбор первичной социологической информации)</p> <p>Выбор и место проведения полевых работ</p> <p>Предварительное информирование участников исследования о целях, задачах и значимости практических результатов исследования</p> <p>Централизованный сбор полевой документации</p>
Блок 3	<p>Охватывает совокупность операций, связанных с подготовкой собранной информации к компьютерной обработке или иных видов обработки полученного материала</p> <p>Под контролем формируется массив информации, предназначенный для ввода в базу данных</p> <p>Предварительно осуществляются проверка качества заполнения бланков интервью, анкет и т.д., кодировка (в случае необходимости) открытых и полуоткрытых вопросов</p> <p>Централизованный сбор введенной информации, создание единого документа</p> <p>Вывод таблиц распределений</p>
Блок 4	<p>Включает все виды работ, связанные с анализом результатов</p> <p>Обработка полученных данных</p> <p>Подготовка текстов предварительного и итогового отчетов</p> <p>Аналитическая записка либо тематический сборник социальной статистики</p> <p>Разработка практических результатов, возможных прогнозов</p>

тервьюеру предстоит войти в контакт для сбора первичной информации, характер опроса (анонимный, по списку, экспертный и т.д.), форма и содержание вступительной беседы, в ходе которой интервьюер (анкетер) объясняет респонденту цели исследования,

¹⁹ Цит. по: Там же. (С переработкой и добавлением автора.)

²⁰ Интерпретация пункта для современного исследования.

а также требования к техническому оснащению процедур опроса. Особое внимание уделяется изложению порядка работы интервьюера (анкетера) во время опроса и тех процедур, которые он должен осуществить после сбора заполненных анкет (внесение в анкету дополнительных кодов, фиксация места, Вспомогательные документы и нормативы исследования обстоятельств и времени опроса и др. В примечании указывается адресат — лицо, которому сдаются анкеты. Интервьюеру также вручается карточка выборки)²¹. По сути, этот алгоритм сохраняется в любой работе: важно правильно договориться и задокументировать объем обязательных требований, все права и обязанности, возможности и др., то есть должностная инструкция участника проекта, выполняющего функции проведения опроса (интервью).

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что именно по указанным обязательствам будет проводиться контроль качества: оформление анкеты (правильность заполнения, включая дополнительные сведения), выполнение задания по маршруту и подбору респондентов в соответствии с выборкой, использование карточек или другого вспомогательного материала, временной интервал проведения исследования, выдача вознаграждения и др. То есть, если не был прописан какой-то из пунктов, то что-либо требовать дополнительно будет некорректно. Поэтому важно делать инструкцию максимально подробной, даже если многие вопросы кажутся очевидными. Другая ситуация, если интервьюер оформлен в штат и часть требований прописана в должностной инструкции. Но и качество оценки сотрудника будет зависеть не только от работы в одном проекте.

Например, приобретая какой-либо товар, к нему прилагается длинная инструкция по эксплуатации с кажущимися банальностями. С точки зрения потребителей — это может быть бесполезная вещь. Но, с точки зрения производителя — это своеобразная защита от необоснованных исков. Инструкция к любому лекарственному препарату содержит такой объем перечислений побочных реакций, что ставит под сомнение необходимость его принимать, даже если его назначил врач (взял на себя ответственность). Инструкция для исполнителей работ должна содержать все параметры выполнения проекта, по которым будет оценено качество проекта в целом, качество каждого этапа, так и качество работы каждого отдельного исполнителя в рамках проекта

---

²¹ Цит. по: Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Прикладная социология: методология и методы. (С переработкой и добавлением автора.)

К вспомогательным документам относится также инструкция по закрытию (формализации и кодировке) открытых и полуоткрытых вопросов анкеты, хотя сегодня эту работу делается с применением электронных средств или обязанность внесения кодов ложится на анкетеров. Обязательно приводится классификатор, в том числе стандартизированный. Требования к содержанию инструкции кодировщика и/или другого исполнителя работ в структуре проекта такие же, как были рассмотрены выше.

В нормативах социологического исследования приводятся необходимые для его осуществления расчеты научных, организационно-технических, материальных, финансовых и временных ресурсов. Нормативные показатели учитывают особенно тогда, когда нужно четко представить, сколько понадобится времени для проведения исследования, число интервьюеров (анкетеров) для сбора первичной информации, срок, в который она должна быть собрана, закодирована и обработана. Как свидетельствует практика, временной фактор нередко становится едва ли не главным (после финансового) в решении вопроса о целесообразности исследования. Нормативы времени (как, впрочем, и другие нормативы) во многом зависят от вида исследования и носят рекомендательный характер. На современное социологическое исследование отводится ограниченный интервал времени, в который приходится ужимать все виды работ без потери качества. На сайте Госзакупок (Контур Закупки) встречаются предложения на проведение социологического исследования полного цикла от разработки программы до получения итогового отчета с анализом и графиками распределений от семи дней до трех лет на проведение, иногда даже совместимых по объему исследований. Тут приходится тщательно взвешивать, возможно ли уложить весь объем (цикл) исследования от разработки программы, пилотажа до представления конечных результатов в указанный срок без потери качества и репутации. Часть работ можно выполнить, например, привлекая дополнительный персонал при решении вопроса о необходимых компетенциях или приглашая субподрядчика с выходом на исследовательскую базу (например, при телефонном опросе САТІ или используя дополнительные услуги по подбору респондентов для проведения социологического исследования) и др., а также сокращая или увеличивая объем исследования. В любом случае, действует классическая формула: время, умноженное на финансы и умноженное на полномочия — величина постоянная. И не одна из этих составляющих не может быть равно нулю. То есть, при сокращении сроков, нужно увеличить финанси-

рование (для привлечения дополнительных ресурсов) и полномочия (для доступа к определенным информационным ресурсам или базам данных). То же для финансов и полномочий.

Среди других вопросов, которые освещаются в книгах — это грамотный расчет количества исполнителей. Рекомендуется рассчитывать численность интервьюеров в зависимости от методов и формы сбора первичной информации, типа выборки, времени, необходимого респонденту для ответов на вопросы. При групповом анкетировании играет роль размер, удобство, время доступа помещения, в котором предполагается провести исследование. То есть тот же менеджмент.

Важным вопросом является ценообразование исследования. Тут учитывается целый ряд факторов. В отдельных социологических центрах бюджет составляется из расчета на одну анкету. В этом есть как здравый смысл, так и определенные риски. Например, работа исполнителей полевого этапа работ, как правило, оценивается из стоимости одного контакта (с респондентом): анкета может состоять как из 30, так и 230 и более вопросов, а ее стоимость будет одинаковой. Поэтому реализуются omnibusные исследования (объединение нескольких тематических блоков и вопросов от разных заказчиков и из разных проектов), что значительно сокращает издержки и оптимизирует проведение полевого этапа работ. Тогда выполнение полевого этапа работ будет одинаково интересно и заказчикам и исполнителям: при минимальных издержках будет получено максимум информации при хорошей заинтересованности исполнителей. Есть еще один критерий ценообразования — от количества вопросов. Но тут организатор исследования может зависеть от составителя анкеты: табличные (где требуется ответ по каждой строке) или открытые вопросы (где записывается развернутый ответ) по затратам времени на интервью и обработку могут перевесить

Другой вопрос, если в организации проводится опрос своими силами, а эти виды работ включены в должностные обязанности и покрываются заработной платой сотрудников непрофильных отделов. При электронном заполнении анкеты ценообразование строится по-другому. Те же процедуры касаются кодирования и обработки информации.

В отдельных случаях резервируется небольшая сумма для оперативного реагирования на непредвидимые обстоятельства в условиях ограниченного времени. Она позволяет привлечь дополнительных исполнителей, если основные не укладываются в нормативы и/

или выявлен брак работы. У некоторых авторов встречаются такие статьи расходов, как резерв, или страховая сумма, которая не превышает 5–10% стоимости исследования.

Если в “Рабочей книге социолога”²² даются общие направления составления бюджета исследования, то М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги²³ в приложениях книги “Прикладная социология” приводят пропорции финансовых расходов на проведение отдельных видов работ. Общие материальные и финансовые расходы на исследование состоят из сумм затрат основного и оборотного капитала, включающего фонд заработной платы и удерживаемые с него налоги (в том числе при оформлении исполнителей на субподряд или как самозанятых), командировочные и накладные расходы (макетирование инструментария, тиражирование, затраты на связь и передачу информации, диспетчерские и почтовые отправления, ввод данных, макетирование текста отчета по итогам исследования, презентации, публикации полного отчета с необходимыми приложениями, программное обеспечение и др.), затраты материальных и энергетических ресурсов; амортизационные отчисления, ожидаемая прибыль. По сути, финансовые затраты на проведение исследований не отличается от общехозяйственных калькуляций любого проекта.

Многие практики используют методику исчисления стоимости прикладного исследования, которая по своим параметрам близка к контрактной системе оплаты труда, когда оплачивается не время, затрачиваемое на производство продукции, а конечный результат. В данном случае, не приводится рекомендуемая численность исполнителей, но предлагается формула расчета в самом тексте. Хотя, в тех же госзакупках можно встретить технические задания, оговаривающие количество задействованных в проекте исполнителей с обязательным заполнением сведений об их профессиональной принадлежности.

Сегодня подобная формула используется редко, так как заказчики ориентируются на производительность исполнителей, которые, в ряде случаев, совмещают работу в проектах и стараются взять больший (чтобы заработать при сдельной оплате) либо меньший (“засветиться” в проекте) объем работ.

Обычно прикладные социологические исследования проводятся небольшим коллективом исполнителей до 10 человек, не включая

---

²² Рабочая книга социолога.

²³ Цит. по: Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Прикладная социология: методология и методы.

временно приглашаемых работников и субподряда. Тогда число исполнителей может существенно увеличиться.

Таблица 5

Типологии исследований

По сложности	
Простое повторное исследование/ мониторинг	Воспроизведение концепции ранее созданной программы, дублирование методического инструментария
Промежуточное исследование	Осуществляется привязка известных методологических и организационных решений к новым условиям, применяются апробированные методики сбора информации, проверенные блоки вопросов, шкал измерения; предмет и объект исследования локализируются относительно просто
Сложное исследование	Слабая изученность проблемной ситуации, отсутствие разработанного, проверенного методического инструментария, сложность обработки и анализа эмпирической информации
По продолжительности	
Краткосрочные	От недели до 2–3 месяцев
Среднесрочные	От 4 до 6 месяцев
Продолжительные	Более полугода, но менее 9 месяцев
Научные	Исчисляются от полугода до 2–3 лет

Рассмотрим подробнее примерные доли оплаты различных видов социологических работ в зависимости от типа прикладного социологического исследования.

Можно посмотреть стоимость построения выборки в зависимости от ее сложности. Однако, как показывает опыт, расчет выборки (общероссийской или региональной) приобретает на отчетный период от одного года для проведения серии исследований. Если обратиться к результатам исследования, то видно, что выборка рассчитывалась не по формулам, связанным с нормальным распределением, а исходя из общей стоимости и красоты цифры участников исследования: 1400, 1600, 2000, 2400, 5000 и др.

Эти же авторы предлагают различать функционал научного руководителя и администратора проекта. Поэтому и по оплате и формата определения вознаграждения стоит руководствоваться следующими принципами:

Типологии исполнителей²⁴ (% общей стоимости аналитической и организационно-управленческой работ в исследовании)

Вид работ	Тип исследования		
	Простое	Промежуточное	Сложное
Административное руководство	10	10	10
Разработка рабочего плана и сметы исследования	3	5	7
Разработка программы исследования	10	15	20
Разработка методического инструментария и выборки	7	10	13
Написание отчетов Описательный отчет (стоимость авторского листа)	10	10	10
Аналитическая справка (разово)	15	10	10
Аналитический отчет (стоимость авторского листа)	40	30	20
Обоснование и разработка проекта математической обработки информации	–	5	5
Резерв на прочие расходы	5	5	5
Итого	100	100	100

“Научное руководство оплачивается пропорционально творческим усилиям, затрачиваемым на осуществление прикладного исследования, а не по повременному принципу. Стоимостной эквивалент затрат — суммарная оплата труда специалистов, готовящих программу и методику, создающих выборку и план математической обработки данных, составляющих отчетную документацию. За это выплачивают 20–25% общей заработной платы, получаемой специалистами. Естественно, его участие в непосредственной разработке программы, методик, написании отчета оплачивается отдельно, на основе учета долевого вклада. Хотелось бы отметить, что только в этом источнике из доступных широкому кругу читателей, можно найти рекомендации по ценообразованию.

Администратор проекта: организационные и управленческие функции, обеспечивает создание условий для нормальной деятель-

²⁴ Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Прикладная социология: методология и методы. Приложение 9. С. 342.

**Примерные доли оплаты труда на полевом этапе исследования
(в качестве базовой величины взята оплата труда
руководителя полевого этапа исследования)²⁵**

Вид работы	Доля оплаты труда, %
Руководитель сбора данных	100
Руководитель группы сборщиков информации (интервьюеров, анкетеров и т.д.)	25
Групповое анкетирование (не более 10 респондентов)	2,5% на число заполненных анкет
Индивидуальное интервьюирование	5% на число заполненных анкет
Формализованное интервью	15% на число проведенных интервью
Свободное интервью	20% на число проведенных интервью
Телефонное интервью	1,5% на число проведенных интервью
Экспертное глубинное интервью	30% на число проведенных интервью
Почтовый опрос	0,1% на число разосланных анкет
Прессовый опрос	0,1% на число полученных анкет
Наблюдение	20% на число наблюдений
Контент-анализ писем, документов	5% на число проанализированных документов
Контент-анализ прессы: поиски подбор материалов, создание информационного банка	1,5% на число подобранных материалов осуществление анализа 3% на число проанализированных материалов
Кодирование содержания ответов на открытые вопросы анкет, текстов интервью	0,2% на число открытых вопросов

ности коллектива, решает материально-технические и финансовые вопросы. Оплата его труда определяется сложностью организационных этапов прикладного исследования. Она должна быть своевременной, зависеть от численности научного коллектива, объема организационных работ. В особых случаях, например подготовка и проведение исследования связаны с частыми командировками, необходимо оплачивать и выполнение обязанностей заместителя адми-

²⁵ Там же.

нистративного руководителя. Иногда к такой оплате труда прибегают не на протяжении всего исследования, а на время осуществления отдельных его этапов, например этапе проведения опроса. Оплата труда здесь должна быть повременной. При значительном объеме вспомогательной работы организационно-административного свойства целесообразно в состав группы включить референта²⁶.

Оплата математической обработки информации зависит от совокупности многих обстоятельств: наличия программного обеспечения, загрузки компьютеров, продолжительности вычислительных работ.

Отталкиваясь от нормативов, вводя необходимые уточнения, поправки, можно более обоснованно и точно исчислить стоимость исследовательских работ.

От книги, адресованной широкому кругу специалистов, проводящих исследования, рассмотрим профессиональные рекомендации, сформулированные в “Рабочей книге социолога”. В начале 6 раздела говорится, что “современное социологическое исследование основывается на детальном разделении труда, поскольку количество вычлняемых операций или отдельных видов работ достаточно велико, а с развитием техники и технологии исследования их число будет нарастать. Четкое выделение отдельных видов работ важно не только для планирования, но и для научной организации социологического труда, в частности для установления различных нормативов деятельности. С этой целью наряду с программой социолог разрабатывает рабочий план исследования”²⁷.

“По своему назначению рабочий план призван упорядочить основные этапы исследования в соответствии с его программой, календарными сроками, материальными и людскими затратами, необходимыми для достижения конечных целей исследования и включает в себя временной (сетевой) график осуществления различных видов работ, подбор и подготовку исполнителей, расчеты необходимых материальных затрат на исследование, разъяснительную работу, разработку форм контроля за проведением исследования”²⁸, то есть все те виды работ, которые включены в содержание современного международного стандарта проведения исследования. Многие виды работ предполагается выполнять параллельно, например, разработку инструментария, построение выборки и подбор исполнителей.

---

²⁶ Цит. по: Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Прикладная социология: методология и методы. Приложение 9.

²⁷ Рабочая книга социолога.

²⁸ Цит. по: Рабочая книга социолога.

Обычно сетевой график просчитывается в режиме реального времени и нормативных показателей работы. Например, ГОСТ Р ИСО 20252:2014 устанавливает, что “минимальная продолжительность базовой подготовки для персонального (лицом к лицу) и телефонного интервьюирования, а также для интервьюирования в целях набора респондентов для качественного исследования (не включая дополнительную организационную подготовку) должна составлять шесть часов. Примерно половина этой подготовки должна проходить в режиме взаимодействия наставника и обучаемого лица, чтобы они могли вести диалог”²⁹ с верификацией не реже одного раз в год.

То есть все этапы исследования должны быть четко спланированы. При этом нельзя сокращать время на проведение пробного исследования, так называемого пилотажного исследования, которое призвано повысить качество получаемой социологической информации. Пилотажное исследование позволяет проверить достижимость поставленных задач и обоснованность выдвигаемых гипотез, оценить правильность построения модели выборки, а также отработать используемый инструментарий (в том числе для обучения и тренировки интервьюеров и анкетеров), выявить схожие или повторяющиеся по смыслу вопросы либо отсутствие ряда вопросов, необходимых для получения важной информации и внести необходимые коррективы. В пилотаже независимо от метода, апробация инструментария должна осуществляться в устной форме. Пилотажное исследование помогает обосновать финансовые расходы и сроки всех исследовательских процедур.

Одной из задач определяется подбор и подготовка исполнителей для социологического исследования, который зависит от целого ряда факторов: проводится исследование самостоятельно или через субподряд, требуемой численности исполнителей в зависимости от типа и размера выборки и локализации (на постоянном объекте — социологической службы (команды, группы) в рамках одного предприятия или при географическом разбросе — подбор в пунктах проведения полевого исследования).

В “Рабочей книге” определяется типичная процедура подготовки интервьюеров, которая в современном виде изменилась. Появились профессиональные центры (особенно региональные), которые предлагают услуги по проведению полевого этапа работ, социологические центры рекрутируют потенциальных исполнителей под несколько проектов или на постоянную работу/подработку; в бизнес-организациях рекрутинг ограничивается сравнительно свободными

---

²⁹ ГОСТ Р ИСО 20252:2014.

(но привлекаемыми под разовые проекты) сотрудниками отделов управления персоналом, отделом коммуникации и структур системы менеджмента качества.

Следующий рассматриваемый вопрос — это нормирование труда исполнителей. “Планируемая нагрузка на анкетера или интервьюера должна учитывать сложность и длительность заполнения анкеты, процедуру поиска респондента, тип анкетера (добровольцы или плановые) другие конкретные факторы, влияющие на качество выполняемой работы”. Перенос части анкетного опроса в электронный вариант переносит необходимый объем работ в контроль заполнения самих анкет. В условиях заявляемой анонимности этот процесс усложняется.

Особое значение предается разъяснительной работе, которая включает инструктаж всех участников исследования, издание соответствующих приказов и распоряжений, использование средств массовой информации, проведение бесед с участниками исследования на рабочих местах, организацию лекций. Иногда подобная работа заменяется обычным информированием о целях и сроках выполнения работ, перечнем ответственных (со ссылкой на приказ или распоряжение, если исследование проводится в организации), в преамбуле анкеты (для электронного варианта) и др.

Рекомендации к обязанности закрепления проведения исследования и информирования участников через Приказ или Распоряжение по организации — это определение занятости сотрудников и финансирование проекта. В современных бизнес или государственных структурах подобный порядок, чаще всего, определяется в утвержденном годовом плане.

Сегодня, от необходимости широкого информирования о проведении исследования повсеместно отходят. В отличие от Переписи населения (где информирование играет значимую роль для максимального охвата респондентов), социологические опросы носят либо локальный характер (и информирование о необходимости пройти опрос производится внутри компании), либо опирается на панель респондентов (тех кто за вознаграждение проходит анкетирование и/или участвует в фокус-группах), либо продвигается через определенные социальные сети, чаты или интернет-ресурсы, или используется принцип неожиданности и отмечается первая реакция на вопросы анкеты.

Стоит отметить еще один важный документ — Кодекс ESOMAR, ориентация на принципы которого в отношении участников исследования, повышает ценность результатов социологического проекта. Кодекс ESOMAR “разработан как комплексная основа для са-

морегулирования участников рынка маркетинговых и социальных исследований, изучения общественного мнения и анализа данных. Он вводит существенно важные стандарты этического и профессионального поведения, разработанные для сохранения общественного доверия к исследованиям, при этом также требующие строгого соблюдения любых соответствующих региональных, национальных и местных законов или правил, а также отраслевых/профессиональных кодексов поведения, которые могут устанавливать более высокие стандарты. Он обеспечивает выполнение исследователями и аналитиками, работающими как с традиционными, так и новыми источниками данных, этических, профессиональных и юридических обязательств перед респондентами, данные которых они используют в исследованиях, а также перед клиентами и организациями, которым они оказывают свои услуги. Он также гарантирует право исследователей искать, получать и передавать информацию в соответствии со Статьей 19 Международного пакта о гражданских и политических правах Организации Объединенных Наций³⁰.

Интересным для понимания работы и оценки качества можно привести пример проекта «Рейтинг исследовательских компаний» («РИК»)³¹, проводимый Ассоциацией «Группа 7/89», которая объединяет исследовательские компании более чем из тридцати городов России. В рамках проекта производится профессиональное оценивание компаний–заказчиков полевых работ для организаций, размещенных в регионах России, оценивается рынок социологических и маркетинговых исследований по качеству проведения исследований, взаимодействия заказчиков и исполнителей, выделяются наиболее характерные тенденции развития региональных рынков исследований и др. Проект проводится, начиная с 2004 г. Рейтинг компаний выстраивается на основе выделения пяти видов ресурсов: финансово-экономического, организационного, кадрового, технологического и репутационного. Практически все ресурсы основаны на грамотном подходе к организации и проведению социологических и маркетинговых исследований.

В завершении хотелось бы привести алгоритм прикладного исследования

---

³⁰ Международный Кодекс ICC/ESOMAR по практике проведения маркетинговых и социальных исследований, изучения общественного мнения и анализа данных. URL: <https://esomar.org/uploads/attachments/ckqtgf5ux01l9kjtrrv6ovzlx-iccesomar-code-russian.pdf>

³¹ Проект «Research Industry Collaborative Survey» (RICS) — инициативный исследовательский проект Ассоциации исследовательских компаний «Группа 7/89»/ URL: <https://789.ru/projects/rik.html>

Этапы и процедуры прикладного социологического исследования³²

I. Подготовительный этап	
1.1. Предварительное знакомство с объектом исследования, выявление его специфики	1.1.1. Определение структуры объекта, его функций, целей, основного содержания и условий деятельности, характера внешних связей 1.1.2. Выявление перспектив, трудностей, проблем развития объекта 1.1.3. Установление форм организационных связей с объектом в ходе исследования
1.2. Разработка проекта программы социологического исследования	1.2.1. Описание объекта исследования, создание его модели. 1.2.2. Выделение проблемных ситуаций, уточнение цели основных задач и предмета исследования 1.2.3. Разработка общих и рабочих гипотез. Построение концептуальной модели предмета исследования 1.2.4. Построение общего логического плана исследования. Определение задач исследования. Выделение состава методов, процедур, видов работ, необходимых для решения исследовательских задач 1.2.5. Формулирование заданий к методике и рабочему плану исследования
1.3. Составление рабочего плана и графика выполнения работ	
1.4. Экспертиза и обсуждение проекта программы и рабочего плана с участием заказчика	Корректировка программы с учетом замечаний, ее утверждение
1.5. Разработка методики исследования	1.5.1. Уточнение заданий к методике и обоснование выбора методов. Разработка программы реализации методики 1.5.2. Проектирование инструментария 1.5.3. Пилотаж инструментария, его уточнение, утверждение 1.5.4. Уточнение состава используемых технических средств, формулирование заданий по их применению 1.5.5. Определение состава требований к исполнителям и участникам методических работ. Составление инструкций

³² Дряхлов Н.И., Слепенков И.М., Нечаев В.Я., Долгоруков А.М. Практикум по социологии: Уч. пособ. М., 1992. С. 80–82.

	<p>1.5.6. Разработка схем и программ обработки и анализа первичной информации, схем сбора и хранения данных и материалов исследования</p> <p>1.5.7. Обсуждение и экспертиза методики исследования. Уточнение методики. Утверждение программы применения методики</p> <p>1.5.8. Размножение инструментария и других методических документов</p>
1.6. Построение выборки	<p>1.6.1. Определение типа выборки, его обоснование. Установление заданий по выборке</p> <p>1.6.2. Сбор данных, необходимых для выборки</p> <p>1.6.3. Построение модели выборочной совокупности</p> <p>1.6.4. Определение условий реконструкции выборки</p>
1.7. Подготовка исследовательской группы	Установление организационной структуры исследовательской группы. Распределение функций, обязанностей. Подбор исполнителей отдельных видов работ, их инструктаж, обучение, репетиция
1.8. Уточнение плана и сетевого графика выполнения работ в соответствии с заданиями методики	Составление сметы расходов. Утверждение плана и сметы расходов
2. Оперативный этап сбора данных	
2.1. Организация условий выполнения полевых работ в соответствии с методическими заданиями	<p>2.1.1. Согласование хода полевых работ на объекте с заказчиком. Формирование группы организаторов и исполнителей полевых работ от заказчиков (объектов исследования). Их инструктаж, подготовка</p> <p>2.1.2. Подготовка помещений, технических средств</p>
2.2. Составление графика проведения полевых работ.	Подготовка наряд-заданий. Выдача наряд-заданий исполнителям
2.3. Установление контакта с лицами, вошедшими в выборочную совокупность, знакомство, инструктаж по участию в исследовании	
2.4. Сбор первичной информации по заданной методике	<p>2.4.1. Регистрация заданных параметров в учетных методических документах (в анкетах, карточках, бланках).</p> <p>2.4.2. Фиксация сопутствующих факторов, условий проведения сбора информации, случаев отклонения от требований методики, оценок достоверности, надежности данных в протоколах, бланках</p>

2.5. Обработка аудиовизуальных технических записей	
2.6. Контент-анализ открытых вопросов, дневниковых записей	
2.7. Первичная проверка заполнения методических документов и коррекция записей. Подготовка к сдаче методических документов	
2.8. Контроль за ходом выполнения требований методики, за работой исполнителей.	Выборочная проверка. Самоконтроль с использованием тестовых методик
3. Результирующий этап	
3.1. Сбор учетных материалов исследования.	Проверка их заполнения
3.2. Ручная обработка данных	Перевод данных на электронные носители и их машинная обработка
3.3. Статистическая обработка данных	3.3.1. Вычисление коэффициентов устойчивости, надежности, достоверности данных 3.3.2. Построение показателей (распределений, коэффициентов) по программе статистической обработки 3.3.3. Подготовка иллюстративных материалов (графиков, таблиц) по результатам статистической обработки
3.4. Логический анализ полученных данных	3.4.1. Описание проблемных ситуаций, интерпретация фактов, сведений 3.4.2. Доказательство или опровержение гипотез 3.4.3. Построение выводов по выполнению задач исследования 3.4.4. Выявление побочных результатов исследования, их анализ
3.5. Уточнение объема выполненных задач	Выделение нерешенных проблем
3.6. Построение проектов совершенствования объектов (практических рекомендаций)	3.6.1. Анализ и оценка выводов с точки зрения их научной, методической и практической значимости 3.6.2. Разработка, проекта совершенствования объекта на основе выводов 3.6.3. Экспертиза и экспериментальная проверка проекта

3.7. Анализ и оценка эффективности выполнения НИР	
3.8. Составление итогового отчета	3.8.1. Сбор материалов по исследованию, их обобщение 3.8.2. Написание отчета. Подготовка прилагаемых к отчету материалов 3.8.3. Оформление отчета в соответствии с требованиями ГОСТа 3.8.4. Научная и литературная редакция отчета 3.8.5. Рецензирование отчета, его согласование с заказчиком 3.8.6. Обсуждение отчета, рецензий. Уточнение отчета, его утверждение
3.9. Представление отчета в соответствующие органы. Составление плана внедрения результатов исследования	
Оценка качества проведенных работ	

Представленная последовательность процедур каждого этапа лишь в общем плане обозначает очередность проведения соответствующих работ. В конкретном социологическом исследовании ряд процедур может осуществляться параллельно, что должно найти отражение в сетевом графике исследования.

Таким образом, организация социологического исследования — единый комплекс мероприятий, поэтапное осуществление которых позволяет обеспечить координацию всего исследовательского коллектива, эффективное и качественное выполнение поставленных исследовательских задач. Качество полученной в ходе социологического исследования информации зависит как от содержательной проработки программы, инструментария, выборки, обработки данных и др., так и от управления (администрирования, менеджмента) исследовательским проектом. Большинство показателей качества проекта, проведения исследований, критериев, предъявляемых к исполнителям проекта, а также параметров рейтингования участников исследовательского рынка выстроены на оценках менеджмента процессов.

Для любого исследовательского проекта выделяют научного руководителя, который отвечает за содержательные процессы исследования и администратора, который выполняет роль менеджера (руководителя), отвечающего за наем, подготовку и мотивацию исполнителей, полную календарную и финансовую координацию процесса, согласованность всех действий участников проекта. И,

если работе по содержанию в процессе подготовки специалистов по исследованиям отводится большой объем часов, заложенных в образовательный стандарт, то менеджмент исследовательского проекта, в лучшем случае, включается как отдельные темы базового курса, либо ограничивается курсом “Управление проектами”, где рассматривается общий менеджмент проекта, без привязки к исследованиям.

Значимая часть исследовательских компаний приглашает стажеров и выпускников социологических специальностей на позиции, связанные с управлением проектом (реже на выполнение ограниченных этапов полевых работ), что еще раз подчеркивает необходимость получения навыков управления исследовательскими практиками. Следовательно, практики проведения исследований должны закладываться в модель подготовки социологов, либо в виде практического курса, либо как необходимая составляющая самоподготовки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ГОСТ Р ИСО 20252-2014 Национальный стандарт Российской Федерации “Исследование рынка, общественного мнения и социальных проблем. Словарь и сервисные требования”. Market, opinion and social research. Vocabulary and service requirements. URL: <https://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=187088>

ГОСТ Р ИСО 21500-2014 Национальный стандарт Российской Федерации “Руководство по проектному менеджменту”. Guidance on project management. URL: https://www.isopm.ru/download/GOST_R_ISO_21500-2014.pdf

ГОСТ Р ИСО 21500-2023 Национальный стандарт Российской Федерации “Управление проектами, программами и портфелями проектов. Контекст и основные понятия”. Project, programme and portfolio management. Context and concepts). URL: <https://protect.gost.ru/document1.aspx?control=31&baseC=6&page=631&month=11&year=2014&search=%D0%93%D0%9E%D0%A1%D0%A2&id=255733>

Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований: Уч. для высш. учеб. заведений. М., 1995. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=6406

Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Прикладная социология: методология и методы: Уч. пособ. М., 2009. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=916>

Дряхлов Н.И., Слепенков И.М., Нечаев В.Я., Долгоруков А.М. Практикум по социологии. Уч. пособ. М., 1992.

Здравомыслов А.Г. Методология и процедура социологических исследований. М., 1969.

Лекции по методике конкретных социальных исследований / Под ред. проф. Г.М. Андреевой. М., 1972.

Макаревич В.Н. Игровые методы в социологии: теория и алгоритмы. М., 1994.

Международный Кодекс ICC/ESOMAR по практике проведения маркетинговых и социальных исследований, изучения общественного мнения и анализа данных. URL: <https://esomar.org/uploads/attachments/ckqtg5ux0119kjttrrv6ovzlx-icesomar-code-russian.pdf>

Проект “Research Industry Collaborative Survey” (RICS) — инициативный исследовательский проект Ассоциации исследовательских компаний “Группа 7/89”. URL: <https://789.ru/projects/rik.html>

Рабочая книга социолога / Под общ. ред. и с предисл. Г.В. Осипова. М., 2009. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=6535>

Шагеева Г.Р. Проектная деятельность. Организация деятельности в проектной экономике. Уч.-метод. пособ. М., 2023. URL: <https://izd-mn.com/PDF/17MNNPU23.pdf>

Юрасова М.В. Интегрированные системы исследований. М., 2016.

Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М., 1972. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=1373>

REFERENCES

GOST R ISO 20252-2014 Nacional’nyj standart Rossijskoj Federacii “Issledovanie rynka, obshchestvennogo mneniya i social’nyh problem. Slovar’ i servisnye trebovaniya”. Market, opinion and social research. Vocabulary and service requirements [GOST R ISO 20252-2014 National standard of the Russian Federation “Market, opinion and social research. Vocabulary and service requirements”]. URL: <https://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=187088> (in Russian).

GOST R ISO 21500-2014 Nacional’nyj standart Rossijskoj Federacii “Rukovodstvo po proektnomu menedzhmentu”. Guidance on project management [GOST R ISO 21500-2014 National standard of the Russian Federation “Guidance on project management”]. URL: https://www.isopm.ru/download/GOST_R_ISO_21500-2014.pdf (in Russian).

GOST R ISO 21500-2023 Nacional’nyj standart Rossijskoj Federacii “Upravlenie proektami, programmami i portfelyami proektov. Kontekst i osnovnye ponyatiya”. Project, programme and portfolio management. Context and concepts [GOST R ISO 21500-2023 National standard of the Russian Federation “Project, programme and portfolio management. Context and concepts”]. URL: <https://protect.gost.ru/document1.aspx?control=31&baseC=6&page=631&month=11&year=2014&search=%D0%93%D0%9E%D0%A1%D0%A2&id=255733> (in Russian).

ISO 20252:2019 “Market, opinion and social research — Vocabulary and service requirements”, IDT. URL: <https://www.iso.org/standard/73671.html>

A Guide to the Project Management Body of Knowledge (PMBOK® Guide). The Standard for Project Management (ENGLISH) Spiral-bound. 2021.01.08. L., 2021.

Batygin G.S. Lekcii po metodologii sociologicheskikh issledovanij: Uch. dlya vyssh. ucheb. Zavedenij [Lectures on the methodology of sociological research: Textbook for higher educational institutions]. М., 1995. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=6406 (in Russian).

Gorshkov M.K., Sheregi F.E. Prikladnaya sociologiya: metodologiya i metody: Uch. posob. [Applied sociology: methodology and methods: Textbook]. М., 2009. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=916> (in Russian).

Dryahlov N.I., Slepencov I.M., Nechaev V.Ya., Dolgorukov A.M. Praktikum po sociologii. Uch. posob. [Practical training in sociology. Study guide]. M., 1992 (in Russian).

Lekcii po metodike konkretnyh social'nyh issledovanij [Lectures on the methodology of specific social research] / Pod red. prof. G.M. Andreevoj. M., 1972 (in Russian).

Makarevich V.N. Igrovye metody v sociologii: teoriya i algoritmy [Game methods in sociology: theory and algorithms]. M., 1994 (in Russian).

Mezhdunarodnyj Kodeks ICC/ESOMAR po praktike provedeniya marketingovyh i social'nyh issledovanij, izucheniya obshchestvennogo mneniya i analiza dannyh [International ICC/ESOMAR Code of Practice for Marketing and Social Research, Public Opinion Studies and Data Analysis]. URL: <https://esomar.org/uploads/attachments/ckqgtgf5ux01l9kjtrrv6ovzlx-iccesomar-code-russian.pdf> (in Russian).

Proekt "Research Industry Collaborative Survey" (RICS) — iniciativnyj issledovatel'skij proekt Asociacii issledovatel'skih kompanij "Gruppa 7/89" [The Research Industry Collaborative Survey (RICS) project is an initiative research project of the Association of Research Companies "Group 7/89"]. URL: <https://789.ru/projects/rik.html> (in Russian).

Rabochaya kniga sociologa [Sociologist's Workbook] / Pod obshch. red. i s predisl. G.V. Osipova. M., 2009. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=6535> (in Russian).

Shageeva G.R. Proektnaya deyatel'nost'. Organizaciya deyatel'nosti v proektnoj ekonomike. Uch.-metod. posob. [Project activity. Organization of activities in a project economy. Educational and methodological manual]. M., 2023. URL: <https://izd-mn.com/PDF/17MNNPU23.pdf> (in Russian).

Yadov V.A. Sociologicheskoe issledovanie: metodologiya, programma, metody [Sociological research: methodology, program, methods]. M., 1972. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=1373> (in Russian).

Yurasova M.V. Integrirovannye sistemy issledovanij [Integrated research systems]. M., 2016 (in Russian).

Zdravomyslov A.G. Metodologiya i procedura sociologicheskikh issledovanij [Methodology and procedure of sociological research]. M., 1969 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-2-198-220

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: СТРАТЕГИИ И МЕТОДЫ

С.А. Барков, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

О.В. Дорохина, канд. социол. наук, доц. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, пр-кт. Вернадского, д. 82, стр. 1, г. Москва Российская Федерация, 119571**

Институциональное управление, сущность которого заключается во внедрении в общественную жизнь новых норм и правил поведения, расширяет границы своего использования в эпоху постмодерна. Целью исследования является создание типологии методов и стратегий институционального управления на основе выделения различных типов институциональных изменений.

На основе использования формально-логических процедур типологизации и классификации, а также применения синхронного и диахронного анализа в статье выделены критериальные различия институциональных изменений, по отношению к которым определены наиболее эффективные стратегии и методы управления.

Авторами создана типология институциональных изменений, определены стратегии и методы управления и коммуникационного воздействия на объект управления для каждого вида изменений. В типологии использованы два критерия: 1) масштаб и адресность изменений; 2) радикальность и ресурсозатратность изменений. Выделено 4 типа изменений: 1) адресное изменение с понятной выгодой и незначительными затратами ресурсов для человека; 2) изменение с деперсонализированным эффектом, не требующее существенных затрат от человека; 3) адресное и ресурсозатратное для человека изменение; 4) изменение с абстрактной выгодой, требующее существенных затрат от человека. Для этих изменений определены 5 возможных стратегий, различающихся по силе информационного воздействия и содержательной направленности: информирующая стратегия, стратегия убеждения, побудительная стимулирующая стратегия, стратегия персонализации, комплексная мотивирующая стратегия.

Предложенная типология направлена на операционализацию выбора методов институционального управления. Ее использование способно повысить эффективность внедрения в жизнь общества новых норм и правил субъектами

* Барков Сергей Александрович, e-mail: barkserg@live.ru

** Дорохина Ольга Владимировна, e-mail: odorokhina@yandex.ru

институционального управления: государствами, компаниями и некоммерческими организациями.

Ключевые слова: институциональное управление, административное управление, институциональное изменение, государственное управление, менеджмент, некоммерческие организации, нормы и правила, методы управления, стратегия.

INSTITUTIONAL MANAGEMENT IN THE MODERN SOCIETY: STRATEGIES AND METHODS

Barkov Sergey A., Doctor of Sociology, Professor, Head of Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: barkserg@live.ru

Dorokhina Olga V., PhD in Sociology, Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ave. Vernadskogo, 82, pp. 1, Moscow, Russian Federation, 119571, e-mail: odorokhina@yandex.ru

Institutional management, the essence of which lies in the introduction of new norms and rules of behavior into public life, expands the boundaries of its use in the postmodern era. The aim of the article is to create a typology of methods and strategies of institutional management, based on the identification of various types of institutional changes.

With the use of formal logical procedures of typology and classification, as well as the application of synchronous and diachronic analysis, criteria of institutional changes are identified, in relation to which the most effective strategies and methods of management are determined.

A typology of institutional changes has been created, strategies and methods of management and communication impact on the object of management for each type of change have been determined. The typology uses two criteria: 1) the scale and targeting of changes and 2) the radicality and resource-intensiveness of changes. Four types of changes are identified: 1) targeted change with a clear benefit and insignificant resource costs for a person; 2) change with a depersonalized effect that does not require significant costs from a person; 3) targeted and resource-intensive change for a person; 4) a change with an abstract benefit that requires significant efforts from a person. For these changes, 5 possible strategies have been identified, differing in the strength of the information impact and content focus: an informative strategy, a persuasive strategy, an incentive stimulating strategy, a personalization strategy, and a comprehensive motivating strategy.

The proposed typology is aimed at operationalizing the choice of institutional management methods. Its use can increase the effectiveness of introducing new norms and rules into society by subjects of institutional management: states, companies, and non-profit organizations.

Key words: institutional management, administrative management, institutional change, public administration, management, non-profit organizations, norms and rules, management methods, strategy.

Сущность институционального управления

Социальное управление многообразно. Можно выделить множество видов социального управления, положив в основу деления различные критерии¹. При этом существует, по всей видимости, наиболее важное и системообразующее деление, раскрывающее саму сущность данного феномена. Это деление на административное и институциональное управление. Первое в том или ином виде базируется на приказах и жестком подчинении объекта управления субъекту управления. При этом объект управления начинает развиваться не по своей собственной траектории, а по траектории, выработанной субъектом и направленной на достижение конкретной цели. Институциональное управление предполагает установление субъектом управления правил развития объекта. Это «целенаправленное воздействие на социальные, политические, экономические и юридические правила деятельности, которые в совокупности представляют институциональную среду»². Объект управления не теряет возможности саморазвития, но это саморазвитие происходит в определенных рамках, границах, ограничениях, установленных субъектом. Конкретная цель при этом не всегда может быть достигнута, но она и не воспринимается как единственно возможный и лучший результат управленческого воздействия. В процессе саморазвития объект может обнаружить более эффективный для общества или конкретной группы людей путь, а результат движения по этому пути может быть более удачным, чем та цель, которая изначально была выработана субъектом управления³.

Для россиян различие между этими двумя методами управления на макроуровне социально-экономической реальности ярко символизирует разница между плановой экономикой и рыночной экономикой⁴. В рамках плановой экономики в условиях господства государственной собственности отдельные предприятия представляли собой нечто подобное цехам крупной корпорации.

---

¹ См. Клейнер Г.Б. Институциональное управление, институты управления, управление институтами // Институциональная экономика: развитие, преподавание, применение. Материалы Третьей Международной конференции. Государственный университет управления / Под ред. Г.Б. Клейнера, М., 2013. С. 122–127.

² Кулагина Н.А., Рахмеева И.И., Лысенко А.Н. Институциональное управление технологическим будущим старопромышленного региона // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. № 3. С. 84.

³ Барков С.А. Избавление от неопределенности — естественное желание и порочная стратегия человечества // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности. XV Международная научная конференция «Сорокинские чтения»: Сб. мат.-в.М., 2021. С. 331–333.

⁴ Барков С.А. Организация и рынок: противоборство или согласие? М., 2008.

Распоряжение министерств были аналогами приказов директора — обязательных к исполнению и не подразумевающих никаких отклонений, инициированных саморазвитием отдельных хозяйствующих субъектов.

В рамках рыночной экономики министерства уже не могут отдавать приказы частным организациям. С началом реформ все управление в нашей стране, можно сказать, стало в большей степени ориентироваться на и институциональные принципы. Так, в системе образования возникли стандарты, которые создают определенную степень свободы для частных и государственных организаций, работающих в данной сфере. Стандарт, как бы к нему ни относился, никак нельзя назвать приказом, подразумевающим конкретную цель и предписанные руководством средства ее достижения.

На микроуровне — уровне отдельных организаций — различие между административным и институциональным управлением наглядно проявляет себя в сопоставлении методов классического администрирования, предполагавшего полное подчинение работника требованиям руководства, и современным подходом к управлению людьми с признанием ценности реализации их собственных инициатив⁵.

Классический менеджмент Ф.У. Тейлора и Г. Форда был построен на предположении о том, что администрация знает наилучшие способы выполнения всех производственных операций. На основе четких приказов, субординации и дисциплины эти способы должны реализовываться подчиненными. Любое отклонение от них означало ухудшение работы. Поэтому никаких рамок для их самостоятельной деятельности не создавалось.

В постиндустриальном обществе на корпоративном уровне социального управления начинает развиваться автономизация подразделений, внутреннее предпринимательство (интрапренерство), делегирование полномочий, активное стимулирование инициативы подчиненных. Создаются даже парадоксальные концепции лидерства, в рамках которых лидер становится слугой своих подчиненных (Р. Гринлиф)⁶.

Субъекты институционального управления

Субъектами институционального управления выступают государства, руководящие органы компаний и некоммерческие организации. Все они тем или иным способом создают институциональ-

---

⁵ Барков С.А., Зубков В.И. Социология организаций. М., 2024.

⁶ Гринлиф Р.К. Слуга в роли лидера. М., 2003.

ный контекст развития социальных явлений и процессов в стране. В рамках республиканской формы правления законодательная ветвь власти, представленная парламентом, создает правовые институты. Нормы и правила в данном случае облекаются в форму законов. Принятию закона предшествует общественная дискуссия (по крайней мере это подразумевается). Именно она и служит важнейшим коммуникационным воздействием на общество в целом или на его часть, которую предполагается регулировать будущим законодательным актом. Инициатор его принятия убеждает людей в том, что предаваемые нормы и правила будут выгодными для них, что без таких норм и правил жизнь будет хуже, чем при их наличии.

Именно в ходе таких дискуссий обнаруживается вечная проблема институционального управления, которую часто образно называют *“проблемой дорожек в парке”*. В одном случае нормы и правила, закладываемые в закон, уже существуют в головах и отчасти в поведении людей. Формальный институт лишь закрепляет такое положение вещей, делая его *“правильным”* и/или всеобщим. В другом случае инициатор принятия закона сознательно хочет *“насиловать”* общественную реальность, круто меняя традиции и устоявшиеся модели поведения. Понятно, что в первом случае коммуникационное воздействие оказывается слабее и не таким агрессивным, как во втором.

Когда же закон принят, наступает черед задействия *“кнута”* и *“пряника”*. За его неисполнение, как правило, предусматриваются санкции той или иной степени жесткости. Одновременно, в ряде ситуаций для тех, кто начинает активно исполнять закон, предусматриваются определенные бонусы. Например, во многих странах, включая Россию, при одобрении парламентом новой формы бизнеса, для тех предпринимателей, которые первыми начнут ее использовать какое-то время действуют определенные льготы⁷.

Коммерческие организации — компании или фирмы — используют институциональное управление в двух различных случаях. Первый случай заключается в том, что, как уже говорилось выше, их руководство может вводить нормы и правила для персонала. В этом случае наблюдается почти полная аналогия с государством в последовательности использования методов управления. Аналогом парламента в акционерных обществах выступает совет директоров. Иногда корпоративные нормы и правила требуют утверждения общим собранием акционеров, что соответствует проведению рефе-

---

⁷ Барков С.А., Денильханов А.Х. *Формы организации бизнеса: монография*. М., 2018. С. 22–25.

рендума в стране. Однако деление на виды власти в компаниях не такое строгое, как в государствах. Ряд институциональных норм может принимать менеджмент или директор. В небольших фирмах, где совет директоров отсутствует, именно они и занимаются, наряду с административным управлением, внедрением в поведение людей норм и правил. Последние могут касаться как технико-технологической и управленческой сторон деятельности организации, так и бытовых аспектов жизни сотрудников. Так, руководство компании может ввести правила приема пищи на работе, внедрить определенный дресс-код, разрешить приводить на работу домашних животных (сделать компанию pet-friendly) и др.⁸

Как и в государстве, после принятия инструкции — внутрикорпоративного закона или формального корпоративного института — вступают в силу поощрения и наказания. Сегодня власть менеджмента в компании оказывается сильнее власти правительства в демократическом государстве. По части использования “кнута” и “пряника” руководство современных фирм более схоже с царями, королями и шейхами прошлого. За невыполнение определенных норм можно поплатиться самим членством в организации — быть уволенным, а используемые менеджментом системы поощрений и санкций во много раз превосходят по количеству своих элементов те, что используются государством.

Второй случай использования институционального управления коммерческими организациями — это преобразование поведения тех групп населения, с которыми они контактируют. Прежде всего речь идет о потребителях. Их никак нельзя назвать подчиненными, по отношению к ним не работают приказы. Следовательно, фирмы могут воздействовать на них только внедряя в их сознание и поведение нормы и правила. И многие компании действительно создают не только товары и услуги, но и нормы поведения, культурные ценности. *Adidas* сделала кроссовки повседневной обувью. *McDonald's* создала правила для функционирования целой индустрии фаст-фуда и сформировала вкусы миллионов людей. В нашей стране, как и во многих других странах, за последние пять лет различные службы доставки создали новые правила игры на рынке ритейла и изменили поведение людей в сфере потребления как продуктов питания, так и множества других потребительских товаров. Все они не могли и не могут приказывать потребителям, что покупать. Они формируют образ жизни, закладывая в свою продукцию определенные правила,

---

⁸ Артефакты организационной культуры: коллективная монография / Под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова. М., 2023.

которые потребители как бы “распредмечивают” и начинают жить в новых условиях. В этом случае в институциональном управлении используется широкая палитра методов маркетинга — реклама, стимулирование сбыта, PR, личные продажи и др.

Третьей группой субъектов институционального управления выступают некоммерческие организации. Их методы в некоторой степени схожи с теми, которые используют компании и фирмы по отношению к внешним аудиториям, однако имеют свою явную специфику. Как таковые, эти некоммерческие организации лишены власти, они не могут использовать в своей работе административные методы. Вместе с тем они весьма эффективны в формировании институтов, определяющих поведение людей в обществе. При этом их часто вообще не относят к субъектам социального управления. В эпоху постмодерна такое “неотнесение” выглядит явно противоречащим действительности. Уже давно СМИ называют “четвертой властью”, наряду с исполнительной, законодательной и судебной. Некоммерческие организации с их ориентацией на реальное и конкретное изменение социальной реальности имеют значительно больше причин обретения статуса такой неформальной власти.

Косвенно и вместе с тем очень зримо о том, что некоммерческие организации является субъектами социального управления, свидетельствует принятие закона об иноагентах, что произошло и происходит во многих странах. Первый такой закон был принят в США еще в 1938 г., а в XXI в. более десяти государств обзавелись подобным законодательством⁹. Несмотря на существенные различия между законами разных стран, общим можно считать одно — закон признает существенную роль некоммерческих организаций, финансируемых из-за рубежа, в изменении политических и социальных процессов, умонастроениях и поведении людей на территории суверенной страны. Главный субъект управления в стране — государство — сталкивается с противодействием другого субъекта в лице некоммерческих организаций и вынужден ограничивать их управленческие возможности. Фактически, закон об иноагентах — это признание некоммерческих организаций субъектами социального управления, наряду с государствами.

Даже если оставить в стороне ситуацию с иноагентами, можно, что называется, “невооруженным глазом” увидеть размах тех общественных трансформаций, в которых некоммерческие организации принимали и принимают участие. В столичных городах нашей

---

⁹ Иностранцы агенты в законодательстве зарубежных стран. Статус и деятельность // ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/7253197> (дата обращения: 08.02.2025).

страны за последние годы в разы сократилось количество кортежей, для движения которых перекрывали улицы. И немалый вклад в эту трансформацию внесло “Общество синих ведерок”. Одновременно автомобилисты стали пропускать пешеходов на нерегулируемых переходах, что еще некоторое время назад было редкостью, особенно, в больших городах. Еще пять–шесть лет назад о привычке убирать с газонов фекалии за собаками говорили как о “зарубежной экзотике”. Сегодня такая норма стала уже почти общепринятой. Каждый россиянин может привести еще немало примеров новых норм и правил, в реализацию которых внесли свой вклад некоммерческие организации.

Наиболее значимым, хотя пока и незаметным для большинства россиян успехом институционального управления, осуществляемого некоммерческими организациями, стало активное внедрение в жизнь людей нормы благотворительности. Согласно всемирному индексу благотворительности Россия поднялась со 124-ого места в 2017 г. до 35-ого в 2023 г.¹⁰ Объективным фактором, способствующим такому “революционному” изменению, несомненно, стала специальная военная операция на Украине, которая вызвала активизацию взаимопомощи и стремления людей оказать посильную поддержку солдатам и жителям территорий, на которых разворачиваются военные действия. Но нельзя сбрасывать со счетов и субъективные усилия тех, кто развивает благотворительность в стране.

Государство как субъект институционального управления также способствовало становлению нового статуса благотворительности, но его действия в данном вопросе были существенным образом ограничены. Во-первых, широкое применение налоговых льгот для благотворителей в России сдерживается вполне рациональным мнением о возможности серьезных злоупотреблений в этой сфере. Во-вторых, неудачный опыт внедрения благотворительности посредством создания связанных с государством фондов в 1990-е и начале 2000-х гг., когда чиновники буквально “выкручивали руки” предпринимателям для того, чтобы те жертвовали средства на социальные нужды, предотвращает пока активные действия государства в области содействия филантропии.

Поэтому именно благотворительные организации сыграли важнейшую роль в становлении благотворительности — в форме пожертвований, волонтерства и взаимопомощи (так определяется индекс благотворительности) — как нормы существования в совре-

---

¹⁰ World giving index. URL: <https://www.cafonline.org/insights/research/world-giving-index> (accessed: 08.02.2025).

менной России. Это еще раз свидетельствует о том, что некоммерческие организации в современном мире являются эффективными субъектами институционального социального управления.

Как уже говорилось ранее, в своей деятельности некоммерческие организации лишены возможности использовать административные методы управления. Такое возможно, только если они действуют совместно с государственными структурами. Однако и коммуникационного воздействия порой оказывается достаточно, чтобы внедрить в общество новые нормы и правила поведения людей. Спектр коммуникационных воздействий достаточно широк — от простого и ненавязчивого информирования до зомбирования людей. Следует обратить внимание на то, что большинство из них может быть использовано не только некоммерческими организациями, но и теми субъектами социального управления, которые могут в своем функционировании синтезировать административное и институциональное управления. Ниже будет предложена одна из возможных типологий, полезная с точки зрения выявления методологической специфики осуществления институционального управления различными субъектами.

Виды институциональных изменений и обстоятельства институционального управления

Административный и институциональный типы социального управления различаются прежде всего своими методами. Традиционно всю совокупность методов управления разделяли на два больших класса, получивших символические названия “кнут” и “пряник”. Действительно, на объект управления может быть оказано: 1) положительное воздействие — “пряником” — ориентирующее людей на привлекательный для них результата определенного вида действия или поведения, или же 2) отрицательное воздействие — “кнутом” — так или иначе вызывающее страх в случае отклонения от предписываемого действия или поведения. Это справедливо для административного управления, основанного на приказах и четких указаниях о том, что, как и когда делать. По понятным причинам в рамках институционального управления “кнут” и “пряник” не могут служить главными методами воздействия на отдельных людей и их сообщества. При этом они сохраняют свою эффективность тогда, когда субъектами управления выступают государства или компании. Главным же методом институционального управления служит коммуникационное воздействие, убеждение, формирование новых моделей мышления. Чтобы нормы и правила стали действенными

в реальной жизни, они должны сформироваться в головах людей — причем, не просто сформироваться, а стать основой осмысления их поведения, задавать для него ограничения, формировать траектории их развития в социальной среде.

Сразу следует оговориться, что типология методов институционального управления не может не учитывать наряду с объективными обстоятельствами внедрения новых норм и правил субъективное отношение людей к этому процессу. Именно от такого отношения зависят направления и степень агрессивности коммуникационного воздействия на определенную аудиторию. Достаточно удачно синтез субъективных и объективных факторов, определяющих методы институционального управления, был произведен в исследованиях гарвардской школы бизнеса, предметом которых стала проектная деятельность некоммерческих организаций¹¹. Авторами этих исследований была выделена определенная взаимосвязь между типами социальных проектов и спецификой управленческих решений. По части выбора методов коммуникативного воздействия выводы авторов исследования представляют существенный методологический интерес и при должной адаптации могут использоваться при создании типологии методов институционального управления. Трансформируя модель исследователей гарвардской школы, можно не просто выделить методы управления, но и очертить наиболее подходящие для их использования обстоятельства, а также охарактеризовать особенности некоторых управленческих стратегий, применяемых субъектами институционального управления.

Первым критерием разделения обстоятельств институционального управления выступает масштаб воздействия и его нацеленность на конкретного человека. Воздействие может быть персонализированным или рассеянным, то есть полезным обществу в целом. Если мы рассмотрим любой проект некоммерческих организаций или институциональное изменение, инициированное государством или менеджментом компаний, то их целью является либо трансформация в целом общественных ценностей или же изменение жизни отдельно взятого человека. В данном случае важен именно субъективный аспект осознания значимости перемен для человека, на которого направлено управленческое действие. Любой человек радуется тому, что мир меняется к лучшему. Но это абстрактная радость. Совсем другое чувство возникает у людей, когда они понимают конкретную выгоду от внедрения в жизнь новых норм и правил.

---

¹¹ Ранган К., Карим С., Сандберг Ш. Приносить все больше пользы // Некоммерческие организации. М., 2008.

В этом случае люди начинают сознательно и активно поддерживать институциональные изменения. Коммуницировать с ними становится намного легче.

Например, каждый участник проекта “Школа Парламентаризма”¹², задачей которого являлось формирование у молодежи знаний и навыков в общественно-политической и гражданско-правовой сферах, понимал, что эти знания ему нужны. Аудиторию составляли молодые политики или люди, вовлеченные в политическую жизнь. Ресурсы проекта не следовало тратить на то, чтобы убедить участников в его полезности, ведь эту полезность они определяли самостоятельно.

Примерами ориентации на рассеянный или, по-другому, общественный положительный эффект могут служить многочисленные экологические просветительские проекты, ставящие перед собой цель формирования привычек бережного отношения к природе, осознанного потребления исчерпаемых ресурсов, сокращения и переработки отходов и т.п. Понятную и прямую пользу для себя участник не ощущает, что должно стать принципиально значимым фактором при планировании ресурсного обеспечения и информационного сопровождения институционального изменения.

Необходимо понимать, что адресность управления ограничивается только этими крайними позициями. Социальный эффект управленческого воздействия может “оздоровить” как общество в целом, так и конкретного участника изменений одновременно.

Однако при этом следует учитывать то, что такой двойной эффект чаще всего затрагивает не всех людей, а только их часть. Хорошим примером в этом случае является развитие внутреннего туризма в России. И государство, и частные компании, и некоммерческие организации сделали за последнее время очень многое для формирования благоприятной институциональной среды для путешествий по стране. Уже много лет идет активная пропаганда внутреннего туризма, для него создаются правовые и экономические условия, вводится туристический кешбэк при оплате туров в России. Многие жители регионов явно выигрывают в такой ситуации: получают рабочие места, расширяют спрос на свои товары и услуги. Но есть и большая когорта тех людей, которые недовольны тем, что ранее доступные только им ресурсы (природные, транспортные, инфраструктурные и др.) начинают поступать в пользование “пона-

---

¹² См.: Школа Парламентаризма // Официальный сайт Фонда президентских грантов РФ. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=8b3afd55-978f-4bb8-be18-aae046a3663b&> (дата обращения: 02.12.2024).

ехавших”¹³. Иногда местные жители даже агрессивно реагируют на расширение туристического потока в их городе или сельской местности. Поэтому субъекты институционального управления должны учитывать, что для одних людей развитие внутреннего туризма — это ситуация второго типа, а для других — четвертого (о котором речь пойдет ниже и который характеризуется тем, что выгода от содействия внедрению новых норм и правил неочевидна, а усилий на это внедрение нужно потратить много).

Если отвлечься от субъективного восприятия институциональных изменений конкретными людьми, первый критерий классификации может также быть назван масштабом управления. Если масштаб изменений велик, то неизбежно он будет распространяться на разных людей, некоторые из которых выигрывают от новой институциональной среды, а некоторые проигрывают. Неочевидность деперсонализированного, неадресного социального эффекта во многом с этим и связана.

Вторым критерием классификации условий институционального управления служит требуемая для осуществления перемен активность населения. На субъективном уровне этот критерий может быть представлен как ресурсозатратность для участника изменений. Она характеризуется необходимостью человека изменять свои привычки, ценности, паттерны поведения. Например, ежегодная диспансеризация, на которую человек может попасть сразу без записи – пример низкой ресурсозатратности. Высокий ее уровень характерен для ситуации, при которой тот же человек отказывается от личного автомобиля в угоду общественного транспорта для сокращения вредных выбросов в атмосферу.

Логическая связь между первым и вторым критериями достаточно очевидна. В случае если речь идет об институциональных изменениях, направленных на предоставление социального блага конкретному человеку, ресурсозатратность для целевой аудитории понятна, и операторы изменений смогут достаточно эффективно обосновать причину даже очень высоких издержек ради улучшения жизни человека. Когда же речь заходит о формировании абстрактного общественного блага и общих социальных трансформациях, то “стоимость” для человека становится ключевым фактором его согласия на перемены. Если эта “стоимость” невелика, он еще может смириться с тем, что поддерживает не приносящие ему конкретную

---

¹³ *Рогач О.О., Фролова Е.Е.* Оценка готовности населения к участию в практиках развития туризма // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25. № 4. С. 208–235.

пользу перемены, что называется, из “высших побуждений”. Однако в том случае, когда выгода неочевидна, а личные затраты на перемены высоки, речь скорее может идти не о поддержке перемен, а о преодолении сопротивления им.

Очевидно, что субъекты институционального управления могут только приблизительно, на основе некоторых логических заключений определить степень ресурсозатратности внедрения новой нормы для людей. Человек всегда будет оценивать ресурсозатратность субъективно. На такую оценку влияет множество факторов — от дохода до культурных ценностей.

Второй критерий вне акцента на субъективное восприятие человеком своих усилий по осуществлению перемен, может быть назван радикальностью институциональных изменений. Возвращаясь к аналогии с дорожками в парке, можно сказать, что одни изменения закрепляют уже сложившиеся маршруты или лишь в незначительной степени их корректируют, другие же заставляют людей ходить “новыми тропами”, а иногда и в противоположном по отношению к привычному направлению. Понятно, что в последнем случае от человека требуются немалые усилия, чтобы принять вводимые субъектом институционального управления — государством, компанией или некоммерческой организацией — нормы и правила.

В своей совокупности, обозначенные выше два критерия создают систему координат, на основе которой можно выделить четыре основных типа институциональных изменений и, соответственно, методов эффективного управления ими (рис. 1).

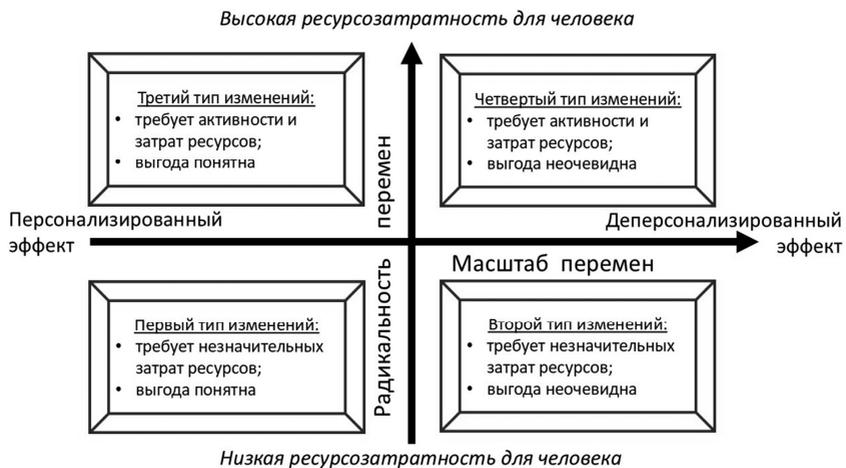

Рис. 1. Виды институциональных изменений

Первый тип изменений связан с достижением социального эффекта на индивидуальном уровне при несущественном вкладе благополучателя в совершение социальных изменений. Несущественность, в контексте настоящей типологии, означает, что при вложении личных временных, финансовых или иных ресурсов, не изменяются поведенческие и ценностные ориентации человека, он также не испытывает психоэмоциональный дискомфорт. Наглядным примером формирования нового институционального контекста с помощью перемен такого рода может служить проект Департамента здравоохранения Москвы “Здоровая Москва” по проверке здоровья населения в парках города¹⁴. Этот проект длился три года и завершился в 2023. Его целью была популяризация диспансеризации населения в условиях, когда многие поликлиники были на ремонте. Многие тысячи жителей столицы, прогуливаясь в парках, в буквальном смысле наткнулись на открытые там медицинские павильоны и проходили первичную диагностику у разных врачей. Считается, что эта инициатива способствовала выработке нормы регулярной диспансеризации. Такой тип институциональных изменений требует от субъекта институционального управления минимум усилий. Эти усилия должны быть направлены на информирование тех, на кого распространяются новые нормы и правила, о новых возможностях и тех благах, которые возникнут в результате изменений.

Ко второму типу относятся изменения, подразумевающие создание неких благ для общества в целом притом, что от людей также требуется несущественный ресурсный вклад. Особенностью изменений такого типа является то, что задействованные в них люди в большинстве своем не осознают личной заинтересованности в их результате. Следовательно, информационная стратегия будет заключаться в формировании четкого понимания того, какие качественные изменения произойдут в жизни каждого человека, а также осознания простоты и порядка действий, которые необходимо совершить в процессе участия в переменах. Примером социальной инициативы второго типа является проект по популяризации сортировки мусора, суть которого заключается в совершении небольшого усилия по разделению отходов, что в долгосрочной перспективе должно привести к улучшению экологических условий жизни людей.

Наиболее известным институциональным начинанием второго типа в нашей стране является Бессмертный полк. Он требует небольших усилий от участника акции, польза же для самого участни-

---

¹⁴ См.: Официальный сайт проекта “Здоровая Москва”. URL: <https://mosgorzdrav.ru/zm/> (дата обращения: 28.01.2025).

ка неочевидна. Цель относительно новой нормы проведения праздника 9-го мая — сохранение национальной исторической памяти о Великой Отечественной войне через массовый общенародный символизм. За ежегодными шествиями стоит некоммерческая организация (с тем же названием)¹⁵, деятельность которой была активно поддержана государством.

Третий и четвертый типы институциональных изменений являются наиболее ресурсозатратными, как для людей, на которых они распространяются, так и для субъектов социального управления. Изменения третьего вида носят адресный характер. Так, ряд благотворительных фондов создают благоприятную институциональную среду для реабилитации наркозависимых граждан, другие некоммерческие организации выстраивают систему помощи детям, нуждающимся в дорогостоящих операциях. Основным направлением работы с аудиторией в этом случае может быть формирование позитивного отношения к социальным трансформациям с помощью распространения авторитетных мнений тех людей, которые уже участвовали в подобного рода изменениях.

Относительно успешной попыткой институциональных изменений третьего типа в России может служить внедрение коллективных практик спортивных занятий на воздухе (в парках и других рекреационных зонах). Прототипом таких занятий явились массовые утренние зарядки в Китае. О них много говорилось в отечественных СМИ, и в 2015 г. в стране возникло социально-спортивное движение “Зеленый фитнес”¹⁶. В период своей деятельности — в особенности до пандемии коронавируса — оно реально повлияло на изменение отношения россиян к массовому спорту и попыталось внедрить в их поведение “китайскую” институцию. Человек должен быть проявить активность в сфере занятия спортом и получал от этого вполне ощутимую выгоду по части улучшения своего самочувствия. Однако сложность такого рода институциональных изменений, по всей видимости, не была учтена организаторами. Кроме того, и двухлетний перерыв в деятельности в период ограничений массовых мероприятий не дал возможность закрепить нарождающуюся норму в социальных практиках наших сограждан.

Четвертый тип институциональных изменений самый сложный. Трудность его осуществления заключается как в отсутствии

---

¹⁵ См.: Официальный сайт движения “Бессмертный полк”. URL: <https://www.mypolk.ru>. (дата обращения: 28.01.2025).

¹⁶ См.: Социально-спортивное движение “Зеленый фитнес” // Сайт Фонда президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=2ff6c79a-3244-4254-8092-6fce73650d99> (дата обращения: 28.01.2025).

адресности социального эффекта, так и в высоких издержках со стороны населения. По большей части его реализует государство, комбинируя коммуникационные стратегии с административным воздействием на население. Однако в немногих случаях и некоммерческие организации, лишённые всякой власти, могут попробовать осуществить подобного рода перемены. В такой сложной категории находится проект создания и пополнения национального регистра костного мозга, когда донору необходимо пройти ряд анализов и при пересадке подвергнуться хирургическому вмешательству.

Одна из стратегий управления в таком случае сводится к тому, чтобы преобразовать проект в третий тип, убедив участников посредством комплексной информационной кампании в персональной пользе планируемых изменений.

Выстроенная выше типология институциональных изменений находит понятное практическое применение в обосновании стратегий и методов управления по отношению к каждому виду изменений. Её использование в институциональном управлении позволяет определить информационную и ресурсную стратегию осуществления изменений в зависимости от его типа. Ряд общих и очевидных обстоятельств, диктующих выбор метода управления, уже были отмечены в процессе рассмотрения четырёх видов изменений. Далее следует обобщить данный материал и связать конкретные методы с общими стратегиями.

Стратегии и методы институциональных изменений

Сообразно типам институциональных изменений можно выделить ряд управленческих стратегий.

Информирующая стратегия применяется по отношению к институциональным изменениям первого типа. Само её название предполагает проведение информационной кампании с целью ознакомления людей с тем, как воспользоваться генерируемым социальным благом, так как потребность в нём каждый осознает для себя сам.

Методами институционального управления в рамках данной стратегии являются неинтерактивное информирование, грамотная пропаганда, PR-кампании, раздача информационных материалов и др. Люди не будут сопротивляться получаемой информации. Современные цифровые платформы, подкасты, репортажи, реклама в интернете и других СМИ могут стать основой приобщения к новым нормам и правилам. Неличное общение в этих условиях является важнейшим коммуникативным воздействием. По содержанию

в сообщениях аудитории совсем необязательно использовать страх как мотиватор. Люди могут изменять свое поведение согласно позитивной информации, а не из страха того, что произойдет в случае, если новые нормы не войдут в силу.

Стратегия убеждения, ориентированная на изменения второго типа, предусматривает необходимость в разъяснении причинно-следственной связи вклада отдельного человека в достижение общего социального блага. При этом сохраняется необходимость информирования людей об определенном алгоритме действий.

Для осуществления второго типа институциональных изменений необходимо интерактивное информирование. Люди, безусловно, будут задавать вопросы, и от грамотного ответа на них во многом зависит успех управленческого воздействия. Блоги, сайты с активной обратной связью, круглые столы и все те мероприятия, где происходит двустороннее общение, являются основными инструментами, обеспечивающими успех в этих условиях. По содержанию коммуникации могут быть направлены на преувеличение общественной пользы новых норм и правил и одновременно подчеркиванию незначительности личных затрат на производство перемен. Важно создание привлекательного образа будущего при ограниченном задействовании страха. Человеку должно стать стыдно, что он не может потратить толики своих усилий на явно благое дело.

Побудительная, стимулирующая стратегия для изменений третьего типа предполагает создание субъектом управления многомерного плана, предусматривающего: 1) расширение информационного влияния на людей посредством непосредственного личного общения, использования авторитетного мнения экспертов, задействования референтных групп, а также 2) разработку системы стимулов к действиям с целью переоценки людьми своих затрат на поддержку и участие в изменениях.

Так как основной целью управления в данном типе перемен является нивелирование представления о том, что затраты будут не соотносимы с результатом — т.е. не просто информирование, а убеждение — на первый план выходит личное общение. Его эффективность во много раз выше знакомства с обезличенной информацией. Как и в предыдущем случае, важно сознательно уменьшать затраты времени и сил человека на осуществление новых типов поведения. Например, при обустройстве придомовых территорий, важно подчеркнуть, что не нужно воспринимать полтора-два часа, проведенных на воздухе с соседями, как “серьезную жертву”.

Она мала в сравнении с тем, что человеку впоследствии будет нестыдно пригасить гостей в дом, окружённый красивой территорией, и самому каждый день будет приятно подходить к своему жилищу.

Основной акцент в этом случае делается на убеждение и разъяснение пользы нового уклада жизни для конкретного индивида. Но для повышения эффективности управления в этом случае уже можно задействовать поощрение. Такое поощрение может быть чисто символическим, оно не должно конкурировать с убеждением. Человек должен соблюдать новые нормы поведения не потому, что ему за это что-то дают, а в силу понимания их пользы не только для общества, но и для себя. Поэтому поощрение может быть не столько материальным, сколько моральным. В случае с уже упомянутым благоустройством придворовой территории в чате дома или подъезда можно разместить фотографии участников субботника с надписью “эти люди делают нашу жизнь красивой”. Возможно и ограниченное использование чувства страха, но опять же с условием, что он не должен замещать убеждение человека в правоте своих действий.

Стратегия персонализации может быть использована по отношению к ситуациям второго и четвертого типов. С абстрактных позиций она выглядит достаточно логично: нужно доказать, что новые правила жизни будут выгодными для конкретного человека. На практике же сделать это чрезвычайно сложно. Если такие выгоды очевидны, человек сам их осознает (и тогда изменения сразу будут относиться к первому или третьему типу). Если же они скрыты и не осознаются людьми без внешнего воздействия, значит, они несущественны. Вместе с тем, если такая стратегия сработает, это будет реальным успехом для субъектов социального управления — и прежде всего для некоммерческих организаций.

Наконец, *комплексная, мотивирующая стратегия* применяется исключительно для управленческих воздействий четвертого типа. Она заключается в задействовании широкого спектра стимулов и мотивов, подталкивающих человека к принятию перемен и (как максимум) содействию им или (как минимум) несопротивлению им. В рамках этой стратегии активно используется страх. Экологи грозят экологической катастрофой, руководители добровольных организаций жителей домов — разрушением строений и инфраструктуры, другие субъекты институционального управления активно оперируют — и часто манипулируют — статистикой несчастных случаев и расходов по исправлению их последствий. Врачи внедряющие обязательную вакцинацию, просто апеллируют

к страху смерти. Социологи рассматривают страх как воздействие на одну из первичных потребностей человека — потребность в безопасности, защищенности. И эта первичная потребность заставляет людей действовать быстро и не задумываться об усилиях. Чтобы избавиться от страха, человек готов пожертвовать немалыми временными и другими ресурсами.

Важнейшим инструментом мотивирующей стратегии является мощная пропаганда, охватывающая все общество. В этом случае возникает специфическая ситуация, самым непосредственным образом стимулирующая внедрение новых норм и правил. Она заключается в остракизме по отношению к тем, кто их нарушает. Фактически, это специфическое развитие управления страхом. Страх остракизма, осуждения знакомыми и незнакомыми людьми заложен в социальной природе человека. В восточных культурах для этого страха существует устойчивое название — “страх потерять свое лицо”. И для множества жителей Востока этот страх по своей силе сравним со страхом смерти.

Что касается поощрения желательного поведения, то мотивирующая стратегия как никакая из вышеописанных на него нацелена. И иногда даже небольшое материальное вознаграждение бывает исключительно эффективным для создания новых институтов и институций. Лучшей иллюстрацией эффективности символического материального вознаграждения является мировая практика “борьбы с мусором”. В особенности, такая практика характерна для США. Жители американских городов, где работает компания *RecycleBank* могут получить до 35 долл. за отдельный сбор мусора. Измеряют количество мусора умные домашние контейнеры, оборудованные специальными радиометками. Для их считывания в мусоровоз встраивается специальная антенна. Таким образом отслеживается, кто, сколько и какого мусора отправил на переработку¹⁷. Плату — и так небольшую — выдают не деньгами, а разного рода бонусами и скидками. Но и такое символическое вознаграждение оказывается весьма эффективным.

В китайской провинции Хунань посетителям парков выдают пластиковые сумки, в которые они должны складывать мусор и которые они сдают на выходе из парка¹⁸. А в некоторых американских

---

¹⁷ Болгаров К., Петрова Э. Как мотивировать людей сортировать мусор // Деловой Петербург. 2008.01.04.

¹⁸ См.: ООПТ: Природа и люди. Экопросвещение и экотуризм (сборник материалов). Эколого-просветительский центр “Заповедники”. URL: <https://np-chikoi.ru/docs/ООПТ%20природа%20и%20люди.pdf> (дата обращения: 02.12.2024).

парках за сданный при выходе черный мешок с мусором полагается символическая плата (меньше доллара). И для посетителей парков — прежде всего для детей — эти монетки оказались действенным стимулом для того, чтобы изменить свое поведение.

Однако денежное вознаграждение в институциональном управлении имеет важные и часто неожиданные ограничения в применении. Хорошо известен такой пример. Сбор донорской крови — это типичная четвертая ситуация институционального управления (если речь не идет о помощи близкому человеку). Усилия донора достаточно велики, а польза абстрактна. И еще несколько десятилетий назад во многих странах за донорскую кровь предлагали деньги. Например, в США вознаграждением были 20 долл. плюс талон на бесплатный обед. Но вскоре выяснилось, что такая сумма в первую очередь привлекает представителей маргинальных слоев общества. Они же являются носителями множества болезней. В результате донорская кровь была очень низкого качества и даже опасна для последующего использования. При добровольной сдаче крови ситуация радикально исправлялась. И сегодня повсюду в мире стимулирование донорства и создание привычки сдавать кровь (создание института донорства) осуществляется методами активной пропаганды лишь с незначительным использованием материального вознаграждения по принципу льгот для доноров в современной России.

* * *

В постиндустриальном обществе институциональное управление постоянно расширяет границы своего применения. Важнейшим его достоинством, обеспечивающим такую ситуацию, является поощрение саморазвития объекта управления, обеспечение его свободы в определенных пределах, нацеленность на поиск наилучшего результата. Трансформация государственного управления и менеджмента организаций, а также бурное развитие третьего сектора экономики создает базис для замены традиционного администрирования, основанного на приказах, институциональным управлением в значительном количестве сфер жизнедеятельности общества.

Представленная в настоящей статье типология институциональных изменений и методов управления мим может стать основой повышения эффективности институционального управления в силу учета объективных и субъективных факторов внедрения в общественную жизнь новых норм и правил, а также четкой операционализации выбора стратегий и методов управления сообразно видам планируемых изменений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артефакты организационной культуры: коллективная монография / Под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова. М., 2023.

Барановский С.С. Государственная поддержка некоммерческих организаций // Вестник МФЮА. 2020. № 3. С. 71–77.

Барков С.А. Избавление от неопределенности — естественное желание и порочная стратегия человечества // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности. XV Международная научная конференция “Сорокинские чтения”: Сб. мат-в. М., 2021. С. 331–333.

Барков С.А. Организация и рынок: противоборство или согласие? М., 2008.

Барков С.А., Денильханов А.Х. Формы организации бизнеса: монография. М., 2018.

Барков С.А., Зубков В.И. Социология организаций. М., 2024.

Болгаров К., Петрова Э. Как мотивировать людей сортировать мусор // Деловой Петербург. 2008.01.04.

Гринлиф Р.К. Слуга в роли лидера. М., 2003.

Иностранные агенты в законодательстве зарубежных стран. Статус и деятельность. Материал ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/7253197> (дата обращения: 08.02.2025).

Клейнер Г.Б. Институциональное управление, институты управления, управление институтами // Институциональная экономика: развитие, преподавание, применение. Материалы Третьей Международной конференции. Государственный университет управления / Под ред. Г.Б. Клейнера, М., 2013. С. 122–127.

Кулагина Н.А., Рахмеева И.И., Лысенко А.Н. Институциональное управление технологическим будущим старопромышленного региона // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. № 3. С. 82–97.

ООПТ: Природа и люди. Экопросвещение и экотуризм (сборник материалов). Эколого-просветительский центр “Заповедники”. URL: <https://np-chikoi.ru/docs/ООПТ%20природа%20и%20люди.pdf> (дата обращения: 02.12.2024).

Официальный сайт движения “Бессмертный полк”. URL: <https://www.moy-polk.ru> (дата обращения: 28.01.2025).

Официальный сайт проекта “Здоровая Москва”. URL: <https://mosgorzdrav.ru/zm/> (дата обращения: 28.01.2025).

Ранган К., Карим С., Сандберг Ш. Приносить все больше пользы // Некоммерческие организации. М., 2008.

Рогач О.О., Фролова Е.Е. Оценка готовности населения к участию в практиках развития туризма // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25. № 4. С. 208–235. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.4.8>

Социально-спортивное движение “Зеленый фитнес”. Фонд президентских грантов РФ. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=2ff6c79a-3244-4254-8092-6f6ce73650d99> (дата обращения: 28.01.2025).

Школа Парламентаризма // Официальный сайт Фонд президентских грантов РФ. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=8b3afd55-978f-4bb8-be18-aae046a3663b&> (дата обращения: 02.12.2024).

REFERENCES

- Artefakty organizatsionnoi kul'tury [Artefacts of organizational culture]. M., 2023 (in Russian).
- Baranovsky S.S.* Gosudarstvennaya podderzhka nekommercheskih organizacij [State support of non-profit organizations] // Vestnik MFYUA. 2020. N 3. P. 71–77 (in Russian).
- Barkov S.A.* Izbavlenie ot neopredelennosti — estestvennoe zhelanie i porochnaya strategiya chelovechestva [Getting rid of uncertainty — a natural desire and a vicious strategy of mankind] // Sovremennoe obshchestvo v usloviyakh sotsial'no-ekonomicheskoi neopredelennosti. XV Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya “Sorokinskie chteniya”: Sbornik materialov. M., 2021. P. 331–333 (in Russian).
- Barkov S.A.* Organizatsiya i rynek: protivoborstvo ili soglasie? [Organization and market: confrontation or consent?]. M., 2008 (in Russian).
- Barkov S.A., Denilkhanov A.H.* Formy organizatsii biznesa: monografiya. [Forms of business organization: a monograph]. M., 2018 (in Russian).
- Barkov S.A., Zubkov V.I.* Sociologiya organizatsij [Sociology of organizations]. M., 2024 (in Russian).
- Bolgarov K., Petrova E.* Kak motivirovat' lyudej sortirovat' musor [How to motivate people to sort garbage] // Delovoy Peterburg. 2008.01.04 (in Russian).
- Greenleaf R.K.* Sluga v roli lidera [Servant in the role of a leader]. M., 2003 (in Russian).
- Inostrannye agenty v zakonodatel'stve zarubezhnykh stran. Status i deyatelnost' [Foreign Agents in the Legislation of Foreign Countries. Status and activity] // TASS. URL: <https://tass.ru/info/7253197> (data obrashcheniya: 08.02.2025) (in Russian).
- Kleiner G.B.* Institucional'noe upravlenie, instituty upravleniya, upravlenie institutami [Institutional management, management institutions, management of institutions] // Institucional'naya ekonomika: razvitie, prepodavanie, primenenie. Materialy Tret'ej Mezhdunarodnoj konferentsii. Gosudarstvennyj universitet upravleniya. M., 2013. P. 122–127 (in Russian).
- Kulagina N.A., Rakhmeeva I.I., Lysenko A.N.* Institucional'noe upravlenie tekhnologicheskim budushchim staropromyshlennogo regiona [Institutional management of the technological future of the old industrial region] // Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk. 2020. N 3. P. 82–97 (in Russian).
- Ofitsial'nyj sayt dvizheniya “Bessmertnyj polk” [Official site of the movement “Immortal Regiment”]. URL: <https://www.moypolk.ru> (data obrashcheniya: 28.01.2025) (in Russian).
- Ofitsial'nyj sayt proekta “Zdorovaya Moskva” [Official site of the project “Healthy Moscow”]. URL: <https://mosgorzdrav.ru/zm/> (data obrashcheniya: 28.01.2025) (in Russian).
- ООПТ: Природа и люди. Экопросвещение и экотуризм (сbornik materialov) [Protected Areas: Nature and People. Ecological education and ecotourism (collection of materials)] // Ekologo-prosvetitel'skij centr “Zapovedniki”. URL: <https://np-chikoi.ru/docs/ООПТ%20природа%20и%20люди.pdf> (data obrashcheniya: 02.12.2024) (in Russian).
- Rangan K., Karim S., Sandberg Sh.* Prinosit' vse bol'she pol'zy [Bringing more and more benefits] // Nekommercheskie organizatsii. M., 2008.

Rogach O., Frolova E. Ocenka gotovnosti naseleniya k uchastiyu v praktikah razvitiya turizma [Assessing the Readiness of the Population to Participate in Tourism Development Practices] // Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii. 2022. Vol. 25 (4). P. 208–235. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.4.8> (in Russian).

Shkola Parlamentarizma. Fond prezidentskih grantov [School of Parliamentarism / Presidential Grants Foundation of the Russian Federation]. URL: [https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=8b3afd55-978f-4bb8-be18-aae046a3663b&\(data obrashcheniya: 02.12.2024\)](https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=8b3afd55-978f-4bb8-be18-aae046a3663b&(data obrashcheniya: 02.12.2024)) (in Russian).

Social'no-sportivnoe dvizhenie "Zelenyj fitness". Fond prezidentskih grantov ["Green Fitness". Presidential Grants Foundation of the Russian Federation]. URL: [https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=2ff6c79a-3244-4254-8092-6fce73650d99\(data obrashcheniya: 28.01.2025\)](https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=2ff6c79a-3244-4254-8092-6fce73650d99(data obrashcheniya: 28.01.2025)) (in Russian).

World giving index. URL: <https://www.cafonline.org/insights/research/world-giving-index> (accessed: 08.02.2025).

ЭМПИРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-2-221-241

ЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ СОВРЕМЕННОЙ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Е.В. Дорцева, старший преподаватель социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В настоящей статье поставлена проблема формирования жизненных ориентиров и ценностей современного российского студенчества в условиях становления электронно-цифровой цивилизации. Автор констатирует, что огромной популярностью у молодежной аудитории, особенно студенческой, пользуются нетрадиционные, основанные на технологиях интернета, СМИ. При этом очевидно, что доверие к традиционным СМИ постепенно, но устойчиво уступает место доверию к нетрадиционным средствам массовой информации (блогосфере, социальным сетям, виртуальным сообществам и другим Веб-ресурсам). В то же время, эти СМИ активно используются различными деструктивными субъектами для воздействия на современных студентов с целью искажения информации, трансформации жизненных смыслов и ценностей.

Автор приводит результаты исследований различных авторов, связанных с динамикой жизненных ориентации современной молодежи, которые сравнивает с результатами собственного исследования “Социальная коммуникация в современном обществе”, проведенного среди студентов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Подобное сравнение позволяет прийти к выводу, что хотя некоторые неблагоприятные для общества тенденции и прослеживаются среди определенной части студенческой молодежи, выражены они не столь отчетливо и однозначно, как это констатируют различные авторы. По мнению автора, вряд ли можно выводить устойчивые тенденции, а тем более закономерности, только из ответов студентов на один-два, далеко не всегда корректно сформулированных вопроса. На самом деле, их понимание сути вещей, стоящих за каждым конкретным вопросом гораздо глубже.

Устойчивой тенденции к деструктивному мышлению, деструктивным жизненным ориентирам в среде студенческой молодежи не наблюдается. В то же время, мышление студентов достаточно хаотично, что во многом можно объяснить виртуализацией и медиатизацией их сознания, обусловленного чрезмерным общением в различных сетевых сообществах и экспансией новых медиа.

---

* Дорцева Елена Владимировна, e-mail: edortseva@mail.ru

Тем не менее, этот хаос может служить питательной средой для различного рода деструктивного воздействия.

В статье доказано, что в большинстве своем студенческая молодежь ориентирована на традиционные для нашей страны ценности и установки, в первую очередь, на крепкие семейные отношения и добровольческую деятельность. Для почти трех четвертей российского студенчества также характерны высокий уровень нравственности и правосознания. Достаточно позитивно наибольшая часть студентов относится к патриотизму. Тем не менее, безусловно, нужна систематическая, целенаправленная, активная и постоянная воспитательная работа со студентами. В первую очередь, следует совершенствовать нормативную базу, регламентирующую воздействие на молодежь со стороны различных, прежде всего, деструктивных субъектов.

Ключевые слова: жизненные ориентиры, ценности, цифровые СМИ, идеологическая борьба, пропаганда, информационный хаос, деструктивные эффекты.

THE LIFE ORIENTATIONS OF MODERN STUDENTS

Dortseva Elena V., Senior Lecturer at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: edortseva@mail.ru

This article raises the problem of the formation of life guidelines and values of modern Russian students in the context of the formation of an electronic-digital civilization. The author states that non-traditional media based on Internet technologies are extremely popular among young people, especially students. At the same time, it is obvious that trust in traditional media is gradually but steadily giving way to trust in non-traditional media (the blogosphere, social networks, virtual communities and other Web resources). At the same time, these media are actively used by various destructive entities to influence modern students in order to distort information, transform life meanings and values. The author cites the results of studies by various authors related to the dynamics of life orientations of modern youth, which he compares with the results of his own study "Social Communication in Modern Society" conducted among students of the Sociology Faculty of Moscow State University. M.V. Lomonosov. Such a comparison allows us to conclude that although some trends unfavorable for society are traced among a certain part of student youth, they are not expressed as clearly and unambiguously as various authors state.

According to the author, it is hardly possible to deduce stable trends, much less patterns, only from students' answers to one or two, not always correctly formulated questions. In fact, their understanding of the essence of things behind each specific question is much deeper.

There is no consistent tendency to destructive thinking, destructive life orientations in the middle of student youth. At the same time, the thinking of students is sufficiently chaotic, which in many respects can be explained by the virtualization and mediatization of their knowledge, which is explained by the enormous occupation in different social groups and the expansion of new media. Not less, this chaos can serve as a drinking medium for various kinds of destructive activity. It has been proved in the article that in

the majority of its forms the student community is oriented on traditional for our side traditions and institutions, in the first place, on bold seminal relations and voluntary work. A high level of morality and legal knowledge is also characteristic of nearly three quarters of Russian students. A sufficiently positive majority of students have a positive attitude to patriotism. This, without a doubt, requires systematic, thorough, active and systematic educational work with students. In the first place, it is necessary to develop a normative base, which regulates the use of children from the standpoint of various, above all, destructive subjects.

Key words: *life orientations, values, digital media, ideological struggle, propaganda, information chaos, destructive effects.*

В условиях становления электронно-цифровой цивилизации огромной популярностью у молодежной аудитории, особенно студенческой, пользуются нетрадиционные, основанные на технологиях интернета, “новые” СМИ. Так, недавние исследования, проведенные на социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова¹, показывают, что основным источником, из которых молодые люди узнают главные новости о политических событиях в нашей стране и мире для более чем половины студентов (50,62%) являются социальные сети и блоги, а также различные мессенджеры (14,46%). Официальные новостные и аналитические сайты (интернет-медиа) в качестве таких источников обозначили всего 6,73% опрошенных, печатные издания (газеты и журналы) — 3,24% респондентов, а радио — 1,25% молодых людей. При этом очевидно, что доверие к традиционным СМИ постепенно, но устойчиво уступает место доверию к нетрадиционным средствам массовой информации (блогосфере, социальным сетям, виртуальным сообществам и другим Веб-ресурсам). Так, если о своем доверии к традиционным средствам массовой информации (печати, радио, телевидению) высказалась примерно треть (31,08%) опрошенных, то о доверии к новым СМИ — уже около двух пятых (38,9%). И наоборот, около двух пятых (40,85%) студентов заявили о своем недоверии к традиционным средствам массовой информации и только четверть молодых людей (26,43%) высказались о своем недоверии к блогосфере, социальным сетям, виртуальным сообществам, другим веб-ресурсам. 34,66% молодых людей не дали конкретного ответа.

---

¹ Исследование “Социальная коммуникация в современном обществе: сущность и особенности” было проведено в апреле–мае 2024 г. среди бакалавров и магистров социологического факультета МГУ по квотной выборке. Всего был опрошен 401 студент, 76,32% бакалавров и 26,68% магистров, что соответствует структуре состава студентов социологического факультета. Цель исследования — выявление восприятия студентами социологического факультета МГУ сущности и особенностей коммуникационного воздействия на современную молодежь в условиях становления электронно-цифрового общества.

Тем не менее, подавляющее число студентов оценили ту важную роль, которую играют в настоящее время цифровые СМИ в системе современного информационного противоборства. В частности, более половины (52,25%) студентов полностью согласились с утверждением, что “Интернет является эффективным инструментом ведения информационной войны”. Кроме того, почти две трети (61,75%) студентов полностью согласились с утверждением, что “Интернет является эффективным инструментом социального манипулирования”. Также большинство опрошенных — 63,75% полностью (23,5%) или частично (40,25%) опровергли утверждение о том, что “большая часть информации в Интернете является объективной и достоверной”. (При том, что полностью согласились с данным утверждением всего 8,5% опрошенных, а 40,25% ответили, что “скорее согласны”. 7% студентов затруднились с ответом на данный вопрос).

Обращает на себя внимание тот факт, что многие студенты (44,22%) отметили, что они “постоянно за последний год они видели сообщения в Интернете, призывающие к опасному или противоправному поведению”, а значительная часть “сталкивалась с такими явлениями как пропаганда и контрпропаганда”. К наиболее эффективным методам пропагандистского воздействия студенты отнесли: манипулирование (39,09% ответов), внушение (19,04% ответов) и социальное мифотворчество (14,72% ответов).

Не нуждается в специальном доказательстве тот факт, что студенческая молодежь всегда служила наиболее привлекательным объектом для деструктивного воздействия со стороны различного рода субъектов в различные периоды российской истории. В свое время для идеологического противоборства с имперской Россией, а затем — Советским Союзом «западные государства создали огромную многоэтажную пропагандистскую машину, осуществляющую целенаправленную и поэтапную деятельность с целью “разнообразить политику акцента на молодежь”»². И сегодня именно студенческая “молодежь является основным объектом деструктивного воздействия, связанного с искажением информации, смыслов и ценностей”³, которое “существенно облегчается в эпоху бурного развития электронно-цифровых коммуникационных технологий и новых медиа”⁴.

---

² Блинов Н.М. Контр-пропаганда и молодежь. Л., 1980. С. 15.

³ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400. Ст. 52 // Портал “Президент России”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 08.08.2023).

⁴ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400. Ст. 52.

На какие характерные черты современной отечественной студенческой молодежи опираются субъекты деструктивной пропаганды на молодежь для формирования желательных им взглядов, установок, жизненных ориентиров и, в конечном счете, мировоззрения?

Во-первых, на “ослабление системы формального и неформального социального контроля как фактора социализации”⁵ современной студенческой молодежи, что наглядно отражают результаты социологического мониторинга ее ценностных ориентаций⁶.

Во-вторых, на то, что значительная часть студенческой молодежи находится на пороге профессионального самоопределения, нацелена не на созидание, а на активное потребление общественных богатств. Так, в исследовании Е.Ю. Мещаниновой было доказано, что “в целом в системе ценностных ориентаций современных студентов преобладают более прагматичные, эгоцентрические приоритеты и убеждения, а во всех сферах жизни обучающихся важную роль играет материальная составляющая”⁷.

Сегодня ряд исследователей полагают, что “жизненные ориентации современной молодежи изменили свой вектор — от социальной (коллективной) к индивидуальной направленности. Так, ценности социальные — участие в общественной и политической жизни и участие в волонтерской и добровольческой деятельности, помощь другим людям заняли нижние строки ценностных ориентиров. Ученые также констатируют, что, к сожалению, главным стремлением каждого человека стало личное материальное благосостояние, а ценность оплаты труда стала цениться больше свободы или ценности интересной работы. Гражданская позиция и общественные нужды ушли на последние позиции, уступив место проблемам материальной обеспеченности, а среди моральных ценностей возрастает значение индивидуализма и эгоизма, связанных с нарастающей тенденцией к дифференциации себя от других”⁸.

На самом деле, хотя данные тенденции и прослеживаются среди определенной части студенческой молодежи, выражены они не

---

⁵ Сорвин К.В., Сусоколов А.А. Человек в обществе. Система социологических понятий в кратком изложении. М., 2005. С. 56.

⁶ См., например: Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н. Особенности процесса формирования ценностных ориентаций современной российской молодежи и осуществления молодежной политики в Российской Федерации (результаты социологического исследования). М., 2016.

⁷ Мещанинова Е.Ю. Место денег в системе ценностей студентов // Теория и практика общественного развития. 2023. № 11. С. 144.

⁸ Закиров И.М. Жизненные ценности и приоритеты современной молодежи // Экономика и социум. 2016. № 11 (30). С. 546–547.

столь отчетливо и однозначно⁹, как это констатируют различные авторы¹⁰. Это подтверждает уже упомянутое выше исследование на тему “Социальная коммуникация в современном обществе”. В рамках этого исследования, для того, чтобы дать определенный ответ на вопрос о том, в каком именно направлении осуществляется деструктивное воздействие на жизненные ориентиры российского студенчества, какие не соответствующие традиционным российским ценностям конструкты легко усваиваются современными студентами, а какие — нет, им для оценки были предложены утверждения — тезисы. Студентов просили оценить данные тезисы по пятибалльной шкале, на предмет их согласия или несогласия с ними, а также — на соответствие или несоответствие их жизненным ориентирам.

Одна часть утверждений соответствовала базовым установкам и ценностям неолиберальной идеологии. «Ядром идеологии классического либерализма, которая сформировалась в середине 40-м гг. XIX века, является индивидуализм: человек как таковой неизмеримо важнее социальной группы или вообще любого коллектива. В рамках идеологии классического либерализма “индивидуализм” означал приоритет морального достоинства человека перед любыми посягательствами на него со стороны любой группы индивидов, какими бы соображениями целесообразности эти посягательства не поддерживались»¹¹. В данной связи, один из вопросов, которые были заданы студентам, звучал следующим образом: «В какой степени утверждение о том, что “личные интересы всегда должны быть выше общественных”, отвечает Вашим жизненным ориентирам?»

Ответы на этот вопрос показали, что практически равное число студентов как полностью, так и частично, разделяет это утверждение (12,75% и 28,25% соответственно), а также полностью или частично не разделяет (20,75% и 21,25% соответственно). Подобным образом распределились ответы студентов на вопрос о том, «Насколько утверждение о том, что “личные интересы всегда должны быть выше общественных” полностью отвечает Вашим жизненным

---

⁹ См. подробнее: *Осипова Н.Г., Синяков А.В., Елишев С.О., Каневский П.С., Трофимов С.В.* Аналитический отчет по итогам социологического исследования по теме “Социальный портрет современного российского студента”. М., 2018.

¹⁰ См., например: *Петров А.В.* Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений // Социологические исследования. 2008. № 2.

¹¹ *Хейвуд Э.* Политология: Уч. для студ. вузов / Пер. с англ., под ред. Г.Г. Водолазова, В.Ю. Бельского. М., 2005. С. 53–54.

ориентирам?» 28,25% студентов заявили, что оно “скорее отвечает” их жизненным ориентирам, а 21,25% — о том, что “скорее не отвечает”. О том, что оно “совсем не отвечает” их убеждениям заявили 20,75% опрошенных.

Примерно одна пятая (19,35%) молодых людей считают, что утверждение о том, что “Во всех сложных социальных ситуациях надо позаботиться прежде всего о себе” полностью отвечает их жизненным ориентирам. Треть (29,9%) опрошенных заявили, что оно “скорее отвечает” их жизненным ориентирам, а четверть (24,62%) — о том, что “скорее не отвечает”. О том, что оно “совсем не отвечает” их убеждениям ответил лишь каждый шестой опрошенный.

Как отмечают исследователи, “если в классическом либерализме мораль считалась главным регулирующим фактором общественного бытия, то в неолиберализме таким фактором стало материальное благосостояние индивидов, которого можно добиться только с помощью экономики, свободной от вмешательства государства”¹². Соответственно второй, очень важный тезис очень неолиберальной идеологии, а также ключевое кредо тесно связанного с ней экономического фундаментализма¹³ состоит в том, что “критерием успешности человека является уровень его материального достатка”. Как в свое время отмечал выдающийся социолог Р. Мертон, “в рамках американской культуры укоренилась *цель денежного успеха*, что означает одно: на американцев со всех сторон обрушиваются предписания, закрепляющие за ними право, а часто и обязанность сохранять эту цель даже перед лицом непрерывного разочарования. Пользующиеся престижем представители общества усиливают этот культурный акцент. В свою очередь, семья, школа и работа — основные факторы, формирующие структуру личности и целевую структуру американцев — обеспечивают интенсивное дисциплинирующее воздействие, необходимое для того, чтобы индивид сохранял в неприкосновенности цель, которая постоянно от него ускользает, и черпал мотив в надежде на вознаграждение, которая из раза в раз не оправдывается”¹⁴. И “нынешняя американская культура — заключал этот ученый, — продолжает характеризоваться превознесе-

---

¹² Челищев В.И. Либерализм — неолиберализм — рыночный фундаментализм. От концепции свободы к тоталитарной догме // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 172.

¹³ См. подробнее: Осипова Н.Г. Рыночный фундаментализм как источник глобального социального неравенства // Представительная власть. Политика. Экономика. Право. 2018. № 5–6. С. 1–12.

¹⁴ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 250.

нием богатства как основного символа успеха и отсутствием соответствующего акцентирования законных путей, по которым можно было бы проследовать к этой цели”¹⁵.

Тем не менее, распределение ответов российских студентов на вопрос: «Насколько Вы согласны с утверждением о том, что “мерилом успеха каждого человека в обществе является уровень его материального достатка”»? показали, что только 12,75% молодых людей выразили полное с этим утверждением согласие. О том, что они “совсем не согласны” их с данным утверждением заявили почти в два раза больше (22,25%) опрошенных. В то же время их ответы на другой, похожий вопрос: «Насколько (в какой степени) утверждение “мерилом успеха каждого человека в обществе является уровень его материального достатка” отвечает Вашим жизненным ориентирам?» показали, что уже более половины студентов (53,61%) считают его соответствующим своим жизненным ориентирам. Так, о том, что данное утверждение “полностью отвечает” их жизненным ориентирам заявили 18,7% опрошенных, а “скорее отвечает” — 34,91% респондентов. О том, что данное утверждение “совсем не отвечает” их жизненным ориентирам высказались 13,97% молодых людей, а “скорее не отвечает” — 24,19%. В то же время большая часть студентов (64,22%) отмечает, что “материальный достаток ценен только тогда, когда он заработан”.

Исследования, проведенные другими авторами, также показывают, что “доминантой жизненных ценностей и поведенческих приоритетов остается материальное благополучие. В последнее время наблюдается следующая тенденция: молодежь в основном отдает предпочтение не столько духовным и нравственным ценностям, сколько большим деньгам. Например, у 73% из 600 опрошенных молодых людей материальное благополучие является стимулом их жизненной активности. Полезность труда для большинства молодых людей определяется достижениями собственного экономического достатка. При чем ставится в основном цель зарабатывания денег, причем любым доступным путем, лишь бы этот путь приносил доход и чем больше, тем лучше. И поэтому жизненный успех связывается с предприимчивостью и деньгами, а не с талантом, знаниями и трудолюбием”¹⁶.

На самом деле, вряд ли можно выводить устойчивые тенденции, а тем более закономерности, только из ответов студентов на

---

¹⁵ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. С. 254.

¹⁶ См.: Закиров И.М. Жизненные ценности и приоритеты современной молодежи // Экономика и социум. 2016. № 11 (30). С. 546–547.

один-два, далеко не всегда корректно сформулированных вопроса. В данной связи, в рамках проведенного нами исследования, студентам было предложено обосновать собственную точку зрения на тему, обозначенную очередным тезисом, скрытым в вопросе, раскрыть ее видение более детально. В результате стало очевидно, что только “принятие” или “непринятие” какого-либо тезиса, не может служить критерием реальной оценки состояния ценностных ориентаций российских студентов. *Дело в том, что их понимание сути вещей, стоящих за каждым конкретным тезисом и отраженное в высказываниях, оказалось гораздо глубже.*

Так, когда студентов детально обосновывали ответ на вопрос “Почему мериллом успеха человека в российском обществе все чаще считают уровень его материального достатка”? они показывали более вдумчивую и основательную позицию. Это нашло отражение в следующих характерных высказываниях.

“На мой взгляд, такая тенденция присуща современному обществу в целом, поэтому нет ничего необычного в том, что материальные ценности в России занимают довольно высокое место, так как Россия так или иначе взаимодействует с остальными странами; и многие социально-культурные тенденции нашли свое отражение в нашей стране. Более того, можно отметить, что неустойчивое социально-экономическое положение в стране, а в особенности в регионах, также заставляет людей все больше задумываться о своем денежном благосостоянии. Самым сильным инстинктом является инстинкт выживания, что в современном мире напрямую связано с деньгами. Потребность в финансовой стабильности и желание жить в комфортных условиях, сами по себе не являются чем-то негативным. Наоборот, когда человек живет в достойных условиях, то может больше времени посвящать нематериальным аспектам жизни, например, заниматься творчеством, наукой и духовно совершенствоваться. Если говорить о ситуации, в которой человек готов ради материального излишка пожертвовать человеческими принципами, то, разумеется, она ненормальна для любого общества”.

«В современном мире понятие “успех” является очень многогранным и растяжимым. Это понятие определяется множеством различных факторов и включает в себя не только финансовое благополучие и социальный статус. В современном обществе то и дело звучат призывы к переосмыслению представления об успешности. Безусловно, накопление богатства все еще является одним из основных показателей успеха, однако, физическое и психическое здоровье людей приобретает все большую значимость, так как только в здоровом теле и уме возможно полноценное развитие личности.

Также наличие крепких семейных уз и гармония в личной жизни стали в современном мире немаловажными показателями успеха. Разумеется, понятие “успешности” для каждого человека означает что-то свое: для кого-то преуспевание в карьере или достижение материального благосостояния не являются ключевыми аспектами, ведь современный мир призывает к многогранному взгляду на успех, подчёркивая важность во всех сферах жизнедеятельности».

В то же время, к сожалению, часть студентов вполне разделяют индивидуалистические, эгоистические и прагматические установки. Так, ответы на вопрос “В какой степени утверждение о том, что личные интересы всегда должны быть выше общественных, отвечает Вашим жизненным ориентирам”?, полученные от студентов, в известной степени свидетельствуют, что значимая часть (41%) вполне их разделяет: 12,75% молодых людей уверены, что это утверждение “полностью отвечает их жизненным ориентирам”, 28,25% студентов заявили, что оно “скорее отвечает” их жизненным ориентирам, а 21,25% — о том, что “скорее не отвечает”. О том, что оно “совсем не отвечает” их убеждениям заявили 20,75% опрошенных, а 17% респондентов затруднились ответить на данный вопрос.

19,35% молодых людей считают, что утверждение о том, что “Во всех сложных социальных ситуациях надо позаботиться прежде всего о себе” “полностью отвечает” их жизненным ориентирам. 29,9% опрошенных заявили, что оно “скорее отвечает” их жизненным ориентирам, 24,62% — о том, что “скорее не отвечает”. О том, что оно “совсем не отвечает” их убеждениям заявили 15,08% опрошенных. 11,06% опрошенных затруднились ответить на данный вопрос.

Кроме того, наблюдается тенденция к возложению студентами ответственности за собственное благополучие на государство, что, в принципе, вполне естественно для их текущего социального статуса. Так, распределение ответов студентов на вопрос «Насколько (в какой степени) утверждение о том, что “о благах граждан и создавать им все условия для обеспеченной и комфортной жизни должно исключительно государство” отвечает Вашим жизненным ориентирам?» показало, что только 14,36% молодых людей считают, что оно полностью отвечает их жизненным ориентирам. 21,91% студентов заявили, что оно “скорее отвечает” их жизненным ориентирам, а почти половина (46,85%) — о том, что “скорее не отвечает”. О том, что оно “совсем не отвечает” их убеждениям заявили только 2,77% опрошенных. 14,11% респондентов затруднились ответить на данный вопрос.

Среди неолиберальных западных установок, получивших широкое распространение в последнее время, является установка на карьеризм и отложенное деторождение. В данной связи студентам был задан вопрос «Насколько (в какой степени) утверждение о том, что “главное для меня карьера, личная жизнь, семья и дети могут подождать” отвечает Вашим жизненным ориентирам?» Результаты показали, что каждый пятый (20,25%) из молодых людей уверен, что данное утверждение “полностью отвечает” их жизненным ориентирам. Чуть меньше (17,75%) студентов заявили, что оно “скорее отвечает” их жизненным ориентирам, а чуть более четверти (26,5%) — о том, что “скорее не отвечает”. О том, что оно “совсем не отвечает” их убеждениям заявила только примерно четверть (24%) опрошенных, а 11,5% респондентов затруднились с ответом.

В то же время настораживает тот факт, что достаточное число студентов не считают добросовестное отношение к учебе важным фактором в построении карьеры. Поэтому достаточно парадоксальными выглядят ответы на вопрос «Насколько (в какой степени) утверждение о том, что “добросовестное отношение к учебе мало что дает для обеспеченного будущего” отвечает Вашим жизненным ориентирам?»

13,75% молодых людей уверены, что это утверждение “полностью отвечает” их жизненным ориентирам. Чуть больше (17,25%) студентов заявили, что оно “скорее отвечает” их жизненным ориентирам, а 30% — о том, что “скорее не отвечает”. О том, что оно “совсем не отвечает” их убеждениям заявили 29,5% опрошенных. 9,5% респондентов затруднились ответить на данный вопрос. К сожалению, подобные ориентации способствуют утрате интереса к учебе, ведут к халатному поведению по отношению к ней.

Еще одним важным тезисом неолиберальной идеологии является стяжательство, стремление идти к намеченной цели кратчайшим, но не всегда социально оправданным путем. В данной связи показательными являются ответы студентов на вопрос «Насколько (в какой степени) утверждение о том, что “Ничего личного — только бизнес” отвечает Вашим жизненным ориентирам?» Так, лишь каждый десятый студент (10,25%) уверен, что подобное утверждение полностью отвечает их жизненным ориентирам. Чуть больше (14,75%) студентов заявили, что оно “скорее отвечает” их жизненным ориентирам, а 29% — о том, что “скорее не отвечает”. О том, что оно “совсем не отвечает” их убеждениям заявили 33,5% опрошенных, при этом 12,5% респондентов затруднились ответить на данный вопрос.

Широко известно, что определенная часть студенческой молодежи изначально настроена радикально, — именно из среды студентов достаточно часто выходили бунтари и даже террористы. На радикальность настроений студенчества и делают ставку различные субъекты деструктивного воздействия, пытаются распространить в их рядах радикальные (социалистические, анархистские и т.п.) идеологические воззрения. В частности, обращает на себя внимание тот факт, что по мнению более половины молодых людей (60,5% ответов) в настоящее время в России активно ведется идеологическая борьба. При этом к идеологиям, наиболее активно используемым в идеологической борьбе, студенты социологического факультета МГУ отнесли: неолиберализм (46,9% ответов), социализм и коммунизм (20,54% ответов), национализм (17,44% ответов). Такие идеологические построения как феминизм (9,3% ответов), нацизм (1,94% ответов), экологизм (1,94% ответов), анархизм (1,16 % ответов), либерализм (0,39% ответов), как это видно, получили незначительное число ответов.

Одним из тезисов, релевантных как идеологии социализма, так и идеологии анархизма, является тезис о полной отмене частной собственности. Например, цель анархистов — “установление такого строя, где не будет места частной собственности и власти ни под какой формой”¹⁷. Поэтому весьма интересным представляется распределение ответов студентов на вопрос «Насколько Вы согласны с утверждением о том, что “Любая собственность, даже личная — это зло, ее надо экспроприировать у владельцев и сделать общей”?»

Однако результаты исследования показали, что только 4% студентов полностью согласны с утверждением о том, что “Любая собственность, даже личная — это зло, ее надо экспроприировать у владельцев и сделать общей”, а 4,5% студентов — “скорее согласны”. “Совсем не согласны” с такого рода утверждением более двух третей опрошенных (68%), а 13,5% — “скорее не согласны”. Анализ ответов студентов также показал, что только 6,3% молодых людей считают, что утверждение о том, что “Отобрать все и поделить”, как вполне обоснованный лозунг, полностью отвечает их жизненным ориентирам. Примерно столько же (6,55%) опрошенных заявили, что оно “скорее отвечает” их жизненным ориентирам. О том, что оно “совсем не отвечает” их убеждениям заявили более половины (52,9%) опрошенных, а 18,39% — о том, что “скорее не отвечает”.

---

¹⁷ За анархию // Альманах. Сборник по истории анархистского движения в России. Т. 1. URL: <http://karaultheca.ru/rus-an/almanach.htm#30> (дата обращения: 09.01.2023).

Как комментирует одна из студенток, это, по сути, лозунг “отнять имущество у богатых и поделить между бедными”, который «является довольно радикальным. В реальности воплощение этого лозунга в чистом виде приведет к негативным последствиям и, скорее всего, окажется нереализуемым. Во-первых, принудительное изъятие имущества у богатых запустит процесс разрушения экономической системы. Кроме того, распределение имущества будет неравномерным и несправедливым — возникнет коррупция, и система распределения окажется неэффективной, так как крупные чиновники будут пытаться присвоить себе большую часть ресурсов. В конечном итоге могут возникнуть протесты и беспорядки. Поэтому данная инициатива фактически является нереализуемой, поскольку нет точного определения понятий “бедность” и “богатство”, четкая грань между ними отсутствует. Также стоит помнить, что технически реализовать эту инициативу в масштабах государства очень сложно — для этого потребуется большое количество времени и ресурсов. Помимо этого, нет гарантии, что желаемый результат будет достигнут».

О наличии экстремистских жизненных приоритетов могут свидетельствовать ответы студентов на вопрос «Насколько (в какой степени) утверждение о том, что “Любая цель всегда оправдывает средства, в том числе и противоправные” отвечает Вашим жизненным ориентирам?»

Так, только 6,02% молодых людей считают, что утверждение о том, что “Любая цель всегда оправдывает средства, в том числе и противоправные” полностью отвечает их жизненным ориентирам. Чуть больше (9,77%), то есть практически каждый десятый студент заявил, что оно “скорее отвечает” их жизненным ориентирам. О том, что оно “совсем не отвечает” их жизненным ориентирам заявила почти половина (46,87%) опрошенных, а более четверти (27,32%) — о том, что “скорее не отвечает”.

Как отмечает одна из студенток, «однозначного ответа на вопрос “Каждая ли цель оправдывает средства?” нет. Здесь важно учитывать контекст и последствия действий». Другая студентка считает, что «это утверждение ставит под сомнение саму природу морали и справедливости. “Иногда цели бывают настолько масштабными, полезнее и глобальнее, либо важнее для кого-либо, то тогда любой метод, используемый для их достижения, приемлем, независимо от его этических последствий”. Если желаемый результат имеет решающее значение, то сосредоточение на самом эффективном пути, независимо от моральных норм, является разумным. И, хотя это

очень индивидуальный выбор, лично я выбрала бы вариант — достичь желаемого с маниакальным усердием. Даже в моменты, когда кажется, что достичь желаемого результата уже невозможно, всегда можно постараться превзойти себя и заполучить заветную цель — наблюдения из личного опыта».

Как о радикальных жизненных ориентирах студентов, так и об их толерантности к явлениям, не соответствующим традиционным ценностям российского общества, может говорить распределение ответов на вопрос «Насколько (в какой степени) утверждение о том, что “Брак и семья — пережитки прошлого” отвечает Вашим жизненным ориентирам?» Так, большая часть (78,77%) молодых людей не считает соответствующим своим жизненным ориентирам данное утверждение. О том, что данное утверждение “совсем не отвечает” их жизненным ориентирам заявили 53,62% молодых людей, “скорее не отвечает” — 25,19%. О том, что данное утверждение “совсем отвечает” их жизненным ориентирам заявили 6,73% опрошенных; “скорее отвечает” — 7,73% респондентов (6,73% опрошенных затруднились ответить на данный вопрос). Следует отметить, что подобные ответы вполне согласуются с данными ВЦИОМ, согласно которым “в структуре ценностных ориентаций российской молодежи первое место занимают ценности семейные: по 97% назвали важным здоровье членов семьи и безопасность семьи, 96% — отношения в семье, а 95% — материальное положение семьи”¹⁸.

В то же время очень неоднозначно распределились ответы на вопрос «Насколько Вы согласны с утверждением о том, что “Половая распущенность, гомосексуализм и т.п. — вполне безобидные для общества современные явления?»» Так, в сумме более четверти молодых людей выразили или “полное согласие” (13,5%) с утверждением о том, что “половая распущенность, гомосексуализм и т.п. — вполне безобидные для общества современные явления”, или “скорее согласились” с ним (15%). 18,5% ответили, что “скорее не согласны”. О том, что оно “совсем не согласны” заявила чуть более трети (36,25%) опрошенных, а 16,75% респондентов затруднились ответить на данный вопрос.

В то же время для студентов в целом характерно низкое доверие к сектам и культам, о чем свидетельствует распределение ответов на вопрос «Насколько Вы согласны с утверждением о том, что “секты и культы существенно оживляют духовную жизнь общества, более эффективно направляют человека к совершенствованию (указыва-

---

¹⁸ ВЦИОМ. Новости. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения: 10.09.2025).

ют реальный путь к совершенствованию людей)»? Анализ ответов показал, что только 7,75% молодых людей выразили полное согласие с утверждением о том, что «Секты и культы существенно оживляют духовную жизнь общества, более эффективно направляют человека к совершенствованию (указывают реальный путь к совершенствованию людей)». 4,75% студентов заявили, что они «скорее согласны» с данным утверждением, 18,5% — о том, что «скорее не согласны». О том, что оно «совсем не согласны» с данным утверждением заявили уже более половины (57,25%) опрошенных, а 11,75% респондентов затруднились ответить на данный вопрос.

Если говорить о жизненных ориентирах консервативного плана у студентов, то они внушают некоторый оптимизм. Так, распределение ответов студентов на вопрос «Насколько (в какой степени) утверждение о том, что «Социальный порядок и сильная власть — основное условие процветания российского общества»?» показало, что четверть (24,75% студентов) полностью согласны с ним, а треть (29,25%) — «скорее согласны». «Совсем не согласны» с такого рода утверждением лишь 13,75%, а «скорее не согласны» — 13,25% опрошенных.

Так, отвечая детально на вопрос «Можно ли считать, что социальный порядок и сильная власть являются главным условием благополучия общества?» один из студентов пишет: «Благополучие общества предполагает сочетание следующих факторов: безопасности от внутренних и внешних угроз, социально-экономическое благосостояние общества и удовлетворенность самих членов общества. Реализация этих факторов возможна только при совместных усилиях государства и общества. В этом смысле государство имеет право на полноту реализации властных полномочий и обязанность поддерживать безопасность общества, как внутреннюю, так и внешнюю. Общество же обладает правом на защиту своих интересов при принятии политических решений, на социально-экономическое благополучие и обязуется соблюдать нормы общественного порядка.

Только сильная государственная власть может отстаивать национальные интересы на международной арене и выступать в роли регулятора внутренних противоречий между различными социальными группами внутри государства. Социальный порядок зависит от соблюдения гражданами своих правовых обязанностей. Исполнение обязанностей способствует и удовлетворенностей самих членов: «свобода каждого члена общества заканчивается там, где начинается свобода другого», поэтому для того, чтобы каждый

член общества ощущал себя счастливым, нужно соблюдать общие условия, порядок».

Кроме того, отвечая на вопрос «Насколько Вы согласны с утверждением о том, что “Активно интересоваться политикой — бессмысленное занятие, все равно от меня ничего не зависит?”» лишь 9,75% молодых людей выразили полное согласие. 16,25% студентов заявили, что они “скорее согласны” с таким утверждением, а треть (30%) — о том, что “скорее не согласны”. О том, что они “совсем не согласны” с данным утверждением заявила треть (33,75%) опрошенных. (10,25% респондентов затруднились ответить на данный вопрос).

Комментируют свои ответы студенты следующим образом.

“Каждый ли сознательный гражданин должен интересоваться политикой? Во-первых, с точки зрения определения роли политики, политика — это очень важное социальное явление, которое существует в человеческом обществе и влияет на все аспекты человеческой жизни. Политика включает в себя множество аспектов, таких как вооруженные силы, право, институты режима, группы политических партий и т.д., и является важной частью надстроечного поля. Поэтому понимание политики имеет решающее значение для понимания функционирования общества и собственных прав и интересов. Во-вторых, с точки зрения политического участия, право людей на участие в политической жизни является одним из их основных прав. Хотя участие в политической жизни требует времени и энергии, понимание политической динамики и участие в политической деятельности может помочь защитить права и интересы человека и обеспечить социальную справедливость. Каждый может выражать своё мнение и требования через законные каналы для содействия социальному прогрессу. Однако интерес к политике также зависит от личных предпочтений и способностей человека. *Таким образом, каждый сознательный гражданин не обязательно должен интересоваться политикой, но владение базовыми политическими знаниями и участие в политической деятельности — важные способы защиты своих прав и интересов, а также социальной справедливости”.*

Также ничтожное число — 4,76% молодых людей выразили полное согласие с утверждением о том, что “Только глупые люди участвуют в общественных мероприятиях”. 4,01% студентов заявили, что они с таким утверждением “скорее согласны”, 23,06% — о том, что “скорее не согласны”. О том, что они “совсем не согласны” с этим утверждением заявили более половины (56,64%) опро-

шенных, а 11,53% респондентов затруднились ответить на данный вопрос.

Распределение ответов студентов на вопрос «Насколько Вы согласны с утверждением о том, что “Права отдельного человека в обществе должны ограничиваться или расширяться в зависимости от его этнической принадлежности”?» показало, что только 5,28% молодых полностью согласны с этим утверждением. 5,03% студентов — “скорее согласны” с ним, 10,55% — “скорее не согласны”. О том, что они “совсем не согласны” с таким утверждением заявили почти две трети (65,58%) опрошенных, а 13,57% респондентов затруднились ответить на данный вопрос.

В целом проведенные нами исследования показывают, что устойчивой тенденции к деструктивному мышлению, деструктивным жизненным ориентирам в среде студенческой молодёжи не наблюдается. Гораздо более выражено укоренение неолиберальных установок и ориентаций на материальный достаток, что вполне естественно в условиях установленного социального порядка. В то же время, мышление студентов достаточно хаотично, что во многом можно объяснить виртуализацией и медиатизацией их сознания, обусловленного чрезмерным общением в различных сетевых сообществах и экспансией новых медиа. Тем не менее, этот хаос может служить питательной средой для различного рода деструктивного воздействия.

В современном “цифровом” мире значимая роль средств массовой информации применительно к формированию массовых предпочтений, реакций, ценностных норм и представлений о реальной действительности во многом определяется информационными перегрузками, в условиях которых огромные массивы информации не поддаются структурированию и упорядочиванию простым обывателем. В результате в его сознании формируется своего рода информационный хаос, а в конечном счете, человек оказывается в плену сконструированных образов, которые создают новый мир, являющейся подобием подлинной реальности. Обозначенная тенденция во многом влияет на состояние психики части молодых людей, влечет за собой развитие тревожных, панических или депрессивных состояний, способствует многочисленным социально деструктивным эффектам¹⁹.

В то же время, результаты исследований, проведенных на социологическом факультет, показали, что, по мнению студентов, их

---

¹⁹ См. об этом: *Осипова Н.Г.* Цифровая медиатизация общества: деструктивные эффекты // Социология массовой коммуникации. М., 2025. С. 291–316.

отличают такие социально-психологические качества как доброта (87,47% ответов), отзывчивость (86,78% ответов), стремление к учебе и знаниям (85,28% ответов), трудолюбие (80,05% ответов), Кроме того, значительная часть студентов “полностью” или “преимущественно” ориентирована на здоровый образ жизни (47,63% и 39,4% ответов соответственно), а также на занятия физической культурой и спортом (53,5% и 37,5% ответов соответственно).

Следует отметить, что в большинстве своем студенческая молодежь (61,5%) ориентирована на традиционные для нашей страны ценности и установки, в первую очередь, на крепкие семейные отношения (72,94%) и добровольческую деятельность (79,5%). Для почти трех четвертей российского студенчества также характерны высокий уровень нравственности (76,69) и правосознания (74,25%). Достаточно позитивно наибольшая часть студентов (76,38%) относится к патриотизму.

Среди негативных явлений, распространенных, по мнению студентов, в их среде были отмечены (по степени убывания распространенности): карьеризм, потребительство, подражание западному образу жизни, праздный образ жизни, эгоизм, приспособленчество и равнодушие.

Исследования показали, что, по мнению респондентов, чтобы конструировать позитивное окрашенные и социально-значимые ценностные ориентации у студенческой, нужно формировать ее мировоззрение с опорой на общечеловеческие, духовно-нравственные и патриотические ценности (63,9%), оперативно решать проблемы трудоустройства и приобретения устойчивого социального положения молодежи (42,6%), усовершенствовать воспитательную работу в вузах и организовать молодежный досуг (по 34,4%), а также укреплять законодательную базу социальной работы с молодежью и обеспечить скоординированную работу всех субъектов профилактики деструктивных влияний (по 13,1% ответов). Очень важно активно реализовывать мероприятия, направленные на формирование у молодежи мотивации к восприятию пропаганды социальных ценностей и значимости здорового образа жизни²⁰. И, безусловно, нужна систематическая, целенаправленная, активная и постоянная воспитательная работа со студентами. Но, в первую очередь,

---

²⁰ Арсланбекова Э.М., Попова Н.В. Здоровый образ жизни как ценность современной // Инновационный потенциал молодежи: гражданственность, профессионализм, творчество: сборник научных трудов Международной молодежной научно-исследовательской конференции (Екатеринбург, 24 ноября 2020 г.). Екатеринбург, 2020. С. 66–71. URL: <http://hdl.handle.net/10995/97444> (дата обращения: 12.07.2023).

следует совершенствовать нормативную базу, регламентирующую воздействие на молодежь со стороны различных, прежде всего, деструктивных субъектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арсланбекова Э.М., Попова Н.В. Здоровый образ жизни как ценность современной // Инновационный потенциал молодежи: гражданственность, профессионализм, творчество: сборник научных трудов Международной молодежной научно-исследовательской конференции (Екатеринбург, 24 ноября 2020 г.). Екатеринбург, 2020. С. 66–71. URL: <http://hdl.handle.net/10995/97444> (дата обращения: 10.09.2025).

Блинов Н.М. Контр-пропаганда и молодежь. Л., 1980.

ВЦИОМ. Новости. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения: 23.02.2025).

За анархию // Альманах. Сборник по истории анархистского движения в России. Т. 1. URL: <http://karaultheca.ru/rus-an/almanach.htm#30> (дата обращения: 9.01.2023).

Закиров И.М. Жизненные ценности и приоритеты современной молодежи // Экономика и социум. 2016. № 11 (30). С. 546–547.

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006.

Мецианинова Е.Ю. Место денег в системе ценностей студентов // Теория и практика общественного развития. 2023. № 11.

О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400. Ст. 52. // Портал “Президент России”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 08.08.2023).

Осипова Н.Г. Рыночный фундаментализм как источник глобального социального неравенства // Представительная власть. Политика. Экономика. Право. 2018. № 5–6. С. 1–12.

Осипова Н.Г. Цифровая медиатизация общества: деструктивные эффекты / Социология массовой коммуникации. М., 2025.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н. Особенности процесса формирования ценностных ориентаций современной российской молодежи и осуществления молодежной политики в Российской Федерации (результаты социологического исследования). М., 2016.

Осипова Н.Г., Синяков А.В., Елишев С.О., Каневский П.С., Трофимов С.В. Аналитический отчет по итогам социологического исследования по теме “Социальный портрет современного российского студента”. М., 2018.

Петров А.В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений // Социологические исследования. 2008. № 2.

Сорвин К.В., Сусоколов А.А. Человек в обществе. Система социологических понятий в кратком изложении. М., 2005.

Хейвуд Э. Политология: Уч. для студ. вузов / Пер. с англ., под ред. Г.Г. Водозова, В.Ю. Бельского. М., 2005.

Челищев В.И. Либерализм — неолиберализм — рыночный фундаментализм. От концепции свободы к тоталитарной догме // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4.

REFERENCES

VCIOM. Novosti [VTsIOM. News]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (data obrashcheniya: 23.02.2025) (in Russian).

Arslanbekova E.M., Popova N.V. Zdorovyj obraz zhizni kak cennost' sovremennoj [Healthy lifestyle as a value of the modern] // Innovacionnyj potencial molodezhi: grazhdanstvennost', professionalizm, tvorchestvo: sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj molodezhnoj nauchno-issledovatel'skoj konferencii (Ekaterinburg, 24 noyabrya 2020 g.). Ekaterinburg, 2020. S. 66–71. URL: <http://hdl.handle.net/10995/97444> (data obrashcheniya: 10.09.2025) (in Russian).

Blinov N.M. Kontr-propaganda i molodyozh' [Counter-propaganda and youth]. L., 1980 (in Russian).

Chelishchev V.I. Liberalizm — neoliberalizm — rynochnyj fundamentalizm. Ot koncepcii svobody k totalitarnoj dogme [Liberalism — neoliberalism — market fundamentalism. From the concept of freedom to totalitarian dogma] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2015. N 4 (in Russian).

Hejvud E. Politologiya: Uchebnik dlya studentov vuzov [Political Science: A textbook for students of higher education institutions] / Per. s angl., pod red. G.G. Vodolazova, V.Yu. Bel'skogo. M., 2005 (in Russian).

Merton R. Social'naya teoriya i social'naya struktura [Social theory and social structure]. M., 2006 (in Russian).

Meshchaninova E.Yu. Mesto deneg v sisteme cennostej studentov [The place of money in the system of students' values] // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2023. N 11 (in Russian).

O strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02.07.2021 g. N 400. St. 52 [On the national security strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 07/02/2021 No. 400. Art. 52] // Portal "Prezident Rossii". URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (data obrashcheniya: 08.08.2023) (in Russian).

Osipova N.G. Rynochnyj fundamentalizm kak istochnik global'nogo social'nogo neravenstva [Market fundamentalism as a source of global social inequality] // Predstavitel'naya vlast'. Politika. Ekonomika. Pravo. 2018. N 5–6. S. 1–12 (in Russian).

Osipova N.G. Cifrovaya mediatizaciya obshchestva: destruktivnye efekty [Digital mediatization of society: destructive effects] // Sociologiya massovoj kommunikacii. M., 2025 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B., Monahov D.N. Osobennosti processa formirovaniya cennostnyh orientacij sovremennoj rossijskoj molodyozhi i osushchestvleniya molodyozhnoj politiki v Rossijskoj Federacii (rezul'taty sociologicheskogo issledovaniya) [Features of the process of formation of value orientations of modern Russian youth and the implementation of youth policy in the Russian Federation (results of a sociological study)]. M., 2016 (in Russian).

Osipova N.G., Sinyakov A.V., Elishev S.O., Kanevskij P.S., Trofimov S.V. Analiticheskij otchet po itogam sociologicheskogo issledovaniya po teme "Social'nyj portret sovremennogo rossijskogo studenta" [Analytical report on the results of a sociological study on the topic "Social portrait of a modern Russian student"]. M., 2018 (in Russian).

Petrov A.V. Cennostnye predpochteniya molodyozhi: diagnostika i tendencii izmenenij [Value preferences of young people: diagnostics and trends of change] // Sociologicheskie issledovaniya. 2008. N 2 (in Russian).

Sorvin K.V., Susokolov A.A. Chelovek v obshchestve. Sistema sociologicheskikh ponyatij v kratkom izlozhenii [Man in society. The system of sociological concepts in brief] . M., 2005 (in Russian).

Za anarhiyu [For anarchy] // Al'manah. Sbornik po istorii anarhistikogo dvizheniya v Rossii. T. 1. URL: <http://karaultheca.ru/rus-an/almanach.htm#30> (data obrashcheniya: 09.01.2023) (in Russian).

Zakirov I.M. Zhiznennye cennosti i priorityety sovremennoj molodyozhi [Life values and priorities of modern youth] // Ekonomika i socium. 2016. N 11 (30). S. 546–547 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИЙ

DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-2-242-261

ЭВОЛЮЦИЯ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ТЕКСТА: ОТ ЦИВИЛИЗАЦИИ НАДПИСЕЙ К ЦИВИЛИЗАЦИИ ВСЕОБЩЕЙ РЕКЛАМЫ

Л.О. Терновая, докт. ист. наук, проф., проф. кафедры социологии и управления Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ), Ленинградский пр., д. 64, г. Москва, Российская Федерация, 125319*

А.В. Багаева, канд. социол. наук, доц., доцент кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1, стр.33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

В статье дан развернутый экскурс в историю коммуникативной культуры, особенности которой можно исследовать с помощью такого одновременно открытого и загадочного источника, как надписи. Начиная с огромного массива надписей Индской цивилизации человечество, с одной стороны, транслировало ценную для себя информацию, а, с другой, старалось скрыть за графикой надписи суть послания, сделав ее доступной лишь посвященным. Развитие коммуникативной культуры человечества авторы прослеживают на примерах геоглифов, гравюр, государственной символики, рекламы, транспарантов, граффити, монументального искусства и т.п. Каждый новый период привнес не только иное содержание в искусство надписей, он активно расширял инструментарий его преобразования, делал созвучным запросу изменившегося информационного поля.

При этом широчайший набор смыслов таких надписей, который может отражать политические, социальные, духовные идеи, выражаемые понятно или запутанно, философски или приземленно, снобистски или панибратски, сводится к двум главным функциям надписей, которые они пронесли на протяжении тысячелетий: сигнальной и магической. Они характерны и для современных надписей, независимо от их личного или публичного проявления, социально-политического или экономического предназначения, используемого для нанесения инструмента и поверхности, на которую наносится надпись. Это дает основания видеть в коммуникативной культуре XXI в. преемника древней “Цивилизации надписей”, которая не исчезла, но преобразовалась. Гибель ее более ранних фрагментов поучительна с точки зрения того, что,

* Терновая Людмила Олеговна, e-mail: 89166272569@mail.ru

** Багаева Алиса Валерьевна, e-mail: BagaevaAV@my.msu.ru

возможно, к их трагическим завершениям привело неумение и нежелание людей разобраться с формой и содержанием посланий, скрытыми за затейливой графикой надписей.

Ключевые слова: коммуникация, цивилизация, текст, надпись, геоглиф, плакат, лозунг, реклама.

THE EVOLUTION OF TEXT VISUALIZATION: FROM THE CIVILIZATION OF INSCRIPTIONS TO THE CIVILIZATION OF UNIVERSAL ADVERTISING

Ternovaya Ludmila O., D.Phil. in Historical Sciences, Professor, Professor of the Sociology and Management Chair of Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), Leningradsky Pr., 64, Moscow, Russian Federation, 125319, e-mail: 89166272569@mail.ru

Bagaeva Alisa V., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology of Communicative Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: BagaevaAV@my.msu.ru

The article provides a detailed excursion into the history of communicative culture, the features of which can be explored with the help of such open and mysterious source as inscriptions. Starting from the huge array of inscriptions of the Indus civilization, humanity, on the one hand, broadcast valuable information for itself, and, on the other, tried to hide the essence of the message behind the graphics of the inscription, making it accessible only to the initiated. The authors trace the development of the communicative culture using examples of geoglyphs, engravings, state symbols, advertising, banners, graffiti, monumental art, etc. Each new period has not only brought a different content to the art of inscriptions but also actively expanded its tools for transformation making it consonant with the demands of the changed information field.

At the same time, the widest range of meanings of such inscriptions, which can reflect political, social, spiritual ideas comes down to two main functions which inscriptions have carried for thousands of years: signaling and magical ones. They are also typical of modern inscriptions, regardless of their personal or public manifestation, socio-political or economic purpose, the tool and the surface used to make an inscription. This gives a reason to see in the communicative culture of the 21st century successor to the ancient "Inscription Civilization" which was transformed. The destruction of its earlier fragments is enlightening in a sense that it might have resulted from the inability and unwillingness of people to understand the form and content of the messages hidden behind the intricate graphics of the inscriptions.

Key words: communication, civilization, text, inscription, geoglyph, poster, slogan, advertisement.

Около тридцати пяти тысяч лет отделяет нас от периода, которым датируется появление первых наскальных рисунков. Эти изображения, расположенные на стенах пещер, служили ценным сред-

ством коммуникации для древних людей, отражая их социальные взаимодействия и культурные практики. Прошло еще много времени до того, как у человечества появилась письменность. Ее первые знаки, во многом повторяющие ранние рисунки и представленные в виде пиктограмм, относятся учеными к середине четвертого тысячелетия до н.э.

Специалисты до сих пор ведут изыскания, позволяющие проникнуть в смыслы посланий, найденных в Месопотамии, долине Инда, Египте и других местах нашей планеты, где формировались ранние центры цивилизации¹. Как известно, цивилизация — это не только совокупность материальных достижений, но и система социальных отношений, норм и ценностей, объединяющих людей. Именно многогранность этого понятия позволяет объединять разрозненные артефакты, свидетельствующие о наличии у людей, проживавших в том месте и в то время, общих интересов, ценностей и верований.

Наличие первых письменных сведений о жизни таких общностей позволяет говорить о существовании “цивилизации надписей”. Это определение чаще всего относится к письменности долины Инда (Хараппской цивилизации), расцвет которой приходится на 2400–1800 гг. до н.э. Возникновение письменности датируется приблизительно периодом 2700–2500 гг. до н.э.

Определение “цивилизация надписей” оправдано еще и тем, что таит в себе загадку: хараппская письменность, несмотря на то что известна исследователям по нескольким тысячам кратких надписей, до сих пор остается нерасшифрованной. Попыток ее дешифровки было немало. Американский археолог Грегори Луис Поссель насчитывал шесть десятков разных исследовательских проектов. Однако среди тех, кто их пытался реализовать, не было общих взглядов на значение символов². Это подчеркивает важность социокультурного контекста для понимания письменности: символы могут иметь разные значения в зависимости от социальных, культурных и исторических условий.

Сейчас специалистам доступно более пяти с половиной тысяч печатей и других артефактов Индской цивилизации; почти половина из них содержит хотя бы один распознаваемый знак. Несмотря на то, что большинство предметов с надписями были найдены в Мохенджо-Даро и Хараппе, встречаются артефакты со схожими

---

¹ Гельб И.Д. История письменности. От рисуночного письма к полноценному алфавиту. М., 2017.

² Possehl G.L. Indus age: the writing system. Philadelphia, 1996.

надписями из Месопотамии, Элама, Бахрейна и Средней Азии, что говорит о взаимодействии различных культур и народов.

Исследователями разработана подробная классификация надписей. Она содержится в монографии советского и российского этнографа М.Ф. Альбедиль, где представлены различные переводы хараппских текстов³. Наиболее обширная группа письменных памятников представлена печатями, изготовленными, как правило, из стеатита, терракоты и фаянса. Печати сопровождаются рисунками в виде животных или символами. Альбедиль объединяет эти источники в такие блоки, как “охрана, защита”, “власть”, “год”, “дом”. Также имеются надписи, которые относятся к жертвенным и церемониальным. Известна незначительная группа глиняных браслетов и нагрудных подвесок с надписями, которые относятся учеными к знакам отличия.

Специалисты старались расшифровать эти надписи, обращаясь к хеттскому и шумерскому языкам и письменности ронго-ронго. Советские ученые под руководством Ю.В. Кнорозова использовали методы математического анализа структуры и грамматики текста для дешифровки. Группа ученых под руководством индийского археолога д-ра С.Р. Рао осуществила статистический и компаративный анализы документов⁴. Сравнивались как древние шумерское логографическое письмо, старо-тамилская абугида и санскрит Ригведы, так и современные языки — английский и язык программирования Фортран. В результате этой огромной работы родилась гипотеза об отнесении этих надписей к языку дравидской семьи.

Бахата Ангшумали Мухопадхай, индийский специалист в области высоких технологий, применила к расшифровке текстов из Хараппы и Мохенджо-Даро искусственный интеллект. Это позволило выдвинуть новую гипотезу о том, что у древних авторов из этого региона существовал своеобразный код, схожий с китайским письмом или древнеегипетскими иероглифами⁵. Хараппские тексты на печатях и глиняных табличках выступали как закодированные шаблоны, сохраняя информацию о торговых операциях в поселениях Хараппского государства.

К “цивилизациям надписей” можно с полным правом отнести и китайскую традицию письменности. Иероглифические надписи на гадательных костях, фиксирующие результаты гадания, получи-

---

³ Альбедиль М.Ф. Протоиндийская цивилизация: Очерки культуры. М., 1994.

⁴ Rao S.R. Lothal and the Indus civilization. N.Y., 1973.

⁵ Передельский Д. Тексты Хараппской цивилизации признали логографическим кодом // Российская газета. 2020. 6 янв.

ли название цзягувэнь — “письмена на черепаших панцирях и костях”. Их относят к 1400 г. до н.э. Искусство писать на костях и гадать по надписям было сложным делом. Оно оставалось привилегией высшей аристократии Древнего Китая. Смысл появившихся линий судьбы затрагивал вопросы урожайности, успеха в охоте, победы в битве с врагами, появившимися на границе, и др.

В современном Китае ценят древнее умение цзягувэнь, возведенное в ранг искусства. Перед главным зданием Музея китайских иероглифов в Аньяне (провинция Хэнань) установлена золотая арка в форме знака цзы — иероглифа, выполненного в стиле цзягувэнь. А каллиграфическая вывеска музея выполнена 5-м Председателем КНР Цзян Цзэмином, который, как и его предшественник Дэн Сяопин и многие другие правители Китая от императоров до “великого кормчего” Мао Цзэдуна, по торжественным случаям делали каллиграфические надписи, что в назидание потомству высекались на камне, вырезались на деревянных досках, копировались на бумаге. Музей содержит в своей коллекции также древние иероглифические надписи на бронзе, шелке, бамбуковых планках, монетах и печатях, шедевры китайской каллиграфии разных эпох и стилей, образцы письменностей национальных меньшинств Китая. Обширное собрание должно способствовать приданию музею статуса международного центра изучения и продвижения китайской письменности.

В 2001 г. был принят первый в истории Китая закон о языке и письменности. Языковая политика и языковая наука стали частью всеобъемлющих преобразований экономики, социальной сферы, науки и культуры. Классический язык вэньянь вновь начал изучаться в школе. Вэньянь — письменный язык, использовавшийся в Китае до начала XX столетия. Из-за того, что иероглифическая письменность главным образом передает значение, а не звучание слова, вэньянь сохранил синтаксические и морфологические нормы древнекитайского языка. В результате этого к XX в. он уже существенно отличался от разговорного китайского языка — байхуа. Официальный статус вэньянь потерял после начала студенческого Движения 4 мая 1919 г., одним из требований участников которого была отмена вэньяня и переход на байхуа. Но в современном китайском языке сохраняется много элементов вэньяня. Сейчас также восстановлен обычай публичной декламации канонических текстов, которые древние китайцы считали написанными на “изысканном языке”. Развитие языка, письменности, языкознания не только связывается с успешным развитием страны, но и интерпретируется

как составная часть “культурной безопасности государства”, благоприятного международного имиджа Китая.

Черты “цивилизации надписей” доносит до нас письменность древних германцев, известная как руны. Она датируется чуть более поздним временем, чем хараппские надписи или китайские иероглифы, поскольку была в употреблении на территории современных Дании, Швеции и Норвегии с I — II по XII в., в Исландии и Гренландии в X — XIII вв., а в шведской провинции Даларна сохранялась до XIX столетия. Несмотря на относительную «молодость», эта письменность вызывает не меньше научных споров и еще больше околонучных фантазий. Руны, имевшие угловатую отличительную форму, наносились посредством высекания или вырезания на камень, металл, дерево, кость. Рунические алфавиты были у древних тюрков, венгров и болгар, что свидетельствует о культурных обменах между различными народами и их стремлении к самовыражению через письменность как способу передачи знаний и традиций.

Термин “руны” идет от древнегерманского корня *run*, означающего тайну, также есть древнемецкий глагол *runen*, передающий смысл “таинственного нашептывания”. Вероятно, он отражал представления о разговорах человека с древними рунами, имевшими магические свойства. Кроме того, получили распространение рунические календари, связанные с календарной обрядностью.

В социологическом контексте руны могут рассматриваться как символы культурной идентичности и коллективной памяти. Они отражают не только магические и мистические представления, но и социальные структуры, обряды и традиции, которые объединяли сообщества. Использование рун в различных ритуалах и праздниках подчеркивало важность общности и принадлежности к определенной культуре. В этом смысле руны служили не только средством общения с миром духов, но и способом укрепления социальной связи между членами общества.

В Северной Европе руны были вытеснены латиницей. А для территории, населенной восточными славянами, значимым стало распространение кириллицы. Любопытно, что древнейшая древнерусская кириллическая надпись на глиняном кувшине, относящаяся ко второй четверти — середине X столетия и найденная в 1949 г. в одном из Гнездовских курганов под Смоленском, также угловатостью напоминает руны⁶. Содержащий надпись глиняный кувшин отно-

---

⁶ Авдусин Д.А., Тихомиров М.Н. Древнейшая русская надпись // Вестник Академии наук СССР. 1950. № 4. С. 71–79.

сится к крымскому производству. С местом происхождения предмета согласны специалисты, но они спорят по поводу содержания надписи. Есть разные версии: гороушна, т.е. “горчица”; гороухца — ценные “пряности”, например, перец; гороуща, т.е. “горючее”; гороуниа — именительный падеж притяжательного прилагательного: от славянского личного имени Горун. Учитывая сакральность обычая разбивать сосуд, принадлежавший умершему, при насыпке кургана, ученые также предполагают, что на горшок могло быть нанесено имя Горун или Горунша, принадлежавшее похороненному в кургане воину-купцу, ходившему “из варяг в греки”⁷.

Невозможно не восхищаться красотой арабской вязи. В исламе, в частности, в хадисах Пророка Мухаммада, существует запрет на изображение любых живых существ. Причина запрета объясняется тем, что живописуя любое живое существо, человек, рисуя глаза, пытается оживить это существо. Таким образом, художник стремится стать творцом, подобным самому Аллаху, что является большим грехом. Поэтому исламская культура смыслы, передаваемые обычно посредством рисунков, научилась транслировать с помощью надписей. Письмо, которое берет истоки от набатейского алфавита, восходящего к арамейскому, а также искусство калама (калама — тростниковая палочка, основной инструмент для письма в исламском мире) приравниваются к сотворению человека или сопоставляются с ним. Мусульмане верят, что письмо есть видимое воплощение слова Аллаха; оно является сакральным искусством, обязанным появлением божественному вмешательству.

Очень много загадок, связанных с письменностью, оставили цивилизации доколумбовой Америки. Одной из нерасшифрованных тайн остаются геоглифы — письменные знаки, нанесенные на поверхность Земли. Именно такие линии и рисунки есть в пустыне Наска (исп. Nazca) на южном побережье Перу. Расцвет этой своеобразной археологической культуры приходится на период от 300 г. до н.э. до 800 г. н.э. Ее представители создали церемониальный город Кауачи и впечатляющую систему подземных акведуков, функционирующих и сейчас. На плато можно увидеть тысячи почти идеальных прямых и огромных усеченных треугольников, большое количество правильных спиралей и необычных по дизайну рисунков. Поскольку рисунки, нанесенные на склоны холмов, можно заметить только с большой высоты, они были открыты лишь в 1939 г., когда

---

⁷ *Медынцева А.А.* Надписи на амфорной керамике X — начала XI в. и проблема происхождения древнерусской письменности // *Культура славян и Русь. Сборник посвящен 90-летию со дня рождения академика Б.А. Рыбакова.* М., 1998. С. 176–195.

над плато пролетел на самолете американский археолог Пол Косок. Большой вклад в исследование загадочных линий внесла немецкий археолог и математик Мария Райхе, начавшая исследование рисунков в 1941 г. Она сумела сфотографировать их с воздуха, воспользовавшись помощью военной авиации. В 1994 г. линии Наска были внесены в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

В социологическом плане геоглифы Наски можно рассматривать как выражение культурной идентичности и социального взаимодействия древних народов Перу. Эти знаки могли выполнять ритуальные функции и служить символами объединения сообщества вокруг общих верований и практик. Исследования показывают, что такие формы искусства не только отражали эстетические предпочтения своих создателей, но и играли важную роль в формировании социальной структуры и взаимодействия между различными группами населения региона.

Известно несколько десятков тысяч геометрически правильных линий и фигур, нанесенных на плато Наска. Помимо геометрических фигур в этом районе немало и других самых разнообразных рисунков. Большинство из них достаточно примитивны: напоминают изображения на керамике и тканях культуры Наска, существовавшей полторы тысячи лет назад. От примитивных рисунков геометрические фигуры отличаются тем, что их очень немного — около 30–40. Линии наносили на поверхность пустыни в виде борозд до 135 сантиметров шириной и до 40–50 сантиметров глубиной. При этом на черной каменистой поверхности образуются белые полосы. Поскольку белая поверхность нагрета меньше, чем черная, создается разница давления и температур, что приводит к тому, что линии не страдают в песчаных бурях. Сделаны эти линии в абсолютно иной манере, чем творчество проживавших здесь индейцев Наска. Если древние насканцы изображали в основном человекоподобных богов, то среди рисунков в пустыне совершенно нет антропоморфных изображений. Встречаются либо изображения животных и растений, либо замысловатые геометрические построения.

Существующие версии создания этих изображений, включая официальную ритуально-религиозную, не дают исчерпывающего объяснения феномену. В рамках одного из исследований феномена Наска возникла необходимость прорисовки изображений в графическом редакторе. В результате выяснилось, что все рисунки животных и растений, во-первых, выполнены одной непрерывающейся линией, имеющей вход-выход; во-вторых, очень хорошо выверены по осям; в-третьих, гармоничны — любое отклонение приводит к видимой потере пропорций.

В книге “Тайна пустыни” Райхе отмечала: “Длина и направление каждого отрезка были тщательно промерены и зафиксированы. Приблизительных промеров было бы недостаточно, чтобы воспроизвести такие совершенные очертания, которые мы видим с помощью аэрофотосъемки: отклонение всего на несколько дюймов исказило бы пропорции рисунка». Фотографии, сделанные таким образом, помогают представить, какого труда это стоило древним умельцам. Древние перуанцы, возможно, обладали оборудованием, которого нет даже у нас и которое, в совокупности с древними знаниями, тщательно скрывалось от завоевателей как единственное сокровище, которое нельзя похитить”⁸.

Райхе особо интересовали закругления и изящные кривые в очертаниях рисунков. Почти все закругления фигур выполнены математически выверенными кривыми. Во время исследования изображений обнаружилось, что при использовании кривой Безье, одного из основных инструментов любой графической программы, редактор часто сам прорисовывал похожие контуры рисунков. Эти кривые были разработаны в 1960-х гг. французским инженером Пьером Безье из компании Renault Group (“Рено”) специально для автомобильного дизайна. Они имеют достаточно сложное математическое описание. При широком распространении компьютерного проектирования кривые Безье используются в архитектуре, технике и т.п. Удивительно, что они же оказались основным инструментом при прорисовке изображений плато Наска, где самый изящный рисунок, известный как Паук, составлен только из компьютерных кривых Безье. Если взглянуть на трехсотметровую правильную кривую, изображающую зоб у самого большого рисунка в пустыне — Большого Пеликана, хорошо видного на спутниковых картах Google, то будет напрашиваться сравнение с кривыми Безье. Еще фантастичнее то, что древние мастера рисовали проекции трехмерных изображений, учитывая перспективу.

Геоглифы можно рассматривать как свидетельство сложной социальной структуры и культурной идентичности народа Наска. Рисунки могут отражать не только религиозные или ритуальные аспекты жизни древних людей, но и их социальные связи и взаимодействия с окружающим миром. Например, создание таких масштабных произведений искусства требует коллективных усилий и координации внутри общества, что говорит о наличии организованных групп и социальной структуры.

---

⁸ Цит. по: *Алексеев И.* Рисунки Наска — компьютерная графика? // Независимая газета. 2011. 28 сент.

Кроме того, геоглифы могут служить символами общинной идентичности и культурной памяти. Они могли выполнять функцию коммуникации между различными группами населения или даже использоваться для навигации по территории. Таким образом, изучение плато Наска не ограничивается только археологическими или художественными аспектами; оно также открывает окно в социокультурные процессы и взаимодействия древних народов Южной Америки.

К новейшим версиям относится принадлежность геоглифов к сложной системе оросительных каналов. Это подчеркивает важность водных ресурсов для социальной организации и выживания населения региона. Исследования показывают, что наличие продуманных систем орошения могло способствовать развитию сельского хозяйства и обеспечению продовольственной безопасности, что в свою очередь могло влиять на рост населения и социальную структуру общества Наска.

Однако почему эти линии обретают смысл, пусть не до конца прочитываемый нами, только когда на них смотришь с большой высоты? Кому были адресованы эти послания? Среди ответов на эти вопросы есть такой, который указывает, что адресатами надписей являлись не боги, не пришельцы из космоса, а люди. Но они лишь в XX столетии смогли увидеть эти линии, разглядеть в них контуры знакомых животных и неизвестных существ и должны были представить, какими были авторы этих рисунков. У создателей этих геоглифов было свое представление о будущем. Возможно, они мечтали о том, чтобы их далекие потомки могли протянуть через столетия ниточку связи с ушедшим временем. Подобные нити обнаруживаются по всей территории планеты. Почти везде конец такой нити, уходящий вглубь веков, «привязывается» не только к реальным культурным объектам, но и загадкам, особенно, когда этот конец «опускается» в затерянные миры.

Эти миры могут отделяться от нас тысячелетиями, а могут — несколькими столетиями. Еще великий поэт эпохи Возрождения Франческо Петрарка, разделивший историю на античную и новую, в первой трети XIV столетия ввел термин «темные века». Сейчас об этом периоде мы говорим как о Средневековье. О том, что эти Средние века не были чересчур темными, можно судить по оставленным общественным надписям. В первую очередь то были вывески. Из-за того, что большая часть населения оказалась неграмотной, в V–VIII вв. на вывесках преобладали знаки и символы, составлявшие часть культурно-хозяйственного кода. Торговцы вином за-

зывали покупателей изображением бочки. У кузнецов на вывеске красовались молот или подкова. Слесари размещали ключ, а ростовщика можно было найти по вывеске с тремя золотыми шарами, отсылающими к гербу династии Медичи. Начиная с XV столетия, на вывесках появляются слова, которые позволяли отличать конкретную придорожную гостиницу, трактир или магазин. Их названия часто отличались оригинальностью: “Сорока и пень”, “Парик и непоседа”, “Коза в сапогах”. Затем европейские вывески под влиянием станковой живописи начали все больше напоминать картины, писанные маслом. К безусловным шедеврам такого жанра относится написанная Антуаном Ватто вывеска антикварной лавки в Париже, известная как “Вывеска Жерсена” (фр. *L'Enseigne de Gersaint*). Однако в провинциальных городах, которые стремились подражать столичной моде, вывески напоминали пиктограммы, передающие местные символы, часто связанные с феодальной геральдикой. То могли быть разные экзотические существа: летающие свиньи, голубые вепри, красные львы и пр.

В Средние века помимо надписей, информирующих о товарах или услугах, были распространены публичные тексты, которые выполняли воспитательную роль. В частности, таблички, установленные в общественных местах, должны были напоминать простолюдинам о неотвратимости наказания за противоправное деяние. Для тех, кто не умел читать, текст сопровождался рисунком. Если преступление было слишком серьезным, то надпись старались сохранить надолго, например, выполнив в виде барельефа. В 1440 г. один из таких барельефов, изготовленный за счет самих преступников, разместили на церкви августинцев в Париже, после убийства тремя королевскими сержантами клирика из этой обители.

Надпись могла носить предупреждающий характер. Мистической надписью Средневековья, периодически появляющейся перед потомками, выступают “камни голода” (нем. *Hungersteine*). Эти камни с надписями находят в реках и озерах Центральной Европы при обмелении водоемов. Например, на огромном валуне в реке Эльба в чешском городе Дечин в 1616 г. была сделана надпись “Если увидишь меня, плачь” (нем. *Wenn du mich siehst, dann weine*). Она говорит о том, что из-за засухи наступает неурожай, вследствие которого неминуем голод. Появление подобных камней стало восприниматься как предвестие бедствий. В XX столетии “камни голода” находили во время Первой мировой войны, в 1918 г., а в XXI в. они появились в 2018 и 2022 гг.

Несомненно, распространению письма, грамотности и новых типов коммуникации способствовало развитие книгопечатания.

Гравюры могли доносить сразу несколько коммуникативных смыслов, включая идеи гуманизма или Реформации⁹. Исследователи обращают внимание на то, что благодаря гравюрам все больше людей могло приобщаться к искусству великих мастеров, например, Альбрехта Дюрера или Лукаса Кранаха, одновременно проникая в суть вербального послания, что сопровождало изображение.

С социологической точки зрения, этот процесс можно рассматривать как важный шаг в демократизации культуры и искусства. Гравюры и печатные издания не только расширяли доступ к информации, но и способствовали формированию общественного мнения и культурной идентичности. Распространение произведений искусства через печать позволяло различным слоям населения, включая низшие классы, участвовать в культурной жизни общества, что снижало социальные барьеры и способствовало более активному общественному взаимодействию. Как правило, слово играло ведущую роль, а изображение — роль рекламирующую, разъясняющую, доносящую до любого неграмотного зрителя заключенную в комплексном произведении жизненно важную идею¹⁰. Об этом процессе можно судить по гравюре, играющей роль рекламного плаката лотереи, организованной в городе Росток. На рисунке помимо текста есть изображения предметов, которые можно было выиграть.

В завершении Средневековья на стенах домов стали наклеивать афиши, на которых помимо развернутых словесных посланий были размещены рисунки и различные украшения, например, в виде виньеток. Особенно усердствовали в такой рекламе бродячие актерские труппы. Помимо письменной информации их основной формой оповещения горожан о своем прибытии являлись громогласные шествия по улицам. Борьба городских властей с чрезмерным рекламным шумом снижала успех подобных процессов, поэтому они все больше уповали на наружную рекламу. Текст афиши театра марионеток: «Древняя современная история о Геро и Леандре, иначе называемая “Пробный камень истинной любви”» приводит в своей пьесе “Варфоломеева ярмарка” английский поэт, драматург, актер и теоретик театра Бен Джонсон (1572–1637)¹¹.

---

⁹ Ученова В.В., Старых Н.В. История рекламы. 2-е изд. СПб., 2002.

¹⁰ Гершензон-Чегодаева Н.М. Средневековая художественная традиция и творчество И. Босха и П. Брейгеля // Искусство Западной Европы и Византии. М., 1978. С. 181–182.

¹¹ Джонсон Б. Варфоломеева ярмарка // Джонсон Б. Драматические произведения. М.; Л., 1931. С. 701–702.

XVII столетие знаменовалось созданием первой системы международных отношений — Вестфальской и началом формирования суверенных государств. А у каждого такого социального института есть собственная символика. Текстовое послание, как правило, предается девизом, который должен быть не только звучным, но и зримым; для этого его можно разместить на флаге. Имеются государственные флаги с такими надписями. Однако на государственных флагах можно встретить и не связанные с гербами надписи. К первой категории относятся флаги с девизами у таких государств, как: Андорра: “Virtus Unita Fortior” (лат.) — “Единство дает силу”; Белиз: “Sub umbra floreo” (лат.) — “Под кроной (дерева) процветаем”; Бруней: “مللا قدايى تحت امى اء او مدخا” (араб.) — “Вечное служение под руководством Бога”; “ملا سللا رادى ان ورب” — “Бруней — обитель мира”; Гаити: “L’union fait la force” (фр.) — “Сила в единстве”; Испания: “Plus ultra” (лат.) — “За пределы”; Сан-Марино: “Libertas” (лат.) — “Свобода”; Экваториальная Гвинея: “Unidad, Paz, Justicia” (исп.) — “Единство, Мир, Справедливость”.

Ко второй категории надписей на флагах принадлежат слова, указывающие на название государства: Боливия, Египет, Коста-Рика, Никарагуа.

Третья группа — флаги, содержащие надпись с датой обретения независимости — например, флаг Гватемалы: “Libertad 15 de Septiembre de 1821” (исп.) — “Дата независимости 15 сентября 1821”.

Четвертая группа объединяет государства, на флагах которых имеются надписи и с девизом, и названием: Доминиканская Республика: “Dios, Patria, Libertad” (исп.) — “Бог, родина, свобода”; “Republica Dominicana” — “Доминиканская Республика”; Парагвай: лицевая сторона: “Republica del Paraguay” — “Республика Парагвай”; обратная сторона: “Paz y justicia” (исп.) — “Мир и правосудие”. Флаг Сальвадора несет надпись сразу с девизом, названием и датой независимости: “República de el Salvador en la América central” (исп.) — “Республика Сальвадор в Центральной Америке”; “Dios, unión, libertad” — “Бог, единство, свобода”; “15 septiembre de 1821” — “15 сентября 1821”. Прежний флаг Афганистана, до 2021 г., содержал шахаду (каллиграфическую надпись), которая служила девизом афганцев; “1298 год” (по Христианскому календарю — 1919 год, т.е. дата независимости от Британской империи); “ناتسن اغفا” — “Афганистан”.

Пятая группа — флаги государств, где просто написан девиз, не привязанный к гербу: Бразилия — “Порядок и прогресс”; Ирак — “Аллах — велик”; Иран — “Аллах велик” 22 раза; Саудовская Аравия и непризнанное государство Сомалиленд — шахада, свидетельству-

ющая о том, что страна верит в Аллаха — “Нет божества, кроме Аллаха, Мухаммад — посланник его”.

Таким образом, текстовые и визуальные элементы на флагах и афишах не только выполняли функцию информирования общества о событиях и идентичности государства, но также способствовали формированию общественного сознания и сплоченности среди населения, что является важным аспектом социологии коммуникации и культурной динамики.

Флаг Мальты нельзя отнести ни к одной из перечисленных выше групп. Мальта — единственное государство, население которого было награждено за храбрость, проявленную во время Второй мировой войны. Об этом свидетельствует изображение Георгиевского креста (креста Георга), высшей награды Соединенного Королевства, присуждаемой за храбрые поступки (всего около двухсот кавалеров), а также краткая надпись “For gallantry” (англ.) — “За храбрость”. Это подчеркивает важность коллективной памяти и идентичности нации, а также роль символов в формировании патриотических чувств и социальной сплоченности.

В политическом пространстве помимо государственной символики, выражаемой в виде надписей, в системе культурного кода в Новейшее время все большее место стали занимать различные лозунги. Во многом в их визуальном оформлении сыграла роль реклама. С конца XIX в. сложно представить любое массовое действие — демонстрацию, марш протеста, стачку и т.д. — без транспарантов (франц. transparent — прозрачный) в руках у участников акции с воодушевляющими их лозунгами. Плакат-транспарант развивал символику флажков, лент и ярких картинок на холсте. Главные принципы плаката были сформулированы Жюлем Шере, который в 1866 г. основал в Париже литографию. К этим принципам относились: броскость, лаконичность и быстрое восприятие смысла надписи. Транспаранты были эффективны в рекламном деле и стали одним из наиболее эффективных пропагандистских инструментов в первые десятилетия XX в. Один из таких плакатов у арки Главного штаба в Петрограде в декабре 1917 г. воспел Александр Блок в поэме “Двенадцать”:

От здания к зданию
Протянут канат.
На канате — плакат:
“Вся власть Учредительному Собранию!”¹²

---

¹² Блок А.А. Двенадцать. URL: <https://ilibrary.ru/text/1232/p.1/index.html>

И чем утопичнее была формируемая в обществе картина мира, тем ярче и настойчивее пробивались к сознанию граждан смыслы плакатных надписей. Для понимания этого феномена достаточно короткой иллюстрации из романа Василия Аксенова “Остров Крым”: «Ветер дул с северо-запада, гнал клочки испарений псковских и новгородских озер, в небе, казалось, присутствовал неслышимый перезвон колокола свободы. “Советские люди твердо знают: там, где партия, там успех, там победа” — гласил огромный щит при выезде на шоссе. Изречение соседствовало с портретом своего автора, который выглядел в этот день под этим ветром довольно странно, как печенег, заблудившийся в дотатарской Руси»¹³.

Советская реальность, отраженная в пропагандистских надписях, не являлась уникальной с точки зрения апелляции к сознанию через броскую графику текста. Революционный Париж мая 1968 г. также отличался буйством плакатов: “Мы не будем ничего требовать и просить: мы возьмем и захватим!”, “Твое счастье купили. Укради его!”, “Под бульжниками мостовой — пляж!”, “Запрещать запрещено” и др. Однако “Красный май” стал своеобразной вершиной плакатной политической культуры. Молодые люди, страстно желавшие общественных перемен, первыми почувствовали лукавство не только сладких и пространных речей политических лидеров, но и обман лозунгов, в которых краткость текста вовсе не несла в себе ни однозначности смысла, ни обязательности реализации призываемого.

Анализ символов и лозунгов показывает, как визуальные элементы и текстовые послания влияют на формирование общественного сознания и идентичности. Они служат не только средством информирования, но и инструментом мобилизации общества вокруг общих ценностей и целей. В этом контексте лозунги на транспарантах становятся важными элементами культурной динамики, отражая историческую память и социальные движения своего времени.

Вера в слово была девальвирована. Но потребность в трансляции желаемого одним человеком не только для себя, но и для других требовала своего выражения. Оно могло быть музыкальным, а могло — графическим. В этой потребности заключается популярность граффити (итал. *graffito*, множ. *graffiti*), написанных, выцарапанных, нарисованных на стенах, заборах и всяких других поверхностях¹⁴.

¹³ Аксенов В.П. Остров Крым. URL: https://sharlib.com/read_363611-29

¹⁴ Вознесенский И.С. Новое время и новые запросы на расшифровку парадигмы “время — деньги” // Альманах “Крым”. 2021. № 26. С. 51–59; Вознесенский И.С.

Иногда они представляют собой масштабный мурал, но чаще выглядят как стилизации кратких текстовых сообщений о том, что волнует людей из этого места, где появляется граффити, и в это конкретное время.

Анализ показывает, что граффити служит не только средством самовыражения, но и формой социальной коммуникации. Оно отражает коллективные переживания и проблемы, которые волнуют определенные группы людей в конкретном контексте. Граффити становится инструментом, позволяющим маргинализированным сообществам заявить о себе и привлечь внимание к своим проблемам. Таким образом, оно выполняет функцию “голоса безголосых”, предоставляя платформу для выражения недовольства, надежд и мечтаний.

При этом далеко не всякий человек способен оставить такую надпись, а стремление к самовыражению есть почти у всех. Поэтому намного проще превратить в пространство передачи информации о себе собственную кожу или одежду. Если история с тагуировками имеет множество табу, то текстовый принт на майках, футболках, куртках, сумках в коммуникативной культуре превратился в эффективное средство общения с внешним миром¹⁵. Этот феномен можно рассматривать как проявление индивидуализации в обществе, где каждый стремится выделиться и заявить о своей идентичности.

Широчайший набор смыслов таких надписей, который может отражать политические, социальные, духовные идеи, выражаемые понятно или запутанно, философски или приземленно, снобистски или панибратски, сводится к двум главным функциям надписей: сигнальной и магической. Сигнальная функция позволяет людям воспринимать и интерпретировать окружающий мир через призму текстов и символов, тогда как магическая функция создает пространство для коллективной идентификации и воображения. Разница лишь в том, что в каждую эпоху сигнализировать надо было о своем. Да и под магией подразумевался широкий спектр представлений о воображаемом, “имагинарном”, которое, по мнению Жака Ле Гоффа, восходя к слову “*imagination*” (воображение), не есть история воображения в традиционном смысле слова, а выступает историей

Отражение парадигмы “время — деньги” в уличной живописи // Культура мира. 2022. Т. 10. Вып. 1. № 26. С. 102–114.

¹⁵ Ивус О.Н. Слоган на одежде: история, сущность и функционирование // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 6. С. 59–64; Лю Яньвэй, Непомнящих Е.А. Надписи на верхней одежде как языковое явление // Евразийский Союз Ученых. 2020. № 5 (74). С. 48–50.

сотворения и использования образов, побуждающих общество к мыслям и действиям, поскольку они вытекают из его ментальности, чувственного ощущения бытия, культуры, которые насыщают их жизнью¹⁶.

Каждый новый период приносил не только иное содержание в искусство надписей, он активно расширял инструментарий его преобразования, делая созвучным запросу изменившегося информационного поля. Например, графический дизайн мог соединяться с монументальным искусством, как в Знак Голливуда (англ. Hollywood Sign) на Голливудских холмах в Лос-Анджелесе, Калифорния. Современные надписи продолжают появляться на земной поверхности, как это произошло в 2012 г., когда на склонах гор в КНДР появилась гигантская надпись, прославляющая руководителя страны Ким Чен Ына. Длина текста составляла 560 метров, а размеры каждого иероглифа были 15 на 20 метров.

В период пандемии коронавируса пилоты разных стран “рисовали” в воздухе ободряющие послания. Эти действия становятся частью глобальной культуры солидарности и поддержки, где сообщения о надежде и единстве становятся особенно актуальными. В 2022 г. китайские ученые из Объединенной лаборатории сверхбыстрых лазеров Хунтуо в долине оптики в Ухане продемонстрировали созданные с помощью сверхмощного лазера символы, не только видимые под любым углом, но и которые можно “потрогать” руками без того, чтобы насыщать пространство перед лазером пылью или водяным паром. Это подчеркивает переход к новым формам коммуникации и взаимодействия с окружающим миром.

Каждое такое послание выполняло как сигнальную, так и магическую функцию. Проблема в том, что в современной коммуникативной культуре не произошло того, что ожидалось от надписей в прошлом. Нынешние надписи часто не снижают уровень стресса; наоборот, они могут будоражить массовое сознание, повышая уровень психического напряжения и создавая ажиотаж.

Более того, будучи одним из самых ранних искусств, искусство надписей способно закольцовывать историю, превращаясь в змею, которая сама себя кусает за хвост. Одними из самых известных надписей древности были Скрижали Завета — две каменные плиты с начертанными на них Десятью заповедями. Эта форма вдохновила безымянных инициаторов создания одного из самых загадочных памятников современности — “Скрижали Джорджии” (англ. Georgia Guidestones). Высеченная на нем надпись начинается с утверждения

---

¹⁶ Гофф Ле Ж. Герои и чудеса Средних веков. М., 2022.

о том, что численность людей на Земле не должна превышать пяти-сот миллионов человек. Нас сейчас на планете восемь миллиардов.

Топором не вырубешь не только то, что написано пером, но и тем, что нанесено на любую поверхность как-то по-другому. “Цивилизация надписей” не исчезла. Она лишь преобразовалась. Гибель ее более ранних фрагментов поучительна с точки зрения того, что, возможно, к их трагическим завершениям привело неумение и нежелание людей разобраться с формой и содержанием посланий, скрытыми за затейливой графикой надписей.

Что касается современного этапа эволюции визуализации текста, то он отражает сложные взаимодействия между индивидуальным самовыражением и коллективными социальными процессами. Оно демонстрирует не только изменения в культурных нормах и ценностях общества, но и его способность адаптироваться к новым условиям жизни и информационным вызовам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Альбедиль М.Ф. Протоиндийская цивилизация: Очерки культуры. М., 1994.

Авдусин Д.А., Тихомиров М.Н. Древнейшая русская надпись // Вестник Академии наук СССР. 1950. № 4. С. 71–79.

Аксенов В.П. Остров Крым. URL: https://sharlib.com/read_363611-29

Алексеев И. Рисунки Наска — компьютерная графика? // Независимая газета. 2011. 28 сент.

Багаева А.В., Терновая Л.О. Политические лозунги в системе культурного кода // Культурные коды в цифровую эпоху / Под ред. А.Н. Данилова, А.К. Мамедова. Минск, 2023. Серия “Социологическая мысль: теория и практика”. С. 189–198.

Блок А.А. Двенадцать. URL: <https://ilibrary.ru/text/1232/p.1/index.html>

Вознесенский И.С. Новое время и новые запросы на расшифровку парадигмы “время — деньги” // Альманах “Крым”. 2021. № 26. С. 51–59.

Вознесенский И.С. Отражение парадигмы “время — деньги” в уличной живописи // Культура мира. 2022. Т. 10. Вып. 1. № 26. С. 102–114.

Гельб И.Д. История письменности. От рисуночного письма к полноценному алфавиту. М., 2017.

Гершензон-Чегодаева Н.М. Средневековая художественная традиция и творчество И. Босха и П. Брейгеля // Искусство Западной Европы и Византии. М., 1978. С. 181–182.

Гофф Ле Ж. Герои и чудеса Средних веков. М., 2022.

Ивус О.Н. Слоган на одежде: история, сущность и функционирование // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 6. С. 59–64.

Медынцева А.А. Надписи на амфорной керамике X — начала XI в. и проблема происхождения древнерусской письменности // Культура славян и Русь. Сборник посвящен 90-летию со дня рождения академика Б.А. Рыбакова. М., 1998. С. 176–195.

Передельский Д. Тексты Хараппской цивилизации признали логографическим кодом // Российская газета. 2020. 6 янв.

Рябова Е.И., Терновоя Л.О. Партийный призыв: привлекательность партии, выраженная в названиях, лозунгах и логотипах // Власть истории и история власти. 2021. Т. 7. Ч. 7. № 33. С. 812–826.

Ученова В.В., Старых Н.В. История рекламы. СПб., 2002.

Яньвэй Лю, Непомнящих Е.А. Надписи на верхней одежде как языковое явление // Евразийский Союз Ученых. 2020. № 5(74). С. 48–50.

REFERENCES

Aksenov V.P. Ostrov Krym [Island of Crimea]. URL: https://sharlib.com/read_363611-29 (in Russian).

Al'bedil' M.F. Protoindijskaya civilizaciya: Oчерki kul'tury [Proto-Indian Civilization: Essays on Culture]. M., 1994 (in Russian).

Alekseev I. Risunki Naska — komp'yuternaya grafika? [Nazca Drawings — Computer Graphics?] // Nezavisimaya gazeta. 2011. 28 sent. (in Russian).

Avdusin D.A., Tihomirov M.N. Drevnejshaya russkaya nadpis' [The Oldest Russian Inscription] // Vestnik Akademii nauk SSSR. 1950. N 4. S. 71–79 (in Russian).

Bagaeva A.V., Ternovaya L.O. Politicheskie lozungi v sisteme kul'turnogo koda [Political Slogans in the System of the Cultural Code] // Kul'turnye kody v cifrovuyu epohu / Pod red. A.N. Danilova, A.K. Mamedova. Minsk, 2023. Seriya "Sociologicheskaya mysl': teoriya i praktika". S. 189–198 (in Russian).

Blok A.A. Dvenadcat' [Twelve]. URL: <https://ilibrary.ru/text/1232/p.1/index.html> (in Russian).

Gel'b I.D. Istoriya pis'mennosti. Ot risunochnoho pis'ma k polnocennomu alfavitu [History of writing. From picture writing to a full-fledged alphabet]. M., 2017 (in Russian).

Gershenzon-Chegodaeva N.M. Srednevekovaya hudozhestvennaya tradiciya i tvorchestvo I. Boskha i P. Breygelya [Medieval artistic tradition and the works of I. Bosch and P. Bruegel] // Iskusstvo Zapadnoj Evropy i Vizantii. M., 1978. S. 181–182 (in Russian).

Goff Le Zh. Geroi i chudesa Srednih vekov [Heroes and miracles of the Middle Ages]. M., 2022 (in Russian).

Ivus O.N. Slogan na odezhde: istoriya, sushchnost' i funkcionirovanie [Slogan on clothes: history, essence and functioning] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2012. N 6. S. 59–64 (in Russian).

Medynceva A.A. Nadpisi na amfornoj keramike X — nachala XI v. i problema proiskhozhdeniya drevnerusskoj pis'mennosti [Inscriptions on amphora ceramics of the 10th — early 11th centuries and the problem of the origin of Old Russian writing] // Kul'tura slavyan i Rus'. Sbornik posvyashchen 90-letiyu so dnya rozhdeniya akademika B.A. Rybakova. M., 1998. S. 176–195 (in Russian).

Peredel'skij D. Teksty Harappskoj civilizacii priznali logograficheskim kodom [Texts of the Harappan civilization were recognized as a logographic code] // Rossijskaya gazeta. 2020. 6 yanv. (in Russian).

Possehl G.L. Indus age: the writing system. Philadelphia, 1996.

Rao S.R. Lothal and the Indus civilization. N.Y., 1973.

Ryabova E.I., Ternovaya L.O. Partijnyj prizyv: privlekatel'nost' partii, vyrazhennaya v nazvaniyah, lozungah i logotipah [Party Appeal: Party Attractiveness Ex-

pressed in Names, Slogans, and Logos] // *Vlast' istorii i istoriya vlasti*. 2021. T. 7. CH. 7. N 33. S. 812–826 (in Russian).

Uchenova V.V., Staryh N.V. *Istoriya reklamy* [History of Advertising]. SPb., 2002 (in Russian).

Voznesenskij I.S. *Novoe vremya i novye zaprosy na rasshifrovku pa-radigmy "vremya — den'gi"* [New time and new requests for deciphering the paradigm "time is money"] // *Al'manah "Krym"*. 2021. N 26. S. 51–59 (in Russian).

Voznesenskij I.S. *Otrazhenie paradigmy "vremya — den'gi" v ulichnoj zhivopisi* [Reflection of the paradigm "time is money" in street painting] // *Kul'tura mira*. 2022. T. 10. Vyp. 1. N 26. S. 102–114 (in Russian).

Yan'vej Lyu, Nepomnyashchih E.A. *Nadpisi na verhnjej odezhde kak yazyko-voe yavlenie* [Inscriptions on Outerwear as a Linguistic Phenomenon] // *EvrAzijskij Soyuz Uchenyh*. 2020. N 5(74). S. 48–50 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-2-262-278

СООБЩЕСТВА В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА КАК ИСТОЧНИК СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

П.А. Чернов, асп. 3-ого года обучения направления “Социология”, Высшая школа современных социальных наук (факультет), МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские годы, д. 1, стр. 13, блок В, г. Москва, Российская Федерация, 119991*

Настоящая статья посвящена рассмотрению возможности исследовать сообщества в электронных социальных сетях, которые в широком смысле представляют собой социальные группы. По мнению автора, подобные исследования играют значительную роль в понимании динамики современного общества. Этот анализ способствует определению новых тенденций и закономерностей, а также разработке рекомендаций для оптимального использования социальных сетей в образовательных, культурных и других контекстах. Социальные сети также оказывают влияние на формирование общественного мнения и политических процессов. Они дают возможность быстро распространять информацию и взаимодействовать с большим количеством людей, что может привести к изменению поведения и ценностей общества.

Автором предпринимается попытка рассмотреть факторы вступления в группы в социальных сетях:

- социальная потребность в принадлежности;
- стремление индивида уменьшить чувство одиночества;
- социальная привлекательность анонимности;
- функциональность и развитие электронных социальных платформ для взаимодействия между людьми;
- визуализация дистанционного общения;
- возможность создать образ своего “я” для определённого сообщества.

В статье рассматриваются количественные и качественные характеристики социальных групп с позиции их взаимосвязи с электронными социальными сетями, классификация с точки зрения социологической науки, а также оценивается возможность применения классических методов социологии к изучению современного воплощения социальной группы — сообщества в электронной социальной сети. Кроме того, автор статьи высказывает предположение о возможности использовать сообщества в социальных медиа как источник социологической информации для решения широкого круга общественных вопросов.

Ключевые слова: сообщества, социальные медиа, социальные группы, социальные сети, социологическая информация, первичные группы, вторичные группы, формальные группы, неформальные группы.

* Чернов Павел Александрович, e-mail: ref4msu@yandex.ru

SOCIAL MEDIA COMMUNITIES AS A SOURCE OF SOCIOLOGICAL INFORMATION

Chernov Pavel A., 3rd year Postgraduate Student of the Direction “Sociology”, Higher School of Modern Social Sciences (Faculty), M.V. Lomonosov Moscow State University, Leninskie gody, h. 1, b. 13, bl. B, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: ref4msu@yandex.ru

The article is devoted to the possibility of exploring communities in electronic social networks, which in a broad sense represent social groups. According to the author, such studies play a significant role in understanding the dynamics of modern society. This analysis helps to identify new trends and patterns, as well as to develop recommendations for the optimal use of social networks in educational, cultural and other contexts. Social networks also influence the formation of public opinion and political processes. They provide an opportunity to quickly disseminate information and interact with a large number of people, which can lead to a change in the behavior and values of society.

The author attempts to consider the factors of joining groups in social networks:

- *the social need for belonging;*
- *the individual’s desire to reduce the feeling of loneliness;*
- *the social appeal of anonymity;*
- *functionality and development of electronic social platforms for interaction between people;*
- *visualization of remote communication;*
- *the opportunity to create an image of your “I” for a certain community.*

The article examines the quantitative and qualitative characteristics of social groups from the point of view of their relationship with electronic social networks, classification from the point of view of sociological science, and also assesses the possibility of applying classical methods of sociology to the study of the modern embodiment of a social group — a community in an electronic social network. In addition, the author of the article suggests the possibility of using social media communities as a source of sociological information to solve a wide range of public issues.

Key words: *communities, social media, social groups, social networks, sociological information, primary groups, secondary groups, formal groups, informal groups.*

Актуальность

К январю 2024 г. количество активных пользователей социальных сетей достигло более пяти миллиардов, что составляет примерно 62,3% населения планеты (учетные записи пользователей социальных сетей могут не отражать уникальных людей), общее число пользователей в мире возросло на 266 миллионов, что соответствует годовому приросту на 5,6%. Мир уделяет много времени социальным сетям — “средний” пользователь проводит в социальных сетях 2 часа 23 минуты в день. Это означает, что в 2024 г. человечество потратит в общей сложности 500 миллионов часов на социальные

сети. В целом, социальные медиа остаются наиболее популярными онлайн-платформами: их ежемесячно используют 94,3% всех пользователей интернета в возрасте от 16 до 64 лет, мессенджеры — 94,7%¹.

Изучение сообществ в электронных социальных сетях — актуальная тема в современной социологии. Под сообществом в социальных медиа мы понимаем социальную группу, сформированную в пространстве электронных социальных сетей посредством использования их функций. Социальные сети предоставляют исследователям доступ к огромному объему данных о взаимодействии пользователей, позволяя изучать различные аспекты социальной жизни². Это имеет важное значение для понимания процессов современного общества, выявления новых тенденций и закономерностей, разработки рекомендаций для оптимизации использования социальных сетей в образовательных, культурных и других целях.

Факторы вступления индивидуума в социальные группы в электронных социальных сетях

Социальная структура общества представляет собой систему различных социальных групп, институтов и взаимодействий между ними³. Она формируется под влиянием экономических, политических, культурных и исторических факторов и определяет распределение власти, ресурсов и возможностей в обществе.

Группа — это любое объединение людей, собранных в определенном пространстве или контексте. Социальные общности можно рассматривать как структуры, объединяющие своих членов на основе принадлежности к общему критерию, такому как род деятельности, профессия, общие религиозные или политические взгляды, совместное проживание, проведение досуга, занятия спортом или искусством. Эти общности могут привести к созданию организаций и ассоциаций, таких как профсоюзы, политические партии, религиозные объединения, научные сообщества и др. В рамках этих сообществ или независимо от них возникают социальные группы, в которых люди взаимодействуют напрямую или через посредников.

---

¹ Digital 2024: 5 billion social media users. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2024/01/digital-2024-5-billion-social-media-users/> (accessed: 27.02.2024).

² Наместников А.М. Подход к автоматическому построению лингвистической онтологии для определения интересов пользователей социальных сетей // Онтология проектирования. 2021. Т. 11. № 3(41). С. 351.

³ Беккер В. Сообщество и общество. М., 1995. С. 121.

Академик РАН, доктор философских наук, профессор Г.В. Осипов рассматривает социальную группу “как собрание людей, взаимодействующих определенным, упорядоченным образом на базе согласованных, взаимных ожиданий соответствующего поведения друг друга”⁴. Социальная группа представляется объединением людей, связанных общим социальным признаком, который влияет на их участие в определённой деятельности и регулируется социальными институтами. В целом, с точки зрения социологии, группы представляют собой социальные общности, состоящие из двух или более индивидов, регулярно взаимодействующих друг с другом. Они играют важную роль в обществе, помогают индивидам удовлетворять свои потребности и желания, способствуют социализации и формированию личности⁵.

Люди являются участниками множества групп. Это может быть учебный класс, рабочий коллектив или, что более характерно для современной цифровой эпохи, онлайн-группы, такие как сообщества или группы в социальных сетях⁶. Изучению механизмов и мотивов формирования групп посвящены работы социальных психологов. В своей работе “Теория человеческой мотивации” А. Маслоу описывает человеческие “потребности”⁷ и предлагает их иерархию — основные, физические и психологические, находятся на нижних уровнях пирамиды, а затем следуют потребности в общении и любви. Они связаны с необходимостью заботы, создания социальных связей и желанием взаимодействовать с другими людьми. Такие потребности можно считать фундаментальными для человеческого существования⁸.

Эта **социальная потребность в принадлежности** является мощным стимулом, который побуждает многих людей присоединяться к различным группам, включая виртуальные сообщества,

---

⁴ Социология. Основы общей теории: Уч. для вузов / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М., 2003. С. 267.

⁵ Каганович А.А. Социальная группа как объект социально-философского анализа // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2012. № 1(17). С. 59.

⁶ Горихова Л.А., Долуденко Е.А., Горихова А.В. Самоорганизующиеся неформальные онлайн-сообщества в социальных сетях как форма организации учебного взаимодействия // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2015. №11. С. 157–163.

⁷ Maslow A.M. A theory of motivation // Psychological Review. 1943. N 50. P. 370–396.

⁸ Худякова Н.Л. Аксиологические основы поведения человека: Уч. пособ. Челябинск, 2010. С. 56–57.

активно развивающиеся на платформах социальных сетей. Однако участие в онлайн-группах определяется не только социальными факторами, но и доступностью необходимых технологий для присоединения и взаимодействия внутри группы.

Наряду с указанным выше среди факторов вступления в виртуальные сообщества в электронных социальных сетях выделяют **стремление индивида уменьшить чувство одиночества**, которое может быть преходящим или постоянным, возникающим при смене места постоянного проживания, в случае иных объективных причин, по которым человек изолируется от общества.

Существует реальная **социальная привлекательность анонимности**, создаваемая социальными сетями благодаря отсутствию обязательного удостоверения в точном указании сведений о личности при регистрации аккаунта и вступлении в группы. Это особенно важно для людей с ограниченными возможностями общения по психологическим причинам и проблемам со здоровьем, а также для тех, кто стремится контролировать информацию о себе в интернете и самостоятельно решать, делиться ли личными данными с другими участниками социальных групп.

Еще одним фактором вступления в группы и сообщества в электронных социальных сетях является **функциональная и постоянно развивающаяся платформа для дистанционного взаимодействия между людьми**. Это обеспечивает обмен знаниями, опытом и информацией, что способствует развитию навыков и компетенций пользователей. Активное взаимодействие с другими участниками социальных сетей может привести к появлению новых идей, проектов и возможностей для самореализации. Это важно, когда личное общение затруднено из-за временных ограничений, профессиональных или семейных обязанностей или географического положения. Одновременно с этим человек стремится к получению хороших результатов при совместной деятельности несмотря на отсутствие прямого физического контакта с участниками социальной группы.

Утрата невербальных аспектов общения (язык тела и др.) при виртуальном взаимодействии в условиях отсутствия личного контакта компенсируется **использованием визуальных символов** (например, эмодзи).

Электронные социальные сети предоставляют **возможность сформировать многонациональные группы** с участниками из разных стран. Это способствует сильной мотивации людей к активному участию в группах и сообществах для культурного и ин-

формационного обмена с представителями других стран, культур и вероисповеданий и также может рассматриваться в качестве значимого фактора вступления индивидуума в группы в электронных социальных сетях.

Интернет даёт человеку **возможность создать образ своего “Я” для определённого сообщества**. В электронной социальной сети пользователи могут создавать множество виртуальных “я”, что делает их онлайн-идентичность гибкой. Они стремятся соответствовать требованиям и ожиданиям участников сообществ и групп, к которым хотят присоединиться, чтобы стать полноправными членами. Участие в группах социальных сетей позволяет пользователям экспериментировать и развивать разные стороны своей личности, что способствует формированию чувства принадлежности и удовлетворению потребностей в общении и поддержке, формированию чувства общности и солидарности между пользователями, преодолению социальных барьеров и дискриминации.

Таким образом, люди стремятся стать полноправными участниками социальных групп в электронных социальных сетях, выраженных в виде сообществ, взаимодействовать с другими аккаунтами, достигать общих целей, оказывать помощь и содействие другим, самореализовываться и общаться.

Количественные и качественные характеристики социальных групп в контексте их проявления в электронных социальных сетях

Сбор первичных данных при исследовании социальной группы в социальной сети позволяет определить ее на основе формальных характеристик, таких как демографические особенности участников. Однако следует помнить, что пользователи социальных сетей представляют собой виртуальные профили, а не реальных людей⁹.

Изучение группы в социальной сети позволяет выяснить ряд ее показателей со стороны структурного подхода:

- возраст участников группы;
- половая дифференциация участников группы;
- семейное положение и размер семьи усреднённого участника группы;
- средние доходы участников (включая доходы на одного члена семьи);

---

⁹ Шульц В.Л. Теоретико-методологические проблемы цифровой социологии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 1. С. 130.

- род деятельности;
- общий уровень образования;
- национальный состав группы;
- расовая принадлежность;
- вероисповедание участников группы.

Применение специализированных программ и дополнительных встроенных функций социальной сети поможет исследователю получить некоторые динамические характеристики изучаемой социальной группы — общее количество новых участников за указанный период и число пользователей, покинувших группу. Затем определить коэффициенты прироста и убыли и сформировать часть данных для дальнейшего анализа. Примером использования встроенных функций социальной сети для отслеживания таких характеристик являются общедоступные сервисы типа tgstat.com¹⁰ и allsocials.net¹¹.

Сервис tgstat.com позволяет оценивать изучаемое сообщество в сети Telegram по следующим позициям (на примере внутреннего телеграм-канала “Telegram Premium”), формируя при этом обобщённый дашборд и несколько более детальных информационных панелей (рис. 1):

- краткие сведения;
- подписчики;
- возраст канала;
- ссылки для приглашений.

Изучаемое сообщество может рассматриваться как единая сущность, функционирующая для достижения поставленной цели и решения промежуточных задач. Тогда автоматизированные средства, на примере tgstat.com, позволяют получать характеристики ее жизнедеятельности:

- индекс цитирования;
- цитирование;
- охват постов;
- привлечение подписчиков;
- анализ просмотров;
- эффективность рекламы;
- внешний трафик;
- лучшие публикации;
- расписание публикаций.

---

¹⁰ Аналитика Telegram-каналов и чатов. URL: <https://tgstat.com/ru/analytics> (дата обращения: 24.04.2024).

¹¹ ALLSOCIALS. URL: <https://allsocials.net> (дата обращения: 24.04.2024).

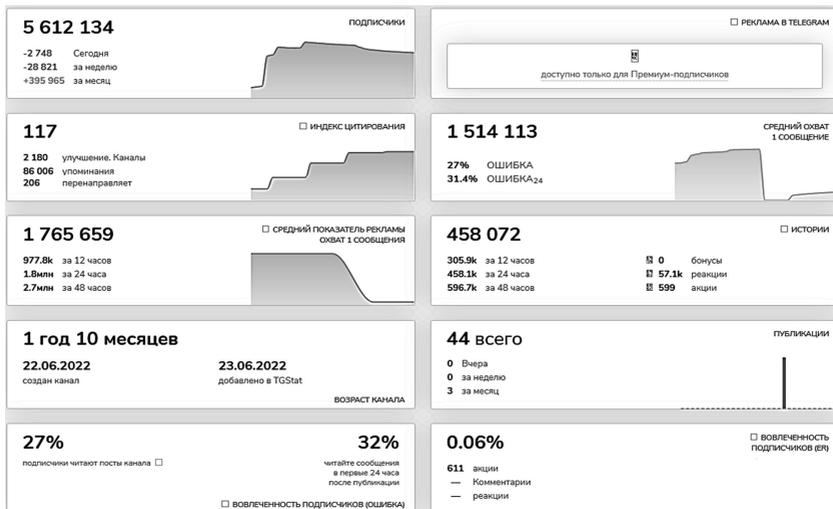

Рис. 1. Пример дашборда со статистической информацией о телеграм-канале, получаемом при помощи сервиса tgstat.com, на примере телеграм-канала “Telegram Premium”

Функционал сервиса также позволяет рассматривать отдельно взятую группу или чат и оценивать:

- динамику роста участников;
- динамику подписок/отписок;
- активных участники DAU/WAU/MAU;
- участников онлайн по времени суток;
- количество сообщений;
- пол участников;
- возраст чата.

Предоставляется функциональная возможность отслеживать новых участников чата, время их вступления, количество отправленных сообщений, выделять активных участников и их характеристики, создавать “тепловые карты” активности участников. Основная информация также собирается в объединённый дашборд.

Общедоступный сервис allsocials.net позволяет отслеживать историю изменений изучаемого сообщества в электронных социальных сетях и медиа за различные периоды, прирост подписчиков сообщества за предшествующий год (еженедельно или ежедневно) и визуализировать получаемые данные.

Таким образом можно собрать достаточно полную информацию о жизни социальной группы, выраженной сообществом в элек-

тронной социальной сети, визуализировать ее и на этой основе разработать стратегии взаимодействия с участниками.

Информация о функционировании социальной группы в электронных социальных сетях

Первичные данные о содержательной составляющей жизни сообщества в электронной социальной сети могут быть получены путем анализа открыто демонстрируемых целей и деятельности. Необходимо обратить внимание на название группы, которое часто отражает ее цели, фотографию (аватар), раскрывающую направленность группы, открытые посты, поддерживаемые большинством участников, комментарии в поддержку деятельности группы, ее акций и заявлений, лайки и репосты, стремление участников присоединиться к совместной деятельности через поддержку, участие и вовлечённость.

Кроме того, необходимо изучить:

- структуру группы, иерархию и роли участников;
- коммуникации внутри группы, частоту и характер общения между участниками;
- взаимодействие группы с другими социальными сетями и платформами;
- реакцию участников на внешние события и изменения в обществе;
- влияние группы на формирование общественного мнения и распространение информации.

Анализ этих аспектов позволит получить более глубокое представление о жизни социальной группы в электронной социальной сети и выявить основные тенденции и закономерности ее развития.

Регулярное отображение в социальной сети достижений группы как в реальном, так и в виртуальном мире усиливает внутригрупповую сплочённость. Исследование социальной группы с высокой степенью сплоченности в рамках электронной социальной сети позволяет выявить поведенческие модели, определить нормы и установить влияние этой группы на поведение индивида¹². Это включает анализ фотографий пользователя, музыкальных предпочтений, содержания размещаемых сообщений, круга общения и социального графа пользователя. Важно отметить, что существует вероятность изменения не только профиля пользователя в социальной сети под

---

¹² Васкэ Е.В. Психолого-правовой анализ деструктивных проявлений в сети Интернет // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 6. С. 108.

воздействием социальной группы, но и его личности в реальной жизни — воспринимаемые из виртуального пространства нормы влияют на реальное поведение индивида и его отношение к окружающим людям, вещам, событиям и явлениям.

Исследователь может наблюдать в электронной сети за действиями социальной группы, которые направлены на формирование у участников желания контролировать ее деятельность, сохранять свое членство в ней¹³. В то же время появляется возможность исследовать целенаправленное воздействие на членов группы для поддержания общего движения к достижению общей групповой цели.

Сообщество в социальной сети выполняет защитную функцию. Это происходит благодаря формированию определенной среды для пользователя, соответствующей его выявленным заинтересованностям, интересам участников группы или групп сходной направленности¹⁴.

Первичные и вторичные социальные группы в электронных социальных сетях

В виртуальных социальных сообществах группы могут быть как первичными, так и вторичными, то есть формироваться на базе первичных и вторичных социальных взаимодействий для совместного выполнения задач и достижения целей.

В рамках социологической теории, первичные социальные связи в группе способствуют развитию взаимоотношений, основанных на взаимном уважении индивидуальных особенностей каждого участника¹⁵. Взаимное уважение индивидов в группе вызывает чувство принадлежности к этой общности, что, в свою очередь, стимулирует членов группы к достижению общих целей. Таким образом, первичные социальные связи важны для укрепления групповой сплоченности и солидарности. В электронных социальных сетях подобные группы формируются на основе близких отношений в реальном мире (семья и т.д.).

В мире электронных социальных сетей люди также формируют вторичные социальные группы. Они создаются для удовлетворе-

---

¹³ Загугин Д.С. Профилактика молодежного экстремизма и агрессии в социальных сетях на примере молодежной политики в Ростовской области // Вестник непрерывного образования. 2015. № 2. С. 82–89.

¹⁴ Yong Min. Endogenetic structure of filter bubble in social networks. URL: <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rsos.190868> (дата обращения: 01.02.2024).

¹⁵ Холостова Е.И. Социальные отношения и их роль в социальной работе // Отечественный журнал социальной работы. 2016. № 3(66). С. 143.

ния общих потребностей и достижения конкретных целей, которые связаны с их функциональностью. В отличие от первичных групп в социальных сетях, вторичные группы характеризуются большей формализацией и рациональностью, что соответствует их проявлению в реальном мире¹⁶ (сообщества по интересам, профессиональные сообщества или группы поддержки). Участники этих групп взаимодействуют на основе общих интересов, целей и задач, и отношения между ними носят более формальный и обезличенный характер. Это позволяет считать первичные группы неформальными, а вторичные — формальными социальными группами. Разделение социальных групп на платформах электронных социальных сетей на первичные и вторичные представляет интерес для социологии. Важно отметить, что с точки зрения проведения исследований вторичные группы в электронных социальных сетях предоставляют больше возможностей благодаря более формальному подходу к их формированию.

Формальные и неформальные социальные группы в электронных социальных сетях

Электронная социальная сеть предоставляет возможности для формирования формальных социальных групп с определёнными функциями и разделением обязанностей между участниками. Рольевая теория личности также играет важную роль в определении поведения участников группы. В разных контекстах (например, профессиональном или личном) люди исполняют определенные роли, зависящие от ситуации. Для успешного выполнения своих ролей участники должны соблюдать установленные в группе правила и придерживаться определенной дисциплины¹⁷. Понимание социального контекста помогает прогнозировать поведение участников и определять их роли в различных ситуациях, в том числе и в электронной социальной сети. В формальной социальной группе присутствует иерархия, где каждый участник занимает определенное положение в общей структуре. Так же как и в реальной жизни, существует и неформальная структура с неформальным лидером.

Неформальные группы возникают на основе взаимной симпатии и общих интересов. Люди присоединяются к таким сообществам чтобы общаться, обмениваться идеями и оказывать поддержку друг другу. Неформальные группы могут существовать как внутри фор-

---

¹⁶ Социология. Основы общей теории. С. 294.

¹⁷ Семенов А.К. Основы менеджмента: Уч. М., 2010.

мальных структур, так и за их пределами¹⁸. Важно учесть, что формальные и неформальные группы могут взаимодействовать друг с другом. Участники неформальных групп могут помогать членам формальных групп в выполнении задач или предоставлять обратную связь. В свою очередь, формальные группы могут предоставлять ресурсы и поддержку для неформальных групп.

Таким образом, электронные социальные сети дают людям возможность объединяться в разные группы в соответствии со своими потребностями и интересами. Современные интернет-платформы не ограничивают участие пользователей в различных по своему характеру группах. Однако стоит помнить о внутреннем социальном контроле участников групп, которые могут попросить своих коллег покинуть противоположные сообщества¹⁹.

Классические социологические методы исследования социальных групп в электронных социальных сетях

Большой объем информации в социальной сети, открытые сообщения и комментарии пользователей позволяют использовать разнообразные классические социологические методы исследования.

Социологическое наблюдение. Применение метода социологического наблюдения к формальным вторичным группам позволяет:

- собрать надежные исходные данные о составе группы;
- установить формальную структуру группы и с высокой вероятностью определить ее неформальную структуру;
- отслеживать развитие группы, достижение целей и формирование новых правил для новых участников;
- оценить уровень сплоченности и вовлеченности участников группы;
- определить социальные процессы, в которых участвует или иницирует группа;
- проанализировать взаимное влияние группы и ее участников путем выявления значительных изменений в аккаунтах и структуре группы.

В процессе социологического наблюдения можно определить характер создаваемого и потребляемого контента, уровень поддержки участников группы, а также авторов и распространителей. Это важно при изучении деструктивного контента, проникающего

---

¹⁸ Гербеева Л.Ю. Управление регионом с учетом экономической составляющей // Экономические науки. 2015. № 123. С. 31–42.

¹⁹ Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М., 2011.

в реальную жизнь через группы и сообщества в социальных сетях²⁰. Открытые для просмотра группы обеспечивают наблюдателю свободный доступ к информации о себе, устраняя недостаток классического социологического наблюдения, связанный со взаимным влиянием наблюдаемого объекта и исследователя²¹.

Социологический опрос. Использование социальных сетей для проведения социологического опроса ускоряет процесс сбора количественных и качественных данных. Исследователь получает выборку, соответствующую определенным критериям, уже заданным для изучаемой группы²². Однако возникает вопрос о достоверности информации и возможности применения результатов анализа в реальной жизни. Эта проблема решается с помощью социологического наблюдения и определения групп, наиболее соответствующих критериям планируемого опроса.

Метод позволяет охватить большое количество аккаунтов, выявить различия в их ответах в зависимости от принадлежности к разным группам с разными целями и задачами. Исследование проводится с меньшими затратами и привлечением меньшего числа сотрудников по сравнению с очным опросом²³. Анализ информации с использованием специализированных комплексных программ осуществляется без значительных задержек и способствует быстрой выработке решений на его основе.

Социологический эксперимент. Применение метода при исследовании социальной группы связано с проблемами изменения определенных переменных в виртуальной среде группы без существенного влияния исследователя. Тем не менее, результаты эксперимента могут быть получены и проанализированы непосредственно в его ходе посредством регистрации изменений ранее выявленных характеристик и показателей группы.

С позиции социологии управления можно отметить, что исследование социальных групп в рамках электронных социальных сетей имеет огромное значение для анализа динамики современного

---

²⁰ Воронова Ю.В., Яковлева О.В., Тимошенко С.О., Оксенич К.Н. “Группы смерти”: механизмы программирования подростков и способы противодействия // Правда и Закон. 2018. № 3(5). С. 71–75.

²¹ Островский А.Н., Мамедов А.Э., Островская М.А., Ширяев В.Ю. Локальные группы в социальных сетях: новые местные сообщества, социальные медиа или плацдарм цифрового активизма // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20. № 1(138). С. 160–168.

²² Гребенюк А.А. Отношение российской молодежи к Вооруженным Силам РФ: социологический анализ // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 12. С. 34–41.

²³ Там же.

общества, помогает определить новые тенденции и закономерности, разработать рекомендации для оптимального использования социальных сетей в образовательных, культурных и иных контекстах.

Изучение влияния социальных сетей на государственное управление — важный аспект. Социальные сети предоставляют возможность для общения и взаимодействия между гражданами и представителями власти, способствуют повышению прозрачности и эффективности работы государственных органов. Анализа данных из социальных сетей позволяет выявить проблемы и потребности населения, оценить уровень удовлетворённости граждан работой государственных учреждений, разрабатывать и внедрять меры по улучшению качества предоставляемых услуг и повышению доверия населения к власти.

Исследование социальных групп в электронных социальных сетях даёт возможность анализировать общественное мнение по различным вопросам, связанным с государственным управлением. Это позволяет властям полнее понимать настроения и ожидания населения, корректировать свою политику и действия в соответствии с вызовами.

Выводы

1. Проникновение виртуального мира в реальный, координация действий социальных групп реального мира через социальные сети, возникновение социальных групп в электронных социальных сетях и отражение их виртуальной активности в реальном мире, потенциал, который предоставляют электронные социальные сети для современного социолога, указывают на то, что социальные сети являются важным инструментом для социологических исследований.

2. Социальные сети открывают новые горизонты для социологических исследований, позволяя собирать данные о социальных группах, выраженных сообществами в электронных социальных сетях, изучать их поведение, рост и развитие. Современные социологи имеют доступ к огромному объёму информации, которую можно использовать для анализа и прогнозирования различных социальных процессов.

3. Использование социальных сетей в качестве источника данных требует учета особенностей и ограничений:

- информация, полученная из социальных сетей, может быть неполной или недостоверной из-за возможных манипуляций и фейковых аккаунтов;

- идентификация пользователей и их реальных характеристик может быть затруднена, что снижает точность социологических исследований.

4. Классические методы социологии в их современной интерпретации позволяют получать широкие сведения о социальных группах, формирующихся в виртуальном мире и способных оказывать влияние на мир реальный.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аналитика Telegram-каналов и чатов. URL: <https://tgstat.com/ru/analytics> (дата обращения 24.04.2024).

Беккер В. Сообщество и общество. М., 1995.

Васкэ Е.В. Психолого-правовой анализ деструктивных проявлений в сети Интернет // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 6. С. 104–110.

Воронова Ю.В., Яковлева О.В., Тимошенко С.О., Оксенич К.Н. “Группы смерти”: механизмы программирования подростков и способы противодействия // Правда и Закон. 2018. № 3(5). С. 71–75.

Гербева Л.Ю. Управление регионом с учетом экономической составляющей // Экономические науки. 2015. № 123. С. 31–42.

Горохова Л.А., Долуденко Е.А., Горохова А.В. Самоорганизующиеся неформальные онлайн-сообщества в социальных сетях как форма организации учебного взаимодействия // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2015. № 11. С. 157–163.

Гребенюк А.А. Отношение российской молодежи к Вооруженным Силам РФ: социологический анализ // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 12. С. 34–41.

Загутин Д.С. Профилактика молодёжного экстремизма и агрессии в социальных сетях на примере молодежной политики в Ростовской области // Вестник непрерывного образования. 2015. № 2. С. 82–89.

Каганович А.А. Социальная группа как объект социально-философского анализа // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2012. № 1(17). С. 58–61.

Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М., 2011.

Наместников А.М., Пирогова Н.Д., Филиппов А.А. Подход к автоматическому построению лингвистической онтологии для определения интересов пользователей социальных сетей // Онтология проектирования. 2021. Т. 11. № 3(41). С. 351–363.

Островский А.Н., Мамедов А.Э., Островская М.А., Ширяев В.Ю. Локальные группы в социальных сетях: новые местные сообщества, социальные медиа или плацдарм цифрового активизма // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20. № 1(138). С. 160–168.

Семенов А. К. Основы менеджмента: Уч. М., 2010.

Социология. Основы общей теории: Уч. / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М., 2014.

Социология. Основы общей теории: Уч. для вузов / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М., 2003.

Холостова Е.И. Социальные отношения и их роль в социальной работе // Отечественный журнал социальной работы. 2016. № 3(66). С. 139–144.

Худякова Н.Л. Аксиологические основы поведения человека: Учеб. пособие. Челябинск, 2010.

Шульц В.Л., Гребенюк А.А., Ашманов И.С. Теоретико-методологические проблемы цифровой социологии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 1.

REFERENCES

ALLSOCIALS. URL: <https://allsocials.net> (accessed: 24.04.2024).

Analytics of Telegram channels and chats URL: <https://tgstat.com/ru/analytics> (accessed: 24.04.2024).

Becker V. Soobshhestvo i obshchestvo [Community and society]. М., 1995 (in Russian).

Digital 2024: 5 billion social media users. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2024/01/digital-2024-5-billion-social-media-users/> (accessed: 27.02.2024).

Gerbeeva L.Yu. Upravlenie regionom s uchetom jekonomicheskoy sostavljajushhej [Regional management taking into account the economic component] // Economic sciences. N 123. 2015. P. 31–42 (in Russian).

Gorokhova L.A., Doludenko E.A., Gorokhova A.V. Samoorganizujushhiesja neformal'nye onlajn-soobshhestva v social'nyh setjah kak forma organizacii uchebnogo vzaimodejstvija [Self-organizing informal online communities in social networks as a form of organizing educational interaction] // Modern information technologies and IT education. 2015. N 11. P. 157–163 (in Russian).

Grebenyuk A.A., Chernov P.A. Otnoshenie rossijskoj molodjozhi k Vooruzhjonnyj Silam RF: sociologicheskij analiz [The attitude of Russian youth to the Armed Forces of the Russian Federation: a sociological analysis] // Social and humanitarian knowledge. 2023. N 12. P. 34–41 (in Russian).

Kaganovich A.A. Social'naja gruppy kak ob'ekt social'no-filosofskogo analiza [Social group as an object of socio-philosophical analysis] // Humanitarian: current problems of humanitarian science and education. 2012. N 1(17). P. 58–61 (in Russian).

Kholostova E.I. Social'nye otnoshenija i ih rol' v social'noj rabote [Social relations and their role in social work] // Russian Journal of Social Work. 2016. N 3(66). P. 139–144 (in Russian).

Khudyakova N.L. Axiologicheskie osnovy povedenija cheloveka: ucheb. posobie [Axiological foundations of human behavior : a textbook]. Chelyabinsk, 2010 (in Russian).

Maslow A.M. A theory of motivation // Psychological Review. 1943. N 50. P. 370–396.

Mescon M.H., Albert M., Khedouri F. Osnovy menedzhmenta [Fundamentals of management]. М., 2011 (in Russian).

Namestnikov A.M., Pirogova N.D., Filippov A.A. Podhod k avtomaticheskomu postroeniju lingvisticheskoy ontologii dlja opredelenija interesov pol'zovatelej social'nyh setej [An approach to the automatic construction of a linguistic ontology for determining the interests of users of social networks] // Ontology of design. 2021. Vol. 11. N 3(41). P. 351–363 (in Russian).

Ostrovsky A.N., Mamedov A.E., Ostrovskaya M.A., Shiryaev V.Yu. Lokal'nye gruppy v social'nyh setjah: novye mestnye soobshhestva, social'nye media ili placdarm

cifrovogo aktivizma [Local groups in social networks: new local communities, social media or a springboard for digital activism] // Social politics and sociology. 2021. T. 20. N 1(138). P. 160–168 (in Russian).

Shultz V.L., Grebenyuk A.A., Ashmanov I.S. Teoretiko-metodologicheskie problemy cifrovoj sociologii [Theoretical and methodological problems of digital sociology] // Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science. 2022. Vol. 28. N 1 (in Russian).

Semenov A.K. Osnovy menedzhmenta [Fundamentals of Management: Textbook]. M., 2010 (in Russian).

Sociologija. Osnovy obshhej teorii: uchebnik [Sociology. Fundamentals of general theory: textbook] / Rep. ed. G.V. Osipov, L.N. Moskvichev. M., 2014 (in Russian).

Sociologija. Osnovy obshhej teorii: Uchebnik dlja vuzov [Sociology. Fundamentals of general theory: Textbook for universities] / Rep. ed. G.V. Osipov, L.N. Moskvichev. M., 2003 (in Russian).

Vaske E.V., Goryunova O.I. Psihologo-pravovoj analiz destruktivnyh pojavlenij v seti Internet [Psychological and legal analysis of destructive manifestations on the Internet] // Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. 2018. N 6. P. 104–110 (in Russian).

Voronova Yu.V., Yakovleva O.V., Timoshenko S.O., Oksenich K.N. “Gruppy smerti”: mehanizmy programmirovaniya podrostkov i sposoby protivodejstvija [“Death groups”: adolescent programming mechanisms and methods of counteraction] // Truth and Law. 2018. N 3(5). P. 71–75 (in Russian).

Yong Min. Endogenetic structure of filter bubble in social networks. URL: <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rsos.190868> (accessed: 01.02.2024).

Zagutin D.S., Ivchenko M.V. Profilaktika molodjozhnogo jekstremizma i agressii v social'nyh setjah na primere molodezhnoj politiki v Rostovskoj oblasti [Prevention of youth extremism and aggression in social networks using the example of youth policy in the Rostov region] // Vestnik of continuous education. 2015. N 2. P. 82–89 (in Russian).